

Э. А. Томпсон

# РИМЛЯНЕ И ВАРВАРЫ

Падение  
Западной империи

Издательский Дом «Ювента»  
2003

Издание выпущено при поддержке Института «Открытое общество»  
(Фонд Сороса) в рамках мегапроекта «Пушкинская библиотека»

The edition is published with the support of the Open Society Institute  
within the framework of «Pushkin Library» megaproject

**Редакционный совет серии «Университетская библиотека»:**

Н. С. Автономова, Т. А. Алексеева, М. Л. Андреев, В. И. Бахмин, М. А. Веденяпина,  
Е. Ю. Гениева, Ю. А. Кимелев, А. Я. Ливергант, Б. Г. Капустин, Ф. Пинтер, А. В. Полегаев,  
И. М. Савельева, Л. П. Релина, А. М. Руткевич, А. Ф. Филиппов

**«University Library» Editorial Council:**

Natalia Avtonomova, Tatiana Alekseeva, Mikhail Andreev, Vyacheslav Bakhmin,  
Maria Vedeniapina, Ekaterina Genieva, Yuri Kimelev, Alexander Livergant, Boris Kapustin,  
Frances Pinter, Andrei Poletayev, Irina Savelieva, Lorina Repina, Alexei Rutkevich,  
Alexander Filippov

**Томпсон Э. А.**

Т83 Римляне и варвары. Падение Западной империи / Пер. с англ.  
Т. О. Пономаревой; под ред. М. Е. Килуновской. — СПб.: Издатель-  
ский Дом «Ювента», 2003. — 288 с.

**ISBN 5-8739-9140-5**

Монография видного медиевиста профессора Э. А. Томпсона (1914–1994) впервые переведена на русский язык. Это исследование посвящено истории Западной Европы V–VI веков, когда Западная Римская империя распалась и была заселена германскими племенами. Опираясь на раннесредневековые хроники, автор попытался осветить политические и социально-экономические процессы, происходившие на окраинах варварского мира — в Италии, Испании, Британии.

Эта книга будет интересна историкам, археологам, этнологам и всем интересующимся историей Европы в эпоху раннего Средневековья.

**ББК 88.3**

© Э. А. Томпсон, 1982  
© The University of Wisconsin Press, 1982  
© Т. О. Пономарева, перевод, 2003  
© М. Е. Килуновская, научное редактирование, 2003  
© В. П. Никоноров, предисловие, 2003  
© С. В. Лебединский, оформление, 2003  
© Издательский Дом «Ювента», 2003

ISBN 5-8739-9140-5

## ОТ АВТОРА

Первая и последняя главы этой книги, а также главы, посвященные Италии и Норичу, были написаны в том же институте, где я сейчас пишу эти слова благодарности. Я не могу представить себе лучшего места для исследования и написания книги и хотел бы выразить искреннюю благодарность директору института, который пригласил меня провести здесь 1979 / 1980 академический год.

Две главы о Галлии были впервые опубликованы соответственно в: *Journal of Roman Studies*, XLVI (1956), p. 65–75 и в *Historia*, XII (1963), p. 105–26. Главы, посвященные Испании, перепечатаны из: *Nottingham Mediaeval Studies*, XX (1976), p. 3–28; XXI (1977), p. 3–31; XXII (1978), p. 3–22; XXIII (1979), p. 1–21. Все эти работы перепечатаны почти без изменений с любезного разрешения Совета Общества содействия исследованиям Древнего Рима и редакторов журналов “*Historia*” и “*Nottingham Medieval Studies*”.

Трое моих друзей, один в США и двое в Англии, профессор Фрэнк М. Кловер (Мэдисон, штат Висконсин), профессор Роберт Маркус (Ноттингем) и профессор Малькольм Тодд (Эксетер), указали мне на некоторые публикации, которые иначе я бы пропустил, предоставляли в мое распоряжение нужные книги и, что важнее всего, выслушивали мои бесконечные монологи на тему варварства, не выказывая при этом никаких признаков скуки и раздражения. Я глубоко признателен им за их доброту и терпение.

Кроме того, я выражаю благодарность издательству университета штата Висконсин за публикацию этой книги и за ту высокопрофессиональную тщательность, с которой она подготовлена.

Э. А. Томпсон  
Институт гуманитарных исследований  
Университет Висконсин-Мэдисон  
Июнь 1980 года

### Об авторе этой книги\*

Предлагаемое на суд читателей русское издание книги «Римляне и варвары...»<sup>1</sup>, принадлежащей перу выдающегося британского ученого Э. А. Томпсона (1914–1994) — пионера и классика в изучении поздней античности и начального этапа эпохи Великого переселения народов, представляет собой серию связанных общей генеральной темой очерков-глав, ранее опубликованных в виде отдельных статей. Автор рассматривает отношения между германскими народами и римлянами преимущественно в IV–VI вв., т. е. в период, на ранней стадии которого германцы вступили в пределы Западной империи и начали селиться там под юрис-

---

\* При подготовке данного предисловия я использовал материалы из биографии Э. А. Томпсона, приведенные Р. А. Маркусом (*Markus R. A. Edward Arthur Thompson (1914–1994) // Proceedings of the British Academy*. 111. 2001. P. 679–693.), которому я выражаю глубокую признательность за присылку этой публикации. См. также: *Thompson H. Edward Thompson // Nottingham Medieval Studies*. Vol. 32. 1988. P. 1–5; *Heather P. Afterword // Thompson E. A. The Huns / Revised and with an afterword by P. Heather*. Oxford; Malden, 1996–1999. P. 238–264.

<sup>1</sup> *Thompson E. A. Romans and Barbarians: The Decline of the Western Empire*. The University of Wisconsin Press, 1982.

дикцией римских властей, по прошествии некоторого времени они создали на территории бывших римских провинций свои независимые королевства.

Эдуард Артур Томпсон (Edward Arthur Thompson) родился в 1914 г. в ирландской семье в Уотерфорде. В 1922 г. он вместе с родителями переехал в столицу Ирландии Дублин, где прошел курс обучения в средней школе. Именно там юный Эдуард серьезно заинтересовался классической (греко-римской) литературой. Затем он продолжил образование в высшей школе — поступил в Тринити Колледж (Trinity College) в Дублине. Там Томпсон учился у видного исследователя Древней Греции Г. Парка (Herbert W. Parke), который привил ему любовь к античной истории. Под его руководством после завершения курса обучения в 1936 г. Томпсон приступил к подготовке работы для бакалаврской степени по истории Аркадской лиги в IV в. до н. э.

В 1937–1938 гг. Томпсон стажировался в Берлине, и то, что он воочию увидел тогда в столице нацистской Германии в определенной степени повлияло на его взгляды на историю древнегерманских племен. Вскоре после возвращения из Германии Томпсон приступил к серьезному изучению поздней Римской империи и ее взаимоотношений с варварскими народами. До лета 1941 г. он преподавал классическую литературу в Тринити Колледж. В конце Второй мировой войны Томпсон начал преподавать в Королевском колледже (King's College) в Лондоне.

В 1948 г. Томпсон получил самое главное в своей жизни назначение на работу — в Университет Ноттингема, где вплоть до ухода в отставку в 1979 г. он возглавлял Классическое отделение. Вместе со своими коллегами-соратниками, среди которых были такие крупные ученые-антиковеды, как Г. Маттингли (Harold Mattingly), Г. Р. Уотсон (G. R. Watson) и др., он сумел превратить отделение в научно-образовательное учреждение, где изучались не только традиционные классические дисциплины — древнегреческий и латинский языки и античная литература, но и древняя история и даже (до 1970-х годов) археология. В середине 1950-х годов Томпсон занимал пост декана факультета искусств.

В 1957 г. Томпсон стал первым председателем редакционной коллегии авторитетного научного журнала «Nottingham Medieval Studies», которую он возглавлял до своей отставки в 1979 г. В 1964 г. он был избран в члены Британской Академии, а после смерти одного из крупнейших английских антиковедов А. Джонса (A. H. M. Jones) возглавил комитет Академии по наблюдению за выполнением проекта «The Prosopography of the Later Roman Empire» — чрезвычайно важного справочного издания в области изучения истории поздней Римской и ранней Византийской империй, увидевшего свет в трех томах в 1971, 1982 и 1992 гг. соответственно.

Помимо книги «Римляне и варвары...», Э. А. Томпсон написал большое число очень важных работ (90) по истории Западной Европы в эпоху поздней античности и раннего средневековья, которые до сих пор не потеряли, да и никогда не потеряют своей актуальности и научной значимости<sup>2</sup>: *The Historical Work of Ammianus Marcellinus*. Cambridge, 1947; *A History of Attila and the Huns*. Oxford, 1948 (перездано как: Thompson E. A. *The Huns / Revised and with an afterword by P. Heather*. Oxford; Malden, 1996–1999); *A Roman Reformer and Inventor. Being a New Text of the Treatise De rebus bellicis*. Transl., introd. by E. A. Thompson. Oxford, 1952 (reprinted, 1979); *The Early Germans*. Oxford, 1965; *The Visigoths in the Time of Ulfila*. Oxford, 1966; *The Goths in Spain*. Oxford, 1969; *Saint Germanus of Auxerre and the End of Roman Britain*. Woodbridge, 1984; *Who was St Patrick?* Woodbridge, 1985.

*В. П. Никоноров*

---

<sup>2</sup> Полный список публикаций Э. А. Томпсона до 1988 г. см. в: *Rich J. W. A Bibliography of E. A. Thompson // Nottingham Medieval Studies*. Vol. 32. 1988. P. 11–18.

## Введение

### I. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Во времена Западной Римской империи племена северных варваров не были единым целым. Не считая кельтов на крайнем западе и славян на отдаленном востоке, варвары были разделены на две группы, ни в чем не похожие одна на другую. В Центральной Европе жили оседлые земледельческие народы, и почти все они говорили на германских языках или на диалектах этих языков. К этой группе принадлежали остrogоты, везеготы, свевы, руги, франки, саксы и многие другие племена. В это же время в степях Юго-Восточной Европы жили скотоводы-кочевники, которые не были германцами и которые почти ничего не знали о земледелии. Основным источником пропитания для них были стада, и, кроме того, они торговали с оседлыми племенами на границе степей. К этой второй группе принадлежали аланы и гунны. (Важно отметить, что после смерти гунна Аттилы в 453 году слово «гунн» стало общим термином для обозначения всех степных кочевников независимо от того, были ли они на самом деле гуннами.) Эти две группы племен объединяло только одно: и для тех, и для других Римская империя была страной сказочных богатств. И германцы, и кочевники смотрели на римлян с изумлением и одновременно с жадностью. Всякий раз, когда до нас доходят голоса варваров, говорящих о Римской империи, мы слышим слова благоговейного ужаса и зависти.

#### 1. Представления варваров об Империи

Случай, о котором мы сейчас расскажем, произошел в 5 г. н. э., когда римские армии воевали в глубине германской территории под командованием будущего императора Тиберия. «Когда мы разбили лагерь на берегу Эльбы, — пишет очевидец, — а на противоположном берегу сверкали своим вооружением вражеские войска... один из варваров, пожилой, крупный человек, занимавший высокое положение (судя по его одеянию), сел в лодку, выдолбленную из ствола дерева, — как это у них принято — и, управляя лодкой сам, выплыл на середину реки. Оттуда он попросил разрешения высадиться на берег, где стояли наши войска, и увидеть Цезаря. Разрешение было дано. Пристав к берегу, он долго смотрел на Цезаря в



Карта 1. Западные провинции Римской империи

молчании и затем сказал: “Наши воины безумны: они поклоняются твоей божественной власти, когда тебя здесь нет, но когда ты здесь, они боятся твоего оружия вместо того, чтобы постараться заслужить твое уважение. Благодаря твоему милостивому разрешению, Цезарь, я сегодня увидел тех богов, о которых раньше только слышал, и это самый счастливый день, которого я ждал и который когда-либо был в моей жизни”. Получив разрешение коснуться руки Цезаря, он снова сел в свою маленькую лодку и, постоянно оглядываясь на Цезаря, вернулся к тому берегу, где находился его народ<sup>1</sup>. Этому старику казалось, что в римлянах есть что-то божественное. Они были больше, чем люди.

В 70 г. н. э., когда свободные германцы смотрели на противоположный берег Рейна, где стоял новый город Кельн, переполненный галлами, германцами-убийцами, отставными римскими солдатами и их потомками, они, как принято считать, «ненавидели» этот город за его растущее богатство.

Они решили не заключать мира с Римом до тех пор, пока из города не будут изгнаны германцы-убийцы или, еще лучше, пока город не будет открыт для всех германцев без ограничений. Примерно триста лет спустя, в 381 году, старый везеготский вождь Атанарих, всю жизнь бывший врагом Империи, приехал в Константинополь за две недели до своей смерти. Он был поражен, увидев многолюдный, бурлящий город. «Подумать только, сказал он, — я вижу то, о чем часто слышал, хотя и не верил этому». Он осматривался вокруг, переводя взгляд с необъятных городских стен на порт, где кипела деловая жизнь; он видел вокруг людей самых разных национальностей, хорошо обученных солдат. Наконец он не мог больше сдерживаться и воскликнул: «Действительно, император — это бог на земле, и любой, кто подымет на него руку, — самоубийца». Его долгая жизнь, отданная борьбе с римлянами, оказалась напрасной. Для него, как и для безымянного старого вождя с берегов Эльбы, римляне, или по крайней мере их правители, были больше, чем люди<sup>2</sup>. Еще через сто пятьдесят лет посланец хана одного из кочевых племен Юго-Восточной Европы, как говорят, заметил императору Юстиниану: «В вашей Империи все есть в изобилии, включая, мне кажется, даже невозможное». Этот хан, преследуя своих врагов, таких же нищих кочевников, как и он сам, загнал их внутрь границ Империи, но теперь он жалел, что сделал это. Он увидел, что, изгнав своих врагов из степи, он не только не нанес им никакого вреда, а наоборот, оказал им величайшую услугу, так как в римских провинциях их ожидал такой уровень жизни, о котором он не мог даже мечтать. В то время как он будет прозябать в бесплодной пустыне, они «смогут торговать зерном, пить вволю в своих винных лавках и жить плодами земли. Кроме того, эти негодяи смогут ходить в бани, носить золотые украшения, и у них всегда будет полно тонкой расшитой одежды». Империя, таким образом, была чем-то вроде Эльдорадо. Любой бродяга, принятый ею, мог одеваться в золото, есть хлеб, мыться в горячей ванне и напиваться, когда захочет. Это ли не настоящая цивилизация!<sup>3</sup>

Именно таким отношением объясняется большая часть нападений на границы Римской империи, которые варвары предпринимали на протяжении столетий. Эта тенденция, кроме того, была заложена в самой природе германской «дружины», то есть группы воинов, которую вождь содержал за свой счет и обязан был обеспечивать постоянным притоком награбленных трофеев. Стоило ему перебросить своих воинов за римские границы, и провинции Империи давали ему гораздо больше ценных трофеев, чем он мог надеяться получить в хижинах своих собратьев-германцев. А римские власти никогда не испытывали недостатка в варварах, желающих служить в имперской армии: жизнь там была несравненно лучше, чем в лесах и болотах по ту сторону границы. Однако ни привлекательность грабежа, ни сравнительно высокая оплата не объясняют массового завоевания варварами поздней Римской империи, когда целые народы с женщинами, детьми и стариками переходили Рейн и Дунай.

## 2. Превосходство римской военной техники

Германцы не зря считали Римскую империю страной золота, ведь их собственное общество было крайне примитивным. Греко-римская цивилизация была городской по своей сути. Где бы ни селились греки и римляне, от Британии до юго-западной Индии, они везде строили города. Германцы в городах не жили. В римские времена не было такого понятия, как германский город. Хотя римские авторы иногда говорят о германских *oppida*, однако это слово означает скорее не «города», а «села» или, точнее, «поселения местных жителей». Несмотря на существование нескольких укрепленных точек, типичным германским поселением был не поселок и не укрепленный форт, а изолированный хутор, в то время как типичным поселением римлян был город. Во времена Римской империи на левом берегу Рейна стояли знаменитые города — это были римские города. На правом берегу стояли одинокие фермы или крохотные деревушки из нескольких ферм. На левом берегу было мощное имперское государство. Жители правого берега в защите своих прав полагались не на государство (которого там не существовало в римские времена), а на своих сородичей. То же можно сказать и о многих кочевых племенах Юго-Востока. Вследствие этого варвары, поступавшие в римскую армию, иногда не способны были понять, как действует римская государственная власть. Так, когда Велизарий в 533 году направился в Африку и дошел до Абидоса, трое его солдат — варваров из кочевых племен — напилась, и один из них стал насмехаться над двумя другими. Их чувство юмора оказалось ограниченным, и насмешника убили. Велизарий приказал посадить убийц на кол. Другие кочевники, и особенно родственники казненных, пришли в страшное негодование. Были две причины их возмущения: I) они не заключали такого союза с римлянами, который бы обязывал их подчиняться римским законам; II) в обычаях их племени не было предусмотрено такое наказание за убийство. Согласно Прокопию, Велизарий был вынужден выступить перед ними с длинной речью, чтобы их успокоить<sup>4</sup>.

Германцы, однако, не всегда осознавали, насколько огромной была военная мощь римлян. Возможно, они бы подумали, прежде чем нападать на римские провинции, если бы понимали, что по сравнению с их военными ресурсами ресурсы Империи были практически неисчерпаемы. Юлий Цезарь был не единственным римлянином, который продемонстрировал варварам, что, даже если те и одержат несколько мелких побед, то римляне легко смогут восстановить свои потери, при этом значительно увеличив свои силы, и так может продолжаться до бесконечности. Батавы, восставшие против Рима в 70 году нашей эры, только к концу восстания осознали свое истинное положение. Они приняли решение «не продолжать более разрушительную борьбу. Один народ не может положить конец рабству всего мира. Чего они добились, уничтожив легионы и предав огню их лагерь? Только того, что другие легионы, более многочислен-



ные и более мощные, были вызваны занять их место. Только после того, как батавы бросили вызов всему римскому народу с оружием в руках, они осознали, какой крохотной частью человечества были они сами!» Тот же аргумент использовался и почти через пятьсот лет после этих событий<sup>5</sup>. Германцам все же удалось одержать одну победу над римлянами: в 9 году нашей эры они выиграли одну из решающих битв мировой истории в Тевтобургском лесу в северо-западной Германии, изгнав римлян из той части Германии, которая лежит между Рейном и Эльбой. Они уничтожили при этом более одной десятой части всех легионов Римской империи. Но это произошло из-за ошибок римского командования. У германских кланов было не больше шансов сокрушить Римскую империю Августа или Марка Аврелия, чем у шотландских кланов — Англию короля Георга II в 1745 году. Со временем, однако, все изменилось.

Даже великая Персидская империя, единственное государство, способное на равных противостоять Риму, не могла сравниться с ним по уровню военной техники. Когда император Септимий Север в 193 году одержал победу над одним из своих соперников, некоторая часть солдат побежденной армии бежала в Персию; многие из этих людей были специалистами в области военной техники. Они обосновались в Персии и не только научили персов пользоваться новыми для них видами оружия, но и показали им, как делать это оружие. Вероятно, речь в данном случае шла об одной из разновидностей *ballistae* (катапульта). В результате персы имели больше шансов на победу, чем прежде, когда им противостояли сплоченные ряды римской армии. Историк, сообщивший нам об этом, выражает по этому поводу глубокую озабоченность<sup>6</sup>. Позднейший автор подробно описывает то, как римлянин по имени Бусас обучал кочевников аваров делать осадную машину, называемую *helepolis*, «захватчик городов», которую сами они никогда не смогли бы создать<sup>7</sup>.

Император Домициан послал Децебалу, королю даков, населявших территорию современной Румынии, не только деньги, но и «мастеров всех ремесел, и военных, и гражданских» и пообещал посылать их в течение неопределенного периода времени в будущем. Эти ремесленники, вероятно, внесли значительный вклад в наступивший сразу вслед за этим расцвет государства даков. Недаром, когда Траян в 102 году победил даков и захватил немалую часть оружия и осадных машин, он призвал их сдать не только личное оружие, но и всю оставшуюся артиллерию *вместе с теми людьми, которые ее создали*. Несомненно, среди этих людей были и римляне, попавшие в плен, и дезертиры из римской армии, и те ремесленники, которых Домициан предоставил в распоряжение даков. Можно сказать, что лучшая часть армии Децебала состояла из людей, которых он переманил к себе на службу из Империи<sup>8</sup>.

Во времена Юлия Цезаря жители Галлии были потрясены военной техникой римлян. Атуатуки считались потомками тех кимбров и тевтонов, которые остались жить на своей родине в то время, когда основная

масса их соплеменников полвека назад переселилась в Галлию и Италию. Во времена Цезаря они жили на равнине Хесбей, расположенной на северном берегу реки Маас. Когда Цезарь осадил одну из их крепостей в 57 году нашей эры и его люди начали строить осадную башню на некотором расстоянии от крепостных стен, осажденные хохотали и выкрикивали насмешки в сторону римлян. Их забавляло, что те возводят такое огромное сооружение так далеко от крепости: слабые руки хилых римских пигмеев, говорили они, никогда не смогут привести в движение это гигантское устройство. Но когда башня, полная вооруженных солдат, пришла в действие и, поднимаясь выше крепостных стен, стала надвигаться на защитников крепости, их нервы сдали: сами боги, должно быть, сражаются на стороне этих людей, раз они умеют делать такие огромные машины и так быстро приводить их в движение. В результате атуатуки сдались Цезарю без промедления<sup>9</sup>. Атуатуки были не одиноки в своем страхе перед техническими возможностями римской армии. Не раз случалось, что кельтские армии Галлии сдавались без боя или просто теряли волю к сопротивлению при одном виде того, что способны были сделать римляне, и особенно того, с какой невероятной скоростью они возводили свои мосты и строили осадные машины<sup>10</sup>. На всех границах Империи варвары рано или поздно вынуждены были признать свою техническую отсталость.

Германцы находились на более низкой ступени материального и социального развития, чем галлы, и они еще в большей степени были ошеломлены технической оснащенностью легионеров. Даже близость к римлянам на приграничье не позволила им полностью преодолеть свой страх перед римским военным превосходством. Батавы в I веке нашей эры поставили римской армии несколько полков, причем буйное, непредсказуемое поведение их солдат служило источником постоянного беспокойства для римских военачальников. Однако даже через восемьдесят лет после того, как они впервые стали служить в римской армии, а именно в 69 году нашей эры, они не смогли сдержать своего изумления перед одним из римских военных механизмов. Это был *tolleno* — устройство, применявшееся для защиты осажденного города или форта. Оно состояло из огромной балки, устанавливаемой вертикально на городской стене, с крестовиной на верхнем конце. Крестовина могла свободно вращаться, причем одна ее поперечина была намного длиннее другой и оканчивалась устрашающим крюком или шипом. Регулируя противовес на короткой поперечине, римляне стремительно опускали длинную поперечину с крюком к земле далеко за городской стеной, и там она врезалась в тело одного или нескольких нападающих, мгновенно поднимая его на стену на глазах у изумленных сородичей. Даже батавы, уже знакомые с военными приемами римлян, пришли в панику при виде этого странного механизма, который возвышался над ними, уходя в небо, застывший в неподвижности, как грозная птица, готовая к нападению<sup>11</sup>.

Техническое превосходство римлян не ограничивалось только военной областью. В 422 году разразилась римско-персидская война. Причина была

не только в том, что персы чинили препятствия римским купцам, но и в том, что они отказались вернуть мастеровых-золотодобытчиков, нанятых в свое время в Римской империи. Римские мастера и римские товары пользовались одинаково высоким спросом и в Персии, и в далекой Индии. Даже там их репутация была безупречна<sup>12</sup>. В годы царствования Тиберия II (578–582) каган кочевников-аваров попросил императора прислать ему строителей для постройки бани. На самом деле каган, высказывая такую просьбу, заботился не о личной гигиене: как только строители прибыли к нему, он заставил их построить вовсе не баню, а мост через Дунай, чтобы можно было легко переправляться через реку и грабить римские провинции на другом берегу. Однако для Онегесия, бывшего правой рукой Аттилы, чистота, очевидно, имела значение: он действительно пожелал иметь баню и приказал одному военнопленному родом из Сирмия ее построить, ибо никто из гуннов не был способен соорудить каменную баню<sup>13</sup>.

По сравнению со своими соседями римляне имели в своем распоряжении не только лучших специалистов и лучшие технологии, но и неизмеримо большие запасы сырья, необходимого для ведения войны. Так, примерно в 215 году император Каракалла сделал персидскому царю лживое предложение: якобы он намерен жениться на дочери царя и объединить Рим и Персию в единую империю. При этом одним из доводов, приведенных Каракаллой в пользу такого союза, было то, что персидские специи и прославленные персидские ткани будут свободно обмениваться на продукцию римских копей и на римские промышленные товары. Каракалла подчеркивал, что если его предложение будет принято, то персы получат римский металл и промышленные товары в изобилии, тогда как до сих пор они пользовались только тем небольшим количеством, которое торговцы привозили из-за границы контрабандой. Разумеется, Каракалла и не собирался выполнять свое обещание жениться на дочери персидского царя и объединить две империи в одну, в чем персы смогли скоро убедиться. Но описание преимуществ подобного союза звучало убедительно и персы поддались обману.

Позднее, в 337 году, когда тогдашний персидский царь задумал начать войну против римлян, он обнаружил, что, хотя людей в его армии хватает, ему недостает железа для того, чтобы их вооружить. Его сила, по словам одного римского оратора, была подорвана нехваткой военных машин. Тогда царь направил послов к Константину Великому с тем, чтобы они договорились о покупке некоторого количества железа. Собственные минеральные ресурсы персов в той степени, в какой они сумели их разработать, не соответствовали полномасштабной и продолжительной войне, и поэтому они обратились к Римской империи, которая, как они знали, добывала значительное количество железа и готова была его экспортировать. И хотя Константин совершенно точно знал, для чего персам нужно железо, он согласился его поставлять. Вскоре он умер, а его преемник наблюдал, как римлян убивают римским же металлом<sup>14</sup>.

Власти Империи следили за тем, чтобы сведения о римских *ballistae* (катапультах) не дошли до варваров. Более того, из всей оборонительной системы Империи только легионы использовали *ballistae*. Нам известно только об одном форте, в котором вспомогательным войскам было разрешено использовать этот вид артиллерии. Это был один из фортов в Британии. В 220 году нашей эры в форте Хай Рочестер (Бремениум) в Нортумберланде стояли войска под руководством Вардуллы из Северной Испании, и им было разрешено использовать *ballistae*. Об этом говорят надписи и данные раскопок. Эта артиллерия прикрывала северный и западный подходы к форту и стреляла каменными ядрами весом от 100 до 175 фунтов. Мы не знаем, почему имперские власти допустили это исключение из правил<sup>15</sup>.

### 3. Ограничения торговли между римлянами и варварами

Правительство Империи, несомненно, знало о том, что варвары используют примитивные методы ведения войны. Однако оно решило еще более усилить свое военное превосходство принятием двух политических решений: I) оно запретило экспорт стратегических материалов из Империи враждебным племенам, II) оно определило места на границе, где варварам было разрешено торговать с римлянами, во всех же остальных местах торговля была запрещена. При этом приграничная торговля должна была находиться под контролем.

С начала III века и даже несколько раньше экспорт оружия, доспехов, лошадей, вьючных животных, денег, точильных камней, железа, зерна, соли и всего, что могло представлять военную ценность (включая заложников), стал считаться тяжким преступлением<sup>16</sup>. Конечно, иногда эти товары контрабандой перевозились за границу, как об этом хорошо было известно Каракалле (см. с. 13). В период с 370 по 375 год к этому списку были добавлены вино и растительное масло и, примерно в это же время, золото. Интересно, что в это время и позднее запрет налагался не только на экспорт «неприятелю», но и всем варварам вообще независимо от того, находились ли они в состоянии войны с Империей или нет<sup>17</sup>. В 420 году были приняты меры, чтобы запрещенные товары не попали к варварам морским путем: при отплытии любого судна местные чиновники тщательно выясняли, куда оно направляется<sup>18</sup>. За год до этого произошло знаменательное событие. Асклепиад, архиепископ Херсонеса (Крым), обратился к императору с прошением. Он просил освободить из тюрьмы людей, осужденных за то, что они раскрыли варварам секреты кораблестроения. Император помиловал осужденных, но пригрозил смертной казнью всякому, кто поступит так в будущем<sup>19</sup>. Трудно сказать, о каких именно варварах шла речь, во всяком случае, вряд ли кочевники гунны из Южной России собирались стать пиратами<sup>20</sup>. В 456 году император Восточной империи Маркиан ликвидировал последний пробел в законодательстве.

Он объявил, что отныне смертной казнью будет караться продажа любому представителю варваров, прибывшему в Константинополь или любой другой римский город, а также любому варвару, прибывшему под любым предлогом, оружия — нагрудных лат, щитов, луков, стрел, мечей и любого другого оружия, а также снарядов и железа, как кованого, так и некованого. Любая продажа или дарение этих предметов будет считаться угрозой безопасности Империи и актом измены. Товары, принадлежащие лицу, заключившему подобную сделку, будут конфискованы, а продавец предан смертной казни<sup>21</sup>. Прокопий упоминает об этом законе сто лет спустя и отмечает, что в его время он все еще действует. Он отмечает, что в результате действия закона народы, живущие на берегах Красного моря (о которых он рассказывает в соответствующей части своей книги), не могут купить у римлян ни железо, ни какой-либо другой металл. Он также рассказывает о мерах, принятых Юстинианом в районе Геллеспонта и Босфора с целью «выяснить, не было ли отправлено к варварам что-либо из вещей, запрещенных к вывозу с римской территории»<sup>22</sup>.

Автор *Expositio Totius Mundi* повествует о купцах из Нисибиса и Эдессы, которые обогатились благодаря посредничеству между Персией и Римской империей: они торговали всем, «кроме бронзы и железа, потому что бронзу и железо не разрешено передавать врагу»<sup>23</sup>.

Этот вопрос имеет большее значение, чем может показаться на первый взгляд. Даже персидский царь не мог вооружить свою армию так, как этого требовала полномасштабная война с римлянами в 337 году (см. с. 13). Однако его ресурсы были огромны по сравнению с ресурсами северных варваров. Так, немногочисленный народ буры, воевавший с императором Коммодом в конце II века, неоднократно был вынужден просить римлян даровать им перемирие с тем, чтобы они могли перевооружиться и продолжить борьбу! В 562 году посланцы кочевников-аваров приехали в Константинополь и занялись покупкой оружия, так как планировали в скором времени напасть на римлян. Но им не повезло. Римляне хорошо знали об их намерениях: они взяли плату за оружие, но затем арестовали посланцев и оружие у них забрали<sup>24</sup>.

Тех, кому было разрешено свободно торговать на границе и заходить на римскую территорию, было немного. Все эти случаи казались римским авторам достойными упоминания. Гермундуры, германское племя, чья территория граничила с Империей в окрестностях Регенсбурга на Дунае, были «лояльны» к римскому правительству, в чем оно имело возможность убедиться. Поэтому им, единственным среди германцев, в середине I века н. э. было позволено не только торговать на римском берегу Дуная, но и пересекать его в любом месте, продвигаться в глубь провинции Реция без всякого надзора и продавать и покупать товары где угодно. Они даже имели право, по желанию, заходить в Аугсбург (*Augusta Vindelicorum*), торговый город, лежащий на пути из Италии, который вел через перевал Бреннер к рейнским армиям. Они могли смотреть на дома и виллы римлян, что было важ-

ным военным преимуществом в том случае, если бы они планировали набеги на жителей провинции. Нам неизвестно, почему гермундуры получили такую привилегию. Все, что мы знаем, — это то, что они были «лояльны» к римлянам<sup>25</sup>. Однако другие германские народы могли бы назвать такое поведение гермундуров предательством.

Торговцев из других германских племен, если они и получали разрешение входить в римские провинции, разоружали на границе, и дальше они путешествовали в сопровождении военного конвоя. Торговать им позволялось только в крепостях, расположенных вдоль границы. Они не имели права продвигаться в глубь территории, и, таким образом, все, что они видели во время посещения провинций, — это военные лагеря и оружие солдат. Это зрелище должно было заставить варваров хорошо подумать, прежде чем совершить набег. Не случайно тенктеры жаловались жителям Кельна в 70 году нашей эры на то, что их с позором заставляют разоружаться, прежде чем пересечь Рейн, передвигаться под надзором и к тому же платить за право въезда на римскую территорию. Жители Кельна, несмотря на свое сложное положение в нестабильном 70 году, согласились отменить въездную плату и таможенную пошлину на товары, ввозимые в Империю и вывозимые из нее через их город, однако они не сняли запрета на переправу германцев через Рейн ночью или с оружием. По сути дела, гермундурские торговцы были в I веке единственными, кто имел привилегию ехать куда угодно и разносить свои товары от города к городу, от виллы к вилле. Впрочем, они, как считают, недолго наслаждались своей удачей. В конце II века маркоманы из Богемии, видимо, получили право свободной торговли, а везеготы на несколько лет вырвали это право военной силой в середине IV века<sup>26</sup>.

В имеющихся описаниях Маркоманнских войн Марка Аврелия в конце II века подобные ограничения на право въезда в римские провинции упоминаются достаточно часто. В 169–170 годах в Паннонии Марк Аврелий решил, что с политической точки зрения будет правильно заключить великодушный договор с квадами и другими племенами. Однако, несмотря на свое великодушие, он отказал им в праве свободного выхода на римские рынки, «дабы маркоманны и язиги, которых квады поклялись не принимать и не пропускать через свою территорию, не смешались с ними и, выдавая себя за квадов, не следили за римскими позициями и не покупали все, что хотят». Позже Марк Аврелий заключил договор с маркоманнами и язигами: в отношении маркоманнов он отменил разрешение свободно торговать вдоль границы (мы не знаем, когда они добились этой привилегии) и определил «места и дни взаимной торговли». Он освободил язигов от всех условий, навязанных им ранее, «кроме тех, которые касаются запрета собираться вместе и вести торговлю». Он не позволил им пользоваться своими судами на Дунае и запретил ступать на дунайские острова. Кроме того, они могли проходить через задунайскую провинцию Дакию для торговли с роксоланами только в том случае, если правитель Дакии им это разрешит<sup>27</sup>.

Таким образом, Валент следовал сложившейся римской практике, когда в 369 году, после победы над везеготами, он ограничил деятельность везеготских торговцев двумя городами вдоль границы по нижнему течению Дуная. (К сожалению, названия этих двух городов до нас не дошли.) До этого на протяжении нескольких лет везеготы имели право свободного доступа в приграничные города, но, по мнению римского правительства, они использовали эти торговые места для нанесения ущерба жителям провинций. Надо сказать, что эта торговля была выгодна для обеих сторон, и для римлян, и для готов. Есть также основания считать, что некоторые крупные римские землевладельцы участвовали в этой торговле, так что меры, принятые Валентом, нанесли серьезный ущерб торговцам тех городов, в которые везеготы теперь не допускались. Точно так же Диоклетиан, когда он в 298 году ограничил торговлю с Персией в городе Нисибис на Тигре, вряд ли заслужил благодарность жителей Пальмиры и Бостры. Интересы торговцев в обоих случаях были второстепенны по сравнению со стратегической политикой правительства. То, что сделал Валент, было не единственной подобной акцией на северной границе в IV веке. В 371 году один римский военачальник, служивший на Дунае, приказал своим солдатам построить в северной Паннонии форт (*burgus*, как он его называет) «по имени Коммерциум, ибо именно по этой причине он и был построен». Эта фраза, несомненно, означает, что в этом районе (около Грана) варварам, жившим за Дунаем, разрешалось торговать только в Коммерциуме. (Форт, кстати говоря, был построен за сорок восемь дней.) Мы знаем, что основным предметом импорта, осуществлявшегося сарматами — варварами, населявшими эту часть приграничья, — были рабы<sup>28</sup>. Впоследствии археологи обнаружили и другие места, такие как Зелигенштадт на Майне, где действовали торговцы-варвары<sup>29</sup>.

Подобные ограничения были в силе еще и в V веке. На восточной границе и римские, и персидские купцы могли торговать только в Нисибисе, Каллинике и Артаксате. Эти ограничения были введены для того, чтобы военные секреты не стали известны врагам. Все товары, продаваемые в других местах, подлежали конфискации, а торговцы — высылке. В VI веке торговля все еще ограничивалась Нисибисом и Дарой<sup>30</sup>. Далеко от этих мест, в Африке, в городке под названием Арзугис, местные варвары поклялись своими богами, что будут вести себя хорошо. Их клятва была передана либо декуриону, отвечавшему за эту часть границы, либо трибуну, который затем выдал им письменный сертификат в подтверждение того, что они принесли такую клятву. Эти рабочие-иммигранты намеревались стать носильщиками или охранниками урожая<sup>31</sup>. (Их присутствие вызвало у одного из последователей св. Августина вопрос: не заражают ли эти варвары урожай тем, что клянутся ложными богами? Если затем это зерно перемелют в муку, из муки испекут хлеб и этот хлеб съест христианин, не будет ли этот христианин осквернен? Человек, написавший это, видимо, любил перестраховаться.) Надо признать, однако, что ни один

из римских императоров-христиан не был христианином настолько, чтобы закрывать варварские рынки по воскресеньям, как это иногда делали средневековые правители.

Существовало несколько причин столь долговременного ограничения торговли. Делалось это с целью держать торговлю под постоянным наблюдением, а причины были стратегического характера. Ни у одного автора мы не найдем указаний на то, что эти ограничения были введены для защиты отечественных товаров. Одной из причин была необходимость предотвратить экспорт оружия, которое могло усилить варваров. Я уже упоминал о том, как в 169–170 годах римляне боялись, что если варварам разрешить пересекать границу, они купят «все, что хотят» (см. с. 16). Очевидно, более всего варвары нуждались в оружии и доспехах. На втором месте была провизия, с которой участники будущего набега могли продержаться после того, как их собственные скромные припасы иссякнут<sup>32</sup>. В конце концов, торговцы могли на самом деле оказаться не только торговцами, но одновременно воинами и разбойниками: у римлян уже был большой опыт общения с торговцами, которых пускали в приграничные города. Действительно, наши источники говорят о том, что поведение германцев в римских городах казалось окружающим буйным и противозаконным<sup>33</sup>.

Кроме того, торговцы могли передавать своим соплеменникам за границей подробную информацию о римских оборонительных сооружениях и о передвижении войск. Они также могли узнать о расположении богатых вилл и других объектов набегов; без этой информации разбойники вынуждены были бы тратить время на поиски добычи и пропитания и могли даже исчерпать свои запасы продовольствия, не найдя им пополнения. Римские торговцы, перевозившие свои товары за восточную границу, также представляли опасность: они могли раскрыть врагам военные секреты; и поэтому им, как и персам, было разрешено торговать только в Нисибисе, Каллинике и Артаксате. Римляне из собственного опыта знали, какую ценность представляет информация, которой располагают торговцы, причем Юлий Цезарь был не единственным римским военачальником, сумевшим выгодно использовать их сообщения.

В 468–469 годах, сразу после падения империи Аттилы, в Константинополь прибыло посольство от «детей Аттилы». Послы надеялись договориться о мирном соглашении, которое бы вновь открыло для гуннов торговые города вдоль римской границы. Однако император Лев I считал, что народ, принесший неисчислимые беды Империи, не заслужил того, чтобы пользоваться привилегией торговли с римлянами, и гуннское посольство окончилось неудачей<sup>34</sup>. Просьба гуннов об открытии рынков несет важную для нас информацию. Незадолго до 468 года восточное правительство почувствовало себя достаточно уверенно для того, чтобы закрыть для гуннов торговые города, причем не только на границе, но и везде. Эта мера была, видимо, связана с законом Маркиана от 456 года, возобновлявшим запрет на экспорт оружия. Можно говорить о том, что, запретив гуннам покупать



римское оружие и торговать в римских городах, Восточная империя окончательно сломила и без того подорванную мощь гуннов. После 468 года о потомках гуннов Аттилы почти ничего не слышно.

#### 4. Основные этапы завоевания Империи

Завоевание имперских провинций шло тремя гигантскими волнами.

(I) Осенью 376 года в провинциях, лежащих к югу от нижнего Дуная, стали распространяться тревожные слухи. Все говорили о том, что среди северных варваров началось невиданное волнение: все народы, населявшие территорию между венгерскими равнинами и побережьем Черного моря, пришли в движение. Им неожиданно пришлось покинуть свои дома, и теперь они с семьями скитались к северу от великой реки.

Командиры римских войск, находившихся к югу от Дуная, поначалу скептически отнеслись к этим слухам. Их опыт говорил им, что ничего необычного не происходит. О войнах между варварами в этих краях жители Империи обычно узнавали только тогда, когда эти войны уже заканчивались или же противники заключали перемирие. Однако слухи продолжали распространяться. Затем появились посланцы от народов, согнанных со своих земель. Они просили о том, чтобы их народам было позволено поселиться в провинциях. Значит, народы действительно пришли в движение. Это, возможно, было неожиданностью для римских военачальников, однако неожиданностью приятной: появился источник пополнения рекрутов для армии. Теперь император Валент сможет принимать от жителей провинций золото вместо рекрутов, так как богатые землевладельцы охотнее расставались с золотом, чем со своими крестьянами, которых не хватало. Теперь император примет этих новых варваров в свою армию, что пойдет на пользу и армии, и государственной казне. Все это было очень хорошо, настолько хорошо, что римских чиновников часто высылали с повозками навстречу, для того чтобы перевезти ожидавшиеся толпы беженцев туда, где они будут нужны. Беженцев оказалось даже больше, чем ожидалось. С личного разрешения императора римские командиры день за днем и ночь за ночью перевозили через Дунай десятки тысяч варваров. Другие варвары сами делали плоты или лодки из выдолбленных стволов деревьев и переправлялись через реку. Однако те, кто пытался переправиться вплавь, — а таких было немало, — тонули, так как в тот год Дунай разлился после сильных дождей. Римляне пытались подсчитать общее количество беженцев, но это оказалось невозможным. Варварам не было числа. Правда, несколько позже было высказано предположение (видимо, это было только предположение), что общая цифра приближалась к 200 000 человек, и это кажется вполне вероятным.

Через некоторое время стало известно, что все эти волнения вызваны тем, что в Европе появился народ, о котором до этого никто ничего не

слышал. Назывался этот народ «гунны». Молниеносным нападением гунны разгромили огромную империю Эрманариха на территории современной Украины. Затем с помощью неожиданного маневра они одержали победу над везеготским вождем Атанарихом (см. с. 9) на территории современной Румынии. После стремительного ночного броска они неожиданно появились в двадцати милях от того места, где, по сведениям Атанариха, их видели в последний раз. Везеготы были ошеломлены внезапностью атаки. Сопrotивления не было. Атанарих с несколькими приближенными бежал к предгорьям трансильванских Альп, но большинство везеготов, спасаясь, переправились на северный берег Дуная. И вот так осенью 376 года, пребывая в страхе и унижении, они попросили римлян пустить их в безопасные провинции Империи. Любой ценой они должны были спастись от этой «породы людей, которых раньше никто не видел, которая возникла в каком-то тайном уголке земли, и которая сметала и разрушала все, что стояло на ее пути». Атака гуннов была «подобна снежному бурану в горах»<sup>35</sup>.

Итак, скептическое отношение римских военачальников к появившимся слухам оказалось неуместным. Приход гуннов вызвал мгновенное разрушение империи остроготов и заставил везеготов покинуть свои дома, в которых они относительно мирно жили в течение почти столетия. Но никто в эти осенние дни 376 года не мог предвидеть, что появление гуннов и переход охваченных паникой готов на северный берег нижнего Дуная станут также началом конца Западной Римской империи.

Позже, в 378 году, везеготы выиграли битву при Адрианополе. Двигаясь на запад, они в 410 году захватили и Рим. Это случилось ровно через 800 лет после того, как Рим в последний раз был занят иностранной армией. Затем в 418 году они осели на западном побережье Галлии при обстоятельствах, которые мы далее будем подробно рассматривать (см. с. 12 и след.). Они были первым из крупных варварских народов, чья знать стремилась не просто грабить и поджигать римские виллы, а хотела гораздо большего: жить в этих виллах в качестве землевладельцев так, как жили римляне. Готовность варварских вождей переходить на сторону врага и приспособливаться к римским интересам — один из самых удивительных феноменов того времени. Вместо того чтобы разрушить Римскую империю, они станут ее частью (см. с. 41 и далее).

(II) Вторая великая волна завоеваний началась ночью 31 декабря 406 года, когда десятки тысяч вандалов, аланов и свевов начали переправу через Рейн в окрестностях Майнца. Мы не знаем, что привело в движение эти народы. Возможно, это был поход гуннов на запад, в Центральную Европу, хотя для этого у нас нет достаточных доказательств. Во всяком случае, всего за три года эти завоеватели превратили большую часть Галлии в гигантский «погребальный костер», по выражению современника<sup>36</sup>. Когда затем они двинулись по направлению к Ла-Маншу, в Британии началась паника, однако они повернули к югу, осенью 409 года пересекли

Пиренеи и осели в Испании. Через двадцать лет вандалы и то, что осталось от аланов, переправились через Гибралтарский пролив и заняли Африку, что стало самой разрушительной военной акцией в V веке. Но свевы остались в Испании, и благодаря необыкновенно счастливому случаю мы располагаем хроникой, которая содержит подробный рассказ о событиях на Иберийском полуострове с конца IV века до 469 года. (Если бы у нас была подобная хроника по Британии!) Поэтому позже мы подробно займемся историей свевов в тот период, когда они создавали свое королевство на северо-западе Испании — королевство, независимое от Рима. Там они оставались свободными чуть менее 200 лет. Королевство вандалов в Африке продержалось не так долго: через 105 лет оно было завоевано армией Юстиниана.

(III) Третье массовое вторжение в римские провинции началось на дунайской границе в 454 году, непосредственно после гибели империи Аттилы и в последующие годы. Толпы полуголодных людей, не сдерживаемых ничем, рвались через границу Империи в поисках земли, на которой они могли бы обосноваться и вернуться к своей обычной жизни, грубо прерванной нашествием гуннов. Многие из этих народов были разобщены. Остроготы разделились на несколько групп. Большинство ругов, о которых мы подробно поговорим позже (см. с. 104 и далее), со временем осели к северу от Дуная, поблизости от границ римской провинции Норик, а другая, менее многочисленная, группа обосновалась вблизи городов Бизие и Аркадиополь, неподалеку от Константинополя. Эта часть остроготов, как мы знаем, начнет действовать в 484 году<sup>37</sup>. Правительство Восточной Римской империи было вынуждено защищать свои границы, и для этого оно заставило этих голодающих людей воевать друг с другом. Некоторым из них оно предлагало землю и деньги на ее обустройство. Так, например, гепиды заняли «всю Дакию» и ничего не просили у Константинополя, кроме «мира и ежегодных субсидий». Они получили эти субсидии, и результатом было то, что между ними и римлянами не было войн вплоть до середины VI века. Именно поэтому мы так мало знаем о гепидах в V веке, когда этот народ играл такую важную роль: земля и регулярные субсидии от римского правительства привели к тому, что этот народ почти полностью выпал из истории<sup>38</sup>. Мы не знаем, почему именно гепиды получили такие привилегии. Другие же народы не были так удачливы.

Для любого из этих народов не имело никакого смысла захватывать земли в провинциях без согласия правительства Империи, даже если они обладали для этого достаточной военной силой. Кроме земли нужно было иметь зерно для посева и деньги для того, чтобы продержаться первые несколько лет на новом месте. Захватив землю силой, варвары ничего этого не получили бы. Остроготы столкнулись с теми же проблемами, что и остальные народы, которые только что были «рабами» Аттилы: им тоже нужны были земля и немедленная денежная помощь для того, чтобы вернуться к мир-

ной жизни. Они и в самом деле получили землю от императора Маркиана (450–457) в Паннонии, и там мы их найдем, когда будем говорить о св. Северине (см. с. 101). Маркиан также некоторое время выплачивал им ежегодные субсидии, но когда эти «дары» прекратились, остроготы напали на другие провинции<sup>39</sup>. Их вождем тогда был Валамер, и он откровенно признавался, что напал на провинции потому, что без «даров» его люди оказались лишены самого необходимого (459 год нашей эры)<sup>40</sup>. Действительно, даже когда субсидии, составлявшие 300 фунтов золота, приходили регулярно, остроготы все равно не могли себя прокормить, и им приходилось нападать на других варваров за границей Империи и грабить их<sup>41</sup>. Другую часть остроготов мы видим около 467 года, когда они вместе со своими прежними притеснителями гуннами пытались вымогать землю у правительства Восточной империи. Впрочем, вскоре римские войска, где одним из военачальников был острогот по имени Острис, голодом вынудили их покориться<sup>42</sup>. Если остроготы иногда были вынуждены нападать на другие племена, то те, в свою очередь, по тем же самым причинам иногда нападали на них, а границы этих племен много раз пересекали шайки свевских и скирийских угонщиков скота<sup>43</sup>. (Нам неизвестно, как были связаны между собой эти свевы и те, которые к тому времени осели в Испании.) Необходимость в постоянных грабежах и угонах скота приводила иногда к полномасштабным войнам, наподобие той, которая закончилась в 469 году битвой на реке Болия (современное название не установлено). Там остроготы одержали победу над коалицией, состоящей из севов, гепидов, ругов и других, таких же нищих и голодных варваров, как они сами<sup>44</sup>. Однако в конце концов их деятельность привела к обратному результату. Забой скота и разрушение жилищ достигли таких масштабов, что к 470 году все население района среднего Дуная голодало. Что касается остроготов, то нам известно, что у них иссякли запасы не только пищи, но и одежды и «мир стал невозможен для людей, которым война долго доставляла средства к существованию». Они жили грабежом и разбоем, и у них практически не было своих собственных средств производства<sup>45</sup>. В 473 году в пределах по крайней мере одной группы остроготов свирепствовал голод<sup>46</sup>. Решение их проблем стало возможным только в 489 году, когда по соглашению с императором Зином они двинулись в Италию с тем, чтобы свергнуть Одоакра, первого варвара — короля Италии, и занять его место. Ниже, на с. 83 и далее, мы поговорим о том, что случилось с ними в Италии.

Вторжение 376 года, начавшееся на нижнем Дунае, лишило Римскую империю всей территории Галлии к югу от Луары. Вторжение 406 года, начавшееся на Рейне, лишило Империю части Испании и всей Африки. Вторжение 455 года вывело Италию из-под контроля константинопольских императоров. Во всяком случае, оно привело к власти Одоакра, который *de-facto*, хотя и не *de-jure*, превратил Италию в почти независимое королевство. Но сначала мы рассмотрим ситуацию в Галлии, затем в Италии и Норике к северу от нее и наконец в Испании.

# ГАЛЛИЯ

## II. РАССЕЛЕНИЕ ВАРВАРОВ В ЮЖНОЙ ГАЛЛИИ

В 418 году патриций Констанций отозвал везеготов из Испании и поселил их в провинции Аквитания II (на западном побережье Галлии между устьем Гаронны и устьем Луары), а также в некоторых соседних городах<sup>1</sup>. У нас нет точных сведений о том, где находились эти соседние города. Одним из них была Тулуза в провинции Нарбонна I, и впоследствии она стала столицей везеготских королей. Сальвиан, описывавший эти события в 440–441 годах, дает нам основания предполагать, что везеготы управляли не только Аквитанией II, но и Новемпопуланой<sup>2</sup>. Это уже преувеличение, но вполне возможно, что города, дарованные везеготам в дополнение к Аквитании II, находились непосредственно к югу от Гаронны. Это предположение частично подтверждается тем, что епископ Ориентий в 439 году выступал в качестве посла от короля везеготов к Литорию и Аэцию<sup>3</sup>. Мы можем сделать вывод, что кроме Аквитании везеготским королям принадлежала полоса земли вдоль южного берега Гаронны от Тулузы до океанского побережья, не доходившая, однако, до Пиренеев. Кроме того, их власть не простиралась на северный берег Луары<sup>4</sup>. У нас нет ясного ответа на вопрос, расселялись ли везеготы равномерно по всей принадлежавшей им территории или же они предпочитали более или менее компактные поселения в отдельных частях своего нового королевства<sup>5</sup>. Когда в 507 году франки Кловиса разгромили их и вытеснили из Галльского королевства, везеготы вернулись в Испанию, где они селились компактно. Карта везеготских могильников, относящихся к VI веку или более раннему периоду, показывает, что везеготы жили между верховьями рек Эбро и Тахо, в треугольнике, ограниченном городами Паленсия, Толедо и Калатаюд, или, иными словами, в провинции Сего-



Карта 2. Галлия

вия и соседних провинциях Мадрид, Толедо, Паленсия, Бургос, Сория и Гвадалахара<sup>6</sup>. К сожалению, эти сведения не дают нам ответа на вопрос, как обстояло дело в Галлии с 418 по 507 год.

В 443 году римское правительство, фактическим руководителем которого был Аэций, предложило оставшимся бургундам покинуть Верхнюю Германию и поселиться в Савоие<sup>7</sup>. К сожалению, мы не располагаем источниками, из которых могли бы узнать, где именно в это время находились границы Савойи. Все, что можно сказать, — это то, что она лежала между Женевским озером, Роной и Альпами, что это была большая территория, включавшая в себя много городов<sup>8</sup>. В 456 году, после падения императора Авита, бургунды с согласия везеготов расширили свои владения в сторону Галлии и поделили земли с галльскими сенаторами, жившими в этом регионе<sup>9</sup>. Существует традиционное мнение, что римляне, населявшие Лугдунскую провинцию, пригласили бургундов поселиться среди них. Хотя наш автор датирует это событие временем правления Ва-

лентиниана I, что абсурдно, однако это мнение возникло, видимо, не случайно<sup>10</sup>. Второе расширение бургундской территории произошло во времена короля Гундобада (около 480–516 годов), который упоминает об этом в одном из своих законов<sup>11</sup>. Археологические следы бургундов, относящиеся к периоду до 534 года, когда было разрушено их королевство, были найдены в нескольких местах в департаменте Кот-д'Ор, в одном месте в Саон-э-Луар и в одном месте в Эне<sup>12</sup>.

Наконец, в первой половине V века в южной Галлии были поселены две группы аланов. Одной из этих групп во главе с королем Гоаром Азций передал земли в окрестностях Орлеана, а вторая группа во главе с Самбидой в 440 году была расселена на *agri deserti* (пустующих землях) вокруг Валенси<sup>13</sup>. На всех этих землях варвары были поселены в качестве федератов, то есть эти поселения должны были служить военным целям. В обмен на земли варвары были обязаны защищать римлян от нападения. В каждом из этих случаев, кроме последнего, поселение производилось по принципу *hospitalitas*, то есть варвар *hospes* получал две трети пахотной земли, принадлежавшей римлянину, а также половину пастбищ, лесов и т. д.<sup>14</sup>

Важно осознавать, что расселение варваров было чисто римской политикой. Это не было завоеванием, римляне делали это добровольно. Правда, в случае с везеготскими поселениями в Аквитании II требуется уточнение. Как это ни удивительно, но уже в IV веке, когда везеготы жили в Валахии и Трансильвании, они так сильно зависели от торговли с римлянами, что не могли без нее выжить. В 367–369 годах Валент воевал с везеготами за нижним Дунаем. В 367 году он взял инициативу в свои руки, пересек Дунай и предпринял несколько походов по Готии, однако ему не удалось вызвать противника на битву — при приближении его армии везеготы отступили к подножиям трансильванских Альп, к лесам и болотам, которых было немало в их землях. В 368 году Валент не смог даже вступить на территорию Готии, так как паводок на Дунае в тот год был необычайно сильным. Однако в следующем, 369 году везеготы не использовали ту же стратегию, которая привела их к успеху в 367 году. Они встретились с императором в открытом сражении и были разбиты. После этого они запросили мира, и на этом война кончилась<sup>15</sup>.

Почему они изменили свою тактику и пришли к такому плачевному результату? Наш авторитетнейший источник по этим событиям Аммиан Марцеллин сообщает, что Валент в самом начале войны запретил все торговые связи между неприятелем и римскими приграничными провинциями и не снимал запрета на протяжении последующих трех лет. Как следствие везеготы терпели огромные лишения, так как «им не хватало самых необходимых в жизни вещей». Аммиан также говорит, что долгое пребывание императора в их стране сломило боевой дух везеготов, кроме того, присутствие римлян наверняка лишило их части урожая и скота в 367 и 369 годах, после чего они были не в состоянии продолжать свою стратегию уклонения от врага. Однако Аммиан не утверждает, что основными

факторами, вызвавшими нехватку жизненно необходимых вещей среди везеготов, были потеря урожая и скота или же прекращение субсидий, выплачиваемых имперским правительством. Лишения были вызваны прежде всего запретом на торговлю с римлянами. Единственным, что могло предотвратить голодные смерти среди везеготов, было немедленное прекращение войны и восстановление торговли. Общественная жизнь везеготов была устроена так, что они не могли выжить без товаров, импортируемых из Римской империи<sup>16</sup>.

Позднее, когда в 376–418 годах везеготы странствовали по просторам римских провинций, их производительные силы наверняка были на еще более низком уровне, чем в 369 году, ведь теперь у них порой не было даже собственной земли, которую они могли бы обрабатывать. Другими словами, во времена Атаульфа и Валии их потребность в торговле с Римом была так же насущна, как и во времена Атанариха и Ульфила. Римское правительство об этом хорошо знало и в 414 году сочло, что пора применить это знание на практике. Констанций, штаб которого находился в Арле, осадил с моря Нарбоннскую Галлию, где тогда находились везеготы, и строго запретил любую торговлю с ними<sup>17</sup>.

Поселение Атаульфа в провинции Нарбонна I рассыпалось мгновенно. Его воины бежали в Барселону. Но блокада продолжалась и в Испании. Среди везеготов начался массовый голод<sup>18</sup>. Они тщетно пытались переправиться в Африку, как пытался это сделать Аларих в 410 году. Наконец в 416 году, отчаявшись, они капитулировали перед римлянами<sup>19</sup>. В обмен на 600 000 мер зерна они обязались вернуть Плацидию и сражаться против других варварских племен Испании в качестве римских федератов. Для римлян это был поистине *paх optima* (наилучший вариант мира)<sup>20</sup>.

Великое везеготское нашествие, начавшееся в 376 году, бесслвно закончилось поражением захватчиков. Сражаясь в Испании в последующие годы, везеготы, видимо, все еще находились под контролем римлян. То, чего Констанций смог добиться в 414–416 годах, он, несомненно, с тем же успехом мог бы сделать и в 417, и в 418 году: и в эти годы он так же легко мог бы голодом вынудить их к покорности. Но он этого не сделал. Вместо этого он вызвал везеготов из Испании, где они еще не до конца справились с вандалами, и поселил их в Аквитании II. Наши источники нигде не говорят о том, что уход из Испании и поселение в Галлии были задуманы самими везеготами или что у них был выбор — нет, они были «вызваны» из Испании Констанцием (см. с. 227). И хотя у нас нет оснований полагать, что они были недовольны его приказом, все же это решение не было инициировано ими. Расселение везеготов в Аквитании было осознанным и добровольным шагом римского правительства.

Подобным же образом расселение бургундов в Савойе состоялось благодаря Аэцию, и, насколько мы знаем, при принятии этого решения с вождями варваров не консультировались. В 437 году бургунды понесли такое сокрушительное поражение от гуннов, что падение их королевства, сто-



лицей которого был Вормс, навсегда осталось в литературе германских народов. На следующие шесть лет они полностью выпадают из истории, и писавший в 440–441 годах Сальвиан, который чрезвычайно интересовался жизнью варваров в Галлии, никогда их не упоминает и даже не намекает на их существование<sup>21</sup>. Нет сомнений, что в эти шесть лет они, с точки зрения римского правительства, считались народом малоинтересным и не представлявшим никакой военной ценности. Однако, безо всякой очевидной причины, власти Империи неожиданно отозвали оставшихся бургундов из провинции Германия I и поселили их в Савоие как *hospites*. Невозможно поверить, что после катастрофы 437 года бургунды были способны оказывать какое-либо давление на римлян или как-то повлиять на решение об их переселении в Савою. Это также было чисто римским политическим решением.

Поселения, созданные Констанцием и Аэцием, нельзя рассматривать в качестве компромисса между Римом и варварами. Что заставило сначала Констанция, а потом Аэция пойти на этот странный шаг? Наверняка ведь и в 418, и в 433 можно было предсказать, что если поселенцы пойдут на римлян войной, то имперская казна неминуемо лишится доходов от двух регионов, пока поселенцы не будут вновь усмирены. Впрочем, даже при установившемся благополучном положении казна все же теряла деньги, так как земли везеготских *hospites*, судя по всему, не облагались налогами<sup>22</sup>. (Что касается бургундских *hospites*, то здесь картина не совсем ясна.) Кроме того, условия *hospitalitas* предполагали, что землевладельцы-римляне в двух этих регионах лишаются существенной части своих доходов от аренды. Тем не менее нам неизвестно о каких-либо выступлениях протеста со стороны землевладельцев Аквитании II и Савойи, хотя обычно владельцы земли неохотно расстаются со своими доходами, тем более что по условиям *hospitalitas* варвары во многих случаях поселялись в их домах<sup>23</sup>.

Правда, одна из групп аланов столкнулась с сопротивлением римских хозяев и подавила его силой (с. 266, сноска 13). Но аланы были непохожи на германцев. До того как гунны напали на них около 370 года, аланы были скотоводческим народом, кочевавшим в степи к востоку от реки Дон. Трудно было ожидать, что они захотят стать оседлыми землевладельцами и заниматься земледелием, о котором ничего не знали. Так что если этот первобытный народ и вступил в конфликт со своими римскими *consortes*, то это не значит, что и германцы, народ сравнительно более цивилизованный, также не могли ужиться с римлянами. Что касается именно германцев, то мы не знаем ни об одном серьезном столкновении между ними и римскими землевладельцами. Римляне передали им часть своих владений и доходов добровольно и без колебаний. Если бы *hospitalitas* противоречила их интересам, то Аэций, стоявший на их стороне, не стал бы навязывать им эти условия в 443 году, и у нас нет оснований думать, что Констанций в 418 году меньше заботился об их интересах, чем позднее Аэций<sup>24</sup>. Трудно отделаться от впечатления, что и Констанций, и Аэций

приняли такое решение потому, что им угрожала какая-то серьезная опасность. Они согласились отдать так много, чтобы не потерять все. В чем же заключалась эта опасность?

Землевладельцы, которых затронула реформа, были известными галло-римскими сенаторами, а не мелкими куриалами. Наши источники ясно говорят о том, что именно с «галльскими сенаторами» бургунды делили землю в 456 году (с. 266, сноска 9). Можно предположить, что поместья более мелких землевладельцев вообще не подлежали разделу по *hospitalitas*<sup>25</sup>. Ведь чем меньше было поместье, тем менее выгодно это было для варвара-«гостя» и тем реальнее была для римского хозяина угроза полной экспроприации. Но ни Констанций, ни Аэций, ни даже Гундобад, король бургундов, или Теодерих Везегот не ставили своей целью экспроприацию римских поместий. Человек, владевший 25 римскими акрами земли, считался куриалом, и владения многих куриалов этими акрами и ограничивались. Если бы этих людей заставили отдать две трети пахотных земель, половину пастбищ и т. д., они бы перестали быть куриалами. Но куриалы были настолько тесно связаны со сбором налогов, что если бы по какой-то причине их число значительно сократилось, то скрипучая римская машина сбора налогов окончательно бы развалилась. Ни Констанций, ни Аэций не собирались допускать ничего подобного. Кроме того, и бургунду вряд ли понравился бы подарок в виде крохотного клочка земли. Дело в том, что, по обычаю бургундов, мужчина делил свою земельную собственность между сыновьями<sup>26</sup>, и соблюдение этого обычая, при маленьких первоначальных наделах вскоре привело бы к обнищанию бургундских *hospites*. Однако в начале VI века бургундские землевладельцы все еще делили землю между сыновьями. Очевидно, в 443 и в 456 годах им выделили большие участки земли, а значит, поместья, в которых они поселились, были огромными. Конечно, богатейшим римским землевладельцам принадлежало не одно поместье, а несколько в разных частях римского мира. Таких людей не разорила бы передача двух третей одного из галльских владений в руки варваров (или более, чем одного, если им принадлежало несколько поместий в Аквитании или Савойе). Но потеря двух третей каждого из поместий, тем более в плодородной провинции Аквитания II, была такой жертвой, на которую они вряд ли были бы готовы при нормальных обстоятельствах. Очевидно, что в 418 и 433 годах некая серьезная причина заставила именно этих землевладельцев, наиболее влиятельных членов римского правящего класса в Галлии, охотно согласиться на *hospitalitas* и поддержать Аэция при проведении этой реформы. Что же это за причина?

Обычная практика имперского правительства заключалась в расселении варваров вблизи от границы, чтобы они могли защищать те районы Империи, которым угрожало нападение со стороны других варварских племен. Так, Феодосий в 328 году расселил везеготов вдоль дунайской границы в провинции Мёзия для защиты этого района от нападений гун-

нов, находившихся по другую сторону реки;<sup>27</sup> Гонорий, несомненно, расселил бургундов на левом берегу Рейна в Германии I для защиты Галлии от франков и аламаннов. Но как объяснить расселение федератов в глубине Галлии, на самых плодородных землях Запада или рядом с ними? Почему Констанций не поселил везеготов, скажем, на верхнем Рейне, где они могли бы вместе с бургундами сдерживать атаки аламаннов? Почему он не отдал им север центральной Галлии, где они могли бы противостоять вторжению франков? Аквитания считалась самым сочным куском галльских провинций. Сальвиан говорит, что ее виноградники, ее пастбища, ее обильные урожаи делали ее «подобной Раю»<sup>28</sup>.

В IV веке избыток аквитанского зерна направлялся для снабжения рейнской армии, и прекращение этих поставок было бы ударом для приграничных римских армий<sup>29</sup>. Римляне могли разрешить варварам поселиться в Аквитании только в том случае, если этой провинции угрожала некая серьезная опасность и другого выхода просто не было. Теперь посмотрим на Савойю. Как мы говорили, точные границы Савойи — спорный вопрос, однако нет сомнения в том, что в это время Савойя была одним из наиболее важных стратегических районов Западной империи. Там находились основные альпийские перевалы, и тот, кто контролировал Савойю, контролировал пути, соединявшие Италию с южной Галлией<sup>30</sup>.

Конечно, военная сила бургундов была подорвана в 437 году, но, как видно из дальнейшей истории, они не были уничтожены, и в 443 году при наличии времени вполне могли восстановить свои силы. В этом случае они могли отрезать Италию от Галлии, и даже в 443 году, несмотря на жестокие потери, вряд ли внушившие им любовь к Аэцию и правительству Западной империи, они могли по меньшей мере серьезно повредить линии коммуникаций между долинами По и Роны. Военачальник такого масштаба, как Аэций никогда бы не отдал район первостепенной стратегической важности в руки своих недавних врагов, если бы над его головой не нависала некая страшная угроза. Какая же угроза заставила правительство Западной империи пойти на риск и расселить везеготов в Аквитании II, а бургундов в Савойе?

Трудно поверить, что какой-либо из варварских народов или группа народов в Империи или вне ее пределов могли вынудить римлян пойти на такие крайние шаги и на такие значительные уступки. Очевидно, что военный контингент, размещенный в Аквитании II, не мог служить защитой от франков и аламаннов, находившихся в северо-восточной Галлии и за Рейном. Тот факт, что везеготы были расселены на побережье от устья Гаронны до устья Луары, казалось бы, говорит о том, что Констанций опасался морских разбойников. Но это утверждение не выдерживает критики. Нападения морских разбойников-саксов случались крайне редко и в течение V века не представляли серьезной угрозы для Аквитании, поэтому вряд ли Констанций пошел бы на риск и неудобства, связанные с расселением везеготов, только для защиты от саксов. А Испания? Мы

видели, что везеготы, воевавшие в Испании в конце 416 года, на протяжении всего 417 и в начале 418 года находились под контролем римлян. Валия и его воины разгромили вандалов-салингов в Бетике и почти полностью уничтожили аланов в Лузитании. Если Констанций считал, что два этих народа все еще представляют угрозу для Галлии, он, вероятно, позволил бы Валии завершить его миссию. Однако на самом деле он отозвал везеготов тогда, когда они еще не до конца выполнили свою задачу (с. 265, прим. 1). Если у Констанция были свои причины не дать везеготам одержать окончательную победу, почему тогда он не поселил их, скажем, в долине реки Эбро или в великом треугольнике между Паленсией, Каталаяудом и Толедо, где они в конце концов и поселились в начале шестого века? Этот район представлял меньшую ценность как для римских властей, так, вероятно, и для римских землевладельцев, чем Аквитания II, кормившая рейнские армии и многих известных галло-римских сенаторов. Опять-таки если Констанций по причинам, нам неизвестным, считал необходимым поселить везеготов в Галлии для отражения нападений варваров со стороны Испании, то почему он поселил их к северу от Гаронны? Тогда следовало поселить их не в Аквитании II между Гаронной и Луарой, а в Новемпопулане между Гаронной и Пиренеями. Пожалуй, можно сказать, что если угроза Констанцию исходила из Испании, то расселение везеготов в Аквитании II не поддается никакому разумному объяснению.

Единственный вывод, который можно из этого сделать: Констанций начал расселение везеготов не потому, что боялся неких варваров. Ни один из варварских народов не представлял серьезной угрозы для той части Галлии, что лежала между Гаронной и Луарой, и размещение там военного контингента не могло защитить римлян от «опасных» народов. Если мы хотим найти причину расселения там везеготов, мы должны забыть о варварах Испании, Галлии и Германии. Я предлагаю другую гипотезу, которая полностью объясняет (1) место расселения везеготов, (2) странное время этого расселения, начатого тогда, когда войны в Испании еще не закончились, (3) его форму — странное переплетение интересов римских и везеготских *consortes*. Угроза, заставившая Констанция поселить везеготов к югу от Луары, исходила от армориков, находившихся к северу от Луары. Констанций боялся багаудов.

Совершенно очевидно, что войско, размещенное в Аквитании II, имело идеальные позиции для защиты от нападения со стороны Арморики. Это вряд ли нуждается в пояснениях. Дата расселения, 418 год, приобретает новый смысл. Великое завоевание Галлии вандалами, аланами и свевами, начавшееся в последнюю ночь 406 года, дало шанс крестьянам Арморики, и они подняли восстание против существующего порядка. Они изгнали имперских чиновников, захватили в плен землевладельцев и основали собственное независимое государство<sup>31</sup>. Восстание не ограничилось пределами Арморики<sup>32</sup>, и в течение десяти лет крестьяне сохраняли свои свободы.

Это было самое продолжительное и успешное из всех известных нам восстаний багаудов. Даже если в самой Аквитании II подобных вспышек не происходило, уже то, что рядом с богатыми поместьями южной Галлии шла социальная революция, не могло не тревожить местных землевладельцев. Кто знал, не затронет ли следующее восстание и сам «образ Рая»?

В 417 году, за год до расселения везеготов к югу от Луары, Экзуперанций подавил восстание в Арморике<sup>33</sup>. Вряд ли можно считать совпадением то, что везеготам было приказано прекратить войну в Испании и поселиться на границе с Арморикой именно в тот год, когда Экзуперанций сломил сопротивление багаудов. Несомненно, Констанций не мог использовать везеготских федератов для борьбы с багаудами в 416 и 417 годах, в то время как с варварами они тогда могли сражаться. Дело в том, что с момента перехода через Дунай в 376 году везеготы были тесно связаны с бунтующими римскими крестьянами и солдатами. Если бы Констанций попытался использовать их для борьбы с багаудами Арморики, то вполне возможно, они не только не стали бы бороться с врагом, но, напротив, объединились бы с багаудами в борьбе против общего врага. Перед тем как использовать везеготов в борьбе против багаудов, Констанций решил дать им долю богатства, которое они должны были защищать: их интересы должны были быть неотделимы от интересов аквитанских землевладельцев. Экзуперанций стал одерживать верх над багаудами в 417 году. К концу этого года или в начале следующего он, вероятно, выполнил свою задачу. В соответствии с планом багауды были немедленно отозваны из Испании и расселены в Аквитании II таким образом, что они не могли защищать свои собственные интересы, не защищая при этом интересов римских *hospites*. Только так мы можем объяснить не только выбор места расселения, но и его дату, а также странное соседство варваров и римлян на землях Аквитании II. Эта гипотеза также объясняет, почему инициатива исходила от римского правительства, и почему крупнейшие землевладельцы Аквитании приветствовали появление *consortes*, несмотря на потерю части земель и на те неудобства, которые им доставляло их присутствие. Теперь нам понятно, почему для расселения был выбран такой важный регион, как Аквитания, а не какое-то далекое приграничье, не имеющее экономической ценности. Аквитания была выбрана именно по причине своей экономической важности. Также понятно, почему везеготы были расселены именно в 418 году, а не в 416 или 417 или, например, в 419 или 420 годах.

У нас есть также все основания предполагать, что это был не единственный случай, когда римские власти селили варваров в Галлии для противодействия багаудам Арморики. Мы видели, что группа аланов во главе с королем Гоаром была расселена в окрестностях Орлеана в 442 году или незадолго до него. К счастью, мы можем на мгновение увидеть, как эти аланы вступают в бой по заданию имперского правительства. Когда около 444–445 годов багауды под руководством Тибатто подняли восстание, Азций призвал Гоара и его воинов выступить против них. Гоар и его

закованная в железо кавалерия начали подавлять восстание, но были остановлены Германом, епископом Оксерра, при обстоятельствах, на которых мы не будем сейчас останавливаться<sup>34</sup>. Вряд ли можно сомневаться в том, что аланы тогда выполняли те обязанности, в обмен на которые они получили земли в Орлеане.

Что касается бургундов, то, как принято считать, их поселили в Савойе для того, чтобы блокировать продвижение на юг аламаннов и защищать от их набегов Арль, Вьен и даже саму Италию<sup>35</sup>. Посмотрим, насколько оправдано это представление. Мы уже говорили о стратегической ценности Савойи: неужели Азций пошел бы на риск полной или временной ее потери? В то время для его целей было гораздо удобнее поселить бургундов вдоль линии, идущей к северу или к востоку от Базеля, то есть или в Эльзасе, или же за пограничными укреплениями между Базелем и Констанцским озером. Если считать, что до и после 406 года северная Швейцария уже была оккупирована аламаннами, — а у нас есть все основания в этом сомневаться<sup>36</sup>, — то почему Азций не поселил своих федератов на жизненно важной линии от Женевского озера до Констанцкого, то есть на швейцарском участке дороги, связывающей Лион с Дунаем?

Высказывалось мнение, что «инфильтрация аламаннов на клиновидный участок территории между Рейном и Дунаем была опасна, так как она угрожала тому району, в котором пролегла эта дорога, в районе Констанцкого озера и на территории современной Швейцарии; это вызывало необходимость усиленной охраны дороги, и так возникли мощные укрепления вдоль швейцарско-рейнской границы и на швейцарском секторе дороги»<sup>37</sup>. В таком случае, почему бургундам не поручили охранять дорогу? Дело в том, что великое аламаннское завоевание середины IV века показало, что их основной удар придется не на Швейцарию, а на Эльзас. В четвертом веке они не только совершали набеги на Эльзас, но и намеревались там поселиться. А когда экспансия действительно началась летом 455 года, то шла она в направлении Лангра и Безансона, очень далеко от Савойи<sup>38</sup>. Правда, иногда они совершали набеги и в южном направлении, однако нападение отряда из 900 аламаннов на Беллинзону в 457 году вовсе не означает, что восточная или северная Швейцария была ими оккупирована или что они намеревались послать на юг поселенцев для постоянного проживания<sup>39</sup>. Можно сделать вывод, что хотя, возможно, римские сенаторы позволили бургундам поселиться вокруг Лиона в 456 году (прим. 9), именно после того, как аламанны в 455 году вторглись в Эльзас (если они действительно направили поселенцев в Эльзас в 455 году), все же выбор Савойи как места расселения бургундов в 443 году необъясним, если целью расселения было отражение набегов аламаннов. Савойя никогда не подвергалась набегам аламаннов, и никогда подобной угрозы не было. Войско, размещенное в Савойе, никогда бы не смогло сдержать экспансию аламаннов или успешно защищать от варварских набегов долину Роны и Италию.

Кроме того, если Аэций расселил бургундов в Савойе исключительно с целью сдержать аламаннов, то как быть с возникающим хронологическим несоответствием? Аэций и его гунны сокрушили мощь бургундов в 437 году. Затем на шесть лет бургунды выпадают из истории, ни один летописец о них не упоминает, а Сальвиан, писавший свое сочинение в 440–441 годах и живо интересовавшийся варварами в Галлии, ни разу не говорит о бургундах. Причем это единственный из народов, живших в Галлии или вблизи нее, о котором он не говорит ни слова. Очевидно, они представляли еще меньше интереса, чем даже «трусливые» вандалы. Аэций также практически игнорировал их все эти шесть лет, но затем, кажется, без предупреждения, он их переселил в 443 году в Савойю. Наверняка у него были на то веские причины. Что же случилось за эти шесть лет, что заставило его изменить свое отношение к бургундам, которых его гунны в свое время так жестоко подавили? Может быть, набеги аламаннов на Галлию участились? Если и так, то наши авторы об этом молчат. Летописцы в эти годы обходят аламаннов таким же полным молчанием, как и бургундов. Даже Сальвиан упоминает их только один раз, но и он не говорит, что они стали более опасны. Он упоминает их только в связи с их пьянством. Их политическая деятельность лежит вне сферы его внимания<sup>40</sup>.

Почему же тогда по прошествии шести лет Аэций все же нашел применение уцелевшим бургундам? Его талант государственного деятеля, возможно, переоценивали, но нельзя спорить с тем, что он был умелым и дальновидным военным стратегом; тем не менее между разгромом бургундов гуннами и переселением бургундов в Савойю прошло шесть лет. Ответ заключается в том, что только к 443 году возникла ситуация, требовавшая незамедлительной защиты Савойи. Когда Аэций покидал Галлию в 439 году, возобновив договор 418 года с везеготским королем Теодерихом в Тулузе, он, вероятно, был в общем доволен положением в Галлии. Во всяком случае, великие войны против бургундов, багаудов, везеготов были успешно завершены<sup>41</sup>. Однако Сальвиан в 440–441 годах писал о беспокойной обстановке в Галлии, вызванной не набегами аламаннов, а ухудшением социально-экономического положения галльских крестьян. Участились массовые побеги крестьян к варварам, особенно к везеготам, а также к багаудам. Сальвиан так много внимания уделяет той роли, которую багауды играли в Галлии, что он, возможно, предвидел в скором будущем новый всплеск движения багаудов. Сам Аэций, возможно, тоже знал, что скоро возможны беспорядки, и, возможно, он расселил аланов Гоара в Орлеане именно в 442 году. По моему предположению, это было сделано для того, чтобы сдерживать багаудов Арморики, то есть в тот год Аэций ожидал взрывов недовольства со стороны беднейших классов Галлии<sup>42</sup>. Однако в 440 году он расселил аланов Самбиды в окрестностях Валанса, откуда они могли держать под контролем нижнюю часть долины Изера: там они защищали один из основных выходов с той территории, где через три года были расселены бургунды.

Разве это не говорит о том, что именно тогда, когда Сальвиан писал об угрозе восстания в Галлии, ситуация в западных предгорьях Альп вызывала беспокойство правительства? Вероятно, Савойя не оставалась в стороне от движения багаудов. В 435 году «почти все рабы галльских провинций участвовали в движении багаудов», когда разразилось первое восстание под руководством Тибатто<sup>43</sup>. Нет оснований считать, что Савойя не была затронута этими волнениями, хотя прямых данных о деятельности багаудов в предгорьях в эти годы у нас нет. Однако во время великого восстания галльских крестьян в 284–285 годах этот регион был, вероятно, также им затронут. Видимо, волнения происходили в Райхенштейне около Арльсхайма, в Шампанже и в Женеве<sup>44</sup>. Кроме того, есть прямые данные по 408 году. В том году отколовшийся от римлян везегот по имени Сар возвращался из Галлии в Италию во главе войска настолько мощного, что оно разгромило армию Юстиниана, военачальника узурпатора Константина. Но во время перехода через Альпы Сар столкнулся с войском багаудов и вынужден был отдать им всю добычу, захваченную в Галлии. Стоит вспомнить, что он делал в Галлии перед возвращением в Италию. Он осаждал Валанс, в котором в 440 году Аэций поселит аланов Самбиды, то есть он отходил из Галлии в Италию вдоль той самой линии, которую должны были охранять эти аланы<sup>45</sup>. Ничего не известно о том, что эти горные багауды были разбиты, так что их организация, возможно, продолжала существовать. Во всяком случае, вполне вероятно, что на протяжении последующих 20–30 лет потенциальные багауды в Альпах были, так как, насколько мы знаем, за эти годы не было сделано ничего, чтобы облегчить жизнь обитателей Альп и предотвратить повторение восстания 408 года. Вряд ли местные жители, бунтовавшие в 408 году, в 443 году были полностью довольны своим положением или окончательно примирились с ним: ведь за эти 35 лет Западная империя пришла в состояние еще большего упадка и условия жизни там ухудшились<sup>46</sup>. Также вероятно, что и в Винделиции, и в Норике развивались движения за независимость, сходные с движением багаудов. Аэцию пришлось вести военные кампании в обеих провинциях в 430 году или примерно в это время<sup>47</sup>. Могло ли население Савойи, имея опыт восстания 408 года, остаться в стороне теперь, когда багауды действовали к западу от Савойи, и, возможно, к востоку от нее? Если мы хотим найти объяснение расселению аланов Самбиды в Валансе в 440 году и бургундов в Савойе тремя годами позже, то разумно предположить, что описание Галлии, данное Сальвианом в 440–441 годах, верно и в отношении Савойи и тогда план Аэция состоял в том, чтобы защитить долину Роны, саму Савойю и альпийские перевалы от нападений восставших крестьян и пастухов альпийского региона. Обе эти акции должны были решить те же проблемы, что и расселение везеготов в Аквитании и аланов Гоара в Орлеане. Весь процесс расселения варваров в Галлии будет более понятен, если предположить, что одно и то же средство применялось несколько раз для лечения одной и той же болезни.



Таким образом, та опасность, для предотвращения которой Аэций расселил аланов в Валансе и бургундов в Савойе, шла не от аламаннов, пришедших из-за далекого Дуная. Если следовать нашим аргументам, то мы имеем дело с двумя сходными ситуациями: везеготы и аланы Гоара были расселены так, чтобы отрезать Арморикю от остальной Галлии и лишить местных багаудов связи с их возможными сторонниками в других частях страны. Кроме того, нет никаких данных о том, что аламанны когда-либо угрожали Савойе или что после периода относительного спокойствия в конце 30-х годов они вдруг в 442–443 годах стали опасны. Напротив, Сальвиан в 440–441 годах ни разу не упоминает ни об аламаннах, ни о бургундах, если не считать его комментария об их пьянстве. Его книга не дает нам оснований считать, что у римлян было больше причин опасаться аламаннов в 440–441 годах, чем тремя годами раньше, когда Аэций также мог переселить бургундов из Германии I в Савойю. В то же время мы знаем, что в 440–441 годах огромное количество населения присоединилось к багаудам. По свидетельству Сальвиана, после отъезда Аэция в 439 году в Галлии назрел кризис, причем вызван он был не аламаннами, а багаудами. Есть и третий аргумент в пользу нашей версии. Землевладельцы Савойи вряд ли отказались бы от значительной доли своих доходов, если бы они не были уверены, что в противном случае потеряют свои поместья навсегда. Набеги аламаннов наверняка наносили большой ущерб, однако со временем сожженные виллы можно было построить заново, поголовье скота можно было восстановить, а поля засеять. Эти набеги не лишали землевладельцев главного — их собственности на землю, поэтому вряд ли угроза аламаннских набегов могла заставить их добровольно расстаться с большей частью своих земель и домов.

Расселение бургундов в Савойе можно объяснить угрозой аламаннских набегов только в том случае, если землевладельцы заранее знали о том, что аламанны не ограничатся набегами, а захватят Савойю полностью. Однако у нас нет никаких данных о том, что землевладельцы знали об этом. Кроме того, вряд ли аламанны стали бы двигаться в далекую Савойю, если они могли занять земли рядом, в северной Швейцарии и Эльзасе. Но даже если предположить, что римские землевладельцы имели все основания опасаться вторжения аламаннов в 443 году, они, скорее всего, просили бы правительство о военной помощи и, возможно, о нанесении превентивного удара по аламаннам. Иными словами, если согласиться с тем, что расселение бургундов было вызвано угрозой аламаннских набегов, то мы должны предположить (не имея никаких данных, подтверждающих это), что эти набеги внезапно стали представлять огромную опасность для Савойи и соседних регионов, а также что аламанны намеревались пройти через северную Швейцарию и поселиться в Савойе и что это их намерение стало известно владельцам савойских поместий. Есть гораздо более простая гипотеза, объясняющая все известные факты: и Аэция, и землевладельцев беспокоила внутренняя угроза.

Расселение варваров в Савойе, как и в Аквитании, было вызвано восстанием рабов и их союзников в Галлии.

Если это объяснение верно, то можно только восхищаться блестящей дипломатией Констанция и Аэция. Одним своим решением они превратили массы враждебных кочевников в оседлых и в целом довольных своим положением земледельцев. Они предотвратили объединение завоевателей-варваров с бунтовщиками среди сельского населения, а также обеспечили себе военную поддержку для борьбы с бунтовщиками, которые принесли столько ущерба в начале V века. Кроме того, я считаю (хотя вряд ли это имеет отношение к настоящей дискуссии), что этой акцией римляне также раскололи сплоченные ряды своих врагов-варваров, так как отныне интересы племенной знати противоречили интересам рядовых воинов. Знатные варвары больше не были просто «вождями». Теперь это были землевладельцы, чей образ жизни будет все более отличаться от образа жизни их народа. Те и другие больше не относились друг к другу как родственник к родственнику, теперь их связывали отношения землевладельца и арендатора. Немногим римским дипломатам удалось одержать победы, так сильно повлиявшие на дальнейший ход событий, как это удалось в 418 году Констанцию, а в 443 году — Аэцию.

### III. ВЕЗЕГОТЫ ОТ ФРИТИГЕРНА ДО ЕВРИХА

В 376 году везеготы, вытесненные гуннами из своих поселений, расположенных к северу от нижнего течения Дуная, вступили в пределы Римской империи. 9 августа 378 года они выиграли битву при Адрианополе, а 24 августа 410 года заняли Рим. Однако обе эти победы, хотя и повлиявшие на ход римской истории, не принесли везеготам земли, на которой они могли бы обосноваться и вернуться к той жизни, которую вели до неожиданного нападения гуннов. Везеготы двинулись дальше из Италии — в Галлию, из Галлии — в Испанию, но нигде им не удалось поселиться навсегда. Начатое ими в 376 году великое завоевание Империи закончилось капитуляцией в 416 году, когда в восточной Испании патриций Констанции голодом вынудил захватчиков покориться<sup>1</sup>.

#### 1. Фритигерн и Фравитта

В период с 376 по 418 год положение везеготских вождей, по-видимому, стало значительно отличаться от условий жизни рядовых соплеменников, а их окружение стало более многочисленным и приобрело боль-

шую власть. К примеру, трудно поверить, что в 382 году, когда везеготы по соглашению с римским правительством обосновались в Мёзии, вожди при распределении земли не захватили непропорционально большие участки. Раздел земли, очевидно, проводили вожди и члены совета племени, и можно с уверенностью сказать, что в результате они получили такую власть, какой у них бы никогда не было при прежней племенной жизни. Кроме того, ежегодная выплата в виде зерна и денег, поступавшая от римского правительства с 382 по 418 год, также попадала сначала в руки вождей и членов совета<sup>2</sup>, а они затем распределяли эту помощь или ее часть среди остального населения. Наверняка они и здесь не забывали о своих интересах. А во время военной кампании 394 года, когда везеготские федераты Рима сражались на стороне Феодосия против мятежника Евгения под руководством собственных военачальников, эти военачальники, несомненно, постарались приучить свой народ к строгому повиновению и безусловному выполнению приказов, что было характерно для армии Феодосия, но непривычно для воинов племени. Однако у нас нет точных свидетельств об этих и подобных им сторонах жизни везеготов, и, если мы хотим понять, как развивалось везеготское общество в период с 376 по 418 год, мы должны обратиться к другим событиям.

В 376 году везеготы стояли на берегах Дуная. Доведенные до отчаяния теми страданиями, которые причинили им римляне, прежде чем пропустить в свои провинции, они торжественно поклялись, что будут нападать на римлян при каждом удобном случае и наносить им как можно больше вреда независимо от того, какие блага, по своей воле или вынужденно, предоставят они им. Еще они поклялись в том, что прекратят свою бескомпромиссную борьбу только тогда, когда приобретут власть над всей Римской империей — государством, которое довело их до такого голода, что они вынуждены были отдавать своих детей в рабство в обмен на корку хлеба или мясо собаки<sup>3</sup>. И именно в контексте этой клятвы мы и должны рассматривать события 8 и 9 августа 378 года.

В то время как Валент решал, стоит ли объявлять сражение при Адрианополе до подхода западной армии, везеготский вождь Фритигерн послал ему личное письмо. В письме он намекал, что скоро станет другом и союзником Валента, и заявлял, что ему трудно будет сдерживать дикий нрав своих соплеменников и уговорить их принять условия мира, благоприятные для римлян, если Валент не проведет демонстрацию своей военной мощи вблизи расположения везеготов. Если император это сделает, Фритигерн сможет остановить своих воинов в их разрушительном стремлении немедленно начать битву<sup>4</sup>. Утром рокового дня 9 августа Фритигерн повторил свое предложение. Он вновь предложил Валенту обменяться заложниками и заявил, что готов бесстрашно противостоять своим соплеменникам, которые наверняка будут разгневаны, узнав о его договоренности с врагом<sup>5</sup>. Были ли эти предложения искренними? Валент сомневался в искренности первого предложения и не принял его. Аммиан Марцел-

лин, который описал эти события, но не был их свидетелем, считает, что Фритигерн и не собирался выполнять свои обещания и сделал такое предложение только с одной целью: внушить Валенту ложное чувство безопасности. Однако когда пришло второе послание, Валент изменил свое мнение и с согласия своих советников принял предложение Фритигерна. Аммиан никак не выражает своего отношения к этому поступку Валента. Оба они — и император, и историк — могли, без сомнения, лишь догадываться о тех мотивах, которые побудили Фритигерна пойти на переговоры, и у нас нет никаких доказательств того, что Валент сделал ошибку, посчитав второе предложение искренним и приняв его. Ничто не мешает нам поверить, что Фритигерн искренне хотел договориться с римлянами, не вступая в сражение, и что он действительно желал быть «другом и союзником» императора, а также надеялся добиться таких условий заключения мира, которые бы закрепили землю за его народом и в то же время были бы благоприятны для римлян, и что он прекрасно осознавал, какое возмущение вызовет такой компромисс у большинства соплеменников. В этих обстоятельствах само свидетельство о том, что он сделал два таких предложения, звучит более убедительно, чем все догадки Валента и Аммиана о возможных мотивах<sup>6</sup>. Ведь если его предложения были обманом, то Фритигерн поистине играл с огнем: как бы он объяснил свои действия воинственно настроенным соплеменникам, если бы до них дошли сведения о тайных переговорах с врагом? Более чем через тридцать лет после этого другой везеготский вождь оказался настроенным так же, как Фритигерн. Он тоже не мог справиться с «варварством» своих воинов и потому пытался интегрировать их в иерархически четкую социальную структуру Римской империи. История Атаульфа и другие события, о которых мы сейчас будем говорить, дают нам основания почти наверняка утверждать, что Валент не ошибся, поверив в искренность Фритигерна и приняв его предложение. Таким образом, уже в 378 году позиция везеготского вождя сильно отличалась от настроений рядовых членов племени. Вождь вел тайные переговоры с заклятым врагом своего народа. Он считал, что в его интересах добиться выгодного соглашения с имперским правительством, и понимал, какое возмущение это соглашение вызовет среди его людей. Однако переговоры не увенчались успехом, так как двое военачальников римской армии по своей инициативе начали битву при Адрианополе раньше, чем их командующий предпринял какие-либо положительные шаги в этом направлении.

Уже после битвы трения, существовавшие между везеготами, были использованы императором Феодосием, и об этом у нас есть прямые и точные свидетельства. После сокрушительного поражения римлян при Адрианополе Феодосий не надеялся победить везеготов военной силой, а поставил своей целью расколоть их ряды<sup>7</sup>. Он начал с того, что стал преподносить бесчисленные подарки и награды «тем вождям племени, которые выделялись положением и знатностью». Он устраивал у себя пирше-

ства в честь каждого из них, делил с ними свой шатер и использовал любую возможность продемонстрировать свою щедрость. Вскоре это начало приносить свои результаты: некоторые из вождей «надулись от имперских почестей и решили, что вся власть в их руках». Причиной уже наметившегося среди везеготов раскола стала клятва, принесенная ими на берегах Дуная в 376 году, та клятва, которую нарушил Фритигерн своими тайными переговорами с Валентом. Одни вожди стояли на том, что клятву следует соблюдать; другие, желавшие и дальше принимать императорские дары, утверждали, что о клятве надо забыть и продолжать наслаждаться комфортом, предоставленным Феодосием. Глава проримской части военачальников, молодой человек по имени Фравитта, зашел в своих политических симпатиях так далеко, что в обход римского законодательства женился на римлянке (как позже и Атаульф) и принял римское имя Флавий<sup>8</sup>. Другая часть, которую возглавил Эриульф, более многочисленная и включавшая в себя более влиятельных вождей, твердо придерживалась клятвы. Феодосий строго карал любого римского военачальника или солдата, а однажды покарал все население Константинополя за агрессивные действия по отношению к везеготам: для него было важно, чтобы его «тонкая» тактика не была скомпрометирована кровожадностью подчиненных<sup>9</sup>. И когда Атанарих, покинутый своими воинами и оставивший свое убежище в трансильванских Альпах (куда он бежал от гуннов в 376 году), сдался римлянам и 11 января 381 года прибыл в Константинополь, Феодосий принял его с почестями. Когда две недели спустя Атанарих умер в столице Восточной империи, Феодосий устроил ему государственные похороны и сам возглавлял похоронную процессию. Это произвело огромное впечатление на многих везеготов<sup>10</sup>. Разногласия между ними вскоре достигли кульминации. Это случилось, когда Феодосий пригласил членов обеих групп — проримской и антиримской — на пир, еще более роскошный, чем прежде. Там между везеготами завязалась ссора. Они покинули пиршество, продолжая ссориться, затем Флавий Фравитта вынул свой меч и насквозь пронзил им Эриульфа. Эриульф упал, смертельно раненный, его соратники набросились на Фравитту, и только императорская гвардия смогла разнять дерущихся.

В результате политики, проводимой Феодосием, часть везеготских вождей перешла на службу к римлянам. Один из вождей-перебежчиков по имени Модарес проявил такую преданность римлянам, что получил командную должность в римской армии и вскоре нанес поражение банде грабителей, состоящей из его соплеменников<sup>11</sup>. Вероятно, тогда же везеготский вождь Мундерих поступил на римскую службу, а к концу царствования Феодосия он уже получил чин *dux* аравийской пограничной зоны. Примерно в это же время и Гайна покинул свое племя и вступил в римскую армию как рядовой, после чего за десять лет он поднялся до должности командира везеготских наемных отрядов. Несомненно, именно в это время Фравитта и его сторонники перешли к римлянам<sup>12</sup>. Однако

этот раскол затронул только правящую верхушку и почти не распространился на рядовых членов племени, ибо Феодосий старался привлечь на свою сторону «вождей племени, которые выделялись своим положением и знатностью»<sup>13</sup>. Некоторые из них приняли предложение занять высокие посты в римской армии<sup>14</sup>. В то же время большинство везеготов были настроены настолько враждебно к римской власти, что, хотя в 382 году в Мёзии они и получили статус федератов, Феодосий впервые призвал их оказать ему военную помощь только через десять с лишним лет после заключения договора от 3 октября 382 года<sup>15</sup>. Таким образом, раскол между основной массой везеготских племен и частью их вождей зашел так далеко, что последние, как в свое время Сегест, вождь херусков, готовы были навсегда покинуть родное племя и поступить на службу к заклятым врагам своего народа.

То, что нам известно о дальнейшей карьере этих «перебежчиков» (как их откровенно называли римляне), говорит о том, что большинство везеготов сделали правильный выбор, не последовав их примеру. В 400 году везегот Гайна и его родственник Трибигильд<sup>16</sup> подняли восстание против правительства Восточной Римской империи, где они служили офицерами. Как многие считали, у них был некий план захвата верховной власти в Империи<sup>17</sup>. Однако их целью были не выход из римского общества (к которому они только недавно примкнули) и не свержение римской государственности (в которой они имели высокое положение). Напротив, они стремились укрепить свое личное положение, увеличить свои богатства, власть и влияние внутри римского мира. Как только Трибигильд поднял восстание в Малой Азии, к нему присоединились массы недовольных своим положением римлян и множество везеготов, попавших в рабство к римлянам в предыдущие годы<sup>18</sup>. Гайна, тайно подстрекавший Трибигильда<sup>19</sup>, получил задание подавить восстание. Римские власти ответили ему ту же роль, что и Фравитте несколько месяцев спустя: он должен был уничтожить своих соплеменников везеготов и их союзников-рабов. Однако восставшие везеготы преследовали иную цель — разрушить то общество, в котором пытались утвердиться Гайна и Трибигильд. Восстание было обречено на неудачу, так как интересы его руководителей заключались в том, чтобы сохранить римское общество и укрепить свое личное положение в нем, в то время как основная масса их соратников и союзников стремилась разрушить римское общество до основания (см. выше, с. 34). Отсюда череда бессмысленных и разрушительных походов по Малой Азии и Европе. Для достижения собственных целей руководители восстания могли бы просто укрепиться в какой-нибудь стратегической точке вблизи Константинополя и перекрыть подвоз зерна из Египта в столицу. Но могли ли они заставить свое войско пойти по этому пути? Могли ли пленные везеготы, которых годами заставляли работать на полях, принадлежавших богатым римлянам или государству, согласиться сидеть в какой-нибудь береговой крепости и ждать, когда правительство пообещает запла-

тить Трибигильду и повысить в должности Гайну? А если бы правительство на это и согласилось, стали бы рабы затем спокойно возвращаться к своему ярму, довольные тем, что хорошо послужили вождям? Во всяком случае, когда Гайна был на вершине успеха, самым смелым его требованием было смещение его личных врагов при дворе. В те дни, когда в его власти был Константинополь, он не требовал большего, чем права проводить богослужение по арианскому обряду в одной из церквей города, ибо не пристало ему, высшему римскому офицеру, выходить за городские стены каждый раз, когда ему захочется помолиться.

Последний эпизод карьеры Гайны ярко демонстрирует ту роль, которая была уготована везеготским «дезертирам». Он потерпел поражение и от Фравитты, и от римлян и в конце концов повернул к Дунаю. До этого он не собирался туда направляться — ведь и он, и Трибигильд давно распрощались с племенной жизнью. У них не было ни малейшего желания возвращаться в нищую и небезопасную Готию — но теперь все другие дороги были для них закрыты. Севернее Дуная Гайна попал в руки гуннов и был убит<sup>20</sup>. Но бедствия римлян на этом не закончились. В беспорядке, вызванном проходом Гайны через Фракию, беглые рабы и люди, «отказавшиеся от своего положения» в римском обществе, объявили себя гуннами и начали грабить окрестные деревни. Это продолжалось до тех пор, пока на них не пошел маршем Фравитта (как ранее он пошел против разбойников Исаврии), убивая каждого врага, встречавшегося ему на пути<sup>21</sup>. С тех самых пор, как он перешел к римлянам (насколько мы можем судить по письменным свидетельствам), правители Империи использовали его только для двух целей — во-первых, уничтожить римских разбойников,<sup>22</sup> потенциальных союзников захватчиков, и, во-вторых, подавлять восстания везеготов. Убивать разбойников и убивать готов — такая роль была отведена варварам-перебежчикам, покинувшим свои племена.

## 2. От Алариха до Валии

Избрание Алариха предводителем племени в 395 году не стало победой ни одной из двух соперничающих везеготских группировок. Хотя одно время Аларих и был сторонником соблюдения дунайской клятвы 376 года<sup>23</sup>, он, похоже, так и не смог твердо решить, к чему надо стремиться — к тому, чтобы разрушить Рим, или к тому, чтобы стать его частью. Основное событие, с которым связано его имя, — захват Рима в 410 году — стало символом падения Римской империи, что явилось одним из важнейших процессов мировой истории. Однако вряд ли можно назвать Алариха «выдающейся личностью», и вот почему. Политика Алариха состояла в постоянном лавировании между двумя противоположными тенденциями того общества, в котором он вырос. С одной стороны, на протяжении всей своей карьеры он, судя по всему, поддерживал приятельские отношения

со многими имперскими сановниками и, вероятно, находился под их сильным влиянием<sup>24</sup>. Это сказалось на принятии им таких важных решений, как снятие осады Равенны и низложение марионеточного императора Аттала<sup>25</sup>. По мнению позднего готского историка, Аларих хотел добиться (неизвестно, какими средствами) того, чтобы римляне и готы жили в дружбе и мире и их бы считали единым народом<sup>26</sup>. (Смысл этой политики станет нам яснее, когда мы будем говорить о преемнике Алариха Атаульфе и о расселении везеготов около Тулузы.) Римляне не без основания считали, что если они обеспечат Алариху твердое личное положение в Империи и назначат его на высокую военную должность, он будет меньше беспокоиться о судьбе своих людей<sup>27</sup>.

В то же время Аларих, честно выполнявший все свои договоренности с римским правительством, настойчиво стремился реализовать заветную мечту своего народа — найти земли для оседлой жизни. Несомненно, именно по этой причине он пользовался безграничным авторитетом среди своих соплеменников. Ведь он не одержал полной победы ни в одной крупной битве, а целый ряд второстепенных сражений проиграл, причем иногда с жестокими потерями — в одном случае, по имеющемуся свидетельству, потери составили не менее 3000 человек<sup>28</sup>. Он добивался впечатляющего успеха только тогда, когда не встречал почти никакого сопротивления со стороны римлян (408–410 годы). Он так и не смог обеспечить своему народу постоянного жилья. Более того, можно с уверенностью сказать, что его войско сохранило свою силу только благодаря внутренним противоречиям римской политики<sup>29</sup>. Тем не менее авторитет его был столь велик, что ему удавалось удерживать везеготов от раскола, к которому их подталкивал Феодосий. За время его правления почти не было случаев дезертирства, и в большой степени это можно объяснить его личными качествами и популярностью. Правда, часть войска покинула его при отступлении из Вероны в 403 году, не вынеся лишений. Очевидно, в это время в лагере везеготов возникли большие разногласия и, возможно, некоторые секретные планы готов стали известны Стилихону<sup>30</sup>. Хотя поначалу отколовшихся было немного, но их число выросло, когда войско стало страдать от голода и болезней<sup>31</sup>. Впрочем, мы не знаем, как скоро многие из покинувших Алариха воинов вернулись к нему<sup>32</sup>. Что касается везеготской знати, то за время правления Алариха двое из вождей, возможно, перешли к римлянам вместе с небольшими группами недовольных. Один из них — некий Ульфила (судя по имени, везегот), ставший в 411 году командующим конницы<sup>33</sup>; второй — Сар, брат Сегериха (см. с. 45). Мы почти ничего не знаем об этом Ульфиле, а потеря Сара, предателя по натуре, не была большим ударом для Алариха. Таким образом, несмотря на военные и политические неудачи, преследовавшие Алариха, в период с 395 по 410 год не было массового дезертирства вождей, подобного происходившему в период правления Феодосия. «Его странные маневры последующих пятнадцати лет (то есть после 395 года), возможно, объясняются тем, что его интересы не были полно-



стью везеготскими (интересы его народа ограничивались получением земли и платы за службу), а состояли в том, чтобы самому достичь определенного положения в правительстве Империи»<sup>34</sup>.

После смерти Алариха в 410 году его место занял Атаульф, брат его жены<sup>35</sup>, и трения между везеготскими вождями и рядовыми членами племени разгорелись с прежней силой. И знаменитое заявление Атаульфа по поводу перемены его отношения к Римской империи мы должны рассматривать, помня о послании Фритигерна Валенту накануне битвы при Адрианополе и об убийстве Эриульфа Фравиттой в первые годы правления Феодосия. Атаульф постоянно сотрудничал с римлянами, которые входили в его ближайшее окружение<sup>36</sup>, и свое заявление он много раз повторял в присутствии одного римского гражданина, жителя Нарбонны. По словам этого римлянина, Атаульф часто заявлял, что его первоначальной целью (как и целью Эриульфа) было искоренить само слово «римляне», превратить Римскую империю в Готскую, заменить название, самому стать тем, кем когда-то был император Август. Однако позже его планы изменились: он решил, что с помощью военной силы везеготов он вернет Риму былую славу и величие и останется в памяти потомков как «отец Римской империи»<sup>37</sup>.

Атаульф не скрывал причины этой перемены. «Когда он на собственном опыте убедился, что готы не в состоянии повиноваться законам (*leges*) по причине своего варварства, и вместе с тем, что государственные законы нельзя не исполнять, так как без них государство не является государством, он принял решение» выработать новый план возрождения Римской империи. Как и Фритигерн (см. с. 39), Атаульф не мог справиться с варварством готов. Он решил возродить то римское государство, которому верно служил Фравитта и которому Фритигерн когда-то пытался принести пользу. Атаульф жаловался, что его соплеменники не хотят подчиняться законам, и в этом он видел суть проблемы. Дело в том, что в племенном обществе нет «законов». Военный вождь союза племен всего лишь выполняет волю конфедеративного совета, он не правитель и сам не создает законы. Племенное общество управляется не законами, а обычаями, традиционным правом, обязанностями и разделением ответственности, и в нем нет другого аппарата принуждения, кроме общественного мнения.

До того как был составлен первый готский кодекс законов, готское общество управлялось только *mores*, «привычками», и *consuetudo*, «обычаями». Даже в VI веке, по-видимому, еще были известны некоторые из старинных готских *belogines*, «правил», записанных на готском языке<sup>39</sup>. Образ мыслей Атаульфа, по сути дела, уже не был образом мыслей вождя племенной общины или просто человека, стремившегося сохранить традиционную общественную систему. Вследствие этого он стремился трансформировать везеготское общество и приобщить своих соплеменников к социальной организации Римской империи, где их варварство будет пресекаться.

Таким образом, Атаульф задумал свои грандиозные преобразования с тем, чтобы укрепить свое положение среди соплеменников. В отличие от Алариха он видел, в каком направлении развивается везеготское общество, и решил ускорить ход истории. Он не мог навязать везеготам свои единоличные «законы» при старой системе общинных и конфедеративных советов, когда вожди имели не столько власть, сколько влияние. Поэтому он решил сделать своих готов частью государства, в котором власть будет принадлежать ему. Он прекратил вражду с римским правительством и стремился к миру с ним именно потому, что только таким образом он мог установить личную власть над своими соплеменниками и отменить те общественные институты, которые уже потеряли свое значение при постоянном обогащении племенной знати<sup>40</sup>. Он не делал секрета из своих намерений. Он рассказывал о них открыто, возможно, некоторым вождям и, что нам точно известно, одному римлянину-христианину из Нарбонны. Сохранилось яркое описание его бракосочетания с римской принцессой Плацидией, которую везеготы захватили в Риме в 410 году. По совету некоего римлянина по имени Кандидиан — и при Атаульфе, и при Аларихе римляне часто влияли даже на важнейшие политические решения готов — Атаульф, облаченный в римские одежды, сочетался браком с Плацидией в доме галло-римского декуриона по имени Ингенуус в Нарбонне. Во время брачного пира он прослушал эпиталаму, которую декламировал низложенный римский император. Эта свадьба привела в восторг гостей-римлян. Огромное личное богатство Атаульфа позволило ему сделать роскошные подарки невесте: он подарил ей пятьдесят красивых юношей в шелковых одеяниях, каждый из которых нес два блюда. На одном было золото, а на другом — драгоценные камни, похищенные в Риме в 410 году. Эта свадьба должна была продемонстрировать всем народам, что готы и Империя стали единым целым. За время жизни одного лишь поколения везеготские вожди проделали долгий путь и далеко ушли от простоты времен Атанариха<sup>41</sup>.

Атаульф находился в Нарбонне в конце 413 года, и, очевидно, именно тогда он принял окончательное решение не разрушать Романию. В январе 414 года он женился на Плацидии, а когда она родила сына, он дал ему императорское имя Феодосий<sup>42</sup>. После этого он еще более настойчиво стремился заключить мир с римским правительством. Даже когда в 415 году Констанций заставил его покинуть Бордо и другие города южной Галлии, он все еще надеялся договориться с императором. Но предпринятая им смена политического курса, его стремление служить интересам вождей за счет простого народа — все это привело к тому, что в 415 году в Барселоне Атаульф был убит. Как оказалось, смерть Эриульфа не была напрасной<sup>43</sup>.

Борьба между теми, кто стремился войти в состав Римской империи, и теми, кто стоял за независимость, не прекратилась со смертью Атаульфа. Смертельно раненный Атаульф обратился с последними словами к своему брату. Он советовал ему вернуть Плацидию ее царственным родственни-

кам и стремиться к тому, чтобы везеготский народ жил в дружбе с Римом. Иными словами, он советовал брату продолжать ту политику, которая стоила ему жизни<sup>44</sup>. Видимо, Атаульф надеялся, что брат станет его преемником, но этому желанию не суждено было сбыться. Власть беззаконным путем захватил некто Сегерих. Обычно при выборах нового военачальника соблюдалась определенная процедура, однако Сегерих ею пренебрег. Возможно, он пытался установить режим личной власти без проведения выборов, но выборы не были пустой формальностью, которую можно было отбросить без всякого риска для себя<sup>45</sup>. После того как Сегерих совершил оскорбительные действия по отношению к Платидии и укрепил (как ему казалось) свое положение зверским убийством детей Атаульфа, он, не теряя времени, начал переговоры с римским правительством. Судя по всему, Рим стал еще более притягательным для везеготской знати. Планы Атаульфа и политика Сегериха, который, как выяснилось, стремился к той же цели, что и его предшественник, говорят о том, что солидарность везеготов была не так крепка, как прежде. Но свободолюбивый дух народа был еще не сломлен, и на седьмой день своего тиранического правления Сегерих был убит. Поводом для убийства стало не то, что Сегерих узурпировал власть, а то, что он пытался договориться с римлянами<sup>46</sup>.

Теперь, помня о судьбе Атаульфа и Сегериха, новый везеготский вождь был вынужден скрывать до поры до времени свое стремление достичь соглашения с правительством Империи. Осенью 415 года вождем был избран Валия. Большинство везеготов сделало свой выбор, считая, что Валия положит конец мирным отношениям с Римом<sup>47</sup>. Неизвестно, жили ли еще в памяти народа слова старинной клятвы, принесенной на берегах Дуная в 376 году, но дух той клятвы был еще жив. Однако везеготы плохо знали своего избранника: Валия пошел знакомым нам путем. Похоже, среди везеготов уже не было ни одного вождя, который был бы бескомпромиссно враждебен Риму, и Валия пошел по стопам Атаульфа и Сегериха. После неудачного нападения на Африку, где он, как когда-то Аларих, надеялся поселить свой народ, Валия, избранный для борьбы с Римом, уже в начале 416 года стал просить римлян о мире<sup>48</sup>. Очевидно, его соплеменники сначала не возражали против такого решения, так как к этому времени уже были доведены до отчаянного положения патрицием Констанцием (см. с. 26). Договор 416 года, означавший капитуляцию перед имперским правительством, был единственным средством остановить массовый голод, который Констанций сумел искусственно создать. В последующие два года Валия действовал так, как будто он тоже стремился стать «отцом возрождения Римской империи»: в интересах римлян он сражался с другими варварами в Испании и одержал над ними победу<sup>49</sup>. Мы не знаем, как долго люди готовы были его поддерживать, ибо в 418 году, когда везеготы все еще значительно уступали римлянам в военной силе, Валия умер. Незадолго до смерти он получил от римлян земли около Тулузы, на которых его народ обосновался и прожил следующие девяносто лет.

Доминирующей чертой везеготской истории в период между правлениями Атанариха и Валии было нарастание конфликта между интересами вождей и рядовых членов племени. К сожалению, имеющиеся свидетельства крайне фрагментарны, однако попробуем обобщить то, что нам известно:

1. Слова вождя, приведенные в «Житии св. Саввы» в качестве реакции на сообщение о том, что у Саввы нет имущества: «Такой человек не может ни помочь, ни навредить нам», указывают не только на то, что люди, не имевшие собственности, до 376 года не имели никакого политического влияния, но и на то, что собственники к этому времени уже обладали непропорционально огромной силой воздействия на политические дела и племенную жизнь<sup>50</sup>. Другими словами, правящий класс зарождался внутри такой социальной организации, которая была к этому неготова и которую он неминуемо должен был разрушить.

2. Двусмысленное поведение Фритигерна в 378 году говорит о том, что по крайней мере один из членов этого зарождающегося класса пришел к убеждению, что соглашение с правительством Империи больше соответствует его интересам, нежели вражда, и это несмотря на то, что именно это правительство в предшествующие годы подвергало его народ бесчисленным страданиям.

3. После Адрианополя далеко не вся везеготская знать была солидарна с Фритигерном. На это указывает история Эриульфа, причем на стороне Эриульфа было большинство вождей. Тем не менее Феодосий, который, видимо, знал, что делает, поставил своей целью привлечь на свою сторону «тех вождей племени, которые выделялись положением и знатностью», а среди них Эриульфа и Фравитту. Осыпая их щедрыми дарами, он намеренно увеличивал ту пропасть, которая уже существовала между ними и их соплеменниками. Феодосий полагал, что класс собственников будет более отзывчив к вниманию со стороны Рима, нежели рядовые везеготские воины. Но почему вожди так охотно принимали эти предложения? На чем основывалось их непреходящее стремление жить в мире с Римом?

4. Атаульф, Сегерих и Валия так же легко откликнулись на внимание со стороны римлян, как и Фравитта со своими сторонниками. Атаульф сам объяснил причину этого: его люди не хотят повиноваться «законам», а без этого не может быть «государства». У везеготов не существовало средств общественного принуждения, адекватных способов защиты имущественного и социального статуса вождей, таких средств, которыми меньшинство могло бы диктовать свою волю большинству. И когда Атаульф пытался установить мир с Римом, он тем самым пытался интегрировать своих воинов в социальную структуру Империи. В этом он видел единственный способ заменить прежнее эгалитарное общество новой формой социальной организации, которая больше бы соответствовала новым социальным отношениям внутри племени. Из этого можно сделать вывод, что в тех случаях, когда везеготские воины убивали своих вождей, для того чтобы

не позволить им заключить мир с Римом, они тем самым не только сопротивлялись Риму, но и защищали свой традиционный общественный строй.

5. У нас есть все основания считать, что действия Атаульфа были вызваны теми же причинами, что и действия других вождей в годы, предшествовавшие расселению в Тулузе в 418 году. Когда Атаульф говорил о своих мотивах, он говорил и от имени других вождей. Сколько бы они ни спорили о том, кто из них возглавит новое везеготское государство, они сходились в одном: такое государство должно быть создано. И если в первые годы правления Феодосия эта политика пользовалась поддержкой лишь нескольких вождей, то во втором десятилетии V века уже большинство из них были на стороне этой идеи. В конце IV века везеготы не могли найти лидера для борьбы с Римом, но у нас нет свидетельств того, что в 410–418 годы многие из вождей были настроены так же, как Эриульф за тридцать лет до этого или как Атаульф в первые годы своего правления.

Таким образом, мы наблюдаем плавный, а затем и стремительный распад изжившего себя племенного строя и ряд попыток заменить этот строй новой формой общественной организации. Чем мог народ ответить на политику своих вождей? Согласно клятве 376 года, он должен был продолжать борьбу с Римом до тех пор, пока не овладеет Империей. Но такая политика в конце концов привела бы везеготов к самоуничтожению. У везеготов не хватало военной мощи для того, чтобы сокрушить римлян, даже если бы вожди действительно этого хотели. В течение нескольких веков римской истории многие племена варваров стояли перед подобной дилеммой, и вплоть до 476 года не существовало ни одного северного народа, который бы мог в одиночку справиться с Римом<sup>51</sup>. Даже если бы везеготам удалось отвоевать у римлян часть земель и удержать их за собой навсегда, они уже не смогли бы вернуться к той жизни, которую вели до 376 года. Сложные социально-экономические условия, в которых они оказались бы, не позволили бы им вернуться к прошлому. Такого человека, каким был Атаульф, никогда бы не устроило то положение, какое занимал в свое время Атанарих. А у рядовых везеготских воинов, по сути дела, не было да и не могло быть своей политики, которую они могли бы противопоставить политике вождей. Как только везеготы вступили в Римскую империю, у них уже не было альтернативы честолюбивым планам Атаульфа.

### 3. Соглашение 418 года

После того как везеготы в 416 году сдались Констанцию, они воевали против варваров — врагов Рима в Испании. Но в 418 году, несмотря на то что они еще не одержали окончательной победы, Констанций их отозвал и поселил в провинции Аквитания II на западном побережье Галлии между устьями рек Гаронны и Луары. Этот странный поступок, по моему

мнению, можно объяснить следующими причинами (сразу оговорюсь, что моя версия оспаривалась другими исследователями):

Еще до появления везеготов в западных провинциях там уже разгорались мятежи. В 417 году имперские войска подавляли восстание армориков. По примеру восставших жителей Британии арморики изгнали римских чиновников, землевладельцев превратили в рабов и пытались утвердиться как независимое государство вне Римской империи. Это восстание представляло такую опасность, что римские власти, возможно, предпочли уступить часть богатой Аквитании везеготам, которых они могли контролировать, нежели вовсе ее потерять в борьбе с арморикацами<sup>52</sup>. Плодородная долина Гаронны сделала некоторых местных землевладельцев богатейшими людьми и обеспечивала продовольствием рейнскую армию. Римлянам необходимо было во что бы то ни стало сохранить этот район под своим контролем. Однако Констанций не пытался использовать везеготов для подавления армориков, так как в этом случае они могли присоединиться к врагу, вместо того чтобы бороться с ним; у везеготов была давняя, уходящая корнями в III век традиция сотрудничества с угнетенными слоями римского населения. Но как только римская армия сокрушила армориков, Констанций поселил в Аквитании везеготов. Условия выделения земель были таковы, что везеготы, защищая собственные интересы, тем самым вынуждены были бы защищать интересы местных землевладельцев-римлян. Констанций выделил каждому везеготскому вождю часть (*sors*) земельного владения римского сенатора (более мелкие поместья не были затронуты), причем *sors* состояла из двух третей пахотной земли и половины пастбищ и лесов, принадлежавших сенатору. Таким образом, каждое поместье теперь кормило двух *consortes*, или совладельцев, одним из которых был римлянин, а другим — варвар. В 443 году Азций на таких же условиях поселил бургундов в Савойе, к югу от Женевского озера, а позже эта система была перенесена везеготами в Испанию, где они в конце концов и осели. Такой способ расселения варваров назывался *hospitalitas*<sup>53</sup>.

Если верить политическому заявлению Атаульфа, сделанному в Нарбонне, то вожди варварских племен не собирались после завоевания какой-либо римской провинции наделять землей своих менее состоятельных соплеменников. Маловероятно также, что в Аквитании хватало сенаторских поместий для оказания «гостеприимства» каждому из варваров. Но хотя землевладелец-сенатор делил свою землю только с одним «совладельцем» (*consors*), нам известно, что на самом деле в поместье жил не один варвар, а больше<sup>54</sup>. Какие отношения были между варваром-*consors* и теми варварами, которые также жили в поместье, но не были *consortes*? Безусловно, права собственности на «варварскую» часть поместья передавались римлянами одному варвару-*consors*, а не целой группе варваров, живших в этом поместье<sup>55</sup>. Таким образом, можно предположить (хотя вопрос этот не вполне ясен), что варвары-поселенцы жили на

земле, принадлежавшей одному из их вождей. Скажем, бургундские кланы еще существовали как таковые в начале VI века, и в одном из бургундских законов упоминается, что члены клана, или *faramanni*, как их называли, все жили в одном поместье. Правда, *faramanni* лишь однажды упоминаются в кодексе законов бургундов, однако это не означает, что родство не имело большого значения. Скорее, это означает, что авторы кодекса не хотели это открыто признавать. Если родство не имело значения, тогда зачем законодатели вообще о нем упоминают, пусть даже один-единственный раз<sup>56</sup>? Поэтому многие исследователи убедительно доказывают, что бургундские вожди поселяли родственников в качестве арендаторов в своих новых савойских поместьях<sup>57</sup>. Что касается везеготов, то мы не располагаем свидетельствами о том, что в 418 году родство все еще имело для них большое значение, поэтому вполне возможно, что рядовые поселенцы, жившие на землях везеготской знати, были связаны не кровным родством, а чем-то другим. Кроме того, они, как и бургунды, могли быть арендаторами вождей-землевладельцев<sup>58</sup>. Возможно, конечно, что вождь содержал своих «товарищей» (*comites*) за свой счет или он распределял между ними доходы с земельных участков четырех или пяти колоннов<sup>59</sup>; во всяком случае, он вполне мог себе позволить наделить их землей<sup>60</sup>. Более того, король мог наградить своих приближенных, передав им часть римских владений, которые теперь ему принадлежали<sup>61</sup>. Но в основной своей массе варвары-поселенцы, как представляется, стали арендаторами у своих собственных вождей. Везеготская и бургундская знать, как и их римские партнеры, стала теперь землевладельческой аристократией, и их связь с бывшими родственниками приобрела экономический характер.

Так Констанций и Аэций одним махом разрешили сразу четыре проблемы. Они превратили враждебно настроенных кочевников в оседлых и в целом довольных своим положением земледельцев. В качестве союзников-федератов они жили по своим собственным законам и под управлением своих вождей, но при этом обязаны были оказывать военную помощь императору по его призыву. Они не могли иметь никакой власти над римлянами, жившими среди них. Во-вторых, римские власти разорвали возможный союз между захватчиками-варварами и недовольными из местных крестьян. Хотя многие римляне по-прежнему бежали на «свободу» в везеготское королевство в Аквитании<sup>62</sup>, везеготские землевладельцы вряд ли стали бы теперь поддерживать крестьянские мятежи. В-третьих, римское правительство получило эффективную военную силу, которая могла защитить южную Галлию от восстаний рабов и их союзников в Арморике и в других местах. В начале V века эти восстания наносили Риму огромный ущерб. И наконец, если наша гипотеза верна, то сами варвары оказались разобщенными. Интересы знати разошлись с интересами их соплеменников. Вожди, которые были людьми, ведущими народ за собой, теперь стали землевладельцами, чей образ жизни будет все больше отличаться

от образа жизни их племени. Их взаимоотношения с соплеменниками больше не были взаимоотношениями родственника с родственником или соплеменника с соплеменником, теперь это были взаимоотношения землевладельца и арендатора. Таким образом, поселившись в качестве партнеров на римских землях в Аквитании, везеготские вожди тем самым воплотили в жизнь мечты Атаульфа. Атаульф считал, что для достижения целей ему необходимо договориться с Римом. У его преемников цели были те же, и после 418 года они смогли проводить в жизнь законы, не советуясь со своими соплеменниками. Позже мы подробно поговорим о том, как они это делали, о созданном ими государственном аппарате. Однако вопрос, который мучил везеготское общество начиная с 378 года, а именно вопрос взаимоотношений с Римом, так и не был решен. Если большинство вождей и пришли к компромиссу с Империей, то о народе этого сказать было нельзя.

#### 4. От Теодориха до Евриха

В 418 году Констанций столкнулся с одной неожиданной проблемой. Как только договор с везеготами был подписан и началось распределение земли в Аквитании, Валия умер. Политика Валии к концу его правления свидетельствовала о том, что он будет послушным орудием в руках римлян, поэтому смерть его наверняка была для Констанция жестоким ударом. К тому же он, вероятно, почти ничего не знал о преемнике Валии, Теодорихе. Теодорих I царствовал целых тридцать три года (418–451), и сам факт его долголетнего правления говорит о том, что он умел лавировать между обоими частями народа: так, с одной стороны, он был достаточно враждебен к Риму, чтобы не разделить участи Атаульфа и Сегериха; с другой стороны, ему удалось умиротворять везеготскую знать и упрочить ее положение как земледельческой аристократии и правящего класса. То, что мы знаем о его деятельности, говорит о том, что к Риму он относился с избирательной и осторожной враждебностью.

В годы его царствования везеготы все еще значительно уступали римлянам в военной силе, и Теодорих никогда не совершал нападений на римскую территорию, не убедившись сначала, что римляне заняты в это время чем-то другим. Когда их руки были связаны борьбой с узурпатором Иоанном в 425 году<sup>63</sup>, с вандалами в начале 30-х годов<sup>64</sup> или с бургундами и багаудами в 436–439 годах<sup>65</sup>, Теодорих сделал попытки захватить долину в нижнем течении Роны. Правда, как только римляне смогли уделить ему свое безраздельное внимание, они без труда заставили его вернуться в пределы его королевства. И хотя в 439 году, понеся большие потери, Теодорих одержал победу над гуннами Литория, он тут же оказался лицом к лицу со свежим войском Аэция и в итоге вынужден был согласиться на весьма выгодные для римлян условия<sup>66</sup>. Таким образом, в течение



почти всего его царствования договор 418 года, по которому везеготы стали союзниками — федератами Рима, оставался в силе. Вероятно, договор не действовал во время войн 425 года и 436–439 годов, а также какое-то время около 430 года, когда некий везеготский вождь по имени Анаольс действовал в районе Арля. Правда, Анаольс мог быть одним из членов окружения Теодориха, действовавшим без его явного одобрения<sup>67</sup>. Однако все остальное время царствования Теодориха везеготы оставались союзниками — федератами Римской империи, признавали верховную власть императора и подлежали призыву на военную службу Рима. Правда, за все эти тридцать три года они оказывали Риму военную помощь всего три или четыре раза, но это не означает, что решение поселить их в Аквитании было ошибочным. Римляне никогда не делали попыток пересмотреть это свое решение<sup>68</sup> и никогда не проводили военных операций против везеготов, кроме тех случаев, когда те первыми нападали на города в долине Роны. Лишь однажды в 439 году Литорий, желая затмить военную славу Аэция, перешел от обороны к наступлению и преследовал везеготов вплоть до городских стен Тулузы. Однако это было его личной акцией, и вряд ли Аэций ее одобрял. Можно сделать вывод, что в планы официальной римской политики не входило выселение везеготов из Тулузы и прекращение действия договора 418 года. Напротив, римляне были настолько довольны результатами этого договора, что они продолжали добровольно расселять другие варварские племена в других частях Галлии практически на тех же условиях, на которых были расселены везеготы в Аквитании.

События, последовавшие за смертью Теодориха в 451 году, весьма красноречивы. Сразу после смерти старого короля вопрос, мучивший везеготов со времен Фритигерна, об их взаимоотношениях с Римом встал с прежней остротой. Трон Теодориха унаследовал его старший сын Торисмуд. Еще при жизни отца между ним и его пятью братьями<sup>69</sup> существовало взаимное недоверие. Во всяком случае, Аэций знал об их ссоре уже во время битвы с Аттилой на Каталаунских полях. В этой битве Теодорих I был убит, и Аэций сразу после победы над Аттилой посоветовал Торисмуду поспешить домой в Тулузу, так как его братья Теодорих и Фредерик могли сместить Торисмуда и занять его место<sup>70</sup>. Торисмуд вернулся в Тулузу и, как ему казалось, прочно утвердился на троне. В 452 году, когда Аэций бился с гуннами в Италии, он напал на аланов, живших в Орлеане, и разгромил их<sup>71</sup>. Это нападение было антиримской акцией по своей сути, так как аланы были римскими федератами, поселенными в Орлеане (как и везеготы в Аквитании). Очевидной целью его было отрезать Арморикку от остальной Галлии<sup>72</sup>. Затем Торисмуд заинтересовался Арлем, который занимал важное место и в планах его отца<sup>73</sup>. Казалось, Торисмуд собирается продолжить ту же политику, которую пытался проводить и его отец в первое десятилетие своего правления, — политику, направленную на захват плодородной долины Роны, принадлежавшей римлянам. Однако То-

рисмуд, процарствовав всего год, был убит своими братьями Теодорихом и Фредериком. Братья считали, что действия Торисмуда угрожают мирному сосуществованию с Римом, и это послужило причиной убийства. Отношения между римлянами и везеготами с 439 года, когда Теодорих вернулся к договору 418 года, оставались вполне дружественными. Когда Торисмуд разгромил аланов, федератов Рима в центральной Галлии, и готовился напасть на Арль, были сделаны попытки убедить его отказаться от такой политики, но все они оказались безуспешными. Вот почему братья расправились с ним<sup>74</sup>.

Словом, Торисмуд был убит по причине, противоположной той, по которой были убиты Атаульф и Сегерих. Они погибли, потому что желали договориться с Римом, а Торисмуд — из-за своей враждебности к Риму. Хотя результат в 453 году был иным, чем в 415 году, но проблема осталась прежней. И в 415 году, и сорок лет спустя борьба внутри везеготского общества велась вокруг одного и того же вопроса — отношений с Римом. Но за этим вопросом, в свою очередь, скрывался еще более глубокий и насущный вопрос. Атаульф и Сегерих были убиты потому, что конечной целью их проримской политики было создание в племенном обществе государственной машины принуждения (с. 44 и далее). В 453 году такая машина уже существовала: везеготские правители теперь имели социальный и политический статус римских землевладельцев и унаследовали римский государственный аппарат западной Галлии. Следовательно, убийцы Торисмуда стремились сохранить *status quo* и утвердиться в своем новом положении. Однако в массе своей везеготы все еще питали старую ненависть к Риму, и это нашло свое отражение в политике Торисмуда. Трудно, правда, отделаться от впечатления, что Торисмуд направил народный гнев на такие цели, которые вряд ли бы понравились убийцам Атаульфа и Сегериха. Те двое погибли, потому что их попытки навязать своему народу «законы» встретили сопротивление. Но теперь основы для такого сопротивления не было. Государственное принуждение уже существовало, и условия поселения везеготов в Аквитании делали сопротивление невозможным. Следовательно, возрождение Торисмудом антиримской политики не было возрождением тех идей, которым служили убийцы Атаульфа. Внешняя форма прежней политики (оппозиция к Риму) в 453 году еще существовала, однако внутреннее содержание (сохранение старинных свобод) исчезло. Вероятно, по-другому быть и не могло. Продолжать вражду с Римом было бессмысленно. Как и во времена Фритигерна и Атаульфа (с. 48 и далее), у народа не было своей политики, которую он мог бы противопоставить политике своих вождей.

Место Торисмуда на троне занял один из братоубийц, Теодорих, второй сын Теодориха I. Начальные годы его правления не менее примечательны, чем царствование его предшественника. В свое время Теодорих I никогда не привлекался римлянами (и никогда не выражал такого желания) для подавления восстаний багаудов. При этом римская политика

*hospitalitas* была настолько успешной, что за время царствования Теодориха в Аквитании не случалось крестьянских восстаний. Более того, когда багауды восстали в Галлии в 435 году, Теодорих воспользовался этим, чтобы напасть на долину по нижнему течению Роны, и Аэцию пришлось привлечь других римских союзников для подавления восстания. Что касается Торисмуда, известного своими антиримскими настроениями, то, конечно, никто и не думал призвать его для участия в подавлении мятежников вне границ его владений. Но теперь, в 453 году, у римского правительства появилась такая возможность. Теодорих II и его брат Фредерик были всецело на стороне римлян. И с чего же они начали свое правление? Еще до убийства Аэция 21 сентября 454 года войско везеготов под командованием Фредерика атаковало и разгромило багаудов в Тарраконской провинции в Испании, и произошло это от имени и по повелению римского правительства<sup>75</sup>. Теперь и только теперь римляне могли призвать везеготского короля на помощь в подобных делах, и они сразу же ухватились за эту возможность.

В 462 году везеготы Теодориха II сражались на стороне нового императора Ливия Севера против мятежных римских войск. Те захватили Нарбонну и, вероятно, большую часть провинции Нарбонна I<sup>76</sup>. Брат короля Фредерик вытеснил мятежников из южной Галлии, преследовал их до Луары, но погиб в битве при Орлеане в 463 году<sup>77</sup>. Теодорих II пошел дальше, чем кто-либо из его предшественников: со времени образования королевства в 418 году мы не знаем ни одного случая, когда бы везеготы принимали участие во внутриримских гражданских войнах (исключая войну с багаудами в Испании). Теодорих II получил начатки римского образования от Авита до того, как последний стал императором Западной империи. Он немного изучал римское право, Виргилия. Его учитель не упустил возможности заложить в него стремление жить в мире с Римом<sup>78</sup>. В последние годы правления, между 462 и 466 годами, один из галльских землевладельцев называл Теодориха II «превзошедшим своего могущественного отца, славой готов, столпом и спасением римской нации»<sup>79</sup>. В эти годы Теодорих, очевидно, защищал не только везеготскую аристократию, но и галло-римскую аристократию вообще и готов был считать их войну своей войной. Он был достойным продолжателем дела Атаульфа и Сегериха и окончил свою жизнь так же, как они. Он был убит своим братом Еврихом, который навсегда положил конец договору 418 года. В 475 году, за год до падения Ромула Августа и самой Западной Римской империи<sup>80</sup>, он провозгласил полную независимость везеготского королевства. С тех пор и вплоть до 507 года, когда королевство Тулузы было разрушено франками, римская знать жила в относительной гармонии со своими правителями-варварами и даже играла заметную роль в королевской администрации. Впрочем, полного смешения римлян и везеготов не произошло даже к 711 году, когда мусульмане уничтожили последние остатки готов.

Вопрос взаимоотношений с Римом часто был основным политическим вопросом у народов, населявших приграничные районы Империи в I веке нашей эры. Был ли он таковым для везегов до 376 года, мы не знаем, так как наши сведения об их политической жизни в этот период слишком скудны. Однако в последующий период, о котором у нас имеются более достоверные сведения, этот вопрос выходит на первый план; и вплоть до исчезновения Западной империи он остается стержнем политической истории везегов. На наш взгляд, в V веке происходила борьба между везеготским народом и везеготской знатью, численно возростающей и действовавшей заодно с римским правительством. Причем эта борьба велась не только вокруг вопроса об отношении к Риму, но и того, какая форма власти должна быть у самих везегов.

# ИТАЛИЯ

## IV. 476 ГОД И ПОСЛЕ НЕГО

Летом 449 года группа, состоящая из нескольких римлян и их спутников, пересекла границу Империи на нижнем Дунае к северу от Наисса (Ниша). Они вступили в страну варваров и продолжали свой путь верхом по равнинам Валахии<sup>1</sup>. Группу возглавлял римский посол, направлявшийся на встречу с Аттилой. С ним были его советники и слуги, а также несколько представителей гуннов. Эти гуннские представители весной приезжали в Константинополь с дипломатической миссией и теперь возвращались к своему господину. Среди них были двое из наиболее доверенных приближенных Аттилы. Один из них, как ни странно, был римлянин. Он был родом из Паннонии и, служа секретарем у Аттилы (вся бумажная работа в гуннской империи находилась в руках латиноязычных секретарей), поднялся до высокого положения в империи варваров. Его звали Орест. Второй, который в этот момент был гораздо более влиятельным человеком, был гунн. Это был Эдика, один из наиболее могущественных людей, близких к Аттиле, знаменитый воин, командовавший одной из частей гуннской армии.

По странной прихоти судьбы два сына этих двух попутчиков, Ореста и Эдики, позднее сыграют значительную роль в истории Европы. Через несколько лет после того, как Орест путешествовал в качестве посла, у него родился сын, которого он назвал Ромулом, в честь своего тестя. Этот ребенок станет известен в истории как «маленький Август», Ромул Августул, последний император Западной Римской империи. Тот человек, который в августе 476 года лишит его трона и станет *de facto* первым варваром-правителем Италии, был сыном попутчика Ореста, Эдики<sup>2</sup>. Это был Одоакр, которому было шестнадцать лет в то время, когда его отец Эдика вместе с Орестом ехали по пустынным равнинам Валахии<sup>3</sup>.

После смерти Аттилы в 453 году и распада его империи через один или два года после этого (см. с. 111) Орест не превратился в бродягу или



Карта 3. Европа около 526 года нашей эры

бездомного разбойника, скитающегося по дунайскому приграничью Римской империи, хотя такая участь постигла многих из бывших приспешников Аттилы, включая и его сыновей. Орест вернулся на запад и проявил себя как выдающийся военачальник, так как через двадцать с небольшим лет (в 475 году) император Западной империи Юлий Непот сделает его патрицием с правами верховного командующего своей армии. Но в том же году новый патриций поднял мятеж в Равенне и посадил своего сына Ромула на трон вместо Юлия Непота. Таким образом, Ромул, хотя мы и называем его последним западным императором, на самом деле был узурпатором, а настоящим последним западным императором был Юлий Непот. По замечанию Бари, эти имена на страницах хроник — Юлий, Августул, Ромул — появляются перед нами как призраки, восставшие вновь из давно прошедших дней римской истории<sup>4</sup>.

Эдика был не столь удачлив, как Орест. С падением Гуннской империи в 453–454 годах толпы голодных и неприкаянных людей заполнили сред-

недунайское приграничье Римской империи (см. с. 21). Гунны разрушили нормальный уклад жизни этих народов и вытеснили некоторых из них с мест их прежнего обитания. Так, когда гунны около 370 года впервые появились в Европе, они оккупировали земли остроготов на Украине, но когда империя гуннов рухнула, остроготы оказываются на среднем Дунае: они переместились, пройдя половину Европы. Прежние подданные гуннов были расколоты, разделены и переделены. У них было мало скота и не было земли, и они проводили свою жизнь в разбоях, угоняя скот, устраивая засады и даже сражаясь в битвах с такими же бездомными и голодными людьми, как они сами. В годы суматохи и беспорядка, следовавших за падением империи гуннов, мы лишь однажды встречаем Эдику. В 469 году во время битвы на реке Болиа (современное название не установлено) в Паннонии мы видим его и его сына Гуноульфа (но не Одоакра) во главе войска скиров, когда они и их союзники атакуют остроготов. Но остроготы победили, и мы больше никогда не услышим об Эдику<sup>5</sup>. Гуноульф уехал в Константинополь, где быстро поднялся до чина магистра армии в Иллирике, а Одоакр с бандой таких же обездоленных варваров, не принимавших участия в этих событиях, направился в Италию с тем, чтобы попытаться в качестве наемника на службе Западной империи. На пути в Италию около 461 года (см. с. 105) Одоакр посетил св. Северина в его келье в Фавианисе в провинции Норик. На святого католического отшельника Одоакр произвел благоприятное впечатление, хотя сам был христианином арианского исповедания. Теперь ему было двадцать с лишним лет, он был бедно одет, очень высок ростом — во время беседы с Северином ему приходилось нагибаться, чтобы не задеть головой потолок кельи, — и, очевидно, был из тех людей, которых трудно забыть. «Иди в Италию, — сказал святой, когда варвар с ним прощался, — иди, и хотя сейчас ты в рубище, но скоро ты осыплешь многими дарами множество людей». Очевидно, варвар глубоко поразил его. Одоакр тоже никогда не забывал Северина. Много лет спустя, когда он стал *de facto* королем Италии, он написал святому, предлагая выполнить любое его желание. Все, что попросил св. Северин, — это вернуть из ссылки некоего Амвросия, и Одоакр с радостью выполнил это. У нас нет причин сомневаться в том, что Одоакр действительно глубоко почитал св. Северина: ведь Эвгиппий, от которого мы знаем об этих событиях, писал свое сочинение в 511 году, когда и Одоакр, и Северин были давно мертвы и у автора не было оснований их бояться или же льстить им.

Итак, летом 476 года законный западный император Юлий Непот был в ссылке в Далмации, узурпатор Ромул Августул сидел на троне Западной империи, его отец Орест был фактическим правителем Италии, Одоакр поднимался по служебной лестнице в армии, а Эдика был или забыт, или мертв. Юный император как безгласная тень своего отца просидел на троне десять месяцев. Затем войска под командованием Одоакра взбунтовались. Орест был убит в Павии. В городе начались жестокие беспорядки,

вызвавшие сильные пожары. Разрушения, видимо, были огромны, так как впоследствии Одоакр был вынужден освободить город от налогов на пять лет<sup>6</sup>. Молодого императора, красивого и ни на что не способного мальчика, затем сослали в имение Лукулла (бывшего консулом в 74 году до н. э.) в Кампании, недалеко от Неаполя. Несколько столетий назад в этом имении умер император Тиберий. Ромулу Августулу выделили щедрую пенсию в размере 6000 *solidi* в год, и больше мы о нем никогда ничего не услышим<sup>7</sup>. А когда мы в следующий раз услышим об имении Лукулла во времена Папы Геласия (492–496), то окажется, что оно уже стало собственностью дамы высокого («блистательного») положения в обществе по имени Барбария, которая превратила имение или его часть в монастырь. Что случилось с Ромулом Августулом, никто не знает.

## 1. *Hospites* «гости» в Италии

Почему был смещен последний западный римский император? Только один из авторов того времени обсуждает причины его падения, и у нас нет оснований не доверять его объяснению<sup>8</sup>. «Римская» армия в Италии в это время большей частью, а возможно, целиком состояла не из римлян, а из варваров разного происхождения. По сути дела, нигде нет упоминаний о солдатах-римлянах в Италии 476 года. Войска состояли из туркиллингов (о которых больше ничего не известно и которые, вероятно, говорили на языке тюркской группы)<sup>9</sup>, германцев, среди которых были скиры, герулы, и других варваров<sup>10</sup>. Эти солдаты, конечно, знали о том, что и в Аквитании П, Савойе и в других частях Галлии солдаты-варвары живут на положении *hospites* и превратились теперь в относительно зажиточных крестьян-солдат. Естественно, что они стремились получить землю в Италии на тех же условиях. Они потребовали от Ореста, чтобы он ввел *hospitalitas* в Италии, но Орест отказался это сделать. Причина его отказа не совсем ясна. Я думаю, немногие согласятся с сентиментальным предположением Бари, что Орест «был в достаточной мере римлянином для того, чтобы считать, что земля Италии должна оставаться нетронутой»<sup>11</sup>. Система расселения, известная как *hospitalitas*, была введена в Галлии не варварами, а имперским правительством. Целью ее было удовлетворить интересы не варваров, а римлян. Судя по всему, она была в целом доброжелательно принята крупными римскими землевладельцами в Галлии; во всяком случае, нам не известно о каком-либо сопротивлении с их стороны. Почему же тогда патриций Орест рисковал своей жизнью и погиб ради того, чтобы не допустить введения *hospitalitas* в Италии? Прокопий нам об этом ничего не сообщает, и мы не можем делать хоть сколько-нибудь уверенных догадок на этот счет. По моему мнению, такая форма расселения нашла поддержку у галльских землевладельцев потому, что их имениям угрожали внутренние враги, а именно крестьяне-бунтовщики. Они предпочли смирных варваров своен-



равным и враждебно настроенным крестьянам (см. с. 34 и далее). Однако, насколько нам известно, ничто подобное не угрожало земельным имениям в Италии. Следовательно, расселение варваров на итальянской земле должно было быть навязано итальянским землевладельцам силой. Теодерих подчеркивает, что, пожертвовав частью своих земель, римляне приобрели военную силу, способную их защитить. Он также намекает на то, что, отдав часть своих владений, они обеспечили сохранность всей своей земельной собственности<sup>12</sup>. Единственным вероятным врагом в Италии были, по-видимому, не враждебно настроенные крестьяне (хотя у нас нет доказательств, подтверждающих это), а скорее сами солдаты-варвары. Поэтому условия расселения в Италии были менее благоприятны для «гостей», для *hospites*, чем они были в Галлии. В Галлии каждый варвар-поселенец получал две трети пахотной земли того имения, где его поселяли, в то время как в Италии он получал только одну треть. Так что слово *tertia* в отношении Галлии означало ту часть имения, которая оставалась в руках первоначального владельца, а в Италии *tertia* — это та часть, которая передавалась варвару. Возможно, это изменение условий поселения было уступкой возмущенным римлянам-землевладельцам Италии, хотя это не более чем догадка.

Как бы то ни было, Орест в 476 году отказал солдатам-варварам в их просьбе, и войска взбунтовались. Одоакр, который, видимо, к тому времени занял среди них высокое положение, пообещал удовлетворить их требования, если они признают его своим вождем. Солдаты согласились. 28 августа в Павии был убит Орест, а Ромула сослали на берег Неаполитанского залива, выделив ему пенсию. После этого Одоакр ввел систему *hospitalitas* в Италии.

## 2. Зинов и Одоакр

Каково было конституционное положение Одоакра теперь, когда Ромул был изгнан, а Орест мертв? По этому вопросу мнения исследователей полярно расходятся. На одном полюсе — Моммзен, который считал, что Одоакр был не только королем варваров, но также магистром армии, назначенным на эту должность восточным императором Зиномом. Иными словами, он был чиновником на службе у Зинона, управлявшим Италией от его имени, как Орест правил от имени Ромула или Аэций от имени Валентиниана III. Противоположной точки зрения придерживался А. Х. М. Джонс (*A. H. M. Jones*), полагая, что Одоакр был совершенно независимым королем, таким же свободным, как Гейзерих в Африке, не обязанным сохранять верность Константинополю. Италия больше не была частью Римской империи. Джонс убедительно показал слабые места теории Моммзена: в частности, у него нет убедительных свидетельств того, что Одоакр или Теодерих занимали должность магистра армии. И все же я думаю, что Моммзен ближе к истине, чем Джонс со своим тезисом о независимости Италии от власти Вос-

точной империи. Италия все еще была частью Римской империи, и никто в то время не считал ее независимым государством<sup>13</sup>.

Мне кажется, что положение Одоакра было не таким определенным и ясным, как полагают оба эти исследователя. Зимой 476—477 года, как только Одоакр утвердился в Италии, он обязал римский сенат отправить посольство к Зинону в Константинополь<sup>14</sup>. Послы передали Зинону знаки императорской власти, которые носил Ромул Августул, и объявили, что они больше не нуждаются в западном императоре: Зинов будет править обеими частями Империи. Эти слова имеют важное значение: послы, по сути дела, открыто признали право Зинона быть правителем Италии. Они не только не утверждали, что Италия больше не является частью Империи, а наоборот, они недвусмысленно заявили, что она остается ее частью. Вопрос целостности Империи даже не обсуждался. Далее послы сообщили, что Одоакр — это тот человек, который может защитить Италию, так как он умелый политик и опытный солдат. Они высказали Зинону две просьбы: сделать Одоакра патрицием и передать ему управление Италией. Но титул патриция сам по себе был всего лишь знаком социального статуса, он не нес в себе никакой власти, ни военной, ни гражданской. Такой титул не поставил бы Одоакра на один уровень с великими патрициями Западной империи прошлых лет, такими как Аэций, Рикимер, Гундобад и Орест. Ведь эти люди занимали высокие военные посты, и именно это, а не статус патрициев давало им власть. Так как послы не просили у императора какой-то определенной военной должности для Одоакра, с высоты которой он мог бы управлять Италией, то их намерение, очевидно, состояло в том, чтобы предоставить самому императору решить, какой пост должен занять Одоакр. Несомненно, они ожидали, что Зинов назначит Одоакра магистром армии: если военачальнику такого ранга присваивался статус патриция, это было равносильно признанию его главнокомандующим.

Послы не стали напоминать Зинону, что существует законный западный император Юлий Непот, которого Орест лишил трона в пользу своего сына Ромула и который все еще жил в Далмации. Зинону и не нужно было напоминать. Посольство самого Непота было в Константинополе в то же самое время, когда там находились посланцы Одоакра. Однако Зинов, хотя и сочувствовал Непоту, был совершенно равнодушен к иностранным делам: у него было слишком много забот дома, и он, конечно, не имел достаточной силы для того, чтобы вмешиваться в решение итальянского вопроса. Поэтому в своих ответах обеим группам послов Зинов занял срединную позицию. Послам законного западного императора Непота он ответил, что он не предоставит ему ни солдат, ни денег для восстановления его на итальянском троне. Послам Одоакра он дал весьма двусмысленный ответ: он дал им указание вновь принять Непота как полноправного правителя Италии. Если же Одоакр желает стать патрицием, он должен обратиться за этим назначением к Непоту, однако если Непот еще не присвоил Одоакру стату-

са патриция по своей собственной воле, то он, Зинон, сам сделает это! Непот — законный правитель Запада, и Одоакр должен вернуть ему его трон, и сможет стать патрицием: вероятно, предполагалось, что он должен будет стать правой рукой Непота и верховным главнокомандующим его армии, хотя Зинон прямо этого не утверждал.

Пока все было хорошо. Если бы Зинон остановился на этом, то его намерения были бы ясны. Но Зинон на этом не остановился. Хотя формально он отказался присвоить Одоакру статус патриция, в письме, которое ему написал, он обратился к нему как к «патрицию», и это, видимо, было еще до того, как у Непота появилась возможность обдумать свое решение по этому вопросу. Таким образом, император обращался к Одоакру как к патрицию, в то время как формально он патрицием не был. Одоакра это, возможно, озадачило. Похоже, он сделал вывод, что он так и не станет патрицием, так как в дошедших до нас документах он никогда себя патрицием не называет. Что касается второй просьбы послов — о том, чтобы поручить Одоакру управление Италией, — то Зинон ничего на нее не ответил. Однако затем он похвалил Одоакра за хорошее начало в деле управления Италией. Похоже, он даже намекнул, что и Непот одобряет то, как Одоакр взялся за эту задачу. Трудно представить, как можно было дать послам Одоакра более расплывчатый и двусмысленный ответ. Зинон дал понять, что его целью было помочь Непоту, но он не сказал ни слова о том, кем будет друг для друга Непот и Одоакр в том случае, если Одоакр позволит Непоту вернуться в Италию<sup>15</sup>.

Важно то, что, по нашим сведениям, Зинон никогда не возобновлял этих расплывчатых переговоров 476–477 годов. Насколько мы знаем, он так никогда и не прояснил смысл своих загадочных высказываний, поэтому конституционное положение Одоакра так и осталось неопределенным. Пока Юлий Непот был жив, никакой конституционной проблемы, конечно, не было, по крайней мере на бумаге: Непот оставался западным императором, теоретически имевшим полную власть над Италией. Говорят, что нумизматические свидетельства не оставляют сомнения в том, что Одоакр признавал его западным императором и чеканил для него в Италии монеты вплоть до 480 года, когда Непот был убит. Конечно, реально Непот не имел никакой власти над Италией, однако номинально он с полным правом оставался императором Запада<sup>16</sup>. Признание его власти Одоакром противоречило заявлению последнего о том, что Западу не нужен император. Но этот нюанс вряд ли мог беспокоить варвара; и, вероятно, Непот не возвращался до 480 года в Италию именно из опасений, что в этом случае его вряд ли ожидает долгая жизнь.

Вопрос в том, что произошло после убийства Непота? Он был убит ранним летом 480 года, и, насколько нам известно, ни Зинон, ни Одоакр не сочли нужным обсуждать сложившееся положение. Послы Одоакра в свое время недвусмысленно признали Зинона правителем обеих частей Империи. Зинон ни разу не упомянул о том, что считает Италию незави-

симой страной. Более того, подобная идея, на мой взгляд, была бы в то время абсолютно невозможна. По всем остальным вопросам, однако, ясности и согласия не было.

В 480 году и в последующие годы назначались западные консулы, но, хотя авторы хроник и упоминают имена этих консулов с целью датировки описываемых ими событий, нет подтверждений того, что восточное правительство их признавало<sup>17</sup>. Василий, консул 480 года, был признан, однако он, без сомнения, был ставленником Юлия Непота. Если бы Зинов признал консулов, назначенных Одоакром, он тем самым признал бы публично, что Одоакр равен ему по положению. Этого он, естественно, никогда бы не сделал. Что же касается отношения Одоакра к назначению магистром армии, то к этой теме мы еще вернемся (см. с. 65).

Кем воспринимал себя сам Одоакр? В документе, которым он даровал землю могущественному римскому аристократу Пиерию, он называет себя «королем Одоакром». На синоде итальянских епископов, который собрался в Риме в 483 году, консула 480 года Василия, который был префектом претория и патрицием, называли «посланником великого короля Одоакра». С другой стороны, Симмах, консул 485 года, в тексте на бронзовой табличке говорит о «нашем господине Зиноне и господине Одоакре». Видимо, он не знал, как точно обозначить их различия, поэтому поставил обоих в одинаковое положение, избегая нюансов<sup>18</sup>. На публичной надписи, которую Одоакр собственноручно расположил в римском Колизее, где ее мог увидеть весь мир, он называет себя не «королем», а просто «превосходнейшим (или что-то вроде этого) Одоакром». (Само прилагательное в надписи не сохранилось, но уцелевшая часть текста говорит о том, что короли там не упоминались.) Иными словами, в этом официальном и публичном документе Одоакр говорит о себе как об обычном гражданине и не претендует на то, чтобы быть кем-то еще<sup>19</sup>. Говорят, что он практически не оставил следа в истории нумизматики своего периода. Считалось, что на серебряных и медных монетах, которые он предположительно чеканил в Равенне, он называет себя просто «Флавием Одоакром», но недавно было обнаружено, что все монеты с его именем и изображением — подделки!<sup>20</sup> Так что когда Кассиодор сообщает нам, что «Одоакр принял имя короля, хотя не носил королевских знаков», то он преувеличивает: были случаи, когда Одоакр не употреблял слова «король»<sup>21</sup>. И наконец, подобно своему преемнику Теодориху и в отличие от независимых везеготских королей Испании Одоакр никогда не датировал официальные документы годами своего царствования. Так же поступали и все другие правители Италии<sup>22</sup>. Документы обычно подписывались именами Западного консула.

Тот факт, что статус Одоакра так никогда и не был определен, объясняет, почему как его современники, так и позднейшие авторы, которые о нем писали, стояли перед сложной задачей: как его называть? Иногда они называют его «королем» того или другого варварского народа, из тех, ко-

торые поставляли солдат для армии. Он может быть «королем готов и римлян». Он же — «король туркиллингов и ругов»<sup>23</sup>. Но чаще всего он просто «король», без уточнения<sup>24</sup>. Если даже сам он точно не знал, кто он, то историки вряд ли могли решить этот вопрос за него.

Следовательно, не будет преувеличением сказать, что с 476 вплоть до завоевания Италии Теодерихом в 489 году Одоакр не имел в Италии такого конституционного положения, которое можно было бы определить юридически. Он был патрицием и в то же время им не был. Он не имел от императора полномочий на управление Италией, и тем не менее император поблагодарил его за поддержание закона и порядка среди римлян. Более того, император молчаливо соглашался с его политикой в течение последующих тринадцати лет его правления. Одоакр часто, хотя не всегда, называл себя «королем». Практически он узурпировал власть западного императора, хотя никогда и не носил пурпура. Не обращаясь к Зинону, он производил назначения, сохранял традиционные римские государственные и общественные учреждения и руководил работой правительства как в гражданских, так и в военных делах. Но эта, деятельность, как мне кажется, не имела конституционного статуса. Кем был Одоакр: подчиненным Зинова, равным ему или независимым от него правителем? Последний из этих вопросов не вызывает сомнений: он никогда не претендовал на независимость от Константинополя и Зинов никогда ее не признавал. Остальные вопросы никогда официально не задавались, и никто на них официально не отвечал. Можно даже сказать, что официально Одоакр не существовал. Если предположить, что Одоакр был подчиненным Зинова, то какую должность он занимал? Ответа нет: он, конечно, не был магистром армии. Был ли он равен Зинону по положению? Но это бы означало, что он был Августом, а сам Одоакр никогда на это не претендовал. Не мог он быть и конституционным королем италийцев или варваров, живших в Италии: не существовало такого понятия, как «король италийцев». А вождь варваров-федератов, хотя таковой и мог называть себя королем верных ему варваров, никогда не мог быть признан в качестве короля. Хотя мы можем не соглашаться с общей концепцией А. Х. М. Джонса, но нельзя не согласиться с его замечанием, что «на самом деле нет никаких свидетельств того, что Зинов когда-либо говорил об официальном признании Одоакра»<sup>25</sup>. Зинов и Одоакр выразили недвусмысленное и формальное согласие лишь по одному пункту: Италия остается частью Римской империи (см. с. 61). Одоакр публично признал это на переговорах 476–477 годов, и через несколько лет это признал Теодерих Острогот.

Одоакр подарил Италии тринадцать лет внутреннего и внешнего мира. Он осуществил реформы, благодаря которым солдаты-варвары получили землю в Италии в качестве обычных федератов. После падения Ореста мы не знаем ни об одном случае недовольства или сопротивления римлян его действиям в этом направлении. Один римлянин, правда, впал в панику, увидев Италию под полным контролем варвара. Это был италийский

священник и аристократ по имени Примений. Он был тесно связан с Орестом и бежал в отдаленную провинцию Норик Прибрежный, «опасаясь убийц Ореста». Он не опасался варварского правления как такового. Он боялся, что его связь с Орестом приведет к столкновению с вполне определенными варварами<sup>26</sup>. (Его бегство в Норик Прибрежный говорит о том, что эта провинция находилась за пределами власти Одоакра.) Но на деле Одоакр оказался большим защитником свобод римского сената, нежели любой другой римский император. «Свобода римской аристократии, — писал Эрнст Штейн, — та свобода, за которую когда-то Брут и Кассий погибли в Филиппах, никогда не была восстановлена в такой полноте, как в годы правления первого варвара-короля Италии... В своих уступках римской аристократии он пошел даже дальше своих предшественников, Азция и Рикимера, так как в Италии уже не было представителя имперской традиции, который мог бы его остановить»<sup>27</sup>. Можно было бы ожидать, что положение католической церкви осложнится с приходом монарха-еретика, ведь Одоакр был христианином арианского исповедания. На самом деле жизнь церкви никогда еще не была так легка, по крайней мере во всем, что зависело от Одоакра. Можно сказать, что жизнь в Италии шла своим обычным чередом. Аристократии не на что было жаловаться: ей было гораздо легче влиять на относительно цивилизованного варвара-короля Италии, чем на императора-бюрократа в далеком Константинополе. Церковь не преследовалась. Крестьяне работали на полях и платили аренду и налоги, как и прежде. Общий упадок городов, вероятно, не ускорился заметным образом в годы правления Одоакра.

Однако если римским сенаторам не приходилось опасаться публичной казни во времена Одоакра, с его собратьями-германцами дело обстояло по-другому. Или потому, что они не одобряли его отношения к римской аристократии, или по какой-то другой причине, но в первые годы его правления некоторые из влиятельных приближенных короля были им недовольны. Так, 11 июля 477 года некий граф Брахила был казнен в Равенне, и, по любопытному замечанию Иордана, это было сделано для того, чтобы внушить ужас римлянам! В 478 году другой германец знатного рода по имени Ардарих восстал против Одоакра и был казнен вместе с матерью и братом 19 ноября<sup>28</sup>. Обидно, что мы ничего не знаем об этих бунтовщиках и их целях.

Таким образом, в самой Италии «падение» Западной империи — если понимать под этим смещение Ромула Августула — прошло почти незаметно. Как указывал Моммзен, германская Италия начала VI века, которую мы привыкли считать творением Теодериха Острогота, на самом деле была создана Одоакром. Не Теодерих ввел веротерпимость, не он первым воздержался от принятия новых законов, сохраняя древние римские учреждения. Все эти достижения, о которых так много говорится в сочинении Прокопия, принадлежат Одоакру, а приход остроготов означал всего лишь смену персонажей<sup>29</sup>.

### 3. Положение Одоакра в Империи

По странному совпадению ни Моммзен, ни Джонс не рассматривают в своих работах действия Одоакра в те дни, когда он понял, что Зинон послал Теодериха и остроготов в Италию для того, чтобы лишить его, Одоакра, власти. Теперь он был узурпатор, и очень жаль, что об этом важном периоде его жизни мы знаем только из одного фрагмента в сочинении Иоанна Антиохийского<sup>30</sup>. Мы узнаем, что в 489–493 годах, когда Одоакр, будучи объявленным вне закона, боролся с Теодерихом, он начал чеканить серебряные и бронзовые монеты, с которых было убрано имя и изображение Зинона. Вместо него появилось изображение, олицетворявшее Рим и Равенну<sup>31</sup>. Одоакр больше не демонстрировал верность Зинону, но он все же не объявил себя независимым королем. Вместо этого он объявил цезарем своего сына Телу (в других источниках его имя дается как Окла): он должен был стать новым императором Западной империи<sup>32</sup>. Одоакр, очевидно, намеревался сделать то, что не удавалось еще ни одному из великих варваров-главнокомандующих, а именно посадить на трон сына варвара. Кроме того, 1 апреля 489 года он назначил на должность магистра армии некоего Туфу, а после него на ту же должность был назначен Ливила. Как мы знаем, только император имел право назначать магистра армии, и Одоакр никогда ранее не пытался присвоить себе это право (даже Теодерих во время своего долгого царствования никогда такого назначения не делал). Этот шаг говорит о том, что Одоакр теперь применял императорскую власть, вероятно, от имени Телы<sup>33</sup>. Складывается впечатление, что он пытался вернуться на позиции 476 года: Тела должен был стать новым западным императором, имевшим неограниченную власть, позволявшую ему назначать магистра армии. Обе «части» Римской империи снова должны были восстановиться, а сам Одоакр должен был стать патрицием у своего сына Телы, как когда-то Орест был патрицием у Ромула. Одоакр мыслил исключительно римскими категориями. Ему, видимо, ни разу не пришла в голову идея независимого от Римской империи королевства. Однако Тела был Цезарь, а не *rex*.

Непонятно, правда, почему не Одоакр, а Туфа возглавил борьбу против Теодериха. Одоакр был еще не старым человеком. В 493 году, когда он был убит Теодерихом, ему было шестьдесят лет. Неясно также, какова была его военная должность. Но самое существенное — то, что он не объявил себя независимым монархом. С того дня, когда он вступил в римскую армию, то есть примерно с 461 года (см. с. 105), и до своей смерти в 493 году он оставался частицей Римской империи и никем другим себя не представлял. Он не стал ни Гейзерихом, ни Еврихом.

#### 4. Теодерих *rex*

Когда Теодерих, ставший патрицием, в 489 году отправился в Италию, он понимал свое положение так: если он свергнет Одоакра, то «сам будет править вместо него до тех пор, пока туда не прибудет Зинон»<sup>34</sup>. Так утверждает хорошо информированный автор — современник тех событий, и это утверждение заслуживает доверия. Теодерих должен был *de facto* занять положение Одоакра, хотя это положение никогда не было определено ни законом, ни формальным договором. Положение Теодериха тоже невозможно определить: когда один из современных исследователей говорит, что Теодерих должен был стать временным «королем»<sup>35</sup>, мы можем ответить, что слово «король» не использовалось и не подразумевалось. Позиция, не определенная во времена Одоакра, не определилась и сейчас<sup>36</sup>. Но Одоакр правил Италией целых тринадцать лет, и наверняка сама жизнь определила его полномочия. При Теодерихе подразумевалось, что Италия остается частью Римской империи и что Зинон остается ее законным правителем: он имел право приехать и мог прибыть в любой день. А пока что Теодерих, подавивший «восстание» Одоакра, будет присматривать за Италией по поручению Зинова и управлять ею от его имени. Таким образом, Зинон, который никогда не признавал независимость Италии, не сделал этого и сейчас. Он, кроме того, не стал назначать Теодериха магистром армии, как показывает в своей работе Джонс, хотя в течение нескольких лет вождь остроготов был патрицием.

В 491 году Зинон умер и его преемником стал Анастасий (491–518). Вскоре после его востшествия на трон «готы подтвердили, что Теодерих является их королем, не ожидая приказа нового императора»<sup>37</sup>. До этого в Италии было два правителя-варвара — Одоакр и Теодерих. Теперь Одоакр был уничтожен. Теодерих, очевидно, должен был ожидать, когда новый император признает его вождем обеих групп варваров, живших в Италии, — людей Одоакра (тех из них, кто уцелел) и остроготов. Но последние были в нетерпении. Они предупредили действия императора. Наш автор не говорит, что Теодерих был назначен королем варваров, он уже был правителем много лет, по крайней мере королем остроготов. Теперь он был утвержден королем, и, вероятно, не только остроготов, но и остатков тех герулов, ругов и других варваров, которые подчинялись Одоакру<sup>38</sup>. В чем мы можем быть уверены, так это в том, что Теодерих не стал королем и итальянцев и варваров. В этот период не существовало у итальянцев «короля». Поэтому в официальных документах единственный титул Теодериха — это титул короля без уточнения, над чем и над кем. Он не называет себя «королем готов» (хотя на самом деле он вполне мог им быть), потому что если бы он принял этот титул, он, видимо, ограничил бы свою власть варварами, исключив из нее итальянцев<sup>39</sup>. В то же время он не «король римлян» и не «король Италии». Он просто «король», без уточнения.



Его власть не была неограниченной. Прокопий приводит слова неких готов,<sup>40</sup> которые отмечали, что Теодерих никогда не принял ни одного закона, ни письменного, ни устного. Он имел право издавать «эдикты» и делал это в рамках римского законодательства, хотя свои уточнения он толковал весьма свободно<sup>41</sup>. Послы также отмечали, что Теодерих всегда позволял Восточным императорам назначать западных консулов. Он не мог предоставить готу римское гражданство или назначить его в римское государственное учреждение или сенат. Что касается последнего, то Теодерих, видимо, превысил свои полномочия, когда, по словам Кассиодора, назначил гота по имени Аригерн членом римского сената. Правда, Теодерих представил этого гота как «почти» римского гражданина<sup>42</sup>. Другой гот, по имени Тулуин, стал сенатором и патрицием при исключительных обстоятельствах, последовавших за смертью Теодериха, когда новый король был еще ребенком. Насколько мы знаем, допуск Тулуина в сенат мог быть санкционирован императором Юстинианом<sup>43</sup>. Теодерих мог присваивать готам титул *vir illustris*, который в римские времена автоматически подразумевал допуск в сенат. Но везеготские короли Испании также удостоивали готов этого титула, хотя в Испании не было сената, куда они могли бы войти. Так что если Теодерих и присваивал титул *vir illustris* готам, то из этого не следовало, что они обязательно становились членами сената.

Как бы ни назывался пост, занимаемый Теодерихом, ему понадобилось целых пять лет (492–497) терпеливых переговоров для того, чтобы убедить императора Анастасия признать его; и с этих пор он отбросил титул патриция, который до этого использовал. Когда Атанарих, внук и наследник Теодериха, в 526 году объявил императору Юстину (518–527), что занимает трон своего дедушки, он также выразил надежду, что Юстин удостоит его своей дружбы «на тех же договоренностях и условиях» (*illis pactis, illius condicionibus*), на которых он и его предшественник строили свои отношения с Теодерихом. Но он не сделал ни малейшей попытки объяснить, в чем заключались эти «договоренности» и «условия»<sup>44</sup>. Мне кажется, что эти договоренности и условия уже невозможно было установить, потому что и в прошлом они не были четко определены. Вполне возможно, что Анастасий признавал статус Теодериха в той же мере, в какой Зинон признавал статус Одоакра. В наших источниках встречаются такие места, читая которые мы думаем, что сейчас должна быть ссылка на конституционное положение правителя Италии, однако такой ссылки в тексте нет. Вероятно, наиболее характерным примером служит диалог между Велизарием и остроготами в Риме, состоявшийся в 537–538 годах, в котором говорилось, что «если бы готы... могли процитировать формальный договор или разрешение, уполномочивающие Теодериха править Италией, они бы обязательно это сделали»<sup>45</sup>. Отсюда я заключаю, что конституционное положение Теодериха, как и Одоакра до него, никогда не было четко определено.

Интересно посмотреть, как Прокопий в своем детальном повествовании говорит об этом. Складывается впечатление, что он не знает, как точ-

но называть готских вождей. Он говорит, что Теодерих свергнул Одоакра и что он сам взял «власть» (*kratos*) над готами и италийцами, при этом он не присвоил себе ни одеяния, ни имени «императора» (*basileus*) римлян, но по-прежнему назывался *rex*, то есть так, как называли правителей-варваров<sup>46</sup>. В другой части своего повествования он повторяет, что Теодерих имел власть над готами, но не упоминает италийцев<sup>47</sup>. Он приписывает Велизария замечание о том, что Зинов «не посылал Теодериха бороться с Одоакром для того, чтобы Теодерих правил Италией. Зачем императору менять одного тирана (узурпатора) на другого? Его цель состояла в том, чтобы Италия была свободна и подчинялась императору»<sup>48</sup>. Аталарих, по словам историка, также имел власть над готами и италийцами. Когда Амаласунта решила продать свой народ Юстиниану, она предложила передать ему власть над готами и италийцами<sup>49</sup>. Именно это желал сделать и Теодат<sup>50</sup>. С другой стороны, в одном поразительном месте своего сочинения историк высказывает личное мнение, что Теодерих был по имени узурпатором (*tyrannos*), но на деле настоящим императором (*basileus*), равных которому не было среди тех, кто завоевал себе славу на этом посту<sup>51</sup>. Далее он подчеркивает, что Теодерих был широко популярен как среди италийцев, так и среди готов. Однако это оценочное мнение, а не определение конституционного положения варвара.

Когда в 535 году началась великая война, употребление титулов слегка изменилось. Виттига теперь называют просто «вождь» (*hegoumenos*) готов, хотя его послы к царю Персии величают его гораздо более высоким именем. Они называют его ни больше ни меньше, как императором. По их словам, он — *basileus* готов и италийцев<sup>52</sup>. В 536 году готы избрали его *basileus* над собой и над италийцами. А в 540 году они одели Ильдибада в пурпур и объявили его *basileus* готов без упоминания италийцев<sup>53</sup>. Возникает впечатление, что Прокопий хочет указать на изменение в терминологии готов, хотя, возможно, он сам точно не знал, что эти изменения означают. Да и сами готы, если они хотели внести новизну в наименования титулов своих вождей, возможно, не до конца понимали, в чем состоит смысл этой новизны. Во всяком случае, мы не можем сделать вывод, что готы намеревались называть своих правителей «императорами». Не может быть варвара-императора. Вместе с тем слова, которыми остrogоты высказали свое предложение Велизария в 540 году, не вызывают сомнений: Велизарий определенно должен был стать *basileus* Западной империи, а в другом отрывке его называют *basileus* италийцев и готов<sup>54</sup>. Это слово может обозначать Западного императора, и вряд ли они могли бы склонить Велизария на свою сторону обещанием более низкого титула. Именно поэтому Велизарий считал, что если он примет это предложение без разрешения Юстиниана, он станет узурпатором. В своем втором предложении Велизария готы пообещали, что Ильдибад сложит свои пурпурные одежды к его ногам и окажет ему почести как *basileus* готов и римлян, то есть западному императору<sup>55</sup>. По моему мнению, эти предложения, сделанные Велизария, убедительно до-

казывают, что остроготы желали остаться в Римской империи и не планировали создавать независимое королевство. Они лишь хотели воссоздать ситуацию такой, какой она была до 476 года. Другим доказательством этого служат многократные заявления готов о своих военных целях. И Теодат, и Тотила недвусмысленно заявляли, что их цель — получить статус федератов, обязанных снабжать восточного императора солдатами — до 3000 человек, по словам Теодата, — каждый раз, когда император этого потребует. Кроме того, они были готовы выплачивать ему ежегодную дань в размере, определенном Теодатом как приблизительно 21000 *solidi* в год. Правда, автор не сообщает о том, что Тотила называл конкретную сумму. Оба короля сказали, что готовы уйти из Сицилии, а Тотила пообещал освободить и Далмацию. Они были согласны и на другие уступки, которые бы ясно показали, что они являются подданными Юстиниана. Во всех этих случаях Юстиниан твердо и определенно отказался от их предложений<sup>56</sup>.

В самом конце своего правления (541–542) Тотила чеканил в Риме серебряные и бронзовые монеты, на оборотной стороне которых были его имя и портрет с императорской диадемой на голове, но вряд ли мы из этого можем сделать вывод, что он тем самым предлагал считать себя императором Запада<sup>57</sup>. Наверняка он и сам с трудом бы придумал, как одним-единственным латинским словом назвать свою должность, которую и императоры не могли точно определить. Практически на самой последней странице своей «Истории» Прокопий рассказывает о том, что когда последний готский король Тейя был убит в сражении на горе Лактарий, римляне отрезали его голову и водрузили ее на шест, чтобы показать воинам, что их король мертв. Далее историк замечает, что остроготы продолжали биться, хотя знали, что их *basileus* убит<sup>58</sup>. Что это — описка? Или же он имеет в виду, что они видели в нем своего «императора»?

## 5. Вопрос о независимости Италии

По моему мнению, Восточные императоры никогда до конца не примирились с той ситуацией, которая сложилась в Италии после низложения Ромула Августула в 476 году или, точнее, после убийства Юлия Непота в 480 году. Вопрос о независимости Италии никогда не поднимался; ее конституционное положение не могло быть определено. Зинон был слишком слаб для того, чтобы сместить Одоакра своими силами. Его решение послать Теодериха и остроготов для смещения Одоакра решало некоторые проблемы Восточной империи — это избавило ее от остроготов — однако победа Теодериха оставила вопрос о положении Италии нерешенным. Отказаться от притязаний на Италию — это казалось невыполнимым. Вновь ее завоевать было невозможно — это произошло только после прихода к власти Юстиниана. После того как в 536 году началась великая война, римское правительство стало считать готских правителей Италии

просто узурпаторами. Человек, сделавший надпись, в которой Теодерих был назван не только «королем» но и «Августом», позже наверняка пожалел о своей несдержанности: он присвоил Теодериху титул, на который тот никогда не претендовал<sup>59</sup>. Валерий Флор вел себя гораздо мудрее, когда в начале своей надписи назвал Анастасия «Августом», а Теодериха просто «славнейшим и самым триумфальным» Теодерихом<sup>60</sup>. Это было лестно, туманно и безопасно.

## V. ЗАВОЕВАНИЕ ИТАЛИИ ВИЗАНТИЕЙ: ВОЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

9 или 10 декабря 536 года Велизарий вошел в Рим. 21 февраля 537 года остроготский король Виттиг, двигаясь со своим войском на юг из своей столицы в Равенне с тем, чтобы начать осаду Рима, достиг Соляного моста на реке Анио<sup>1</sup>. Велизарий возвел на мосту укрепления и оставил там гарнизон, но ночью, после подхода короля, гарнизон Велизария впал в панику и разбежался. На следующее утро Велизарий в сопровождении тысячи всадников выехал в направлении моста для того, чтобы произвести рекогносцировку местности. Он не знал о том, что его войско рассеялось и что готы уже были за рекой. Мощная атака готской кавалерии застигла его врасплох. Перебежчики указали его готам, и те направили атаку лично на него. Битва была жестокой, и только чудом Велизарии удалось вырваться невредимым. Он галопом поскакал обратно в Рим, а готы преследовали его по пятам.

### 1. Анализ военной тактики готов, сделанный Велизарием

Это было его первое столкновение с врагом, и, несмотря на волнение и суматоху битвы и на то, как стремительно все произошло (все это блистательно описано Прокопием), Велизарий сохранил достаточное хладнокровие, чтобы заметить кое-что для себя интересное. Добравшись до Рима, он объявил жителям города: теперь он уверен в том, что выиграет войну. Это объявление римляне встретили громким смехом: они считали, что человек, чуть не погибший в первой же стычке с готами, не имел права призывать их относиться к врагу с презрением<sup>2</sup>. Но они ошибались.

Велизарий заметил, что войско остроготов и войско византийцев отличались друг от друга, и пришел к выводу, что это различие имеет существенное значение. Он, конечно, и раньше знал, что византийская кавалерия и кавалерия союзников, набранная из степных кочевников Юго-Восточной Европы, практически целиком состояла из верховых лучников. Но



Карта 4. Италия около 600 года нашей эры

теперь он обнаружил, что кавалерия готов была вооружена не луками и стрелами, а копьями и мечами. Лучники же были пехотинцами и шли в бой только под прикрытием своей кавалерии. Он понял, что готская кавалерия будет бессильна против стрел византийцев, если только не сойдется с ними в ближнем бою<sup>3</sup>. При правильной тактике остроготы не смогут дать достойный ответ византийским верховым лучникам и погибнут раньше, чем смогут приблизиться к врагу достаточно близко для того, чтобы применить свои копья или тем более вынуть из ножен свои мечи. А что касается готской пехоты, то она не сможет на равных сражаться с тяжеловооруженными верховыми лучниками.

Правда, здесь возникает один вопрос, на который у меня нет ответа и который редко поднимался<sup>4</sup>. Дело вот в чем. Как могло случиться, что Велизарий приехал в Рим, не имея самых элементарных сведений о неприятеле? Неужели он ничего не выяснил до того, как покинуть Константинополь? Повествование Прокопия не оставляет нам сомнений: Велизарий действи-

тельно ничего или почти ничего не знал о военных особенностях готов до того дня, когда они неожиданно напали на него в окрестностях Рима.

Такое случалось с ним и раньше. В 533 году, когда он направлялся в Африку для борьбы с вандалами, его армада бросила якорь у безлюдных берегов Сицилии, недалеко от подножия горы Этна. Прокопий наблюдал, как Велизарий стоял на берегу, озадаченный и обеспокоенный тем, что он ничего не знал о вандалах, с которыми собирался сражаться. Он не знал, что они за люди, как они воюют, какие военные действия ему предстоят и где ему следует расположить свой лагерь (последнее, впрочем, кажется более объяснимым)<sup>5</sup>. А ведь в те годы было достаточно людей, побывавших в вандалской Африке. Более того, многих восточных торговцев, живших Карфагене, вандалы посадили в тюрьму, подозревая, что они подстрекали Юстиниана к войне. В городе, однако, было много других, и иностранных и карфагенских торговцев, не пострадавших от вандалов<sup>6</sup>. Тем не менее, только добравшись до Сицилии, Велизарий задумался о том, где его корабли могут пристать к африканскому берегу и где его войска могут разбить лагерь. Возможно, причина этих затруднений в неточности древних карт. Велизарий заранее выслал Прокопия в Сиракузы с тем, чтобы там получить необходимую информацию. Но даже и теперь, по словам Прокопия, он не просил его разузнать о том, как воюют вандалы<sup>7</sup>. (Прокопию также было поручено выяснить, не подстерегает ли византийцев неприятельский флот в засаде; но этого Велизарий действительно никак не мог узнать заранее.) Еще более странным кажется то, что когда Велизарий со своей армадой кораблей уже достиг Сицилии, король вандалов еще ничего об этом не знал<sup>8</sup>. А ведь армада отошла от Константинополя в июне, делала много остановок на пути и дошла до Африки только в сентябре<sup>9</sup>. Более того, король выбрал именно этот неудачный момент для того, чтобы выслать экспедиционное войско в Сардинию, которая восстала против него. Предводитель сардинских повстанцев обратился за помощью к Юстиниану<sup>10</sup>, поэтому король вандалов считал, что если Константинополь и вышлет корабли, то именно в направлении Сардинии<sup>11</sup>. Он не знал, что корабли уже пришли и пришли отнюдь не в Сардинию. Кажется почти невероятным, что король ничего не знал о передвижении огромного флота, состоявшего не менее чем из 500 транспортных судов и 92 боевых кораблей, однако Прокопий утверждает это со всей определенностью. Кроме того, тот флот, что король послал большую часть войска в Сардинию, а сам в это время уехал в Гермийон, расположенный в четырех днях езды от моря<sup>12</sup>, не оставляет сомнений в том, что он действительно ничего не знал о приближении Велизария. Что еще более странно, мавры, жившие в Африке к западу от вандалов, видимо, знали о подходе византийского флота еще до того, как он достиг Африки<sup>13</sup>. Прокопий в своем сочинении описывает вандалские методы ведения войны в малейших деталях: он предполагает, что его читатели ничего об этом не знают<sup>14</sup>. Это вполне понятно, но тот флот, что и Велизарий знал ровно столько же, кажется

необъяснимым. Похоже, что новости в Средиземноморье VI века доходили или с большими искажениями, или не доходили вовсе.

## 2. Военная тактика Велизария

Возвращаясь к нашей теме, надо сказать, что Велизарий незамедлительно проверил свои новые знания на практике. Он защищал Рим с армией, насчитывавшей примерно 5000 человек, в то время как у готов было примерно 20 000 воинов<sup>15</sup>. Велизарий защищался с присущей ему агрессивной энергией. Он выслал двадцать своих всадников с заданием захватить высоту в окрестностях города, неподалеку от Соляных ворот. Им был дан приказ применять в схватке с врагом только луки и стрелы, не прикасаясь к своим мечам и копьям. Когда стрелы закончатся, они должны на полной скорости, галопом мчаться обратно в Рим, ни в коем случае не вступая в ближний бой с неприятелем.

Все шло по плану. Римские всадники заняли высоту. Готы, выбежав из своего лагеря, начали взбираться на холм, пытаясь вытеснить оттуда римскую кавалерию. Те засыпали плотные ряды атакующих тучей стрел, а когда стрелы кончились, поскакали обратно в город, выполняя приказ Велизария. Толпа готов преследовала их до городских стен, однако на стенах были установлены катапульты, выпускавшие стрелы, и это остановило нападавших. Через несколько дней Велизарий повторил этот маневр, нанеся готам еще большие потери. Третья вылазка увеличила потери готов до 4000 человек, если верить Прокопию, хотя его оценки неприятельских потерь бывают часто завышенными<sup>16</sup>.

Самое удивительное то, что Виттиг, который не был бездарным военачальником, по крайней мере в этот период, не сделал никаких выводов из этих, так дорого ему обошедшихся, уроков. Наоборот, он ошибочно заключил, что и его всадники могут с тем же успехом сделать то, что сделали римские кавалеристы, и одержать такую же победу. И вот он выслал 500 всадников для захвата одного из холмов вне досягаемости римских катапульт. Поднявшись на холм, готы встали там в ожидании схватки с византийцами, которые, как они рассчитывали, попытаются их оттуда вытеснить. Велизарий принял вызов. Византийские всадники числом не менее тысячи галопом подлетели к холму и кружили вокруг него, осыпая беспомощных готов тучей стрел<sup>17</sup>.

## 3. Военные успехи Тотилы

Возникает следующий вопрос: как смогли готы преодолеть свою военную отсталость? Ведь война длилась целых пятнадцать лет, значит, в конце концов какое-то решение, полное или частичное, было найдено. В годы

правления Виттига этого, видимо, не случилось. Если наши источники ясно говорят о том, что Виттиг даже не замечал этой проблемы, то его шансы на успех были, конечно, минимальны<sup>18</sup>. Неудивительно, что к 540 году, когда Виттиг был низложен, готы потеряли всю Италию к югу от реки По, включая и свою столицу Равенну. Конечно, никто не был в состоянии за один день превратить армию копьеносцев в армию верховых лучников. Для того чтобы стать умелым лучником, как мне кажется, требуется долгая тренировка. Невозможно быть копьеносцем и лучником одновременно, особенно если вы при этом находитесь в седле. Но в 540–541 годах все резко изменилось. Виттиг был низложен, Велизария перевели на восточную границу Римской империи, а его преемники были некомпетентны, и между ними не было согласия. Но главное заключалось в том, что готы выбрали своим королем величайшего правителя со времен Теодериха Великого. Имя его было Тотила, хотя он также был известен как Бадуила.

Он стал королем в сентябре 541 года, и в течение пяти лет одерживал только победы. К концу своей жизни он стал чеканить монеты, на которых он был изображен в императорской короне, хотя значение этого нам неизвестно<sup>19</sup>. Он выигрывал битвы и занимал итальянские города. Как ему это удавалось? Этот вопрос даже сложнее, чем может показаться на первый взгляд, так как в это время готы, по-видимому, испытывали недостаток оборонительного вооружения. Правда, римские оружейные мастерские продолжали работать и при остроготских королях, но насколько производительным был их труд, нам неизвестно<sup>20</sup>. Прокопий иногда в своем повествовании отвлекается и отмечает, что тот или иной острогот был в шлеме и в нагрудных латах. Если бы это было нормой, вряд ли бы наш автор каждый раз на этом останавливался. Причем люди, о которых он в этих случаях говорит, — все без исключения или вожди, или влиятельные воины<sup>21</sup>. Тот факт, что историк считает своим долгом это отметить, говорит о том, что острогот в шлеме и нагрудных латах был исключением из правила, то есть это были только представители остроготской знати. Рядовые воины не имели никакого оборонительного вооружения, кроме щита. В то же время римские верховые лучники были защищены и нагрудными латами, и наколенниками, а у некоторых был еще и небольшой щит, закрепленный на шее и защищавший лицо. На тот случай, если им придется столкнуться с противником лицом к лицу, у них имелся меч. Он был закреплен на ремне с левой стороны. Иногда, кроме этого, они были вооружены еще и копьем<sup>22</sup>. При таких неравных возможностях мастерство Тотилы и мужество его воинов еще более впечатляют. Они подвергали себя постоянному риску погибнуть от византийской стрелы еще до того, как успеют вытащить меч или поднять копье. Как же им удавалось выжить? Я думаю, это была стратегическая заслуга их короля, который одерживал победу за победой. Он умел так хорошо планировать свои операции, что его воинам удавалось устраивать засады, заставить армии Юстиниана врасплох и заставлять их менять маршрут.



Надо признать, что его победы не были решающими, но он одерживал их одну за другой, и это приносило нарастающий эффект. В 542 году он разгромил неприятеля в Фавенции, в 546 году — в окрестностях Рима, в том же году одержал победу в Порте. Во всех трех случаях он достиг успеха тем, что заманивал противника в засаду вместо того, чтобы сражаться с ним лицом к лицу<sup>23</sup>. В 541 году в Муцелле (современный Муджелло) в окрестностях Флоренции он разгромил трех византийских генералов, но тогда это произошло потому, что византийские войска впали в панику<sup>24</sup>. В 547 году Тотила рассеял вражескую армию в Лукании, напав на византийцев, пока те спали. Сразу после этого ему удалось уничтожить римских кавалеристов в Русциане (современный Россано) в Бруттии: он застал их врасплох и они не успели собраться вместе<sup>25</sup>. Мы не знаем подробностей о победе готов при Салоне в 549 году, однако известно, что их победа в Сардинии в 551 году была одержана также благодаря неожиданному нападению на врага<sup>26</sup>. Практически ни разу они не побеждали римлян в полномасштабном решающем сражении.

#### 4. Война с Виттигом

Война в Италии стала войной осадной. Византийцы быстро занимали города, а задача остроготов заключалась в том, чтобы выбить их оттуда. Посмотрим, как остроготы подходили к осаде укрепленных городов. В течение всей римской истории германские народы проявляли полную неспособность к осадной войне, и Виттиг был единственным готским военачальником VI века, который пытался штурмовать города с помощью осадных машин, которые для византийцев были обычным делом. В 537 году, готовясь к штурму стен Рима, Виттиг построил деревянные башни, высотой равные городским стенам. На каждом из четырех углов каждой башни находилось колесо, а тянули эти башни быки. Эта конструкция позволяла воинам, находившимся внутри башни, приблизиться к городской стене, не подвергая свою жизнь опасности, и доставить туда стенобитное орудие. Для того чтобы эти машины могли переехать через ров, опоясывающий город, готы приносили охапки палок и соломы и бросали их в ров до тех пор, пока его уровень не сравнялся с землей. Теперь башни могли переехать через ров и приблизиться к стенам. Во всяком случае, таков был план готов<sup>27</sup>.

Увидев, как к стенам двигаются эти неуклюжие сооружения, Велизарий разразился смехом, хотя его воины все же были напуганы. Как только башни подъехали ко рву, он взял свой лук и поразил насмерть двух готов, из тех, которые не были спрятаны в башне. Его воины тут же закричали от восторга и пустили море стрел в быков, которые тащили башни. Быки тут же пали, и башни остановились<sup>28</sup>.

На следующий год Виттиг сделал еще одну попытку использовать осадные машины — на этот раз при осаде Римини. Он опять построил высокую

деревянную башню на четырех колесах, но на этот раз быков не было — Виттиг усвоил урок Рима. Эту башню толкали воины, находящиеся внутри нее. Достигнув стен Римини, они должны были быстро забраться по очень широкой лестнице, устроенной внутри башни, и оказаться на стенах, где они могли на равных сражаться с защитниками города. Но когда башня пришла в движение и начала приближаться к стенам, воины, бывшие внутри, заметили, что уже темнеет и вот-вот наступит ночь. (Казалось бы, они должны были знать, что рано или поздно такой момент настанет.) Воины оставили в башне нескольких часовых, а сами ушли спать. Ночью римляне, выйдя из города, вырыли перед башней глубокий ров, причем никто им не мешал, так как часовые в башне крепко спали. На следующее утро взбешенный Виттиг некоторых из часовых казнил, однако не потерял надежду использовать башню. Как и за год до этого в Риме, его воины собрали кучу палок и забросали ими ров, вырытый ночью римлянами. Однако король позабыл о том, что в Риме башни так и не переехали ров. Теперь, когда башня двинулась вперед, палки просели под ее весом, и башня застряла намертво. Правда, готам в конце концов удалось притащить ее обратно в свой лагерь, но это было сделано ценой многих жизней<sup>29</sup>.

Виттиг не был знатоком военной техники, и это была последняя попытка остроготов строить и применять осадные машины подобного типа. Что касается катапульт, с помощью которых римляне с сокрушительными результатами забрасывали врагов стрелами и камнями, то готы почти не пытались их использовать. При осаде Рима в 537 году Виттиг соорудил несколько *ballistae*, однако воины Велизария подожгли их, и не совсем понятно, удалось ли готам их использовать<sup>30</sup>. Точно известно, что готы имели в своем распоряжении *ballistae* в 552 году, но опять-таки они так и не были использованы<sup>31</sup>. Иногда готы применяли другую тактику. Они выпускали тучи стрел по защитникам города, вынуждая их надолго спрятаться в укрытии. И вот, когда защитники были таким образом нейтрализованы, другие воины бросались к стенам с лестницами в руках. Они надеялись установить лестницы и забраться на стены до того, как защитники оправятся от града готских стрел. Правда, эта тактика ни разу не позволила готам захватить город, удерживаемый византийцами, хотя пару раз им это почти удалось<sup>32</sup>.

Тотила всем этим заниматься не любил. Правда, в 547 году он пытался взять штурмом Рим, но был отброшен самим Велизарием. Это стало первым поражением короля<sup>33</sup>. Он штурмом взял Перуджу в 549 году, но мы не знаем, как именно происходила последняя атака на город. К тому времени город был в осаде уже четыре года, и, возможно, у жителей уже не осталось сил даже на минимальное сопротивление<sup>34</sup>. Мы не знаем, как в начале своего правления он захватил Цезену, Петру и Беневент<sup>35</sup>. Но мы знаем, что обычно он вообще избегал фронтальных атак — видимо, он понимал, что его войскам не хватает технических средств. Вместо этого он просто держал итальянские города в осаде и ждал, пока голод не заставит защитников

сдаться. В перерыве между двумя сроками командования Велизария (540–544) и даже во время его второго пребывания в Италии византийцы защищались очень слабо, и Тотила вполне мог ждать, пока голод не сделает свое дело или пока кто-то из горожан или из воинов гарнизона, умирая от голода, не откроет ему ворота. Таким образом он захватывал или пытался захватить город за городом по всей Италии, при этом в Плацентии и в некоторых других городах были отмечены случаи каннибализма<sup>36</sup>.

## 5. Разрушение остроготами городских укреплений

Если Тотила захватывал какой-либо город в Италии, он, как правило, разрушал часть городских стен или же вообще сравнивал стены с землей. До него Виттиг уже уменьшил вполовину высоту стен городов Пизаурума (Пезаро) и Фануса (Фано) на Адриатическом побережье и разрушил стены Милана, однако он пощадил стены Рима и некоторых других городов<sup>37</sup>. Тотила взялся за эту работу более основательно. Он собирался полностью разрушить стены Неаполя, но, разрушив только часть из них, остановился, и остатки городских стен уцелели<sup>38</sup>. Он полностью разрушил стены городов Сполето и Беневент<sup>39</sup>. Он разобрал укрепления Тибура (Тиволи), но впоследствии ему пришлось их восстановить<sup>40</sup>. Когда 17 декабря 546 года он захватил Рим, перед ним встал вопрос: что делать с городом? Поначалу он решил стереть Рим с лица земли (задача, которая могла бы оказаться трудновыполнимой). Затем он начал сносить городские укрепления. Он разрушил их в нескольких местах, так что примерно одна треть (по нашим источникам) всей окружности стен была уничтожена, при том что стены Аврелиана тянулись вокруг города на двенадцать миль. Некоторые части Рима он предал огню, но затем отошел от этой практики<sup>41</sup>. Именно тогда Вечный город на сорок или более дней оказался необитаемым. Там не было никого, кроме диких зверей. Кажется, это был единственный раз, когда Рим был в таком запустении, с тех самых дней, когда Ромул и Рем тринадцатью столетиями раньше основали этот город<sup>42</sup>.

То, что остроготы всегда разрушали укрепления захваченных ими городов, можно объяснить двумя причинами. Во-первых, они хорошо знали, что если укрепления останутся на своем месте и позднее город вновь попадет в руки византийцев, то остроготам опять придется начинать долгую изнурительную осаду. В то же время Пизаурум и Фанус, где Виттиг разрушил укрепления, как выяснилось, уже не представляли никакой опасности<sup>43</sup>. Поэтому Тотила снес стены Беневента «с тем, чтобы войско, пришедшее из Византии, не могло использовать город как свой опорный пункт и причинять неприятности готам»<sup>44</sup>. Однако то, чего готы боялись больше всего, произошло в самом Риме. Как мы уже говорили, они не до конца разрушили городские укрепления Рима, и теперь Велизарий снова был там, и стены снова защищали его. Прокопий приписывает Тотиле речь, в кото-

рой король обсуждает эту проблему после того, как некоторые из знатных готов осудили его за то, что он в свое время не до конца разрушил город<sup>45</sup>.

У остороготов была и другая причина разрушать захваченные ими города, и эта причина может показаться несколько неожиданной. Прокопий неоднократно подчеркивает страстное желание готов покончить с осадами городов и заставить византийцев встретиться с ними в решительном сражении. По его словам, в вышеупомянутой речи Тотила заявил: «Когда мы взяли Беневент, мы снесли стены и сразу же захватили другие города, в которых мы решили таким же образом снести оборонительные стены, чтобы армия неприятеля не имела опорной базы для ведения стратегических военных действий, а была бы вынуждена немедленно спуститься на равнину и сразиться с нами». Когда Тотила захватил Неаполь, «он начал сносить стены Неаполя с тем, чтобы византийцы не смогли, захватив город вновь, использовать его как мощную базу и наносить удары готам; он хотел раз и навсегда победить или проиграть в открытом бою на равнине, а не вести затяжную борьбу с использованием разных приемов и хитростей». Сказанное относится к 543 году. А в 550 году Тотила вновь появился в окрестностях города Центумцеллы (Чивитавеккья) на пути в Сицилию, которую он намеревался повторно завоевать. В городе находился многочисленный византийский гарнизон, и король призвал его без промедления покинуть город и сразиться с ним в решающей битве<sup>46</sup>. Таким образом, в течение всего своего царствования Тотила стремился не только к открытой схватке с мелкими или второстепенными византийскими силами — с ними, как мы видели, он часто stalkивался и побеждал их в неожиданном нападении или в засаде. Нет, король желал встретиться в битве с основными силами захватчиков и уничтожить их.

Единственное, что, на мой взгляд, может объяснить поведение Тотилы, это то, что он, как и Виттиг до него, не осознавал превосходства конного лучника над конным копьемосцем. Трудно поверить, что за все одиннадцать лет царствования эта мысль его ни разу не посещала. Он действительно, судя по всему, не провел никаких тактических реформ в своей армии и уж наверняка не научил своих кавалеристов обращаться с луком и стрелами<sup>47</sup>.

Несомненно, стратегические идеи Тотилы были дерзкими. Человека, который сумел в 550 году захватить Сицилию, в то время как оба берега Мессинского пролива (не говоря уже о других крепостях) были в руках византийцев, не назовешь плохим стратегом. Человек, который осенью 551 года послал флот из 300 кораблей на завоевание Корфу и побережья Далмации и в том же году захватил и подчинил себе Корсику и Сардинию, не был робким сторонником обороны. Его дипломатические инициативы были столь же смелыми. Он, возможно, вел переговоры со славянами и наверняка с франками<sup>48</sup>. Но при этом, насколько мы знаем, он не внес никаких изменений в тактику и оснащение своей основной военной силы — кавалерии. То, что Велизарий сразу же заметил во время той пер-

вой ожесточенной стычки у стен Рима — превосходство конного лучника над конным копьеносцем, — Тотила или не заметил, или, если заметил, то не придал этому значения. Возможно, он просто понял, что ничего не может с этим поделать.

## 6. Битва на море

Одна из загадок военной деятельности Тотилы заключается в следующем: почему он пытался одержать победу в морских сражениях? Ведь море было той стихией, с которой готы почти не имели дела и о которой мало что знали. Правда, Теодерих Острогот в последние годы своего царствования строил планы создания остроготского флота из 1000 *dromones* для доставки грузов и борьбы с флотом неприятеля<sup>49</sup>. Но, видимо, до конца этот план так и не был осуществлен. Несколько раз за время войны готы снаряжали корабли. У нас есть сведения о том, что Виттиг смог выслать «много» кораблей против Салоны<sup>50</sup>. Есть несколько упоминаний о том, что в распоряжении Тотилы были *dromones*<sup>51</sup>. Но в 551 году остроготские войска на кораблях числом не менее 300 пересекли Адриатику, опустошили остров Корфу и несколько соседних островов, затем направились к Греции, где разграбили три города и чинили препятствия римскому судоходству. Вслед за этим произошло решающее событие. Недалеко от Сены Галльской (современная Сеногаллия), в семнадцати милях к северу от Анконы состоялось морское сражение между другой готской флотилией, состоявшей из сорока семи кораблей, и византийской эскадрой из пятидесяти кораблей. Прокопий так живо и подробно описывает это событие, что этим описанием нельзя не восхищаться. Я не до конца понимаю, какое значение имела эта битва. По словам Прокопия, римские командиры говорили своим подчиненным перед началом битвы, что она будет иметь решающее значение для исхода всей войны<sup>52</sup>, но, похоже, при этом командиры имели в виду не столько морское сражение, сколько стратегическую важность обороны Анконы. Их мнение оказалось вполне обоснованным. Битва окончилась сокрушительным поражением готов, и Прокопий дает по этому поводу неожиданный комментарий: «Эта битва в большей степени разрушила самоуверенность и мощь Тотилы и готов»<sup>53</sup>. Это подтверждается тем, что вскоре готы под угрозой голода вынуждены были отдать четыре крепости в Сицилии, которые они до тех пор удерживали: новость о поражении на море лишила защитников крепостей остатков мужества, хотя, впрочем, и до того их моральное состояние было невысоким<sup>54</sup>. Не совсем понятно, почему события, происходившие на море, имели такие серьезные последствия. Все же морские сражения не могли быть для готов смыслом их жизни. Единственное правдоподобное объяснение можно найти в том же сочинении Прокопия, где он говорит, что кораблями командовали знатнейшие из готов (*logimoi*)<sup>55</sup>. Возможно, что в

битве у Сеногаллии погибло необычно большое количество готских правителей. Иначе трудно объяснить, почему это событие имело такое колоссальное значение.

В конце лета 551 года, еще до битвы у Сеногаллии, Тотила решил захватить Корсику и Сардинию. Прокопий не сообщает о его возможных мотивах. Может быть, он решил таким способом поднять моральный дух своих воинов? Или он просто неправильно оценил обстановку? Во всяком случае, во время последовавших событий, которые оказались критическими для Тотилы, его войска оказались раздробленными. Когда византийцы, осажденные готами в Кротоне, неожиданно прорвали осаду, боевой дух готов упал низко как никогда, вплоть до того, что осаждавших охватила паника<sup>56</sup>. В результате падения крепостей в Сицилии и поражения на море готы, согласно Прокопию, «находились в состоянии глубокой тревоги и начали испытывать отчаяние от войны, не имея теперь никакой надежды»<sup>57</sup>. Непосредственным результатом прорыва осады Кротона было то, что готские гарнизоны в Таренте и Ахеронтии начали переговоры о сдаче, так как их боевой дух был сломлен<sup>58</sup>.

По мере того как тучи над ним сгущались, Тотила отчаянно пытался, как неоднократно в прошлом, достичь договоренности с Юстинианом (с. 72). Но Юстиниан не принял послов Тотилы, которые привезли с собой условия договора. Целью императора, по словам древнего автора, было уничтожить из памяти Римской империи само слово «готы»<sup>59</sup>.

## 7. Успехи остроготов

Вскоре после того, как его корабли отплыли на завоевание Корсики и Сардинии, Тотила наконец получил шанс, которого ждал много лет. Основные силы подкрепленной византийской армии выступили от Равенны к югу, нанесли удар где-то к западу от Аримина (который все еще находился в руках готов) и двинулись в сторону Рима по Фламиниевой дороге. Когда эти известия дошли до Тотилы, он решил не упустить свой шанс, о котором столько мечтал. Он двинулся к северу по той же дороге, и армии противников сошлись в Апеннинах в местечке, которое Прокопий называет Тадинум (хотя топография последовавшей за этим битвы не совсем ясна, так как Прокопий не был ее очевидцем)<sup>60</sup>. Неподалеку находились некие памятники, называемые *Busta Gallorum*, то есть «могилы галлов». Это название увековечило некую давно забытую победу, одержанную древними римлянами-республиканцами над кельтами почти за тысячу лет до этого. К этому времени боевой дух византийцев был уже восстановлен после чумы 542–543 годов и поражений, нанесенных им Тотилой в предшествующие годы. По прибытии в Буста Галлорум Тотила, по-видимому, был неприятно поражен, увидев, что противостоящая ему армия гораздо многочисленнее его собственной. За время войны такое, пожалуй, случи-

лось впервые. Насколько нам известно, готской армии, насчитывавшей от 15 000 до 20 000 готов и перебежчиков, противостояла византийская армия, состоявшая из по меньшей мере 25 000–30 000 человек<sup>61</sup>. Тотила, вероятно, не знал того важного факта, что византийской армией командует престарелый армянин-евнух. Этого евнуха звали Нарзес, и это был военачальник, который, как показала история, был не менее талантлив, чем сам Велизарий<sup>62</sup>.

Перед самым началом битвы Тотила дал своим воинам приказ сражаться только копьями и ни в коем случае не применять луки или какое-либо иное оружие<sup>63</sup>. Прокопий находит этот приказ необъяснимым. Более того, я не слышал ни об одном удовлетворительном объяснении этого странного приказа. Тактика, выбранная Тотилой, была самоубийственной. В наиважнейший момент жизни он не смог проявить своих способностей. Полководческий талант, принесший столько побед над византийцами, покинул его именно тогда, когда он более всего в нем нуждался. Его кавалерия была практически уничтожена византийскими лучниками, причем в своем паническом отступлении всадники увлекли за собой готскую пехоту и все они, потеряв голову, бросились бежать, «напуганные так, как будто на них напали привидения или как будто враги поражали их с неба»<sup>64</sup>. Шесть тысяч воинов погибли в этой битве, многие сдались в плен, после чего византийцы безжалостно казнили всех пленных. Перебежчики из римской армии сражались до конца, и из них не выжил почти никто<sup>65</sup>. Сам Тотила или погиб на поле боя, или же был убит при отступлении.

Как нам оценивать Тотилу? Прежде всего отметим, что за все время второго пребывания в Италии (544–549 годы) Велизария — этому великому военачальнику — не удалось одержать ни одной победы<sup>66</sup>. Ему не хватало войск из-за того, что Юстиниан истощил ресурсы Империи, и кроме того, эпидемия чумы 542–543 годов унесла жизни многих из тех, кто мог бы стать римским солдатом. Даже его преданный секретарь Прокопий признает, что в 549 году «Велизарий вернулся в Византию без всякой славы, ибо за все пять лет в Италии он ни разу не высадился где-либо за пределами городских стен и дойти куда-либо по суше у него тоже не хватало сил. В течение всего этого времени он скрывался в бегстве, постоянно переплывая от одного приморского укрепления к другому вдоль берега». В своей «Тайной истории» Прокопий повторяет эту оценку и добавляет, что «Тотила страстно желал схватиться с ним вне городских стен, но он его так и не нашел, ибо и Велизарий, и вся римская армия были охвачены глубоким страхом»<sup>67</sup>. Очевидно, Тотила был неординарным военачальником, раз он смог целых пять лет держать Велизария в таком напряжении, заставляя его красться вдоль итальянского побережья. Можно сказать, что Тотиле удалось задержать движение истории на одиннадцать лет. Он подобен тем благородным, но обреченным героям, среди которых — Верцингеториг, Каратак и многие другие; все они храбро сражались за независимость своей менее развитой культуры, против аг-

рессии другой, более развитой. Мы не знаем, что выиграла бы Италия в том случае, если бы Тотиле удалось противостоять завоевательным стремлениям Юстиниана<sup>68</sup>. В связи с этим можно вспомнить два эпизода. В 539 году готы захватили Милан. Город сдался под угрозой голодной смерти. Согласно договоренности с местным гарнизоном готы дали войскам возможность уйти, после чего хладнокровно перерезали все мужское население города, а женщин отдали бургундам в качестве рабынь<sup>69</sup>. Во времена этих чудовищных злодеяний Милан был, по словам Прокопия, вторым по величине и населенности городом Италии<sup>70</sup>. Следовательно, он вполне мог быть вторым по значению городом Западной Европы, и какой ужасающий конец его наступит! По этому поводу Бари замечает<sup>71</sup>: «В длинной серии преднамеренных зверств, запечатленной в истории человечества, миланская бойня — одно из самых кровавых... во времена Атиллы ничего подобного по жестокости не происходило... Это дает нам представление об истинной природе остроготов, которые, как некоторые считают, были самыми многообещающими из германцев — завоевателей Европы». Жители Италии вынесли урок из этих событий.

Следующая история такова. Когда в 544 году остроготы захватили Тибур (Тиволи), они предали смерти всех жителей (включая епископа города) и сделали это с такой отвратительной жестокостью, что Прокопий отказывается описывать эту жуткую сцену; он считает, что нельзя оставлять для потомков описание подобной бесчеловечности<sup>72</sup>. Нам неизвестно, что об этих двух событиях думал Юстиниан. Наверняка он что-то думал о Милане, так как брат Папы, занимавший престол в этот год, был в Милане и, чудом выбравшись оттуда, добрался до Константинополя и лично рассказал императору о том, что произошло. Велизарий также послал императору специальное сообщение об этом событии<sup>73</sup>. Однако мы не знаем, что сам император об этом думал.

## 8. Военные загадки

Таким образом, даже в изучении военного аспекта завоевания Италии византийцами достаточно проблем и загадок. Например, почему только в самый последний момент Велизарий решил выяснить самые элементарные факты о том, как воюет его противник? Почему до начала кампании ни он, ни его штаб почти ничего не предприняли для того, чтобы выяснить все возможные детали о неприятеле? И как могло случиться, что за все время своего царствования Виттиг так и не заметил проблемы конных лучников? Те же самые купцы и другие путешественники, которые могли рассказать Велизарии о вандалах и остроготах, вполне могли рассказать вандалам и остроготам о византийцах. Наверняка дальновидный остроготский вождь постарался бы побольше узнать о военных методах византийцев, даже если бы у него не было или почти не было оснований ожидать нападения со



стороны Византии. И это вдвойне верно, если Теодерих считал, что нападения на его королевство можно ожидать только с востока: считается, что об этом свидетельствует географическое расположение поселений, основанных его преемниками в Италии<sup>74</sup>. В годы между падением империи Аттилы и походом Теодериха в Италию в 489 году у остроготов была неоднократная возможность наблюдать византийскую армию в действии. Может быть, из этого следует, что роль конных лучников выросла в более поздний период, с 489 по 536 год? Но даже если это так, все же готские военачальники должны были бы заметить эти перемены.

Остроготы, впрочем, точно так же не ожидали появления франкских пеших воинов с топорами, которые те умели метать с убийственной точностью. Во всяком случае, военачальники VI века с обеих сторон проявляли такую близорукость, какая была бы немыслима у Юлия Цезаря и у многих других.

Я предположил, что Тотила противопоставил конным лучникам эффект неожиданного нападения. Это только частичное объяснение. Из того, что сообщает Прокопий, не совсем понятно, что он еще мог сделать. Но почему тогда он постоянно пытался вызвать византийцев на решающее сражение? А как понять его довольно пассивный метод захвата укрепленных городов — взятие их измором? Конечно, не надо забывать, что в древности взятие любого хорошо укрепленного города было делом трудным, трудным даже для римлян на пике их могущества. Кроме того, зачем Тотила в 551 году бросился далеко на запад на завоевание Корсики и Сардинии? Какое отношение имела Корсика и Сардиния к его великому противнику — Византии? И наконец, власть на море. Во время морского сражения у Сеногаллии случилось нечто, чего мы не знаем. Прокопий, видимо, осознавал значение этой битвы, но я не уверен, что он понимал, в чем именно состоит это значение. И конечно, он далеко не все знал о битве в Буста Галлорум.

Предстоит еще много работы по изучению завоевания Италии византийцами. И вряд ли кто-то из исследователей будет сожалеть о поражении тех, чьи руки были обгарены кровью жителей Тиволи и Милана.

## VI. ЗАВОЕВАНИЕ ИТАЛИИ ВИЗАНТИЙЦАМИ: ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

В 493 году остроготы под командованием короля Теодериха взяли в свои руки правление Италией с согласия константинопольского императора Восточной Римской империи. В этих условиях уровень их жизни, очевидно, значительно вырос по сравнению с первой половиной столетия, когда они были затеряны в глубине империи Аттилы, и гунны набрасывались на их

запасы продовольствия, «как волки», по словам древних авторов<sup>1</sup>. В Италии готы расселились в обширных имениях долины По и в других местах,<sup>2</sup> и в дополнение к доходу, который каждый готский солдат, прямо или косвенно, получал от этих имений, ему также выплачивалась ежегодная субсидия от короля в размере около пяти *solidi*. Когда готский солдат находился на военной службе, участвуя в боевых действиях или же служа в гарнизоне, он также получал «довольствие» (*annonae*) натурой или деньгами<sup>3</sup>. Таким образом, учитывая его доход от землевладения, субсидию, военное довольствие и, возможно, зарплату, если он занимал какой-либо официальный административный пост, не говоря уже о трофеях, захваченных во время походов, его положение действительно сильно отличалось от положения его отца или деда, голодавших под властью гуннов.

Однако резкое повышение благосостояния само по себе не гасит этнические конфликты и нетерпимость. В своих письмах Теодерих часто подчеркивает, что готы не должны угнетать италийцев, не должны грабить их и опустошать их посевы; они должны стараться жить с италийцами в мире и дружбе. Без устали, с самыми благородными намерениями он призывает их вести себя прилично. Действительно, враждебное отношение рядовых готов к италийцам проявлялось постоянно, и король использовал любую возможность призвать своих подданных сдерживать себя. Ближе всего его душе было принцип *civilitas*. Он не упускает случая пропагандировать его и рекомендовать другим. *Civilitas* означает поддержание мира и порядка, этническую гармонию, запрет агрессии и насилия. Одним словом, это означает цивилизованную жизнь, цивилизацию<sup>4</sup>.

Необходимость в увещеваниях, однако, не исчезала. В одном из своих писем Теодерих обращается ко «всем готам, живущим в Пицене и Самнии», приказывая им явиться к нему 6 июня (дело происходило в один из последних годов его царствования) для получения своих субсидий; он требует, чтобы по дороге они не совершали злодеяний, не опустошали посевов и пастбищ италийских землевладельцев<sup>5</sup>. Горе было тем римским хозяйствам, которые оказывались на пути готской армии! Когда готское войско проходило через Коттиевы Альпы в 509 году на пути из Италии в Галлию, ущерб, который они причинили хозяевам земель, лежавших на их пути, был так велик, что Теодериху пришлось освободить эти земли от налогов: местность выглядела, как после сильного паводка, когда вода смыкает все на своем пути. В 508 году он посчитал своим долгом выслать одному епископу 1500 *solidi* для раздачи тем жителям провинции, которые понесли убытки «во время прохождения нашей армии через их дома»<sup>6</sup>. Желание установить этническую гармонию было доминантой всей его внутренней политики<sup>7</sup>. С первого дня царствования до своей смерти в 526 году он боролся за достижение этой благородной цели. Стремление к гармонии между обеими нациями, которое определяло его действия год за годом, десятилетие за десятилетием, делает его выдающимся, уникальным политиком не только VI века, но и многих последующих лет. Но он

шел против ветра и против течения, и то, что ему много лет это удавалось, просто удивительно. Фактор взаимной враждебности готов и итальянцев, существовавшей даже в мирное время, нельзя недооценивать, если мы хотим понять историю завоевания Италии византийцами. Нельзя забывать, что готы и итальянцы отличались друг от друга языком, религией, традициями, обычаями и даже законами.

Когда в 526 году Теодерих умер, его дочь Амаласунта стала регентшей при своем несовершеннолетнем сыне Аталарихе. Одним из первых ее действий стало издание прокламации, в которой она подчеркивала (в духе своего отца) блага этнической гармонии и обещала, что при ней политика в отношении готов и римлян останется прежней<sup>8</sup>. Однако были две причины, которые привели к ее ссоре с некоторыми из подданных. Во-первых, она не могла командовать армией во время войны, а с точки зрения многих готов, готский правитель должен был быть храбрым и славным воином. Разве война не была любимейшим занятием варваров? Разве сам Теодерих не говорил, что «для воинственного народа проверить себя в деле — это удовольствие»?<sup>9</sup> Во-вторых, несмотря на долгие годы мирной политики Теодериха, основная масса готов все еще была настроена весьма враждебно по отношению к итальянцам, оставаясь при этом буйной и непослушной, а Амаласунта «не давала им осуществить их страстное желание нанести итальянцам вред». Готов раздражало то, что она вела себя как римлянка, а больше всего им не нравилось то, как она воспитывала своего сына Аталариха, короля. Они не хотели, чтобы ими правил гот, похожий на римлянина, и когда Амаласунта начала обучать сына в римских традициях, многие готы открыто запротестовали. Они хотели, чтобы их королем был мужчина, и такой мужчина, который будет «отважен в бою и славен». Они хотели, чтобы ими управляли более «варварским» способом. Они цитировали Теодериха, который говорил, что «тот, кто в детстве боялся плетки учителя, никогда не сможет хладнокровно противостоять мечу и копью». Или, как говорит Гиббон, принц должен «обучаться, как подобает отважному готу, в обществе равных себе и в великолепном невежестве своих предков». Однажды, когда Амаласунта, застав мальчика за какой-то шалостью в его комнате, наказала его и он в слезах ушел на мужскую половину дворца, это вызвало всеобщее возмущение. Многие, хотя и не все готы были недовольны королевой, и среди недовольных была большая часть готской знати.

## 1. Готские правители ведут переговоры

В конце концов, положение королевы стало настолько неустойчивым, что она начала тайные переговоры с Юстинианом в надежде найти убежище в Восточной империи на тот случай, если ей придется бежать из Италии. При этом она предложила привезти с собой фантастическую сум-

му в 2 880 000 *solidi*!<sup>11</sup> Еще до того, как 2 октября 534 года Аталарих умер, его мать совершила удивительный поступок: она предложила Юстиниану отдать ему Италию. Свое предложение она сформулировала ясно и подробно<sup>12</sup>. Ее личная безопасность была для нее более важна, чем независимость ее народа. Конечно, с конституционной точки зрения ее предложение было вполне оправданным: она предложила Юстиниану то, что ему и так принадлежало по закону. Тем не менее, по словам Бари, ее предложение было «актом величайшего предательства по отношению к собственному народу»<sup>13</sup>. Когда сын умер, она попыталась упрочить свое положение тем, что передала трон своему двоюродному брату Теодату, сыну сестры Теодериха. Худший выбор сделать было невозможно. Теодат владел обширными имениями в Тоскане и расширял свои владения жестокими и непопулярными средствами. Военные устремления готов ему были безразличны, и в то время, когда он не был занят захватом новых земель, он изучал латинскую литературу и философию Платона. Не случайно ему, единственному из остроготских королей Италии, посвятил свои стихи латинский поэт<sup>14</sup>. Словом, он был почти полностью романизированным готом, именно таким человеком, какого готы не хотели видеть своим королем. Даже сильнее, чем Амаласунта, он стремился договориться с Юстинианом. Еще до смерти Амаласунты он также начал тайные переговоры с императором, предлагая передать Тоскану правительству Восточной империи при условии, что он проведет остаток своих дней в Византии в качестве сенатора с солидным личным доходом<sup>15</sup>.

Нет нужды пересказывать историю о том, как Теодат организовал убийство Амаласунты и как Юстиниан использовал это убийство в качестве предлога для нападения на Италию. В июне 535 года началась великая война, через восемнадцать лет закончившаяся гибелью Италии и поражением остроготовов. В первый год войны Теодат сделал Юстиниану еще одно предложение: если император предоставит ему имения с доходом в 86 400 *solidi*, то он передаст ему все итальянское королевство<sup>16</sup>. Зять Теодата пошел тем же путем: стоило Велизарии высадиться в Регию, как этот человек, имя которого было Эбримут, или Эвермут, или же Эбримус, вместе со своими подчиненными, которых Теодат послал защищать Мессинский пролив, перешел на сторону византийцев. Предателя тут же направили в Константинополь, где он получил щедрые дары и статус патриция. Одним этим шагом он заполучил то, о чем мечтал Теодат, сидя на своем шатающемся троне<sup>17</sup>.

В конце 536 года, после потери Далмации, Сицилии и даже Неаполя, Теодат был смещен и убит своими приближенными. На его место они посадили Виттига. Когда Кассиодор восхищается Виттигом, он упоминает только его полководческие качества, но ни слова не говорит о каких-либо его культурных достижениях<sup>18</sup>. Вероятно, Виттиг не был романизированным готом, любителем поэзии и Платона. Его правление окончилось весной 549 года, после целой серии сокрушительных побед, одержанных

над ним Велизарием. Готы не были довольны правлением Виттига, и причиной тому было преследовавшее его чудовищное невезение. Моральное состояние готов было плачевным, и это хорошо видно на примере того, как вели себя гарнизоны двух тосканских городов — Тудеры и Клузия. В середине 538 года, узнав о том, что Велизарий выехал из Рима и движется в их сторону, они не стали дожидаться его. Они сразу сдали оба города, поставив единственное условие — что им сохраняют жизнь<sup>19</sup>. Ничего подобного этой капитуляции никогда не было и не будет вплоть до самых последних месяцев войны, когда стало ясно, что все уже кончено<sup>20</sup>. В 540 году готы страдали от жестокого голода. Вследствие этого они сделали Велизарию неожиданное предложение: они согласны свергнуть Виттига и объявить самого Велизария ни много ни мало как императором Западной империи и королем готов. (Заметим, что они намеревались оставаться частью Империи; у них не было стремления создать независимое королевство, см. с. 69.) Это странное предложение было высказано готскими вождями, пользовавшимися поддержкой самого Виттига<sup>21</sup>. Они страшились того, что, если поражения будут следовать одно за другим, их в конце концов заставят покинуть Италию и поселиться где-нибудь вблизи границ Византии — то есть именно того, к чему так стремились Теодат, Амаласунта и подобные им<sup>22</sup>.

Велизарий дал им понять, что готов принять это предложение, вошел в Равенну (которая иначе оставалась бы практически неприступной) и затем уехал в Константинополь в сопровождении Виттига и группы знатных готов. Виттиг получил звание патриция и имение вблизи Персии, где он успел прожить два года<sup>23</sup>. В годы своего злосчастного правления он не испытывал искушения отдать Италию врагу и в этом было его фундаментальное отличие от Амаласунты и Теодата. Однако в конце концов именно это он и сделал. При этом он получил то вознаграждение, за которое предыдущие правители готов были заплатили любую цену. Кроме того, тот факт, что Юстиниан даровал ему звание патриция, скорее всего, означает, что Виттигу даже пришлось сменить арианскую веру на учение Никей. Виттиг капитулировал один раз, но эта капитуляция была полной<sup>24</sup>. На этом, однако, война не закончилась. После того как Виттиг сложил оружие, около тысячи его воинов продолжали борьбу. Они удерживали Павию и Верону, а вскоре заняли Лигурию и Венецианскую область. По причинам, которые нам неизвестны, они считали себя обязанными принять в качестве своего вождя германца из племени ругов (с. 112) по имени Эрарих. Он правил не больше пяти месяцев, но за этот короткий срок успел вступить на уже знакомый нам путь. Эрарих начал тайные переговоры с Юстинианом, обещая отказаться от власти над остроготами и их союзниками и отдать ту часть Италии, которая находилась под его контролем, в обмен на значительную сумму денег и звание патриция<sup>25</sup>.

Итак, в течение нескольких лет один готский монарх за другим предлагали Юстиниану Италию в обмен на высокое и надежное положение в

восточном римском обществе и солидный доход. Один из правителей, Виттиг, на деле осуществил эту сделку, хотя, как это ни парадоксально, он пошел на это с гораздо меньшей охотой, чем остальные, у которых это не получилось. Своим готским подданным они, конечно, всегда могли объяснить (хотя нам не известно о каких-либо объяснениях с их стороны), что ничего противозаконного не происходит. Италия всегда принадлежала римским императорам, это признавали и Одоакр, и Теодерих. Так что их преемники просто предлагали Юстиниану то, на что он имел всеми признанное право. Теперь он, приняв их предложения, будет править Италией напрямую, а не через королей-варваров. Мы мало знаем о взглядах Эрариха, но и Амаласунта, и Теодат (и, несомненно, Матасунта, о которой я ради краткости не говорил) чувствовали отвращение к воинственным и грубым нравам своих подданных и желали стать частью цивилизованного римского общества. Вероятно, для большинства их подданных этот аргумент не был убедительным, но для некоторых или даже для всех членов готской верхушки, в том числе и для Эрариха, римская цивилизация была крайне привлекательной. Латинская литература и философия Платона были им ближе, чем меч и копье. Все дело было в том, что в процессе вхождения в Римскую империю и расселения на римских землях остроготская знать, чей образ жизни уже мало отличался от образа жизни римских землевладельцев, в большой степени романизировалась.

До завоевания Италии византийцами и в первые годы войны основная масса остроготов представляла собой диких, воинственных и агрессивных варваров, всегда готовых к нападениям и грабежам и враждебных к италийцам, среди которых они жили. У них почти не было своей культуры, но они яростно отстаивали свою независимость. Римская цивилизация, прелести римского общества и его достижения не казались им привлекательными. С другой стороны, многие из вождей ценили удовольствия и комфорт, которые давала римская цивилизация, и мечтали любой ценой навсегда покинуть Италию и получить место в византийском обществе вблизи Константинополя. В то же время именно боязнь того, что им придется уйти из Италии и поселиться вблизи Византии, не позволила основной массе остроготов сдаться Велизарии в 540 году<sup>26</sup>. Таким образом, остроготы вступили в войну уже глубоко разделенным обществом. Знать стремилась к компромиссу и даже была готова продать свой народ в обмен на возможность стать частью высшего восточноримского общества, конечно, с соответствующим доходом.

## 2. Готы — солдаты и поселенцы

Неудивительно, что в подробном и обстоятельном описании готской войны Прокопия мы почти не встречаем случаев перехода рядовых готских воинов на сторону Юстиниана. В 540 году в Коттиевых Альпах готы сда-

лись, узнав о том, что их женщины и дети захвачены византийцами, хотя, как ни странно, Велизарий еще до этого получил сообщение о том, что они хотят присоединиться к нему<sup>27</sup>. Но это было исключением из правила. В целом готы сражались упорно и решительно почти до самого конца войны, несмотря на то, что у них много лет не было достойного военачальника, и на то, что они уступали неприятелю в вооружении и тактике (хотя не в численности, по крайней мере до последнего периода войны)<sup>28</sup>. Например, оборона Ауксима (Осимо) представляет собой поразительный пример их храбрости и стойкости<sup>29</sup>. Они показали свою верность тем варварским идеалам, которые так раздражали Амаласунту. Мы знаем о двух случаях капитуляции готских поселенцев в отдаленных частях королевства — в Далмации и в Либурнии в 536 году (хотя войска, находившиеся там, отошли в Равенну), а также в Самнии в том же году, когда Питца и готы, поселившиеся там, сдали прибрежную часть Самнии Велизарии. Это неудивительно, если учесть, что Питца владел обширными землями в этом районе<sup>30</sup>. Первый серьезный акт предательства со стороны гота — Прокопий не сообщает нам его имени и статуса — произошел уже в последние недели существования остроготского королевства, когда командующий готским флотом у западного побережья Италии передал свои корабли византийцам<sup>31</sup>.

Готы убили Эрариха после пяти месяцев правления, а в сентябре или октябре 541 года назначили на его место Тотилу. (На его монетах его имя передается как Бадуила.) Возможно, они бы передумали, если бы узнали, что именно тогда, когда его избирали, он вел переговоры о сдаче Тарвизия (Тревизо к северу от Венеции) вместе со всем готским гарнизоном, которым он командовал, византийскому военачальнику, находившемуся в Равенне. Он уже успел договориться о дате капитуляции<sup>32</sup>. Это был его первый и последний акт измены народу. С того дня, когда он стал королем, и до самой смерти он сражался с византийцами с невиданной решимостью и умением. Наконец готы нашли такого вождя, который не собирался их предавать.

### 3. Перебежчики-византийцы

Обратимся теперь к захватчикам. Византийские войска не проявляли той верности, какая была характерна для рядовых готских воинов. Мы знаем о многочисленных случаях перехода византийцев на сторону готов. Вообще, насколько мне известно, в древней истории больше нет примеров такого массового дезертирства. Это происходило даже во время первого срока командования Велизария в Италии (535–540), когда он одержал свои самые впечатляющие победы. Еще до первой осады Рима в 536 году двадцать два кавалериста-варвара, служившие в византийской армии, перешли на сторону Виттига и активно помогали ему<sup>33</sup>. Показательно, что во время первой осады Рима в 536–537 годах Велизарий так опа-

сался измены со стороны часовых городских ворот, что дважды в месяц менял все ключи от ворот. Он расставлял часовых на значительном расстоянии друг от друга и каждую ночь приставлял к ним новых офицеров. Он боялся, что готские эмиссары могут подобраться к стене и склонить часовых к измене, поэтому каждую ночь высылал за городские стены отряды мавров с собаками для перехвата таких людей в том случае, если они появятся<sup>34</sup>. Так может действовать только тот военачальник, который не доверяет своим солдатам. Действительно, в первые дни осады его планы сразиться с варварами в решительной битве становились известны готам через перебежчиков<sup>35</sup>. Не случайно, когда к готскому лагерю как-то подошел пьяный гунн, собиравшийся атаковать и выиграть войну в одиночку, готы, увидев приближающуюся к ним одинокую фигуру, приняли его за перебежчика. Им бы не пришло это в голову, если бы подобная картина не стала привычной<sup>36</sup>. Когда готы в 537 году отчаялись взять Рим осадой, они отправили к Велизариям нескольких парламентариев. Один из них был римлянин, занимавший высокое положение среди варваров. К сожалению, Прокопий не сообщает ни его имени, ни того, почему он связал свою судьбу с неприятелем<sup>37</sup>. Еще более удивительно то, что из той тысячи воинов, которые в 540 году удерживали Павию и Верону (с. 99), решив продолжать борьбу после капитуляции Виттига, не все были готами. Среди них было «столько римских солдат, сколько желали революции»<sup>38</sup>. Мы не знаем, каково было пропорциональное соотношение численности римлян по отношению к готам в этом исторически значимой войске, но Прокопий явно имеет в виду весьма большое количество. Можно сделать вывод, что Велизарий, несмотря на свои выдающиеся способности, не мог остановить постоянный поток перебежчиков.

Позднее, после отъезда Велизария из Италии в 540 году и появления там Александра Логофета (*discussor*, т. е. казначей), ужесточившего финансовую политику, ситуация еще более ухудшилась. Александр не платил солдатам, и именно это стало причиной военной катастрофы, постигшей византийцев. Снова и снова мы читаем о том, что солдатам не заплатили, поэтому они отказались сражаться и добывали себе пропитание тем, что грабили ту самую местность, которую были призваны защищать<sup>39</sup>. В 540 году, когда Велизарий отплыл в Константинополь, победа византийцев была уже совсем близка, но деятельность Александра и некомпетентность преемников Велизария, постоянно ссорившихся друг с другом по мелочным поводам и отступавших перед готами, — все это привело к тому, что византийцы утрачивали позиции.

В 542 году, после того как Тотила великодушно обошелся с пленниками, он «сумел привлечь их на свою сторону, и с тех пор большинство из них воевали против римлян на его стороне»<sup>40</sup>. В 545 году, когда Велизарий вернулся в Италию, он, по словам Прокопия, писал императору, что «большинство» его солдат перешло на сторону врага<sup>41</sup>. Он жаловался на то, что возвращается в Италию «без людей, без лошадей, без оружия и без



денег»<sup>42</sup>. В дальнейшем мы также постоянно узнаем о перебежчиках из византийской армии. Когда Велизарий вернулся в Равенну в 544 году, он обратился к готам и римлянам, служившим у Тотилы, с пламенной речью, призывая их перейти на его сторону, но ни один человек не последовал этому призыву<sup>43</sup>. В том же году все солдаты-иллирийцы, находившиеся в Болонье, без всякого предупреждения собрали вещи и двинулись домой — причина была в том, что им давно не платили<sup>44</sup>. В тот же год в Ауксуме двое византийских командующих запланировали ночной отход войск, после чего один из их солдат тут же перебежал к врагу и сообщил Тотиле о новом плане. Этот перебежчик стал причиной гибели 200 из тысячи солдат, задействованных в операции<sup>45</sup>. В 545 году о спланированной византийцами неожиданной атаке вблизи Порты стало известно Тотиле через перебежчика, и это привело к разгрому византийцев<sup>46</sup>. В 546 году гарнизон Сполето состоял из готов и перебежчиков из римской армии<sup>47</sup>. В том же году один из византийских командующих обратил в бегство войско, состоявшее из мавров, перебежчиков и готов под командованием гота Рекимунда; удивительно, что при этом мавры и византийцы сражались до конца, а готы в конце концов сдались<sup>48</sup>. В 547 году в результате победы византийцев в Кампании «не менее семидесяти византийских солдат из числа тех, что ранее перебежали к готам», решили вернуться на службу к Юстиниану<sup>49</sup>. В 548 году византийские солдаты в Риме объявили, что если Юстиниан не выплатит им задержанное жалованье в течение определенного срока, они немедленно перейдут к Тотиле. Юстиниан все выплатил<sup>50</sup>. В 548 году варвар, служивший в личной охране Велизария, без всякого повода и без предупреждения перебежал к Тотиле. Тот сразу же сделал его командиром<sup>51</sup>. В 552 году в битве при Буста Галлоруме (см. с. 80) на стороне Тотилы сражалось большое количество перебежчиков. Нам известно, что первым погибшим в этой битве солдатом был перебежчик по имени Кокк, воевавший на стороне готов<sup>52</sup>. В годы правления преемника Тотилы, Теи, готским гарнизоном в Перузии командовали двое перебежчиков-византийцев<sup>53</sup>. И вот самый удивительный факт: именно предательство солдат-исаврийцев помогло Тотиле получить главный приз — город Рим. Причем это случилось дважды — не только в 546 году, когда свирепствовал голод, но и позже, в 549 году. Исаврийцы, сдавшие Рим во втором случае, не получали жалованья годами и при этом знали, что те, кто предал город несколькими годами раньше, были за это щедро вознаграждены<sup>54</sup>. Нарзес, приехавший в Италию к концу войны, уже вез с собой специальный денежный фонд для того, чтобы стимулировать перебежчиков вернуться на имперскую службу<sup>55</sup>. Итак, не вызывает сомнений, что огромное число византийских солдат, видя, как добытые ими победы сводятся на нет бездарными преемниками Велизария, и не получая годами жалованья, верили, что при готах их ожидает лучшее будущее, чем в возрожденной Империи Юстиниана. Правда, надо оговориться, что это касалось почти исключительно рядовых солдат.

#### 4. На чьей стороне было население Италии?

Как ко всему этому относились жители Италии? Сначала поговорим о городах. Больше всего информации мы имеем о Неаполе. В самом начале войны, обращаясь к неаполитанцам, Велизарий, по словам историка, разъяснил, что он пришел «освободить» Италию<sup>56</sup>. Тогдашнее положение Италии при остроготах он назвал «рабством»<sup>57</sup>, сравнил Италию с Африкой и Сицилией до повторного завоевания их византийцами. Выбор между имперским правлением и правлением готов он представил как выбор между «свободой» и «рабством»<sup>58</sup>. Однако Прокопий нигде не говорит о том, что неаполитанцы разделяли это мнение. Историк упоминает о четырех гражданах Неаполя, называя их имена. Первым из неаполитанцев, кто вел переговоры с Велизарием, был некий Стефан. Его речь, в передаче историка, совсем не была провизантийской, его единственной заботой было предотвратить нападение на город<sup>59</sup>. Велизарий не исключал возможности, что неаполитанцы смешаются с готским гарнизоном и вместе будут защищать город<sup>60</sup>. Но затем Велизарий деньгами склонил Стефана к тому, чтобы тот помог ему привлечь на свою сторону горожан, после чего Стефан действительно советовал неаполитанцам не сопротивляться<sup>61</sup>. Заметим, что Стефан согласился на это только потому, что ему заплатили. Единственным убежденным сторонником византийцев был не неаполитанец, а сирийский купец по имени Антиох, торговавший со всем Средиземноморьем. Распространение власти Византии на город, в котором он жил, конечно, было выгодно для его коммерции<sup>62</sup>. С другой стороны, два неаполитанца — Пастор и Асклепиодот — горячо поддерживали готов и не желали никаких перемен в положении города. Единственный аргумент, который они приводили, обращаясь к населению, — это разумная выгода. Поддерживать готов было более разумно, потому что если готы победят — а горожане, очевидно, ожидали, что они победят, — то они жестоко накажут неаполитанцев<sup>63</sup>. И наконец, евреи-неаполитанцы были также на стороне готов. Во время атаки они защищали доверенный им кусок городской стены с упорством и яростью. Дело в том, что остроготские короли, как и большинство других королей-ариан, хорошо обращались с евреями<sup>64</sup>.

Даже такой опытный летописец, как Прокопий не смог скрыть тот факт, что из всех жителей города только один купец-иностранец поначалу стоял на стороне византийцев. Из рассказа Прокопия у нас не возникает впечатления, что горожане были счастливы при мысли о возврате в Римскую империю. И историк, и сам Велизарий понимали, что они пытаются возродить старую Римскую империю Августа и Константина. Неизвестно, понимали ли это неаполитанцы, и если да, возможно, подобная перспектива их вовсе не радовала. Больше всего их тревожило то, каким наказаниям подвергнут их готы, если горожане поддержат Велизария и тот проигрывает войну<sup>65</sup>. Поэтому сразу после начала осады неаполитанцы послали

гонца к королю Теодату в Рим, прося о немедленной помощи<sup>66</sup>. Прокопий объективности ради пишет, что в тот день, когда Велизарий атаковал Неаполь, горожане «стали пленниками и вновь обрели свободу»<sup>67</sup>. Однако сами неаполитанцы вряд были с этим согласны, ибо, как только город оказался в руках византийцев, там началась кровавая резня. Больше всех свирепствовали гунны из армии Велизария. Они не пощадили даже церквей, убивая многих из тех, кто в них укрывался. Прокопий из всех сил старается скрыть масштабы бедствия, постигшего Неаполь, но другие имеющиеся у нас источники ему противоречат<sup>68</sup>.

Стоит нам обратиться к более мелким источникам информации о падении Неаполя, и становится ясно, насколько изобретателен Прокопий в своем повествовании. Подробно описывая споры и дискуссии о том, стоит ли впускать в город византийскую армию, он тем самым как бы размывает четкую картину самого события (хотя и не прибегает к откровенной лжи). Между тем наши второстепенные источники со всей определенностью утверждают, что неаполитанцы отказались впустить Велизария в город<sup>69</sup>. В конце концов, и готский гарнизон, и горожане были с одинаковой жестокостью истреблены. Нападавшие особенно любили убивать мужей на глазах у жен. Они не щадили никого, ни священников, ни монахов, ни монахинь. Жалости не было ни к кому<sup>70</sup>. И эта жестокость себя оправдала. Позже римляне самипустили Велизария в свой город, «опасаясь, что с ними может случиться то же, что случилось с жителями Неаполя»<sup>71</sup>.

До того как в 536 году началась первая осада Рима, Виттиг считал вполне вероятным, что жители великого города скорее поддержат готов, чем нападавших<sup>72</sup>. Но горожане или некоторые из них, более всего обеспокоенные тем, как избежать участи Неаполя, пропустили Велизария в город без сопротивления. За этим решением стояли папа Сильверий (который, как ни странно, был позднее смещен с престола Велизарием) и Фиделий, бывший квестором Аталариха. Трудно сказать, поддерживало ли их население города в целом, во всяком случае, горожане дали возможность готскому гарнизону без помех покинуть город. Правда, Прокопий намекает на то, что при желании они могли нанести готам некоторый ущерб<sup>73</sup>. Историк упоминает о настроениях населения только тогда, когда переходит к описанию подготовки к осаде: когда горожане увидели, как Велизарий готовит город к осаде, они были обескуражены<sup>74</sup>. Когда началась осада, действия Велизария не одобряли даже сенаторы, хотя вскоре после этого он утверждает, что римляне были расположены к византийцам<sup>75</sup>. После того как Виттиг в Равенне учинил кровавую расправу над сенаторами-заложниками, большинство римлян были настроены против готов<sup>76</sup>. Купцы и ремесленники, не имевшие ни оружия, ни военного опыта, добровольно вставали под византийские знамена (хотя мы уже знаем, что их «заставляли» охранять стены)<sup>77</sup>. К ним присоединились моряки и даже рабы, все шли на помощь Велизарию, хотя, учитывая их полную неопытность, они, возможно, приносили командующему больше вреда,

чем пользы. Дело здесь было не столько в идеологической поддержке, сколько в том, что в воюющем городе не было никакой другой работы, и если бы Велизарий не платил каждому из них ежедневное жалование, их поддержка наверняка не была бы столь горячей<sup>78</sup>.

Среди городов, перешедших к Велизарю «добровольно» или «без помех», были Нарний, Сполето, Перузия и другие. Мы не знаем, почему они это сделали, — поддерживали ли они византийскую политику или опасались участи Неаполя, или же просто не хотели, чтобы их города стали полем битвы. Во всяком случае, у Прокопия мы нигде не видим картины всеобщей поддержки Византии<sup>79</sup>. В 538 году жители Римини сами пригласили византийцев в свой город. Вообще, в этом регионе итальянское население было настолько враждебно к готам, что те были вынуждены покинуть Римини при первом приближении византийцев<sup>80</sup>. В 538 году архиепископ Милана и другие знатные люди города просили Велизария прислать им солдат, при поддержке которых они намеревались отдать Велизарю Милан, а вместе с ним всю Лигурию<sup>81</sup>. Случай 542 года с Вероной с трудом поддается пониманию. Готам в те дни крайне не везло, тем не менее ясно, что горожане не хотели присоединиться к византийцам, возможно, потому, что среди них располагался готский гарнизон. Но одному из богатых горожан с помощью взятки удалось отдать город местному византийскому военачальнику<sup>82</sup>.

Таковы были настроения горожан. А что происходило в деревнях? Стоило Велизарю вступить в Регий, как «мужчины этой местности начали приходить к нему». Приходили они потому, что «их хозяйства не были укреплены, и потому что они были врагами готов, особенно тогдашнего правительства», то есть правительства Теодата<sup>83</sup>. Прокопий сообщает, что жители Калабрии и Апулии переходили потому, что «в тех местах не было готов»<sup>84</sup>. Здесь важны два момента. Часть жителей Южной Италии были настроены против готов, и особенно против правительства Теодата, который был столь же непопулярен среди своего народа. Но Амаласунта была гораздо более популярна среди обоих народов. Возникает вопрос: стали бы жители Южной Италии на сторону Велизария с такой готовностью, если бы она все еще была их правительницей?<sup>85</sup> Нельзя также забывать, что в сельской местности Южной Италии не было ни укреплений, ни готских гарнизонов. Как бы повели себя жители, если бы у них было и то и другое? Возможно, не случайно, что в 542 году Бруттий и Лукания, Апулия и Калабрия — все перешли на сторону Тотилы без сопротивления и колебания<sup>86</sup>. Но, несмотря на плохое обращение с ними византийцев, жители Бруттия и Лукании в 546 году объявили, «что не по своей воле они перешли на сторону варваров и ариан», они были вынуждены это сделать под давлением превосходящих сил готов и из-за несправедливого обращения, которому их подвергли имперские войска. Как только им были даны гарантии справедливого обращения, они вновь перешли на сторону византийцев<sup>87</sup>. Трудно отделаться от впечатления, что все те причины,

которыми итальянцы объясняли свои действия, были ими умело переработаны для слушателей, то есть они говорили византийцам именно то, что те хотели услышать.

Вызывает сомнения то, что сельские крестьяне были преданы делу Византии. Прокопий наблюдал приход византийских войск в Пицену<sup>88</sup>. Как только появились византийцы, местные жители впали в панику. Те из женщин, которые могли бежать, так и сделали, тех, кто не мог бежать, унесли на руках бывшие рядом мужчины, то есть, очевидно, они были просто похищены случайно оказавшимися рядом итальянцами. Гораздо позже жителям сообщили, что византийская армия пришла для борьбы с готами и не причинит никакого вреда римскому населению, и только тогда они вернулись в свои дома. Ясно, что они находились в полнейшем неведении относительно императорской армии и ее задач. Позже, в 546 году, когда некий влиятельный римлянин из Лукании поднял местных крестьян для того, чтобы изгнать врагов из своего района, Тотила собрал для борьбы с ним точно такое же войско из крестьян, и две группы итальянских крестьян упорно сражались друг с другом. Дело закончилось победой крестьян, стоявших на стороне римлян, а когда землевладельцы приказали им вернуться к своей работе, они беспрекословно подчинились<sup>89</sup>. Похоже, что беднейшие крестьяне просто делали то, что им приказывали хозяева. Вероятно, им было все равно, кто выжимал из них арендную плату и непомерные налоги — готы, итальянцы или византийцы. Тотила требовал от них того же самого — обрабатывать поля и выплачивать аренду и налоги ему. Если они выполняли эти условия, то он им никакого вреда не причинял, и так было по всей Италии<sup>90</sup>. В то же время, когда готы грабили итальянцев для того, чтобы обеспечить продовольствием свою армию, как они это сделали в 549 году в Ауксуме, они вряд ли могли завоевать симпатии местного населения<sup>91</sup>.

Что касается рабов, то многие из них перешли к Тотиле, и в 546 году король поклялся, что он никогда не будет обсуждать с неприятелем вопрос об их возврате хозяевам. Он таким способом просто защищал добровольцев, сражавшихся на его стороне; у него не было никакого великого плана освобождения рабов, и у нас нет сведений о том, что он дал им свободу<sup>92</sup>.

Таким образом, можно сказать, что обе воюющие стороны были разделены: пропасть была как между готской знатью и готским народом, так и между византийским солдатом и византийским мирным гражданином.

## 5. Как готы обращались с итальянцами

Остроготы называли поведение итальянской аристократии и горожан «предательством». Они не могли его себе объяснить, и Прокопий уделяет много места в своем повествовании изложению их точки зрения. Готы постоянно критиковали действия этих двух групп итальянского общества.

В первые дни войны, перед началом осады Рима, король Виттиг говорил, если верить Прокопию: «Нам следует спросить здешних римлян, почему они нами недовольны, ведь до сегодняшнего дня они пользовались нашей добротой, а теперь они испытали вашу (то есть византийскую) “помощь”»<sup>93</sup>. К тому времени он уже послал своего человека к Соляным воротам Рима для того, чтобы тот осыпал защитников города, стоявших на стене, оскорблениями в ответ на их «предательство». Он упрекал их за то, что они, по его словам, предали свою страну и самих себя, ибо «они променяли власть готов на жалких греков, которые не могут их защитить и которых они раньше никогда в своей стране не видели, кроме разве что актеров и мимов, да воров-матросов»<sup>94</sup>. Разве Теодерих не предоставил им в свое время жизнь роскошную и к тому же свободную?<sup>95</sup> Прокопий рассказывает о готском после, который во время осады Рима говорил, что еще до этого римляне продолжали назначать западных консулов. Готы обеспечили своим подданным полную свободу религии, они не заставили ни одного италийца принять арианское вероисповедание, а если кто-либо из готов переходил в католичество, король никогда не обращал на это внимания. Право католических храмов служить убежищем строго соблюдалось<sup>96</sup>.

Все это замечательные слова, но нельзя забывать о том, что отношение рядовых готов к италийцам было поистине варварским, от чего так страдал Теодерих и что принесло неисчислимые бедствия италийскому населению. Всего через несколько месяцев произойдет чудовищная резня городского населения огромного Милана. Но ведь то же самое говорил Тотила перед битвой в Фавенции в 541 году (он промолчал о недавних событиях в Милане). Он, однако, добавил, что отвратительное поведение преемников Велизария в Италии сделало дальнейшее наказание италийцев за их «предательство» лишним: они уже достаточно пострадали от тех, кого с такой радостью приветствовали<sup>97</sup>.

Видимо, до самого конца «неблагодарность» италийцев казалась остроготам необъяснимой. Сами они захватили Италию и свергли Одоакра по поручению императора Зинона; никто не мог сказать, что они отобрали ее у императора силой. Они сохраняли законы и конституцию так же тщательно, как это делали сами императоры. Они не создали своего законодательства, писаного или неписаного, хорошо зная о том, что законодательная деятельность была прерогативой императора<sup>98</sup>.

Тотила сделал все, чтобы изменить отношение италийцев к готам. Он строго наказывал все бесчинства, допускавшиеся его людьми по отношению к мирному населению. Захватив в Кумах в плен жен нескольких сенаторов, он обращался с ними почтительно и освободил их, что произвело большое впечатление на римлян. Когда в 546 в Риме он захватил в плен Рустициану, вдову Боэция, его люди желали ее казнить, так как она в отместку за убийство своего мужа и отца разрушила статуи Теодериха. Но Тотила проследил за тем, чтобы ни ей, ни другим римлянкам не было причинено никакого вреда, и этот его поступок также глубоко поразил его

врагов<sup>99</sup>. Иногда, если неприятельские войска сдавались на его милость, он предлагал им выбор: или они оставляют лошадей и оружие, приносят клятву в том, что никогда больше не будут воевать с остроготами, и возвращаются в Византию целыми и невредимыми, или же они сохраняют все свое имущество, вступают в готскую армию и пользуются теми же правами, что и готы<sup>100</sup>. Когда в 546 году перед ним капитулировали голодающие жители Неаполя, он беспокоился о том, чтобы, получив наконец еду, они не торопились запихать в себя побольше «и не подавились». Поэтому сначала он выдал им понемногу, а затем увеличивал рацион с тем, чтобы они восстановили свои силы, и только после этого он разрешил им покинуть город и уйти, куда они хотят. Мы знаем по крайней мере об одном византийце, который считал, что такой поступок «был неожиданным со стороны врага и варвара»<sup>101</sup>. Тотила был добр и милосерден к своим многочисленным пленникам, и тем не менее, хотя неприятель по достоинству оценил его поведение, оно не смогло переломить преданности италийцев Византии. Даже в 549 году папа Вигилий и жители Рима, среди которых было много известных людей, продолжали настойчиво требовать от Юстиниана, чтобы он отвоевал Италию у готов. Несмотря на все усилия Тотилы, верность италийцев Византии была непоколебима<sup>102</sup>.

В 547–548 годах Тотила признавал, что до этого готы меньше, чем другие народы, уделяли внимания правосудию, действуя неблагочестиво по отношению друг к другу и к римлянам. Мы уже знаем, что так же думал и Теодерих Великий. Тотила тоже считал своим долгом стараться облагородить нравы своих подданных<sup>103</sup>. В свое время Виттиг совершил акт чудовищной жестокости во время великой осады Рима весной 537 года. Он отправил несколько римских сенаторов в Равенну в качестве заложников, а когда его самая мощная атака на столицу была отбита, он из мести приказал их умертвить (с. 99)<sup>104</sup>. Нет нужды еще раз останавливаться на кровавой резне в Милане, устроенной готским командующим Урайей (с. 82)<sup>105</sup>. Когда Рим пал под натиском Тотилы 17 декабря 546 года, его воины убили двадцать шесть солдат противника и шестьдесят мирных жителей, но это произошло без ведома короля, и когда он узнал об этом, немедленно приказал прекратить кровопролитие. Именно тогда он заслужил «великую славу» как защитник женского населения Рима, и особенно вдовы Бозция<sup>106</sup>. Однако нельзя отрицать, что и сам он время от времени позволял себе отвратительные зверства. Кроме бессмысленной резни в Тибуре (Тиволи) в 544 году (с. 82) можно вспомнить еще один случай, произошедший в следующем году. В 545 году папа Вигилий выслал несколько кораблей, груженных продовольствием, для голодающих жителей Рима, но в Порте эти корабли были перехвачены готами, а римляне, плывшие на этих кораблях, были взяты в плен. Тотила приказал перебить всех пленников, кроме одного. Это был епископ Валентин, чья епархия находилась в Сильве Кандида<sup>107</sup>. Тотила подверг Валентина допросу, обвинил его в даче ложных показаний и отрубил ему обе руки<sup>108</sup>. Этот и другие подобные случаи

кажутся проявлениями бессмысленной жестокости, но мы не знаем, каковы были мотивы Тотилы. В чем можно быть уверенным, так это в том, что эти события произвели ужасающее впечатление на общественное мнение Италии.

В чем заключались основные причины поражения остроготов и установления власти Византии над Италией? Прокопий приводит объяснения Велизария. «Готы проиграли, — говорил этот великий человек, — не потому, что им не хватало храбрости или солдат; они проиграли, — сказал он без ложной скромности, — потому что у них не было таких командующих!» В другой раз его послы объясняли, что ему удалось разбить врага благодаря неистощимым людским ресурсам, предоставленным императором<sup>109</sup>. Блестящие военные таланты Велизария действительно резко контрастируют с посредственной, бледной манерой руководства, продемонстрированной Виттигом. В мирное время, по словам Бари, этот король был бы вполне на месте, а во время войны он бы неплохо проявил себя, если бы выполнял приказы другого<sup>110</sup>. Действительно, хотя в последние годы своего правления он вел активную дипломатию и даже начал переговоры с царем Персии о том, чтобы единым фронтом выступить против Восточной Римской империи, нервы у него, видимо, окончательно сдали, и в конце концов он был уже неспособен к каким-либо действиям. Но с Тотилой дело обстояло совсем по-другому. Он был на голову выше бездарных и перессорившихся между собой преемников Велизария и без труда отвоевал у них практически всю Италию и Сицилию, кроме Равенны и нескольких крепостей. Настоящее испытание ему пришлось выдержать тогда, когда Велизарий летом 544 года был вновь назначен на высший командный пост в Италии. И Тотила выдержал это испытание с честью. Велизарий, правда, одержал несколько мелких побед и даже на некоторое время занял Рим благодаря ошибке Тотилы, которую он сумел использовать со своей прежней энергией и блеском. Но в целом за все время войны, с 544 по 549 год, Тотила имел превосходство, и великий Велизарий вернулся в Византию проигравшим, как честно признает Прокопий. Таким образом, нельзя объяснить поражение остроготов тем, что у них были бездарные военачальники.

Существовали другие важные факторы, например такие, как контроль Византии над морем. Это позволяло византийцам обеспечивать продовольствием осажденные прибрежные города, перевозить войска с одного театра военных действий на другой и блокировать те порты, которые находились в руках противника<sup>111</sup>. Нельзя забывать и о важнейшем факторе превосходства конного лучника над конным копьеносцем (с. 74). И конечно, финансовые и людские ресурсы Византии были настолько огромны, что ни Виттиг, ни Тотила не могли даже мечтать ни о чем подобном. Я считаю, что еще одна причина была в том, что массы местного населения, жившего под властью остроготов, после первоначального колебания выступили против или по крайней мере активно не поддержали острого-



тов. Правда, сразу после возвращения Велизария в Италию в 544 году, когда византийские войска, не получавшие жалованья и забывшие о дисциплине, грабили италийские села, италийцы стали мечтать о возвращении варваров<sup>112</sup>. Но так было не всегда. В целом италийцы были настроены провизантийски. Как только у стен города появлялись византийские войска, жители открывали перед ними городские ворота (иногда несмотря на то, что в городе находился остроготский гарнизон). Горожане были готовы терпеть лишения (хотя и не без громких жалоб), когда их город осаждали готы. Например, жители Рима, несмотря на чрезвычайно трудное положение, продолжали удерживать город и не сдались Виттигу. Готы никогда не получали от местного населения той поддержки и тех услуг, которые оно обычно оказывает своей армии. Хотя византийские солдаты переходили к врагу в огромных количествах, но италийцы никогда не проводили диверсий с целью отвлечь внимание византийцев и никогда не доносили готам о местонахождении их врагов, об их численности или планах (хотя солдаты-перебежчики часто это делали). Можно было подумать, что не византийцы, а готы вторглись на чужую территорию и ведут борьбу с враждебным населением чужой страны.

Почему италийцы так себя вели? Прокопий описывает сцену, которая произошла почти в самом конце войны и которая, на мой взгляд, может многое объяснить. Тотила пытался отложить начало битвы в Буста Галлоруме с тем, чтобы дать возможность присоединиться к нему еще двум тысячам солдат. И вот что там произошло. Король выехал вперед на нейтральную территорию между двумя стоящими друг против друга армиями. На нем были позолоченные доспехи, украшенные орнаментом из золота и пурпура. Конь под ним был огромных размеров. На глазах двух армий он начал великолепный готский военный танец. Он мастерски управлял конем, заставляя его то кружиться на месте, то бросаться из стороны в сторону. Оставаясь в седле, Тотила бросал высоко вверх копье и ловил его, когда оно, вращаясь, падало вниз. Он с удивительной ловкостью перебрасывал его из одной руки в другую. Он то ложился на спину, то резко наклонялся в одну или в другую сторону. По мнению Прокопия, Тотила исполнял свой замечательный танец так, как будто его учили этому с самого детства<sup>113</sup>.

Какой контраст между императором Юстинианом, дипломатом, юристом и богословом, жившим в своем дворце, и этим танцующим дервишем в Буста Галлоруме! Становится понятно, почему образованные италийцы отвергали остроготов, несмотря на все великодушие Теодериха и его преемников. Война шла между варварами с одной стороны и цивилизованными людьми — с другой. Италийцы выбрали цивилизацию, и никто не последовал за ними с большим рвением, чем некоторая часть остроготской знати. Преемник Тотилы, Тейя, в битве у горы Лактарий проявил не больше тактического умения, чем в свое время Агамемнон, Ахилл или Гектор, укротитель лошадей<sup>114</sup>. А Алигерн, последний из остроготских

правителей, показав большую рассудительность, решил отдать Кумы и все готские сокровища в обмен на римское гражданство и распрощаться с варварским образом жизни. Если уж готы не смогли удержать Италию, рассуждал он, пусть она достанется ее коренным жителям и тем, кто управлял ею с древних времен. Он был мудрым человеком, хотя некоторые из франков и называли его предателем своего народа<sup>115</sup>.

# НОРИК

## VII. КОНЕЦ НОРИКА

Из всего литературного наследия конца V века нашей эры наибольшую ценность для историка представляет «Житие Северина» Эвгиппия. На нескольких десятках страниц этой книги мы находим богатейшую и подробнейшую информацию о городах Норика Прибрежного, расположенных на берегу реки Дунай (приблизительно от Пассау до Вены). О последних годах существования этих городов и о том, какой конец выпал на их долю, здесь рассказано так, что это должно вызвать зависть всех тех, кто изучает историю Британии V века. О ней мы не знаем ничего, кроме нескольких туманных обобщений в сочинении Гильдаса, и ничего конкретного ни об одном городе. Между тем сочинение Эвгиппия, хотя и оно изобилует описаниями всяческих чудес (что считалось неотъемлемой частью этого жанра), написано таким ярким, живым слогом и с такой убедительностью, что, казалось бы, ни один историк не может сомневаться в подлинности описанных в ней событий.

Тем не менее то, что австрийские исследователи пишут теперь о св. Северине, напоминает то, что ирландские авторы давным-давно писали о св. Патрике: они сообщают о том, о чем нам бы очень хотелось знать, но о чем у нас нет абсолютно никаких свидетельств. Скажем, когда Бари в 1905 году опубликовал свою эпохальную книгу о Патрике, он доказал, что на самом деле мы знаем о Патрике гораздо меньше, чем знали исследователи XIX века (или думали, что знают). А когда в 60-х годах XX века Бинхи и Хансон выпустили свои работы о св. Патрике, они ясно показали, что мы знаем об этом святом гораздо меньше, чем знал (или думал, что знает) Бари. Иными словами, с течением времени объем наших знаний о св. Патрике уменьшался по мере того, как наше отношение к источникам информации о нем становилось все более критичным<sup>1</sup>. Что же касается св. Северина, то у него не было Бари, Бинхи или Хансона.



Карта 5. Норик

Наоборот, в историографии св. Северина процесс пошел в обратном направлении. В последние годы мы столько узнали о святом из Норика, что Эвгиппий, наш единственный источник информации, иногда выставляется жалким невеждой. Почти во всем, что касается жизни св. Северина, Эвгиппий, по мнению некоторых, проявляет полнейшую неосведомленность. Например, профессор Ф. Лоттер знает о Северине столько, что его знания — это целый айсберг, из которого Эвгиппий знал только самую верхушку. Да и ту знал только приблизительно, ведь разве его рассказ не изобилует ненужными повторами, традиционными темами и даже недоразумениями? Хуже того, Эвгиппий считал, что начинает свое повествование событиями 453–454 годов, сразу после смерти Аттилы, и об этом он говорит в первой же фразе своей книги. Оказывается, он ошибался: его повествование, как нам подсказывают письменные источники, начинается лишь 467 годом<sup>2</sup>. Но самое ужасное то, что невежда-биограф не знал самых элементарных вещей, например того, что еще до описанных им событий Северин успел сделать блестящую карьеру в политике. Святой был высокопоставленным государственным деятелем. В 461 году он даже стал консулом. Его именем называли год, а это была самая высшая почесть. О нем были наслышаны все грамотные люди на Западе — правда, за од-

ним исключением. Этим исключением был его биограф, не имевший ни малейшего представления о том, каким выдающимся политическим деятелем был его герой. До того как начать карьеру святого, Северин был властителем Дунайской приграничной области. Он запросто общался с императорами и патрициями, но затем потерял свое высокое положение после падения императора Майориана. Очевидно, по недосмотру его биограф ни о чем подобном не слышал, и поэтому неудивительно, что он не смог упомянуть об этих фактах в своем сочинении<sup>3</sup>.

На следующих страницах будет предпринята попытка восстановить доверие к замечательной работе Эвгиппия и внести в ее изучение то качество, которого в последнее время здесь явно недоставало, — здравый смысл.

## 1. Северин: проблема датировок

Самые первые фразы книги мы должны читать так, как они записаны в рукописи II класса, что подтверждается, кроме всего прочего, цитатой из «Хроники» Проспера Аквитанского 1370 года (*Chron. Min.*, I. 483). Слова, выделенные ниже курсивом, отсутствуют в рукописях I класса: «*tempore quo Attila rex Hunnorum defunctus est, utraque Pannonia ceteraque confinia Danuvii rebus turbabantur ambiguis ac primum inter filios eius de optinendo regno magna sunt exorta certamina. Qui morbo dominationis inflati materiam sui sceleris aestimarunt patris interitum. Tunc itaque... Severinus de partibus Orientis adveniens... parvo quod Asturis dicitur oppido morabatur*»<sup>4</sup>. Некоторые считают, что дополнительные (выделенные курсивом) слова были сочинены Проспером<sup>5</sup>. Но Проспер ради краткости изложения скорее бы выбросил эти слова вместо того, чтобы их сочинять и вводить в текст. Ведь он действительно сократил этот отрывок: он выбросил слова *qui morbo... patris interitum*. Согласно этой теории, мы должны предположить, что Проспер внес добавления в текст своего источника и что переписчик не только включил слова Проспера в текст Эвгиппия, но и «улучшил» их, добавив по своей инициативе слова *qui morbo... patris interitum*. Мы также должны предположить, что добавления в текст Эвгиппия, сделанные Проспером, и добавления в текст Проспера, сделанные переписчиком, попали не только в одну-единственную ущербную рукопись, но и во все рукописи Эвгиппия II класса. Я думаю, почти все согласится, что гораздо убедительнее выглядит другая версия: Эвгиппий написал более объемный текст, а в рукописях I класса некоторые слова были выброшены. Перевод см. на с. 248.

Этот отрывок имеет огромное значение, так как в нем указана точная дата начала деятельности Северина по сведениям Эвгиппия. Весной 453 года умер Атилл, и сразу после этого начались ссоры между его сыновьями. Однако общее восстание их подданных быстро положило конец этим ссорам. Кульминацией восстания стала битва на реке Недао (совре-

менное название неизвестно), которая произошла не позднее лета 455 года<sup>6</sup>. Сыновья Аттилы были разбиты, после чего следы их в истории теряются. Но Эвгиппий ничего не говорит ни о восстании покоренных народов, ни о битве, ни об освобождении поданных из-под власти гуннов. Он *не* говорит: «Когда умер Аттила, и его сыновья были свергнуты». Он *не* говорит: «Когда Аттила умер, и его подданные вновь обрели свободу». Он *вообще не упоминает* о том, чем закончилась ссора между сыновьями. Эвгиппий говорит только о том, что когда Аттила умер и его сыновья стали ссориться, Северин начал свою деятельность. Никто в здравом уме не станет отрицать (хотя такие и находились), что речь идет о событии, произошедшем позднее весны 453 года, но до битвы при Недао, которая могла состояться либо в 453 году, либо в 454, либо, самое позднее, летом 455 года<sup>7</sup>. Значит, в период приблизительно между летом 453 и летом 455 года Северин находился в Астурисе. Следовательно, это и есть дата начала повествования Эвгиппия. Назовем ее «454». Мы можем ошибаться не более чем на несколько месяцев в обе стороны.

В 454 году Северин недолго пробыл в Астурисе. Он не навязывал свой авторитет жителям городка. Ни духовенство, ни простые горожане не обратили никакого внимания на его предупреждение о скором нападении варваров. Более того, старик, в доме которого он жил, ризничий местной церкви, даже не знал имени своего постояльца, когда началось нападение (I. 5)<sup>8</sup>. Из Астуриса Северин перебрался в Коммагенис около 454–455 годов. Мы не знаем, сколько времени он провел в Коммагенисе до того, как перестал существовать тамошний гарнизон (о чем мы сейчас подробно поговорим), но из рассказа Эвгиппия можно сделать вывод, что срок этот не был долгим. Возможно, что, как предполагают многие исследователи, землетрясение, вызвавшее такой переполох в Коммагенисе, было тем самым, которое разрушило Сабарию за семь дней до начала сентябрьских ид 455 года<sup>9</sup>. Масовый голод в Фавианисе (гл. III), как сказано в тексте, случился «в то же самое время», *eodem tempore*, когда и поражение федератов в Комагенисе. А глава IV начинается со слов *per idem tempus* и повествует о победе трибуна Мамертина над варварами-мародерами и о строительстве монастыря в Фавианисе. Конечно, Эвгиппий писал об этом полвека спустя, когда было трудно или даже невозможно установить точные даты этих ранних событий. Кроме того, он не очень заботился о точной хронологии. Сам он считал, что между этими событиями не было большого интервала, и мы можем предполагать, что они происходили почти сразу одно за другим. Вполне вероятно, что все они произошли примерно до 460 года.

Но у нас есть доказательства другой даты. В главе VI автор рассказывает о том, как Северин вылечил от болезни одного мальчика из племени ругов. Когда позднее этого мальчика увидели на варварском рынке в полном здравии, все пришли в изумление; и с той поры «весь народ ругов» стал приходить к святому, выражая свое почтение и прося вылечить и их от болезней. Люди из других племен также хотели его видеть, и однажды,

еще до случая с мальчиком-ругом, группа варваров, направлявшихся в Италию, специально свернула с пути для того, чтобы увидеть святого и получить его благословение (VI. 6). В этой группе был и Одоакр, тогда еще *juvenis*, согласно Эвгиппию (гл. VII). Однако в кратком описании, предшествующем в книге Эвгиппия каждой главе, Одоакр назван не *juvenis*, а *adolescentulus*. Согласно Исидору Севильскому, *adolescentia* — это период жизни от пятнадцати до двадцати восьми лет<sup>10</sup>. Следовательно, Одоакру было не больше двадцати восьми лет, когда он посещал Северина. Мы знаем, что он родился в 433 году и что ему было шестьдесят, когда он был убит Теодерихом Остроготом в 493 году<sup>11</sup>. Это означает, что посещение Одоакром Северина можно датировать приблизительно 461 годом. Вряд ли Одоакру в это время могло быть намного меньше двадцати восьми лет, так как к моменту встречи с Одоакром святой уже был широко известен в Норике, хотя, как мы предполагаем, он приехал в Астурис только в 454 году. Одоакр не мог быть и намного старше, так как в этом случае употребление Эвгиппием слова *adolescentia* становится бессмысленным. Таким образом, исцеление мальчика-руга, приведшее к тому, что к Северину стал приходиться «весь народ ругов», произошло после 461 года, то есть после того, когда, по нашему предположению, Северин посетил Одоакра. Есть и еще одно указание на дату этих событий. Оно содержится в главе XVII. 4, из которой мы узнаем о нападении готов на Тибурнию, столицу провинции Норик Средиземноморский. По-видимому, все согласны с тем, что остроготы ушли из Паннонии примерно в 472 году и после этого находились далеко от Тибурнии<sup>12</sup>. Следовательно, события, описанные в этой главе, произошли до этого времени. Если мы это принимаем, то и все, о чем рассказывается в главах VIII–XVII, произошло до 472 года, так как ни у кого не вызывает сомнений, что Эвгиппий повествует о событиях в хронологическом порядке.

Очень жаль, что в главе XX автор выражается не вполне ясно. Он говорит, что когда государство перестало платить солдатам, то пограничные гарнизоны и сама приграничная зона перестали существовать. Но он не говорит, когда именно, по его мнению, деньги перестали поступать. Ничто не указывает на то, что он имеет в виду 476 год и падение Ромула Августула<sup>13</sup>. Вполне возможно, что сам автор, писавший в 511 году, точно не знал, когда перестала существовать приграничная зона или когда солдаты в последний раз получили жалованье. Этот процесс, конечно, происходил постепенно, и о нем не писали авторы исторических сочинений и хроник. Тот факт, что два небольших и недоукомплектованных воинских подразделения еще существовали в этой провинции (в Фавианисе и Батависе) в то время, когда туда приехал Северин, еще не говорит о том, что солдаты вовремя получали свое жалованье.

Далее в книге не содержится никаких дат вплоть до главы XXXII, которая, видимо, относится к периоду после 476 года, так как Одоакр здесь уже назван «королем» (*rex*). Ему понадобилось около пятнадцати лет для

того, чтобы завоевать доверие солдат, служивших в Италии, и стать их командующим.

Таким образом, я делаю вывод о том, что Северин появился в Астури-се в 453–454 годах, что он встретился с Одоакром около 461 года, что события, описанные в главах VIII–XVII, происходили до 472 года, а события, описанные в главе XXXII, происходили позднее 476 года. Если мы соглашаемся с этой датировкой, в особенности с датой приезда Северина в Астурис (453–454 гг.), то все великие теории Лоттера о том, что Северин сделал государственную карьеру и был консулом в 461 году, рассыпаются в прах. Все здание, выстроенное Лоттером, — это карточный домик, и стоит вынуть одну карту, как рухнет вся конструкция.

Эвгиппий сообщает нам день смерти Северина — 8 января. Мы с нетерпением ждем, когда он назовет нам год, однако он молчит. Год его не интересует. Для него самое главное — установить день поминовения святого. Год для него не имеет значения, ведь Эвгиппий пишет житие святого, а не историческое исследование. Нам еще повезло, что мы встречаем в тексте хотя бы несколько точных дат.

## 2. Падение имперской власти в V веке

Во всей книге нет ни одного упоминания о губернаторе (*praeses*) Норика Прибрежного или о ком-либо из его подчиненных, не упоминается и военный наместник (*dux*) Паннонии I и Норика Прибрежного (обе провинции находились под началом одного военного коменданта). Хотя наш автор подробно рассказывает о Коммагенесе, Фавианесе и Лауриакуме<sup>14</sup> во время войны, он ни разу не упоминает о том, что каждый из этих городов находился под защитой целой флотилии военных судов, а между тем мы знаем, что, согласно *Notitia Dignitatum*, в начале века в каждом из них такая флотилия была. В самом начале книги Эвгиппий рассказывает о том, как варвары захватили маленький городок Астурис. По его словам, население города состояло из «священников и граждан» (I. 2) или «горожан», *oppidanei* (I. 5). Все они были гражданскими людьми. Автор недвусмысленно дает нам понять, что в городах не было никаких военных гарнизонов. Но, согласно *Notitia*, там находилось пехотное подразделение под командованием трибуна. Жителям Норика Прибрежного, конечно, было на что жаловаться во времена Северина, но, судя по всему, налогами они не были обременены, во всяком случае, Северину они об этом ничего не говорили. В то же время жители всех других провинций Империи были задавлены непосильными налогами.

Объясняется это просто: в течение всего периода деятельности Северина в провинции Норик Прибрежный не существовало имперской гражданской администрации, а военная власть Империи ограничивалась двумя небольшими подразделениями. К моменту появления там Северина



около 454 года римская власть уже не действовала в этой части приграничной области<sup>15</sup>. И это утверждение не трудно доказать.

По сути дела, доказательство можно найти уже в первой главе книги. По словам автора, в городе Коммагенис жила группа варваров, *barbarorum intrinsecus consistntium*, I. 4; *barbari intrinsecus habitantes*, II. 1. Они жили там по условиям договора, *foedus inierant*, I. 4. То есть в техническом смысле являлись *foederati*, «федератами», но федератами особого типа. Мы знаем только один аналогичный случай в истории Западной Европы (с. 108)<sup>16</sup>.

Эти федераты не были расселены в сельской местности в отличие от тех, которых Констанций и Азций расселили в Галлии в 418 и в 440–443 годах соответственно. В нашем случае варвары были размещены в городе Коммагенис, подобно тому как римских солдат расквартировывали в городах<sup>17</sup>. Но было и другое, более существенное различие между варварами из Коммагениса и везеготами из Аквитании II или бургундами из Савойи. Варвары из Коммагениса заключили договор не с императором и не с его представителем, а с *Romani*, I. 4. Немного позже в книге мы снова встречаем слово *Romani*, и на этот раз автор описывает их как *habitatores oppidi* (II. 1), граждане Коммагениса. Иначе говоря, варвары заключили договор не с имперскими властями, а с жителями одного из городов<sup>18</sup>. Значение этого события трудно переоценить. В прежние времена жители города, по своей воле открывшие границу и допустившие варваров на землю Империи, считались бы изменниками родины. Подобное невозможно было даже представить<sup>19</sup>. В V веке центральное правительство могло расселять варваров (если они уже прорвались в провинцию и их невозможно было оттуда изгнать) на территории целой провинции или на обширной, хотя и не до конца определенной, территории Савойи (Сабандии), но оно бы никогда не позволило варварам поселиться ни в одном городе. Основная цель подобных поселений состояла в том, чтобы обеспечить правительство достаточной военной силой. Но кучка воинов-варваров, которых можно было поселить в небольшом городке, таком как Коммагенис, не представляла большой военной ценности для Империи в целом. По крайней мере мы не знаем ни одного случая, когда римские власти разрешили бы федератам поселиться в одном, и только в одном городе. В этом не было бы никакого смысла.

Все эти факты говорят о том, что если жители одного города заключили подобный договор и допустили в приграничную область группу варваров, то, очевидно, римская администрация в этой провинции уже прекратила существование. Подобное соглашение было бы невозможно, если бы провинцией Норик Прибрежный все еще управлял губернатор. Губернатор немедленно подверг бы жестокому наказанию жителей города, которые бы решились допустить варваров в провинцию и заключать с ними соглашения по собственной инициативе. Ясно, что к этому времени ни губернатора провинции, ни его чиновников уже не существовало. Норик Прибрежный уже не находился под властью императора. Отныне каждый город мог —

или должен был — сам заботиться о себе, подобно тому как британские города должны были сами заботиться о себе и до и после 410 года.

Мы не знаем, кто были эти федераты. На другом берегу реки, напротив Коммагениса, жил народ, называвшийся руги<sup>20</sup>. Вероятно, федератов пригласили поселиться в городе в первую очередь для того, чтобы защитить Коммагенис от ругов и от банд ругов-грабителей, но кто были сами федераты, мы не знаем. Единственное, что можно предположить, — это то, что они не были ругами.

Несмотря на присутствие в городе федератов, горожане не чувствовали себя в безопасности в то время, когда там появился Северин (I. 4). Почему? Кто был тот враг, который приводил их в ужас? Ответ ясен. Горожане боялись своих собственных федератов, то есть варваров, которых они сами же поселили в своем городе. Читая книгу, мы не видим никакого другого врага, которого они могли бы так опасаться. Очевидно, отношения между горожанами и теми, кого они наняли для своей защиты, к тому времени ухудшились и теперь были крайне напряженными. Но затем случилось счастливое (с точки зрения горожан) событие: однажды ночью произошло землетрясение. Варвары перепугались, бросились вон из города и разбежались кто куда, думая, что на них напали «враждебные соседи», *vicinorum hostium obsidione*, II. 2. Эту фразу часто неверно истолковывали. Здесь имеются в виду их соседи-римляне, горожане, жившие бок о бок с ними<sup>21</sup>. В темноте и неразберихе варвары начали убивать друг друга (II. 2).

Этот инцидент дает нам представление о том, какая обстановка царил в городе. Горожане допустили в город федератов с тем, чтобы они их защищали, однако затем присутствие федератов стало угрожать их безопасности. Федераты со своей стороны также опасались неожиданного нападения горожан, их нанявших. Очевидно, атмосфера в городе была накалена. Любая мелочь могла ее взорвать. Землетрясение стало тем событием, которое окончательно нарушило хрупкое равновесие.

Есть удивительное сходство между этой ситуацией и тем периодом британской истории, когда римской администрации уже давно не было на острове. Согласно Гильдасу, некий «гордый тиран» вскоре после 446 года (в это время консулом в третий раз был Аэций) пригласил в свою часть Британии воинов-саксов и поселил их там в качестве «федератов». Уже очень скоро его отношения с ними стали еще более напряженными, чем отношения жителей Коммагениса со «своими» федератами. К несчастью для гордого тирана, землетрясения в этой части света редки и ни одного землетрясения, которое могло бы его избавить от трудностей, не случилось<sup>22</sup>.

Таким образом, из первой главы «Жизни» можно сделать вывод, что еще до того, как Северин начал свою деятельность в Норике Прибрежном, имперская власть там уже перестала существовать. Она исчезла полностью. От римских гарнизонов также ничего или почти ничего не осталось, раз жители города вынуждены были пригласить в город варваров для своей защиты от врагов и их решение осталось безнаказанным. Когда

Северин начинал свое служение, трибун по имени Мамертин (позднее он станет епископом) еще командовал в Фавианисе какими-то солдатами, но они были так малочисленны и так плохо вооружены, что он не решился атаковать банду варваров, промышлявших грабежом в окрестностях города. Несмотря на то что в городе располагался его отряд, разбойники, не раздумывая, уводили с собой людей, оказавшихся за пределами города, и скот. А когда солдаты Мамертина все же атаковали разбойников, они сделали это, отойдя всего на две мили от городских стен (IV. 1–4). Нигде в книге нет и намека на то, что поблизости были другие римские командиры, к которым Мамертин мог бы обратиться за помощью. Очевидно, рядом не было никого, и Мамертин мог рассчитывать только на себя. Интересно, как сами горожане воспринимали эти события: когда в округе появились разбойники, горожане не стали ждать защиты от трибуна. Они не бросились к Мамертину и не стали умолять его атаковать разбойников. Еще меньше они рассчитывали на то, что смогут сами вооружиться и оттеснить разбойников. Вместо этого они в слезах пришли к Северину и стали жаловаться ему на свои несчастья, но (если подытожить подробный рассказ Эвгиппия) тот не смог предложить им ничего конструктивного (IV. 1). Они были совершенно беспомощны.

Некоторое время спустя Гизо, королева ругов, находясь в деревне поблизости от Фавианиса, приказала схватить нескольких свободных римских граждан и перевезти их на северный берег Дуная. При этом автор не упоминает о каких-либо солдатах, находившихся в Фавианисе (под командованием Мамертина или кого-то другого), которые могли бы защитить этих несчастных людей (VIII. 2). Еще через некоторое время разбойники, называвшиеся скамары, стали бесчинствовать всего в двух милях от города, и опять-таки наш автор не упоминает о присутствии каких-либо римских войск (X. 1–2). Далее в своей книге Эвгиппий еще несколько раз говорит о Фавианисе, но по-прежнему нигде не упоминает о находящихся там солдатах; наоборот, из главы XXXI. 1 мы узнаем, что население города платит дань ругам. Очевидно, что вскоре после победы над разбойниками Мамертин стал епископом, а его солдаты были распущены. С этих пор город остался без всякого военного прикрытия.

Солдаты, находившиеся в Батависе, продержались дольше. В гл. XX автор рассказывает о том, как некоторые из них были посланы в Италию с поручением привезти их «последнее жалованье», *extremum stipendium*. Почему это названо именно так? Как солдаты могли знать, что это будет их «последнее» жалованье? Они не могли предвидеть, что власти в Италии решили им больше ничего не платить. Ведь эти люди были солдатами, а не ясновидцами. Только одно объяснение напрашивается само собой. Солдаты сами решили, что это будет их последним жалованьем. Получив его, они собирались покинуть военную службу и либо разойтись по домам, либо заняться другой работой. Во всяком случае, нет сомнения в том, что когда их посланцы по дороге в Рим или в Равенну попали в

руки варваров и были убиты, солдаты разбежались. Они понимали, что больше им платить не будут. Кроме того, даже если несколько *castella* все еще были заняты римлянами, это еще не означает, что римские гарнизоны были многочисленны. В гл. XL. 1 автор говорит, что практически ни один *castellum* не избежал нападения, а жителей тех *castella*, которые обратились за помощью к Северину, Эвгиппий описывает как гражданских людей: *accolae, cives eiusdem loci, pars plebis, plebem* (XI. 1–2). Это, без сомнения, верно и в отношении *castella*, расположенных в Норике Средиземноморском, которые упоминаются в гл. XXV. 2. Население везде состояло из гражданских людей, а не из солдат.

Последний солдат Норика, о котором мы знаем, — это Авициан. Видимо, это был рядовой, а не офицер, так как автор называет его просто *miles*. Этот человек появился после смерти Северина в 482 году. Один из ругов по имени Фердерух заставил его выкрасть ценные предметы из алтаря церкви монастыря св. Северина (XLIV. 2). Он был одиночкой. У него не было ни одного товарища, которого можно было попросить о помощи. В этой части света он имел странную честь быть последним солдатом римской армии. Мы не знаем, сколько он оставался таковым и когда он последний раз получил свое солдатское жалованье. Но так как эпизод, в котором он так бесславно участвовал, относится к 492 году, то он, возможно, оставался одиноким солдатом на протяжении многих лет, превратившись почти что в престарелого и неприкаянного призрака<sup>23</sup>.

То, что граница уже не существовала, подтверждается и тем, что, по описанию Эвгиппия, между территорией ругов к северу от Дуная и прежней римской провинцией к югу от него шло оживленное движение. Как мы уже видели (с. 104), в самом начале своего служения св. Северин излечил от болезни приведенного к нему сына женщины из племени ругов. После исцеления мальчика «весь народ ругов» стало стекаться к Северину, чтобы выразить ему свое почтение и попросить исцелить их болезни. Варвары из других племен также приходили к нему, и среди них Одоакр. Северин, не жалея сил, выкупал у варваров их римских пленников. Одному из тех, кто был выкуплен вместе с женой и детьми, он велел вернуться на северный берег Дуная и разыскать некоего человека на варварском рынке, *in nundinis barbarorum* (IX. 1. f.), то есть на рынке, открытом один раз в неделю, если слово *nundinae* употреблено в точном смысле. Очевидно, не было ничего странного в том, что на варварском рынке мог появиться римлянин. Хотя торговать там римлянам, вероятно, не разрешали, так как жители Бойотро позднее просили Северина отправиться к королю Феве и получить разрешение для них торговать на этом рынке (XXII. 2). Было бы интересно узнать, (1) почему жители Бойотро так стремились торговать в сельской местности к северу от Дуная, (2) какие товары они предлагали на продажу, (3) что они надеялись импортировать в обмен на свои товары, (4) почему на территории прежней римской провинции не было рынка, отвечавшего их требованиям. К сожалению, Эв-

гиппий не дает ответа ни на один из этих вопросов. Северин и сам в первые годы своего служения пересекал реку, правда, направляясь не к ругам, а к скамарам (X. 2)<sup>24</sup>. В гл. XLII. 1 Эггиппий рассказывает о том, как Фердерух, брат Февы, пришел на встречу с Северином в окрестностях Фавианиса. Он пришел *ex tunc*, то есть не в первый раз. Напрашивается вывод, что уже в первые годы пребывания там Северина на этом участке Дуная римской границы не существовало. Каждый, кто хотел, легко мог переправиться с северного берега на южный, хотя переправа с юга на север могла оказаться гораздо более трудным делом, и по сравнению с прежними временами это была печальная перемена. Много позже Северин также бывал на северном берегу, но в глубь территории варваров он не удалялся (XXIII. 1). Среди тех, кто в первые годы деятельности Северина путешествовал из северных территорий в южные, была королева ругов Гизо. Автор сообщает, что она посетила деревню в непосредственной близости от Фавианиса (с. 109). Спустя некоторое время она опять побывала к югу от Дуная, чтобы поблагодарить Северина за то, что он вызволил ее сына из рук похитителей. Гораздо позже она и ее муж снова переправились через реку и в 482 году посетили Северина на его смертном одре (XL. 1). (Трудно представить себе, чтобы в IV веке, при Валентиниане I какая-нибудь Гизо решилась переправиться через Дунай или через Рейн!) Таким образом, в течение всего периода деятельности Северина в Норике границы Империи уже не существовало, и путники могли свободно переезжать с одного берега реки на другой. Любой мог по своему желанию въезжать в Империю и выезжать из нее. Как мы видели, имперская администрация также исчезла, а от имперских войск остались только два небольших отряда, которым, вероятно, годами не платили. Из сочинений Прокопия мы знаем, что в ситуации, когда солдаты долго не получали жалованья, был высок процент дезертиров. Многие подразделения продолжали служить годами, но только из корысти. Они зарабатывали свое «довольствие» тем, что грабили римских жителей провинций, тех самых, которых призваны были защищать. Правда, о подобной практике в Норике нам ничего не известно.

Наконец, последнее доказательство. Когда в 476 году патриций Орест был убит Одоакром и его сторонниками, один италийский священник благородного происхождения, Примений, тесно связанный с Орестом, бежал, опасаясь убийства. Он укрылся в Норике Прибрежном. С его стороны было бы бессмысленно бежать из одного владения Одоакра в другое. Следовательно, Норик Прибрежный уже перестал к тому времени быть частью Римской империи<sup>25</sup>.

Утверждение, что во времена св. Северина граница Империи еще существовала, не выдерживает критики. К сожалению, мы не можем точно или хотя бы приблизительно сказать, когда власть императоров перестала распространяться на Норик Прибрежный. Мы знаем об одном знаменательном событии, которое произошло в Норике в 430–431 годах: жители

провинции восставали, но были разгромлены, причем подавлением восстания руководил сам Аэций в течение, видимо, двух лет<sup>26</sup>. В V веке в Западной империи жители провинций (мы не говорим о военных или даже о государственных служащих) нечасто поднимали восстания. Единственную аналогию в этот исторический период можно найти в Арморике и Британии, где произошли восстания гражданского населения, имевшие, по словам историка Зосима, социальный характер и направленные на полное отделение от Римской империи<sup>27</sup>. Мы не знаем, верно ли это в отношении восстания в Норике и восстаний 430–431 годов. Мы также не знаем, как долго после этого Аэцию удавалось держать ситуацию в Норике под контролем. Когда Приск в 449 году посетил лагерь Аттилы Гунна, он встретил там некоего Промота, которого он называет «губернатором» (*archon*) Норика, но, к сожалению, не уточняет, был ли он губернатором Норика Прибрежного или Средиземноморского, хотя есть основания полагать, что имеется в виду Норик Средиземноморский<sup>28</sup>. Если это действительно так, то, скорее всего, после восстания 430–431 годов Норик Прибрежный уже недолго оставался под контролем Римской империи. Вероятно, эти восстания были серьезными, раз для подавления их понадобились две военные кампании под командованием самого Аэция.

### 3. Руги

Кто же были эти руги, занимающие столько места в «Житии Северина»?<sup>29</sup> Руги жили на противоположном берегу Дуная напротив Фавианиса (VIII. 2, XXXI. 1) и были одним из небольших германских народов, населявших территории за северной границей Римской империи. Они были родственны готам<sup>30</sup>, но при этом далеко не так сильны, как остроготы, которые в те годы, к которым относится начало «Жизни», и некоторое время после этого жили в Нижней Паннонии. Руги просили у этих остроготов разрешения пройти через Норик Средиземноморский в Италию, а когда готы такого разрешения не дали, Флаккифей, король ругов, решил, что готы собираются их убить<sup>31</sup>. Руги — единственные из варваров, живших за северной границей, которые страдали от римских разбойников: римские грабители нападали на них с южного берега Дуная (V. 3). Однажды какие-то разбойники, *turba latrocinantium*, похитили нескольких ругов<sup>32</sup>. Северин советовал королю ругов Флаккифею не пересекать Дунай в погоне за похитителями: «Если ты это сделаешь, — говорил он, — тебя убьют». Похитители поджидали ругов в трех засадах. Совет святого означал: «Не переправляйся на южный берег» (руги жили на северном берегу). Разбойники жили на южном берегу, то есть это были римляне, которые грабили территории варваров и похищали их с тем, чтобы затем, возможно, перепродать на юг в качестве рабов.

По сравнению с другими варварскими племенами, населявшими эти места, руги были настолько слабы, что их просьбу о переселении в Италию

можно рассматривать как попытку бегства: они боялись оставаться на прежнем месте, так как им угрожало подавление со стороны других, более диких и более мощных варварских племен<sup>33</sup>. Несомненно, в Италии они надеялись разжиться богатой добычей и получить землю для оседлой жизни, но главной их целью, возможно, была безопасность. Когда они все же добрались до Италии много лет спустя, им удалось даже посадить на трон своего соплеменника Эрариха, ставшего королем всех варваров (включая остроготов), живших в то время в Италии. Этот Эрарих служил в готской армии и завоевал там высокое положение, однако не совсем ясно, почему готы примирились с его правлением. Именно руги в Италии провозгласили его в 541 году королем, и готы терпели Эрариха пять месяцев, после чего избавились от него<sup>34</sup>. В своем рассказе об этом эпизоде Прокопий приводит интересную подробность: согласно обычаям их племени, мужчины-руги не могли жениться на женщинах из других племен<sup>35</sup>. Больше мы ничего не знаем об их внутренних делах, кроме того, что их короли с трудом заставляли своих подданных выполнять свою волю<sup>36</sup>.

У ругов была еще одна отличительная черта, кроме того, что на них нападали с юга. В это время они были единственным из германских племен, живших к северу от границы Римской империи, которые были христианами. При обстоятельствах, о которых мы ничего не знаем, они были обращены в христианство арианского толка<sup>37</sup>. Людвиг Шмидт предполагает (и, возможно, он прав), что они приняли христианство сразу после освобождения из-под власти гуннов<sup>38</sup>. Но кто их обратил в христианство? Самый простой ответ состоит в том, что это были остроготы, так как именно готские, а не римские священники распространяли Евангелие среди германских племен. Кроме того, римские священники в эти годы вряд ли стали бы распространять арианство. Если обращение ругов произошло благодаря готам, то это было их единственное достижение такого рода за границами Империи. Впрочем, мы очень мало знаем о зарождении христианства на среднем Дунае<sup>39</sup>. Складывается впечатление, что разбойники-варвары, *praedones barbari*, о которых говорится в главах IV. 1–4, были христианами, так как Северин использует христианские аргументы, убеждая их отказаться от разбоя. Похоже, что он обращается к ним как к христианам. Короли ругов отличались той веротерпимостью, которая вообще была характерна для монархов-ариан, и сохраняли на редкость дружественные отношения с Северином, хотя тот был бескомпромиссным католиком. Король-католик в подобной ситуации совсем по-другому относился бы к святому-еретику<sup>40</sup>. Однако Северин, согласно Эвгиппию, не сделал ни одной попытки обратить их в католичество, несмотря на все свое огромное влияние. (Ему не пришлось заниматься миссионерской деятельностью среди коренного населения Норика, так как, несмотря на то что в одном месте «Житий» (гл. XI) упоминаются языческие обряды, местное население, видимо, было уже христианским к тому моменту, когда Северин впервые прибыл в провинцию.) Один из ругов, посетивших его, был приближенным

короля Фелефея. Святой вылечил его сына, но не воспользовался этой возможностью, чтобы обратить знатного руга в свою веру (XXXIII). В разговоре с королем Флаккифеем Северин искренне говорит о различии в религии, которое их разделяет: «...*si nos una Catholica fides annecteret...*» (V. 2); но он ничего сделал для того, чтобы изменить положение вещей. Король много раз обращался за помощью к Северину. В первые годы своего царствования Флаккифей советовался с Северином, прося его разрешить конфликт с остроготами в Паннонии (V. 1), а также помочь в переговорах с римскими разбойниками, похитившими его людей (V. 3: особенно обратите внимание на гл. XLIII. 2). Сын и преемник Флаккифея Фелефей (также известный как Фева) с самого начала пошел по стопам отца (VIII. 1). Даже королева Гизо, твердая сторонница арианства, просила Северина о помощи в спасении сына, когда он был взят в заложники (VIII. 4). Иногда призывы о помощи исходили и с римской стороны. Святой посылал своих представителей к королеве Гизо, прося ее освободить римлян, которых она захватила в рабство, но королева отказалась выполнить просьбу (VIII. 2). Жители Бойотро просили Северина договориться с Февой о том, чтобы римлянам разрешили торговать на варварском рынке к северу от Дуная. В этом случае святой отказал им на том основании, что Бойотро скоро будет разрушен (XXII. 2). Когда Фева собирался силой выселить жителей нескольких приграничных городков из их домов и перевезти в другие жилища, святой встретился с королем и достиг с ним некоего компромисса (XXXI. 2). Находясь на смертном одре, Северин призвал (*commonuit*) Феву и Гизо к себе и твердо их наставлял (XL. 2): он просил их не угнетать невинных. Позже он о том же просил и Фердеруха (XLII. 1). Ни в том, ни в другом случае ничего не было сказано об их обращении в католичество<sup>41</sup>.

Интересно, что при описании подобных встреч автор никогда не упоминает о присутствии переводчика. Значит ли это, что короли рогов говорили на латыни? Если да, то где и когда они могли ее изучить и кто мог быть их учителями?

Влияние Северина на короля аламаннов (*rex*) Гибульда еще более удивительно, чем его связи с вождями рогов. Ведь Гибульд не был ни арианином, ни католиком, ни христианином вообще: он был язычником<sup>42</sup>. Однако он, согласно Эвгиппию, поехал в направлении Батависа для встречи с Северином, так как страстно желал его видеть. Уже после встречи он говорил, что никогда, ни на войне, ни когда-либо еще не испытывал такой дрожи, как в присутствии святого (XIX. 2). Он обещал тому освободить пленников-римлян, хотя и сделал это весьма неохотно. Правда, позже частые и опустошительные набеги аламаннов продолжались (XXV. 3; XXVII. 1–1; cf. XXXI. 4), а о Гибульде мы больше ни разу не услышим. Возможно, святой потерял свое влияние или король умер и набеги совершали другие *pagi* аламаннов, не подчинявшиеся Гибульду. Ответа на этот вопрос у нас нет<sup>43</sup>.

Но и с королевской семьей рогов отношения не всегда были безоблачными. Королева Гизо сделала попытку заново крестить некоторых като-



ликов, то есть принять их в арианскую церковь (VIII. 1). Важно понять, что именно собиралась сделать королева. Автор не говорит о том, что она пыталась насильно обратить их в свою веру<sup>44</sup>. Вероятно, они сами готовы были стать арианами, и королева просто хотела принять их в свою церковь обычным для арианского обряда путем, то есть через повторное крещение. Ариане не признавали крещение по католическому обряду, так что, с их точки зрения, повторное крещение было необходимо. Если бы она пыталась силой обратить их в свою веру, Эвгиппий не упустил бы случая рассказать нам о таком вопиющем случае. Кто были эти католики, согласившиеся на такое моральное падение? Один из исследователей называет их просто «некоторые из ее подданных-католиков». Другой идет дальше и заявляет, что она пожелала повторно крестить всех своих подданных-католиков<sup>45</sup>. Но Эвгиппий не называет их подданными королевы. Единственное правдоподобное объяснение, как мне кажется, состоит в том, что некоторые римляне считали полезным для себя принять религию своих соседей варваров, то есть ругов; возможно, они собирались поступить к ним на службу. Больше нигде в «Житие» ни о чем подобном не говорится, тем более что для католического писателя это была болезненная тема, и вряд ли он хотел долго на ней останавливаться. Конечно, королева не собиралась обращать в арианство всех римлян, которые к ней попадали. Например, однажды она приказала увести нескольких римлян из деревни (*vicus*) вблизи Фавианиса, чтобы использовать их в качестве рабов. Они должны были стать рабами самого низшего типа, хотя непонятно, о каком типе рабства здесь идет речь (VIII. 2). Но автор не говорит, что королева собиралась крестить рабов, да и вряд ли она могла к этому стремиться — ариане никогда не были сильны в миссионерстве. Интересно было бы знать, много ли было среди ругов перебежчиков (если они и вообще были) из римлян и каковы были мотивы этих перебежчиков. Во всяком случае, этот феномен нигде вдоль северной границы не наблюдался по вполне понятной причине: в это время к северу от границы не было другого племени варваров-христиан.

Когда Гизо собиралась повторно крестить людей, то, согласно догматам своей веры, она не делала ничего плохого. Единственное святотатство, о котором упоминается в «Житие», совершил Фердерух, который забрал себе одежду, предназначавшуюся для бедных, а также выкрал серебряную чашу из церкви монастыря св. Северина в Фавианисе. Более того, он не ушел, пока не вынес из церкви все ее убранство<sup>46</sup>. В разных странах ариане, бывало, конфисковывали католические церкви, чтобы проводить в них свои службы, но они редко разоряли их только ради грабежа<sup>47</sup>.

Только однажды в книге говорится о существовании в провинции язычников. В Кукуллисе, *castellum 'e*, населенном гражданскими людьми (*cives*), Северин однажды столкнулся с группой людей, все еще приносящих жертвы языческим богам. Чудесным образом святой сумел выявить виновных. После этого они открыто признали свою вину, и Эвгиппий дает нам по-

нять, что заблудшие души вернулись на праведный путь. По словам Эвгиппия, святой не стал разбивать принадлежавшие им предмета культа<sup>48</sup>. Можно сказать, что ко времени прибытия Северина в Норик около 454 года язычество было уже мертво и провинция была уже практически полностью христианской.

#### 4. Военные действия варваров

То, что мы знаем о военных действиях варваров, касается в основном нападений на города Норика. Как мы видели, Коммагенис защищали жившие там варвары-федераты, которые так старались, что даже перерезали друг друга. У нас нет сведений о том, что город пал под натиском врагов. Фавианис также не подвергался штурму, хотя варвары совершали набеги, заканчивавшиеся у самых стен города (IV, 1f., X). Тибурния, столица Норика Средиземноморского, была атакована остроготами, но город не сдался (XVII. 4). Лауриакум в Норике Прибрежном также не подвергался штурму, хотя жители в конце концов оставили его (XXXI. 6). Эвгиппий рассказывает об *excidium 'e* из городов нижнего Дуная, но он имеет в виду эмиграцию жителей, а не разрушение городов военными средствами (XXVIII. 1). Но некоторые города действительно были разрушены. Астурис был захвачен бандой неизвестных варваров (I. 2 *insidias*), которые напали неожиданно и полностью разрушили город, уничтожив всех жителей, кроме одного. Эвгиппий, очевидно, не смог выяснить, какие именно варвары захватили Астурис. Это самое раннее событие в его повествовании, которое случилось более чем за пятьдесят лет до времени написания книги. Возможно, единственный оставшийся в живых свидетель так никогда и не узнал, кто именно разрушил город. Батавис был также захвачен врасплох неожиданной атакой варваров. До этого аламанны постоянно нападали на него, но не смогли захватить. Во время событий, описанных в главе XX, там еще находились войска. Но аламанны, хотя и не взяли город, захватили некоторых жителей в рабство. В конце концов, город подвергся неожиданной атаке некоего Гунумунда, под началом которого было всего несколько варваров (XXII. 4). В это время большая часть населения была на сборе урожая, и всего сорок человек остались охранять город<sup>49</sup>. Вероятно, в это время войск в городе еще не было. Однако город не прекратил существования. Жизнь в нем продолжалась, и позднее туда переселились жители Квинтаниса (XXVII. 4). Этот город подвергался постоянным набегам аламанных, и когда большая часть населения переселилась в Батавис, оставшиеся жители стали жертвами неожиданного нападения тюрингов, которые многих убили, а других взяли в плен (XXVII. 3 *Thoringis irruentibus*). Однако варвары не в состоянии были захватить город, поскольку в нем еще оставались все его жители. Наконец, город Йовиако был захвачен герулами, которые опустошили его, взяв в плен многих жителей и убив священника (XXIV. 3).

В одном месте книги рассказывается о том, что многочисленный отряд аламаннов «все опустошил, но форты были в безопасности» благодаря тому, что их жители вели себя как истинные христиане (XXV. 3). Очевидно, что штурм городов в Норике происходил редко и только в тех случаях, когда защитники города или частично переселялись в другие места, или были заняты сбором урожая. Единственным превосходством варваров была внезапность, и все захваты городов, о которых мы знаем, произошли именно благодаря внезапному нападению. Обычно варвары нападали ночью (XXX. 2f.), в это время они могли использовать приставные лестницы (XXX. 4). Если городу угрожало нападение, то жители, по совету Северина, обычно переносили все съестные припасы из сельской местности в город (XXX. 1)<sup>50</sup>. Зная о возможном нападении, жители Лауриакума выставляли дозорных, которые должны были предупреждать о появлении захватчиков (XXX. 1f.). Так как с исчезновением границы исчезло и организованное, постоянное наблюдение за ней, каждому городу пришлось самостоятельно заботиться о своей безопасности, поэтому даже страннс, что в книге так редко упоминаются часовые и дозорные, хотя когда-то на стенах Лауриакума стояли дозорные, наблюдавшие за потенциальным врагом *ex more* (XXX. 2). Возможно, это было делом само собой разумеющимся, и поэтому Эвгиппий не считал нужным о нем упоминать, а с другой стороны, возможно, что города не могли позволить себе ежедневно отрывать людей от работы и посылать их в дозор. В таком случае именно эта неосмотрительность привела некоторые города к трагедии.

Всего в двух случаях автор называет конкретные цифры, и они невелики. Мы знаем, что когда жители Батависа ушли на уборку урожая, они оставили в городе всего сорок мужчин для охраны (XXII. 4). Кроме того, набеги аламаннов привели к тому, что часть жителей была захвачена в рабство. Посланец Северина смог договориться о том, что семьдесят человек отпустят на свободу, позднее другой посланец смог вызволить из рабства «целую толпу» пленников (XIX. 5 *magnam...copiam*). Общее количество плененных жителей, вероятно, не превышало двух сотен. Из этого следует, что и отряды нападавших были также немногочисленны. Когда в 376 году везеготы перешли Дунай и углубились в Римскую империю, а вандалы, аланы и свевы в 406 году перешли Рейн, их количество в обоих случаях, по-видимому, насчитывало десятки тысяч. Однако в приграничных набегах на Норик участвовали отряды, состоявшие, вероятно, из нескольких сотен воинов. Ведь целью этих отрядов был обычный грабеж, а не поиск новых земель для постоянного проживания, как в случае с вандалами, везеготами и другими племенами<sup>51</sup>. Так что жители городов Норика вполне в состоянии были защитить свои города от разрозненных банд. Когда остроготы осадили Тибурнию в Норике Средиземноморском, жители сопротивлялись им с переменным успехом и в конце концов подписали с ними договор и передали для них безвозмездные пожертвования, которые они собрали и вручили Северину (XVII. 4). Вряд ли эти

пожертвования были непосильным бременем для горожан. (Правда, почему остроготы захотели получить в дар поношенную одежду, не совсем понятно.) Чего не хватало горожанам — это наступательного духа. Они сражались с варварами тогда, когда те их к этому вынуждали, но они не брали инициативу в свои руки. Они не нападали на врагов первыми, не пытались захватить их врасплох или отбросить обратно за Дунай, когда те переправлялись через реку для того, чтобы грабить села и города.

В книге редко упоминаются какие-либо решительные сражения, и ни в одном из них горожане не потерпели поражения. Наоборот, не однажды им удавалось победить варваров. Это случилось в Батависе, когда жители сразились с аламаннами и разбили их (XXVII. 2). Однако большинство из горожан тогда покинули свой город и перешли жить в Лауриакум. Но даже после победы в Батависе горожане, насколько мы знаем, не стали по собственной инициативе вооружаться и охотиться за бандами грабителей. Тем более они не решились пересечь Дунай и перенести войну на территорию врага. Мы не знаем ни одного случая, когда бы жители нескольких городов объединились и выступили против варваров единым фронтом. Каждый город действовал сам по себе, если вообще действовал. Организовывать недисциплинированных жителей Норика, давать им советы, укреплять их боевой дух, планировать стратегию сопротивления — все это приходилось делать босоногому «солдату Христа», как называет своего героя Эвгиппий. Конечно, Эвгиппий преувеличивал роль своего героя, но вряд ли он ее выдумал.

Главная причина гибели придунайских городов состояла в том, что набеги варваров никогда не прекращались. Горожане не могли сеять и убирать урожай и потому вынуждены были переселяться в другие места<sup>52</sup>. Странно, что Эвгиппий редко упоминает о массовом голоде среди горожан. Самая тяжелая ситуация, описанная Эвгиппием, связана с неурожаем, а вовсе не с набегами варваров.

Уже в поздние годы деятельности Северина Фелефей, король ругов, привел свою армию для того, чтобы забрать с собой всех жителей, нашедших убежище в Лауриакуме, и поселить их в тех городах, которые платили ему дань и были, с его точки зрения, легко доступны. Одним из них был Фавианис, в котором в первые годы Северина еще стояли римские войска. Свое решение король объяснил тем, что он хочет защитить горожан от опустошительных нападений аламаннов и тюрингов, которые могут их ограбить, убить или превратить в рабов (XXXI. 4), поэтому, по его словам, жителей необходимо переселить в соседние, подконтрольные королю города. Было ли это действительно бескорыстной акцией? Думал ли король только о благе жителей Лауриакума? Если да, то почему он привел с собой армию? Она была нужна только в том случае, если он намеревался переселить жителей силой, если это потребуется, а он, видимо, в этом не сомневался. Кроме того, он собирался увеличить население городов, которые платили ему дань, а значит, его мотивы не были так возвышенны,

как он заявлял. Возможно, он просто хотел увеличить свои доходы. Складывается впечатление, что он занимался обычным вымогательством. Сами горожане не верили, что Фелефей действует из великодушных побуждений. Они умоляли Северина встретиться с королем и убедить его отказаться от своего плана. Северин, как явствует из книги, считал, что горожане скорее будут сражаться, чем согласятся на этот план, и в этом случае их ожидает сокрушительное поражение<sup>53</sup>.

Эта история для Северина закончилась полной неудачей, самой серьезной из тех, что описаны Эвгиппием. В итоге горожанам все же пришлось покинуть Лауриакум и поселиться в городах, обложенных данью. Конечно, это не означает, что там они жили бок о бок с ругами. Руги, судя по всему, вообще не жили в городах, во всяком случае, ни о чем подобном наш автор не упоминает. Более того, он не приводит ни одного примера, когда бы кто-то из варваров (кроме федератов в Коммагенесе) постоянно жил в городах к югу от Дуная на территории прежней провинции Норик Прибрежный. Единственный варвар (кроме федератов), которого Эвгиппий описывает как постоянного жителя Норика, был католический монах, варвар, принявший при крещении имя Бонос (гл. XXXV). (Автор не утверждает, что этого варвара обратил Северин.) Каковы бы ни были цели рогов, вряд ли они в это время строили планы поселиться к югу от реки. Правда, как мы помним, они мечтали перебраться в Италию, но теперь, после ухода остроготов из Паннонии около 472 года, эти планы, очевидно, были на время забыты. Эвгиппий тактично умалчивает о том, что горожане теперь вынуждены были платить дань Фелефею (XXXI. 6). Несмотря на весь свой писательский талант, он не может скрыть тот факт, что в этой истории Северин проиграл. Его единственной заслугой в данном случае было то, что, не сумев защитить горожан от переселения, он спас их от поражения в битве.

Впервые в истории мы встречаемся с ситуацией, когда римский город был обязан платить дань германскому правителю. Согласно Прокопию, в его время варвары, жившие на Дунае, не имели привычки требовать дань; когда он описывает то, как герулы требовали дань от ломбардов и других племен, он отмечает необычность этой акции. Видимо, Прокопий не знал о том, что предшественниками герулов в этом деле были руги. По случайному совпадению герулы тогда жили там же, где во времена св. Северина жили руги. Последние к этому времени переселились в Италию к своим старым врагам, остроготам<sup>54</sup>. Отметим еще один момент, новый для истории германских народов. До этого не было известно ни одного случая, когда бы король-германец — в данном случае это был Фелефей — Фева — мог подарить кому-то римский город. Однако мы читаем, что Фердерух «получил» Фавианис от своего брата-короля (XLII. 1). А король, видимо, имел абсолютное и ничем не ограниченное право поступать с городом, как ему заблагорассудится (хотя, читая Эннодия, мы вряд ли придем к такому выводу). В прежние времена, как мы знаем, германские короли

одаривали своих приближенных деньгами и лошадьми. Они могли даже подарить им земли. Но Фева был первым германским королем, подарившим город. Предположительно, дань собирали уцелевшие куриалы, но мы знаем, как они это делали, сколько они собирали и с кого. Возможно, женщина по имени Прокула, которую Эвгиппий описывает как *nobilissimis orta natalibus* (III. 2), была женой или вдовой декуриона, так как, описывая члена высшей аристократии, Эвгиппий употребляет как правило термин *illustris* (XLVI. 2). Поступок короля вовсе не означает, что Фердерух был назначен главой городской администрации (XLII. 1), эта задача была ему не по силам. Также непонятно (XLIV. 1), почему позже он предстает перед нами в облике нищего (*pauper*). Однако он обеднел настолько, что украл вещи, предназначенные для благотворительности, церковную чашу и другие предметы, принадлежавшие церкви.

Каковы были успехи варваров на военном поприще? Они не смогли захватить Коммагенис, Фавианис и Тибурнию (в Норике Средиземноморском). Они не захватили Лауриакум и Квинтанис, хотя жители и ушли из обоих этих городов. Захваченные ими Астурис, Иовиано и, возможно, Квинтанис были крохотными городками, не имевшими большого значения. Единственным серьезным успехом было взятие Батависа. Однако если учесть, что повествование Эвгиппия охватывает период с 454 до 482 года, это вряд ли может считаться крупной победой.

Врагами Норика были руги, аламанны, остроготы, тюринги и герулы. Интересно, что единственный варварский народ, о котором Эвгиппий не говорит ничего (кроме хронологического указания в первой фразе книги), — это гунны. Видимо, в битве на реке Недао их империя была полностью уничтожена. Хотя в 60-х годах V века несколько гуннов мелькают на нижнем Дунае в облике жалких, нищих разбойников. В целом этот народ окончательно исчез из истории Норика и его окрестностей.

## 5. Св. Северин

Северин — единственный представитель духовенства северных приграничных провинций, о котором известно, что он общался с вождями варваров, давал им советы, влиял на них, а иногда возглавлял оппозицию против них. Некоторые сравнивают его с Германом из Оксерра, но на самом деле между ними нет ничего общего, кроме того, что Герман один раз поднял жителей Британии на битву с захватчиками.

Сам Северин ничего не написал, и хотя сочинение Эвгиппия — превосходный исторический документ, мы немного узнаем из него о личности святого. Он был одним из тех незаурядных, пусть и малопривлекательных аскетов, о которых любили читать люди Средневековья. Почему малопривлекательных? У него был один-единственный плащ, и он его никогда не снимал, ни днем ни ночью (XXXIX. 2). Почему аскет? У него не было обуви,

и он ходил босиком даже зимой, по австрийскому снегу. Хотя он редко нарушал пост до восхода солнца, а во время Великого поста ел лишь раз в день, лицо его сияло бодростью, которая, возможно, не всем казалась привлекательной. Люди бывают неблагодарны даже по отношению к святым, и не всегда они ценили то, что делал этот подвижник. Когда он призывал других умерщвлять плоть так же, как это делал он сам, ему иногда отвечали отказом. «Иди прочь, святой человек, прошу тебя, — сказал один священник из Пассау, — уходи, и побыстрее. Когда ты уйдешь, мы сможем хоть немного отдохнуть от постов и бдений». Подвижник разразился слезами, услышав слова мелочного себялюбия, но вскоре утешился: разве грубое оскорбление не есть свидетельство скрытых грехов? (XXII. 3) Еще хуже было то, что, когда он однажды воскресил мертвого, неблагодарный труп в ответ попросил святого вернуть его в вечный покой, который не следовало нарушать (XVI. 5). Были и просто недоразумения. Когда он велел одной ругской женщине подать милостыню нищим, она тут же начала срывать с себя одежду и раздавать ее беднякам, жившим по соседству. Святому пришлось объяснить ей (весьма поспешно, я думаю), что это не совсем то, что он имел в виду (VI. 2).

Однако римскую провинцию Норик Прибрежный святой был не в силах возродить. Она уже окончательно погибла к тому времени, когда он начал свое служение в маленьком городке Астурис в 454 году.

## ИСПАНИЯ

## VIII. ГИДАЦИЙ И ЗАВОЕВАНИЕ ИСПАНИИ

Если бы у нас не было «Хроники» Гидация, то не было бы и истории Испании V века. Если бы не Гидаций, то все, что нам было бы известно, — это несколько не связанных между собой событий, которые там произошли. Авторы галльских хроник мало интересовались тем, что происходило к югу от Пиренеев, редко вспоминая об этой части их беспокойного мира. Конечно, и без «Хроники» мы бы знали, что в 456–457 годах везеготы из Тулузского королевства вели кровопролитную кампанию в западной Испании, так как сто лет спустя об этом писал один из готских историков, правда, часто искажавший истину из патриотических побуждений. Кроме того, некоторые выводы можно было бы сделать на основе немногих уцелевших церковных документов, но все же очевидно, что если бы мы лишились «Хроники» Гидация и нескольких писем этого времени, написанных папами или адресованных им, то об Испании в V веке мы бы знали немногим больше, чем мы знаем о Британии в тот же темный период истории. То есть практически ничего.

К счастью, перед нами встает стройная фигура епископа Гидация. Я называю ее «стройной», потому что в превосходном издании Моммзена «Поздних Римских Хроник» то, что было создано Гидацием за всю жизнь, занимает чуть больше двадцати страниц. Однако теперь этот автор уже не кажется нам таким загадочным, каким казался четверть века назад. В своей мастерски написанной статье, опубликованной в 1951 году, Христиан Курт набрасывается на целые куски «Хроники», безжалостно вырывает их из основного текста и бросает в чистилище *spuria vel dubia*. Гидацию более не позволено утверждать, что Теофил, патриарх Александрийский, был папой Римским, или что св. Августин был жив еще несколько лет после своей кончины, или что солнечное затмение 28 мая 458 года произошло в 457 году<sup>1</sup>. Мы также можем теперь сомневаться, что Гидаций





Карта 6. Испания

обладал таким даром предвидения, что смог рассказать нам о событиях, произошедших через год или два после его смерти. После хирургического вмешательства, проведенного Куртом, «Хроника» обрела новый и более приемлемый вид, однако довольно полный текст более или менее нетронутой «Хроники» содержится в одной-единственной рукописи IX века, хранящейся сейчас в Берлине, которая известна под литерой «В». Впрочем, даже в рукописи «В» текст Гидация сохранился в «ужасающем», по словам Курта, состоянии. Как бы ни хотелось нам надеяться, что это не так, нам ничего не остается, как ему поверить.

И все же, несмотря на печальное состояние рукописей, «Хроника» Гидация — это именно то, что необходимо каждому исследователю, изучающему любой из периодов древней или средневековой истории. «Хроника» буквально проливает свет на Испанию, особенно на ее северо-западную часть, то есть на Галисию, или Галлецию, как ее называли римляне, освещая весь V век (хотя и не все части Иберийского полуострова равномерно) вплоть до 469 года. (Заметим, что традиционное мнение о том, что «Хроника» заканчивается 468 годом, было опровергнуто Куртом.) В 469 году «Хроника» заканчивается, свет гаснет, и испанская история погружается во тьму до самого конца столетия. Правда, тьма эта не столь безнадежна, как та непроглядная чернота, что окутывает Британию конца

V века. Хотя и здесь пейзаж кажется темным и таинственным, но в свете нескольких звезд — надписи 483 года и некоторые метеорологические подробности в папских посланиях, направленных в Испанию, — мы улавливаем (пусть только благодаря этим звездам) очертания людей, которые что-то пишут и куда-то двигаются, и их передвижения, кажется, имеют какую-то цель<sup>2</sup>.

## 1. Гидаций

Примерно в 40 километрах к югу от Оренсе (в римское время Аурия), по ту сторону северной границы Португалии, лежит маленький городок Гинсо де Лимиа, или Лима (*civitas Limicorum*, или *Lemicorum*). По нынешней каменной дороге (если вы решились на поездку) это около 120 километров от Браги (*Bracara Augusta*) на юго-запад. Гинсо де Лимиа находится уже на территории Республики Португалия. Брага в те времена была довольно большим городом, столицей римской провинции Галисия, но Гинсо де Лимиа и в римские времена был таким же захолустным, никому не известным городком, как и сейчас. Только одним этот маленький городок может быть интересен для окружающего мира, хотя и это событие не назовешь впечатляющим. Именно здесь около 394 года родился Гидаций<sup>3</sup>.

Нельзя сказать, что *civitas Limicorum* был захолустьем знаменитой и многолюдной провинции, скорее, вся провинция была захолустьем. В 561 местный митрополит, описывая свою епархию, честно признавал, что она находится на краю света, и он всего лишь повторял слова папы, сказанные за несколько лет до этого: «крайние части света». Древние греки за несколько столетий до этого отзывались обо всей Северной Испании, как гористом, холодном, негостеприимном, труднодоступном крае, малопригодном для жизни, а его обитателях как о народе диком, непредсказуемом и жестоком. Дело в том, что в доримские времена Северная Испания, несмотря на залежи полезных ископаемых и обилие скота, была печально известна своими разбойниками и непрекращающимися разрушительными войнами между местными племенами, нищими горцами и почти такими же нищими жителями долин<sup>4</sup>. Галисия была поистине краем света, *Finisterre*.

В 407 году, в возрасте двенадцати или тринадцати лет, по причинам, о которых Гидаций почему-то не говорит, он совершил путешествие из своей заброшенной провинции к некоторым из знаменитейших городов Востока. Он или его семья, видимо, располагали значительными средствами, раз он смог посетить Александрию, Кипр, Кесарию в Палестине, Иерусалим и — что оказалось самым важным — Вифлеем, где ему посчастливилось увидеть св. Иеронима<sup>5</sup>. В поздние годы жизни Гидаций уже смутно представлял себе Восток; он, например, считал, что сирийский город Антиохия, в котором он никогда не был, находится не в Сирии, а в Исаврии. Простим ему его ошибку. Разве Григорий Турский, человек несравнимо

более выдающийся, не заблуждался еще больше в отношении неуловимой Антиохии? Ведь Григорий, как ни странно, полагал, что четвертый город мира находится и не в Сирии, и не в Исаврии, а в Египте<sup>6</sup>.

В 416 году в своей родной Галисии Гидаций принял сан священника, а в 427 году был посвящен в епископы. Моммзен высказал догадку, что Гидаций мог быть епископом города Аква Флавия (*Aquae Flaviae*), современного Шавиша на реке Тамеге, расположенного в 100 километрах по прямой к востоку от Браги. Гомер бы здесь кивнул: у нас нет никаких данных о том, что Аква Флавия когда-либо был епископством, так что на самом деле мы не знаем, где именно служил наш летописец. Он, несомненно, был известным церковным деятелем. В 445 году он в сотрудничестве с Туррибием, епископом Асторги и известным преследователем присциллиан, проводил расследование в отношении манихеев, выявленных в Асторге. Папа Лев Великий в своем послании о присциллианстве от 21 июля 447 года говорит о Гидации как о подходящем человеке для организации испанского, или хотя бы галисийского, синода, который должен был рассмотреть вопрос об этой ереси<sup>7</sup>.

Единственная личная встреча Гидация с одним из великих людей его времени произошла через несколько лет после посвящения в епископы. В 431 он совершил путешествие в Галлию для того, чтобы увидеться с Аэцием, самым знаменитым политиком и военачальником столетия, «последним из римлян», хотя еще не ставшим тогда патрицием. Испанский епископ был допущен до переговоров с ним. Гидаций надеялся, что Аэций сможет предпринять какие-то шаги, чтобы остановить непрекращающиеся, безжалостные и кровопролитные набеги свевов на Галисию. К огромному сожалению, Гидаций не посчитал нужным или не захотел (с. 136) нарисовать, хотя бы мимоходом, словесный портрет этого выдающегося человека, который в то время пытался остановить разрушение своего мира<sup>8</sup>. Историки уже неоднократно отмечали, что когда Гидацию понадобилась помощь имперского правительства, он отправился не к императору в Италию, а в Галлию к Аэцию. Позже, в 460 году, Гидацию довелось находиться в гораздо менее блестящей компании — он был похищен свевами в Акве Флавия и более трех месяцев подряд находился у них в плену<sup>9</sup>. Вряд ли это было приятным времяпрепровождением, хотя наверняка он тогда много узнал о варварах.

Вот и все, что мы знаем о внешних событиях жизни Гидация, но и из этого можно сделать вывод, что автор «Хроники», хотя к концу жизни мало куда выезжал, все же успел повидать мир и столкнуться с его непредсказуемостью. Время от времени он решался покинуть свой кабинет и свой епископский дворец и соприкоснуться с тем хаотическим беспорядком, в который погружалась Западная Европа.

Встреча с великим святым в Вифлееме, очевидно, произвела на него глубокое впечатление, однако вряд ли в 407 году подросток Гидаций мог предвидеть, что напишет продолжение эпохальной хроники св. Иерони-

ма. Мы не знаем, когда у него созрело решение написать свою «Хронику» и когда он приступил к работе над ней. В предисловии он говорит, что писал в преклонном возрасте, однако эта фраза, без сомнения, относится только к составлению предисловия и к завершению всей работы. Для нас важно другое: когда он начал писать? Может быть, это случилось в 427 году, когда ему явно пришлось отбросить все письменные источники и, не жалея сил, собирать изустную информацию? Может быть, и так, но любая догадка будет субъективной, так как сам автор об этом умалчивает. Наша оценка его работы могла бы быть иной, знай мы, что он начал в 427, или в 450, или в 469, или в каком-то другом году<sup>10</sup>. Во всяком случае, когда бы он ни приступил, он начал свое повествование с 379 года, которым кончается хроника св. Иеронима. Для описания событий 379–427 годов Гидаций пользовался как сочинениями более ранних авторов, так и устными источниками информации. Что касается 428–469 годов, то здесь автор был очевидцем событий, и это именно та часть книги, где описывается расцвет первого королевства варваров и гибель римской Испании. Правда, иногда Гидаций и здесь цитирует письменные источники, но только при описании событий в других странах. Так, он приводит цитаты из писем Кирилла Александрийского, Флавиана Константинопольского, Евфрония из Аутуна<sup>11</sup>, однако в основном Гидаций опирался на устные, а не письменные источники.

Все сходится на том, что «Хроника» отличается разумной взвешенностью, что это работа тщательная, методичная и надежная, которую стоит изучать даже через 1500 лет после ее написания. По словам Моммзена<sup>12</sup>, *«auctor pro aetate diligens et fidei optima»*. Конечно, трудно поверить, что в битве при Отриколи в 413 году было убито 50 000 человек,<sup>13</sup> еще труднее — в то, что 300 000 человек пали в битве на Каталлаунских полях в 451 году<sup>14</sup>, да и сам Гидаций как будто пугается этой чудовищной цифры. Но подобных огрехов в книге немного, а учитывая, что сам автор немало пострадал от варваров, книга поражает сдержанностью политических оценок. Конечно, Гидаций часто клеймит свевов за их безверие,<sup>15</sup> но в целом его взгляды нельзя назвать антиварварскими. Он никогда не критикует везеготов как народ. Естественно, ему не нравился проводивший антиримскую политику король Торисмуд (451–453)<sup>16</sup>. Он осуждает готов за то, что они не оказали помощи императору Авиту перед тем, как тот потерял трон в 456 году<sup>17</sup>. Он скорбит о том, что король Теодорих II, обычно поддерживавший Рим, проявил такую жестокость при взятии Браги, Асторги и Паленсии<sup>18</sup>. (До этого район Паленсии уже подвергся опустошительному нападению варваро-федератов в 409 году или ранее.)<sup>19</sup> Но все это конкретные факты, принципиальной антиварварской позиции у Гидация нет. Он не испытывает ненависти к человеку или к народу только потому, что они не римляне. С другой стороны, он обычно не восхваляет своих героев, будь то римляне или варвары. Правда, он отступает от темы, чтобы вставить в книгу похвальное слово Эгидию, преданному поклоннику и помощнику несчастного импера-

тора Майориана<sup>20</sup>. С неожиданной страстностью Гидаций пишет о поэте Меробауде, панегиристе Аэция. Он подчеркивает благородное происхождение поэта, его талант — он «сравним с древними», — а также его мастерство воина<sup>21</sup>. Меробауд был испанцем, как и Гидаций, однако он был родом из далекой Бетики на крайнем юге Иберийского полуострова, и его испанские корни вряд ли могли быть причиной подобного энтузиазма со стороны галисийца Гидация. Между Майорианом и Аэцием отношения были более чем прохладными<sup>22</sup>, и хотя наш летописец восхищается панегиристом Аэция, это не значит, что он восхищается самим Аэцием. Я уже упоминал о том, что Гидаций избегает описывать Аэция. Впрочем, у нашего автора не было оснований превозносить Аэция, ведь тот не сделал ничего или почти ничего, чтобы спасти далекую Галисию от разрушения, и после своего визита в 431 году Гидаций ни разу не просил патриция о помощи, хотя тот управлял Западом еще целых двадцать три года. Но Аэций мало заботился об отдаленных частях Западной империи — Британии, Испании, имеющей огромное значение в Африке. Он никогда не посещал эти несчастные края. Он не делал ничего или почти ничего, чтобы защитить их от захватчиков, хотя Гидаций и трижды пострадавшие британцы просили его об этом. «Последний из римлян» интересовался только судьбой землевладельцев Южной Галлии и Италии, а весь остальной мир должен был сам заботиться о себе.

На первый взгляд может показаться, что Гидаций писал для испанцев, точнее, только для галисийцев. Зачем иначе записывать время солнечного затмения 11 ноября 402 года? В Северной Испании, где он жил, затмение было полным, а в Константинополе его едва можно было заметить<sup>23</sup>. Вторжение варваров в Испанию в 409 году нашло едва заметный отголосок в хрониках, написанных авторами из других стран. Большинство летописцев упоминают об этом событии, но лишь в нескольких словах, а автор из Восточной империи Марцеллин Комит обходит его молчанием. С другой стороны, для Гидация это было бедствием, которое стоило такого же внимания, как падение Рима в 410 году, потрясшее весь цивилизованный мир<sup>24</sup>. Если считать, что количество строк, которое Гидаций уделяет тому или иному событию, соответствует значению, которое он этому событию придавал, то самым значительным из них в V веке, вплоть до 469 года, года окончания «Хроники», окажется завоевание везеготами Галисии и других частей Западной Испании в 456–457 годах. Это мнение, конечно, не разделяли авторы других хроник, не жившие в Испании. Так что Гидаций кажется самым настоящим провинциалом, которого интересует лишь то, что происходит в том заброшенном и нищем краю, где ему довелось прожить свою жизнь. Однако, как мы увидим (с. 128), дело обстоит не совсем так. Гидаций честно старался написать хронику мирового масштаба, он пытался бесстрашно преодолеть ограниченность своих знаний об окружающем мире, стремясь включить в свою работу любую доступную крупицу информации о Восточной Римской империи.

Гидаций был хорошо знаком с событиями, произошедшими в описываемый им период в Галлии и Италии, и иногда он дает нам такие сведения об этих странах, которые мы не находим у живших там авторов. Что касается Галлии, то Гидаций — единственный, кто написал о кампании 431 года, в которой Аэций разгромил восстание жителей провинции Норик. Он один приводит цифру в 20 000 человек, говоря о бургундах, убитых при разрушении гуннами незабвенного Бургундского королевства в Вормсе в 437 году<sup>25</sup>. (Правда, его авторитет помешал историкам подвергнуть сомнению эту маловероятную цифру.) Только от него мы узнаем о том, что в 430 году вблизи Арля Аэций захватил в плен знатного везегота по имени Анаольс и перебил его последователей<sup>26</sup>. Гидаций был хорошо информирован о происходящем в Галлии, так как между Галлией и Испанией, как мы увидим позже, постоянно перемещались дипломаты и церковные деятели. Как ни странно, неофициальных, дружеских связей между аристократами двух стран было гораздо меньше, чем можно было бы ожидать, так как в необъятном собрании писем Сидония Аполлинария только одно или два письма адресованы испанцам<sup>27</sup>. В то же время есть сведения о развитом торговом судоходстве между Галлией и Испанией в конце VI века, а если предположить, что такая торговля процветала уже в V веке, при жизни Гидация, то многие факты объяснить будет легче. Не надо забывать, что в V веке и в следующие за ним века любой, кто пытался перейти из Галлии в Галисию через восточные Пиренеи, должен был на своем пути преодолеть неприступные горы, населенные дикими язычниками басками; если же он, делая огромный крюк, двигался через Тарраконскую провинцию, поднимаясь по долине Эбро, то по дороге на запад от Леона он бы неминуемо столкнулся с разбойниками горцами. И все же очевидно, что во времена Гидация жители Галлии и Галисии были в контакте и, скорее всего, путешествовали они не по горам, полным разбойничьих засад, а по морю.

Что касается Италии, то наш летописец упоминает одного уроженца Рима по имени Пасцентий, жившего в Асторге в 448 году. Мы не знаем, что заставило Пасцентия туда приехать. Возможно, это было связано с манихейством — он был манихеем, а может быть, причина была другая<sup>28</sup>. Судя по словам Гидация, путешествие из Италии в Галисию не было чем-то экстраординарным. Присутствие итальянского иммигранта, видимо, ни у кого не вызывало удивления. В 447 году Туррибий, епископ Асторги, смог послать своего дьякона Первинка в Рим, который благополучно вернулся в Галисию. Кроме того, Гидацию было известно о восшествии на трон и о смерти западных императоров, о линчевании патриция Феликса в Равенне в 430 году и соперничестве Бонифация и Себастьяна с Аэцием<sup>29</sup>. Он хорошо знал о сокрушительном походе Аттилы в Италию в 452 году (с. 135), об убийстве Аэция в 454 году и о многом другом. Более того, единственный из всех писателей того времени, он рассказывает о Палладие Цезаре, сыне императора Петрония Максима, и его женитьбе на доче-

ри Валентиниана III<sup>30</sup>. Можно сказать, что он был знаком по крайней мере с самыми значительными событиями, произошедшими в Италии во время его епископского служения.

И это еще не все. Когда Туррибий и папа Лев I в 447 году переписывались по поводу присциллианства, их письма, видимо, доходили до адресатов без всяких препятствий, но через несколько лет, когда власть захватили свевы, все изменилось. Когда папа пожелал разослать во все западные провинции некоторые сочинения Флавиана, патриарха Константинопольского, и Кирилла Александрийского, посвященные ереси Евтихия, он, видимо, не смог послать эти документы в Испанию или по крайней мере в Галисию напрямую. Документы вначале отослали в Галлию, и уже из Галлии они стали известны Гидацию в 450 году<sup>31</sup>. Когда в октябре 451 года собрался Халкидонский собор, а 27 января следующего года Лев I решил сообщить западным провинциям об удовлетворительных выводах, сделанных этим великим экуменическим собором, он написал епископам Галлии, и ему пришлось просить их проследить за тем, чтобы эти хорошие новости дошли до Испании<sup>32</sup>. Очевидно, папа не мог быть уверен в том, что письмо, отправленное в Испанию, дойдет до адресата, даже если это письмо касалось дела величайшей важности. Однако он был почти уверен в том, что сообщение между Галлией и Испанией не прервалось. Затем, когда около 450 свевов и басков, а также, как мы увидим, багаудов, перерезали сообщение между Тарраконской провинцией и Галисией, из Галлии можно было добраться только морским путем. Таким образом, можно предположить, что новости из Италии в начале 50-х годов V века доходили до Гидация через Бискайский залив. О смерти Западного императора Ливия Севера в 465 году Гидаций определенно узнал из Галлии, так как он сам говорит о том, что сообщение это было принесено из Галлии послами-свевами, которым случилось находиться там в это время<sup>33</sup>. Новости не приходили напрямую из Италии в Испанию или, точнее, из Италии в Галисию, так как вполне возможно, что Тарракона или Картагена получали новости прямо из Италии.

Как оказалось, Гидаций действительно получил документы, посланные из Галлии в 450 году, но нет сведений о том, что он знал о содержании триумфального письма, написанного Львом в январе 452 года. Еще более удивительно то, что он, очевидно, не знал о самом Халкидонском соборе. Впрочем, Халкидонский собор оказал до странности мало влияния на западный мир, если не считать папского престола. Те вопросы, которые были насущными для Востока, Запад не волновали; если на Западе и узнали о восточном соборе (на котором не было ни одного представителя Запада), то известие это было встречено в основном с непониманием и безразличием<sup>34</sup>. И все же, если Гидаций об этом услышал, неужели бы он не упомянул об этом хотя бы вскользь, как это сделал Проспер Аквитанский в своей хронике? Столетие спустя значение Халкидонского собора было уже очевидно для Мартина из Браги и галисийских епископов. Что же касается

Гидация, то легче поверить в то, что он никогда о Соборе не слышал, чем в то, что он не обратил на него никакого внимания, посчитав его пустяком, недостойным даже одной-единственной строки в его книге. Тот факт, что Гидаций не получил письма, написанного Львом в январе 452 года, скорее можно объяснить не плохим сообщением, а тем, что галльские епископы просто его не переслали, так как не придали ему большого значения.

Знания Гидация об Африке были ничтожны. Он почти ничего не знал о том, что произошло на этом континенте после смерти св. Августина в 430 году, после неожиданного нападения вандалов на Карфаген 19 октября 439 года и после мер, предпринятых Гейзерихом против духовенства Карфагена в том же году<sup>35</sup>. Конечно, он знает о деятельности Гейзериха за границей, например в Сицилии в 440 году или в Риме в 455 году, и охотно включает эти события в свою хронику. Но в том, что касается самой Африки, Гидаций проявляет почти полное невежество. В Галлию послы вандалов добрались в 458 году, но они ехали не для того, чтобы беседовать с сельским священником. У Гидация не было случая с ними поговорить, а если и был, что маловероятно, то они ему не сообщили ничего или почти ничего. С какой стати им было обсуждать вопросы высокой дипломатии с римлянином? Каким-то образом Гидацию стало известно о гибели Себастьяна в Африке в 450 году, но это практически единственный пример такого рода во всей книге<sup>36</sup>. По-видимому, из мрачного королевства вандалов новости просачивались с трудом.

Отрывок из «Хроники», посвященный взятию Рима Гейзерихом в 455 году, содержит одну любопытную деталь. Гидаций пишет, что Гейзерих захватил Рим потому, что к этому его подбивал не кто иной, как Евдоксия, вдова императора Валентиниана III. Гидаций был первым автором, который упомянул об этом сообщении, но позднее это стало известно Марцеллину Комиту в Восточной империи и еще нескольким писателям на дальнем конце мира<sup>37</sup>. Сам Гидаций называет это «злыми слухами». Только еще в одном месте в своей книге Гидаций признается, что его сообщение основано на слухах<sup>38</sup>. (Второй слух, который он передает — при этом подчеркивая, что это не более чем слух, — сомнительная история о том, что Гейзерих поначалу был католиком и только потом принял арианство.)<sup>39</sup> Даже называя это сообщение «злыми слухами», Гидаций не пытается тем самым опровергнуть известие о том, что императрица подстрекала Гейзериха, скорее, ее поступок вызывает у него сожаление. Но если он сам верит в правдивость этой истории, то зачем же он презрительно называет ее «злыми слухами», что ставит под сомнение весь его рассказ? Зачем тогда он вообще об этом написал? Каков бы ни был ответ на этот вопрос, Гидаций наверняка получил эти сведения из Италии, где Евдоксия жила после своего предполагаемого приглашения. Вряд ли эти сведения дошли до него из принадлежавшей Гейзериху Африки.

Мы уже говорили о том, что Гидаций ничего не знал о Халкидонском соборе. А что можно сказать о его знании Восточной Римской империи



вообще? В 416 году, в тот самый год, когда Гидаций был рукоположен,<sup>40</sup> один священник из Браги по имени Авит, живший в это время в Иерусалиме, в письме к Балконию, митрополиту Браги и ко всему духовенству и жителям епархии говорил о том, как часто ему хотелось вернуться в свой родной город. Он покинул Испанию до массового нашествия туда вандалов, аланов и свевов в 409 году, и во время написания письма желание вернуться боролось в нем с опасением, что «враг теперь расположился по всем испанским провинциям». Авит был уже стар и, не решаясь самостоятельно отправиться в путешествие, рассчитывал, что его молодой друг Орозий, будущий историк, вместо него ответит в Испанию мощи св. Стефана Протомученика, останки которого были обнаружены в декабре 415 года<sup>41</sup>. Но даже Орозию не удалось совершить это путешествие до конца. Он добрался до города Маон на острове Менорка, пробыл там некоторое время в 417 году и, увидев, что до Галисии ему не добраться, оставил мощи св. Стефана в Маоне и уехал в Африку<sup>42</sup>. Но ведь если плавание от Менорки до Африки было легким и безопасным, то и плавание из Менорки до Тарраконы не должно было представлять сложности. Вряд ли было так уж трудно в 416–417 годах переплыть западную часть Средиземного моря. В этом ничего сложного не было. Проблемы начинались на суше, когда путешественник высаживался на испанском побережье и пытался добраться оттуда до северо-восточной окраины страны. Весь этот путь грозил такими опасностями, которые могли казаться непреодолимыми. 417 год был особенно беспокойным временем для внутренних территорий Испании, когда Валия Гот воевал там с другими варварами, когда армии во время своих бесконечных походов грабили все вокруг и целые народы подвергались кровавой бойне или даже полному уничтожению. Неудивительно, что Орозий посчитал бессмысленным переправляться с Балеарских островов на материк.

Гидаций не скрывает, что он был бы рад более полно описать события в Восточной империи, но не может о них разузнать. Он рассказывает о том, что после изгнания Нестория из Константинополя патриархом там стал Флавиан (447–449 гг.)<sup>43</sup>, но, кажется, не знает о том, что между Несторием и Флавианом было еще двое патриархов — Максимиан (431–434 гг.) и Прокл (434–447 гг.). Это просто поразительный пробел в его осведомленности. Далее, хотя Гидаций беседовал с некоторыми священниками, приехавшими в Испанию с Востока, они, как это ни странно, не смогли сообщить ему дату смерти Иоанна Иерусалимского (415–416 гг.) и даже, что уж совсем невероятно, дату смерти самого Иеронима (420 г.) и других. Они не знали, кто был преемником Иоанна Иерусалимского до того, как епископом там стал Ювенал. Правда, Гидаций смог выяснить, что некий «старик» некоторое время управлял этой епархией<sup>44</sup>. На самом деле преемником Иоанна был Прайлий, бывший епископом с 415 или 416 года до 421 года, то есть не менее пяти-шести лет. Летописец также честно признается, что ему было нелегко выяснить, какие епископы предшествовали Иоанну в Иерусалиме

и кто был патриархом Александрии после Феофила, умершего в октябре 412 года. На самом деле преемником Феофила был не кто иной, как Кирилл Александрийский, о существовании которого Гидацию было хорошо известно<sup>45</sup>. Видимо, Гидаций считал, что между Феофилом и Кириллом был кто-то еще, хотя на самом деле он ошибался.

Гидаций правильно сообщает даты воцарения и смерти восточных императоров, но это не означает, что сведения об этом доходили из Византии до Испании. Например, в 467 году из Галисии для встречи с западным императором Антемием выехали послы-свевы. Вернулись они двумя годами позже и привезли новости о подготовке императором Львом I экспедиции в Африку для борьбы с вандалами. Экспедиция, окончившаяся катастрофой, отплыла в Африку в 468 году<sup>46</sup>. Сведения о ней, как мы видим, дошли до Испании не напрямую из Константинополя, а из Италии, где о ней узнали путешественники, которые и привезли эти сведения в Испанию. В данном случае это были не рядовые путешественники, а официальные представители короля свевов, по случайному совпадению оказавшиеся в это время в Италии. Обычно новости распространялись торговцами или людьми, путешествующими по частным делам, так что сведения об экспедиции попали в Испанию необычным путем. Скорее всего, и информация о византийских императорах доходила до Гидация через Италию или через Галлию.

В «Хронике» есть только две прямые ссылки на путешественников с Востока, приехавших в Испанию.

В 435 году священник из Аравии по имени Герман и некоторые другие «греки» прибыли в Галисию и смогли рассказать Гидацию о том, как в Константинополе борются с ересью Нестория<sup>47</sup>. Они также предоставили ему информацию об Эфесском соборе 431 года, но в то же время не смогли ответить на вопросы Гидация о епархиях Иерусалима и Александрии<sup>48</sup>.

В 456 году, как сообщает наш летописец, в Севилью пришли корабли с Востока и привезли известие о том, что армия императора Маркиана как будто бы победила народ, называвшийся лазами. Народ этот жил на восточных берегах Черного моря<sup>49</sup>. Если Моммзен верно реконструирует этот текст — а его реконструкция часто бывает слишком смелой, — то этот отрывок имеет фундаментальное значение. Поражение никому не известного народа лазов на Кавказе, на дальнем берегу Черного моря, не могло иметь никакого значения для Испании. Пожалуй, это самое малоинтересное для испанцев событие, какое только можно себе представить. Даже обращение ирландцев св. Патриком значило для них гораздо больше. Следовательно, если Гидаций внес в свою хронику даже такую мелочь, как поражение лазов, это означает, что он старался не пропустить ни одного, даже самого пустякового или сомнительного известия, приходившего с Востока. Этот отрывок (если доверять реконструкции Моммзена) дает нам основания предполагать, что автор хроники составлял не подборку сведений, а записывал абсолютно все из того, что ему становилось известно о событиях на Востоке за время его сознательной жизни.

Таким образом, за весь период с 427 до 469 года у нас есть сведения только о двух прямых контактах между Испанией и Востоком. Первый — прибытие малоинформированных греческих священников, которые в 435 году появились в неустановленном районе Испании, а затем добрались и до Галисии. Второй — корабли с Востока, приставшие к берегу в Севилье двадцатью годами позже, в 456 году<sup>50</sup>. Можно предположить, что документы и известия с Востока напрямую дошли до Галисии в 436 году, однако в этом случае Гидаций наверняка бы об этом сообщил. Всю остальную информацию о Восточной Римской империи наш автор мог узнать только от путешественников, прибывающих из Галлии или из Италии, причем о некоторых подобных случаях нам достоверно известно.

В результате за все двадцать пять последних лет, которые охватывает его «Хроника» (444–469), Гидаций сообщает нам лишь о смерти Феодосия II, о воцарении и смерти Маркиана, о воцарении Льва I, о смерти императрицы Пульхерии и некоторых событиях, связанных с великой африканской экспедицией Василиска 468 года<sup>51</sup>. Не считая этого, он за всю четверть века упоминает лишь об одном-единственном событии, произошедшем на Востоке. Это землетрясение, которое сотрясло Антиохию в 461 году, причем здесь Гидаций не приводит источник информации и его описание озадачивает некоторыми хронологическими несовпадениями<sup>52</sup>. Что касается других важнейших вех истории Востока этого периода, то о них наш автор не знает практически ничего. Он не упоминает о сокрушительном нападении Атилы на европейские провинции Западной империи в 447 году, а также, что самое удивительное, ни разу не упоминает Халкидонский собор 451 года.

Кроме тех восточных кораблей, стоявших в Севилье в 456 году, Гидаций ни разу не ссылается на торговых людей как на источник информации. Кроме того, он никогда не приводит в своей «Хронике» каких-либо известий, привезенных испанскими купцами, решившимися на заморские путешествия. Означает ли это, что в те времена мало кто из купцов приезжал в Галисию или выезжал из нее? Совсем не обязательно, тут возможно другое объяснение. Возможно, что известия, привезенные купцами в средиземноморские порты Испании, просто не доходили до Галисии. Зачем было иностранному купцу покидать средиземноморское побережье и пробираться на дальний северо-запад, через поля сражений свевов к разоренным городам? Не проще ли было продать свои товары в относительно благополучных портовых городах восточного побережья, оставив внутренние районы страны разбойникам и их жертвам? Если даже Орозий или Авит из Браги не решились в 416 году на такое путешествие, то вряд ли скромный торговец мог оказаться отважнее. Да и кто в Галисии мог позволить себе предметы роскоши, привезенные с Ближнего Востока? Раз ничто не могло соблазнить торговцев добраться до Галисии из портов восточного побережья Испании, то естественно, что знания Гидация о Восточном Риме так отрывочны. Более того, он знает на удивление мно-

го. Но в то же время существовал и другой морской путь — по Атлантике. Так можно было добраться до Галисии и далее вплоть до побережья Ирландии. Этот путь достаточно часто использовался в те времена, в том числе, вероятно, и моряками с Востока. Однако Гидаций ни разу не упоминает о том, что узнал что-то от этих моряков, храбростью равных Океану<sup>53</sup>. Мир рушился, и тот, кто стремился создать хронику всего мира, на самом деле мог запечатлеть только лишь жизнь своей провинции.

Крошечный объем знаний Гидация о жизни Средиземноморья резко контрастирует с тем, что дошло до нас из более поздних источников. Складывается впечатление, что остальная часть Испании была не так глухо изолирована от Востока, как Галисия. Правда, это не удивительно, если вспомнить, что говорил о недоступности Северной Испании Страбон за много веков до Гидация. Странно то, что в период с 468 по 483 год, через полтора десятка лет после окончания «Хроники», существовали, как мы знаем, частые контакты между Римом и Севильей или, возможно, Меридой в Испании; и это несмотря на то, что время тогда было не менее беспокойное, чем при жизни Гидация. Папа Симплиций (468–483 гг.) начинает свое письмо к Зенону, одному из епископов Южной Испании, с таких слов: «Мы узнали от многих свидетелей...» о том, как замечательно Зенон управляет своей епархией<sup>54</sup>. Значит, не один, а много путешественников рассказывали папе о церковной жизни в Южной Испании. Папа намеревался назначить туда своего викария, и судя по всему, он не предвидел никаких трудностей в пересылке своих писем и инструкций, а также в отправке своих представителей в этот дальний край. Мы случайно узнаем, что некий Винцентий поехал из Тарраконской провинции в Рим и вернулся обратно, и нет никаких упоминаний о том, что его путешествие считали чем-то исключительным и рискованным<sup>55</sup>. В 463–465 годах велась переписка между Тарракономой и Римом, и ни в одном из писем нет и намек на какие-либо трудности с почтовым сообщением<sup>56</sup>. В 483 году или даже позднее некий аристократ, *vir clarissimus*, по имени Теренциан, прибыл в Италию и собирался вернуться на родину с письмом папы Феликса II, и опять-таки никто не считал это подвигом<sup>57</sup>. Позднее мы поговорим о путешествиях Первинка и других. Таким образом, в течение нескольких лет после смерти Гидация и нескольких лет до нее сообщение между Италией и югом, а также востоком Испании не представляло никакой трудности.

Какой вывод можно сделать из этих фактов? Тот, что известия, доходившие из Константинополя до восточного побережья Испании, совсем не обязательно доходили и до Гидация. Когда мы говорим о связях Испании с остальным миром, мы должны осознавать одно важное отличие. Связь между Италией или Константинополем и портовыми городами восточного побережья или даже Севильей — это одно; связь с Галисией *через* один из этих портов — нечто совсем другое. Для историка, живущего в Галисии, собирать информацию о восточном Средиземноморье было

несравнимо труднее, чем если бы он жил в Тарраконе, Картагене, Малаге или даже Севилье. Причем связь с Галисией была нарушена не флотилиями вандалов, бороздившими западную часть Средиземного моря после 429 года. Настоящие препятствия находились на суше. Баски, багауды и свевы создали своего рода барьер вокруг Галисии, преодолеть который удавалось иногда только отважному и целеустремленному путешественнику, а обычно не удавалось вовсе.

Отсюда можно сделать и дальнейшие выводы, крайне важные для всех, кто изучает Гидация. Папские послания, несомненно, свидетельствуют о том, что контакты между городами восточного побережья и остальным миром были делом обычным, однако сам Гидаций имел весьма ограниченное представление о том, что происходило на восточном побережье Испании. На эту тему ему сказать почти нечего. Он не может сообщить ни об одном произошедшем там событии после трагического поражения императора Майориана в 460 году. Все последующие девять лет Гидаций обходит молчанием. Более того, кроме Тарраконской провинции он ничего не знает о жизни восточной Испании после 427 года. Галисия оказалась отрезанной не только от Константинополя, но и большей части самой Испании. Опять-таки мы приходим к выводу, что если какие-то суда с Востока и приставали к берегу в Тарраконе или, скажем, в Картагене, это еще не означает, что Гидаций непременно бы узнал об их прибытии и о том, какие новости обсуждали матросы в порту. Тот факт, что он сообщает о прибытии судов с Востока в Севилью и о привезенных ими скучнейших известиях о разгроме неведомого народа лазов (если верна реконструкция Моммзена), означает, что Гидаций сообщил бы и о прибытии любых других кораблей, если бы он что-то об этом знал. Он сообщил бы обо всех привезенных моряками новостях о Восточной империи, даже если бы эти новости, предмет болтовни в портовых кабаках, оказались малоинтересными. Нет оснований сомневаться в том, что между Испанией с одной стороны и Италией, Африкой и Востоком с другой стороны шла довольно оживленная торговля, пусть даже у нас нет большого количества источников, прямо на это указывающих. Опять-таки не Испания в целом, а именно Галисия оказалась отрезанной от сообщения с динамичной жизнью городов восточного Средиземноморья<sup>58</sup>. Единственным путем, связывающим Галисию с окружающим миром, мог быть морской путь в Галлию.

В «Хронике» есть одно место, настолько странное и имеющее такое огромное значение, что о нем надо поговорить особо, хотя я и не могу его до конца понять. Я имею в виду тот удивительный отрывок, в котором Гидаций убедительно объясняет, что побудило Аггилу Гунна в 452 году прервать свою кампанию на равнинах северной Италии и не переходить через Апеннинские горы. Гидаций не упоминает о знаменитой встрече папы Льва Великого с Аггилой, которая описана в сочинениях других авторов. Конечно, эта невероятная беседа вряд ли могла принести какие-то плоды. По замечанию Бари, «трудно представить, что король-язычник

мог прислушаться к раскатистым аргументам главы церкви»<sup>59</sup>. Но сейчас меня интересует другое. Эта встреча, даже если она не имела никакого значения для Аттилы и гуннов в целом, была крайне важна для христианского мира. Однако Гидаций не упоминает о ней ни единым словом. Слышал ли он о ней? Если да, то почему не включил ее в свою «Хронику»? Может быть, он в отличие от большинства христиан считал, что она не представляет интереса для истории? Скорее всего, он все же ничего не знал об этом путешествии папы, самом рискованном и опасном из всех, когда-либо совершенных понтификами. Это странно само по себе, но самое удивительное впереди.

По словам Гидация, Аттила остановился не потому, что его убедили слова папы, и не только потому, что в это время в Северной Италии начинали свирепствовать голод и чума, поражая как захватчиков, так и их жертв (хотя об этом Гидаций упоминает). Основная причина, согласно поразительному утверждению Гидация, состояла в том, что восточный император Маркиан (450–457 гг.) выслал армию под командованием Аэция (тезки того Аэция, который был западным патрицием) на север, за Дунай, на территорию королевства гуннов, и эта армия разгромила гуннский гарнизон на его собственной земле<sup>60</sup>. Германские подданные гуннов могли в любую минуту поднять восстание. Если бы основные силы гуннов застряли в Италии, где многие из воинов могли погибнуть от голода и чумы, исход восстания не сулил бы кочевникам ничего хорошего. В сложившихся условиях бунт подданных угрожал самому существованию империи гуннов.

Такое объяснение отступления Аттилы из Италии выглядит абсолютно убедительным и подтверждается тем, что этот Аэций был впоследствии назначен консулом 454 года<sup>61</sup>. Однако ни один автор ни на Востоке, ни на Западе не упоминает об этом смелом походе во владения гуннов и о победе над ними, имевшей такое благотворное значение для городов Центральной и Южной Италии. В данном случае мы видим, что летописец, живший на краю света, в Северо-Западной Испании, знает то, о чем писатели Восточного Рима — современники этих событий или не знали, или забыли нам сообщить. Гидаций не называет свой источник информации, и строить догадки на этот счет совершенно бесполезно.

## 2. Расселение севов в Испании

Мы мало знаем об истории севов до того момента, когда они в ночь на 31 декабря 406 года перешли замерзший Рейн и вступили на территорию Римской империи. Не до конца ясно, какое отношение они имели к тем свевам, которых упоминают римские авторы более раннего времени. Наиболее распространенное мнение заключается в том, что испанские свевы — это квады, о которых писали многие авторы предшествующих веков. Квады жили к северу от среднего течения Дуная на территории

современной Южной Австрии и Западной Словакии. В качестве доказательства обычно приводится отрывок из письма св. Иеронима к Агерухии, в котором тот перечисляет племена, завоевавшие Галлию в 406 году<sup>62</sup>. Квады в его списке есть, а свевов нет. О квадах в Галлии больше ничего не было слышно, в то время как весь мир знал, что активное участие в завоевании принимали свевы. Отсюда делается малоубедительный вывод, что свевы — это и есть квады, а квады — это свевы. Иными словами, раз мы ничего не знаем о пребывании квадов в Галлии, значит, квады — это не квады, а кто-то из тех, о ком мы знаем. То есть это свевы<sup>63</sup>. Достаточно просто изложить эту точку зрения, чтобы увидеть, насколько слабо она аргументирована.

Мы также знаем о неких свевах, которые в 469 году сражались на нижнем Дунае с остроготами<sup>64</sup>. Позднее на них напал Вахо Ломбард и одержал над ними победу, а в 568 году ломбарды привели с собой в Италию остатки многих племен, в том числе и свевов<sup>65</sup>. Мы не знаем, какое отношение испанские свевы имели к тем свевам, которые враждовали с остроготами, а затем стали частью ломбардской Италии. То, что связь между ними существовала, не вызывает сомнений: тождество названий не может быть случайным совпадением. В начале V века, когда германские племена бежали на запад или на юг, какая-то часть их всегда оставалась на старой родине. Когда основная масса вандалов, везеготов, остроготов, бургундов и других ушла далеко в глубь западных провинций Римской империи, их соплеменников все еще можно было встретить в их прежних поселениях за границей Империи, подобно тому как часть саксов оставалась на Европейском континенте еще долго после того, как основная их часть ушла через пролив в Британию. Разве не логично предположить, что то же самое произошло со свевами, то есть что испанские свевы некогда жили бок о бок со свевами — врагами остроготов на среднем Дунае и составляли с ними единое целое. Но кто были эти дунайские свевы? Кто были их предки? Что мы знаем об их ранней истории? И наконец, что мы знаем о свевах или *Swaeffe*, которые, как считается, пришли из западной Силезии и вместе с другими племенами в V веке завоевали Британию и чье название сохранилось в топонимах Восточной Англии, таких как *Swaffham* и, возможно, *Swavesea*? К счастью, подробное изучение этих загадочных свевов, которые ненадолго появляются в сочинениях римских авторов и мелькают в названиях знакомых английских городков, ни к чему бы нас не привело и отвлекло бы нас от главного вопроса: как в Испании окончилось римское правление и было основано первое королевство варваров<sup>66</sup>.

Как бы то ни было, все эти варвары — вандалы, аланы и свевы (независимо от того, были ли это квады или просто сами свевы) перешли через Пиренеи из Галлии в Испанию или 28 сентября, или 13 октября 409 года. Гидаций называет обе эти даты, сам не склоняясь ни к одной из них и не объясняя, почему у него вместо одной хронологии оказалось две. Он говорит, что переход состоялся во вторник, и 28 сентября 409 года действи-

тельно был вторник, тогда как 13 октября была среда. Некоторые ученые считают, что две даты обозначают начало и конец перехода, так как маловероятно, чтобы такая огромная масса людей, десятки тысяч (с. 143), могли перейти такую мощную естественную преграду за двадцать четыре часа<sup>67</sup>. Возможно, это и верно, но Гидаций ничего подобного не говорит. Как бы то ни было, в течение трех последующих лет — в 407, 408 и 409 годах эти варвары опустошали Галлию. После резни и поджогов, о которых горестно и сокрушенно писали современники, урожай в Галлии в 409 году вряд ли был обильным. Поздней осенью 409 года, когда прошло несколько недель после сбора скудного урожая, захватчики начали задумываться о своем будущем и о пополнении тающего запаса продовольствия. За горами, в доступной близости лежала Испания, пусть и не такая плодородная, как Аквитания, зато нетронутая и еще не разоренная<sup>68</sup>. Не случайно все эти три года Испания «дрожала», уже зная, что она обречена<sup>69</sup>.

Часто полагают, что свевы расселились в Испании (термин *Suavia* или *Suevia* по отношению к Галисии никогда не употребляется) в качестве федератов римского правительства, на тех же примерно условиях, на каких везеготы в 418 году получили Аквитанию, бургунды в 443 году — Савойю, а другие народы были расселены в разных местах в другое время. Правда, никто не говорит ни о том, от каких именно врагов свевы должны были оберегать Испанию, если они были поселены там как федераты, ни о том, какой император или какой узурпатор заключил с ним договор (*foedus*), по которому они становились федератами; однако даже Моммзен описывает свевов в Галисии как федератов<sup>70</sup>. Бари замечает, что «асдинги и свевы, видимо, успешно получили признание Гонорием своего статуса федератов», но в сноске он признает, что это всего лишь вывод, сделанный «из того, что на самом деле произошло». То, что на самом деле произошло, почти со всей ясностью говорит о том, что свевы никогда не были признаны федератами и никогда не вели себя как таковые<sup>71</sup>. Эрнст Штейн считает, что узурпатор Максим около 410–411 годов заключил соглашение с варварами, по которому они получили западную часть Иберийского полуострова. Людвиг Шмидт полагает, что договор был заключен между Гонорием и Гермерихом Свевом в 411 году<sup>72</sup>. Уже сами разногласия между этими выдающимися историками говорят о том, что в этих рассуждениях есть капитальная ошибка.

На самом деле нет никаких свидетельств существования какого бы то ни было «договора» со свевами. Подобные догадки не подтверждаются тем, что нам известно о действиях самих свевов. Ни в одном из источников V века нет и намека на то, что свевы имели военные обязательства перед кем-либо из императоров или узурпаторов, правивших в то страшное время. Вожди свевов проявляли полную независимость и выступали против Империи. Если римляне действительно поселили свевов в Галисии в качестве федератов, то они жестоко просчитались. Ни разу свевы не выступили на стороне Рима. Они не сделали этого даже во время войны 416–418 го-



дов, когда везеготы под командованием Валии, придя из Галлии, сражались с варварами в Испании на стороне Рима<sup>73</sup>. Эти варвары не переставали заниматься набегами и грабежами, особенно после того как везеготы в 418 году вернулись в Галлию и перестали быть для них угрозой, а вандалы в 429 году переселились в Африку. Варвары грабили и опустошали все подряд, нападая и на своих, и на чужих. Возьмем, к примеру, период с 457 по 469 год — годы, которыми заканчивается «Хроника» Гидация. В это время владения свевов значительно сократились в результате сокрушительного поражения, нанесенного им везеготами в 456 году, и тем не менее Галисия, где сами свевы и жили, каждый год в течение этих двенадцати лет подвергалась свевским набегам. Исключениями были лишь 465 и 466 годы, да и то 465 нельзя считать исключением в том случае, если некие *Aunonenses* находились в Галисии, а, скорее всего, так и было<sup>74</sup>. Если свевы поселились в Галисии по договору, то этот договор потерял силу в тот же день, когда был подписан. Гораздо более логичным кажется предположение, что свевы захватили Галисию без согласия римлян, что они никогда не состояли в союзе с императорами или узурпаторами, что никакого «договора» не существовало, и именно поэтому свевы так себя вели.

На самом деле автор «Хроники» сообщает (и в этом его поддерживает современный ему испанский историк Орозий)<sup>75</sup>, что в 411 году, через два года после вторжения в Испанию, варвары решили жить в мире и поделили между собой испанские провинции «по жребию», *sorte*. Автор не упоминает ни о каком договоре. Многие ученые полагают, что «жребий» здесь означает «земли, полученные по распределению», то есть *sortes*, которые варвары-федераты получали в тех случаях, когда римское правительство расселяло их на римских фермах и в римских имениях. Эти федераты делили землю с римскими ее владельцами, а для их описания использовался эвфемизм «гостим», *hospites*, или «партнеры», *consortes*<sup>76</sup>. Вот как в латинском оригинале Гидаций описывает заселение Испании (с. 144): «*barbari ad pacem ineundam domino miserante conversi sorte ad inhabitandum sibi provinciarum dividunt regiones*». Здесь нет упоминания о федератах или о каком-либо договоре. Варвары примирились не потому, что в результате усилий римской дипломатии был заключен и подписан «*foedus*», «договор», а просто потому, что Господь сжалился над ними «*domino miserante*». Слова *ad inhabitandum* не проясняют вопроса о том, были ли свевы федератами. Эта фраза не является термином, обозначающим расселение федератов в провинциях, хотя многие и настаивают на таком толковании<sup>77</sup>. Варвары просто поделили Испанию для того, чтобы в ней поселиться.

Гидаций описывает действия, предпринятые варварами самостоятельно, без консультаций с римлянами и без их малейшего участия<sup>78</sup>. В его словах нет и намек на договор, и его латинские выражения не дают нам основания делать такой вывод. Более того, вывод о том, что свевы были федератами, противоречит латинскому первоисточнику. Гидаций просто говорит о том, что варвары бросили жребий, чтобы решить, кто из них

поселится в какой из провинций Испании. Римское правительство никогда бы не пошло таким путем. У нас нет причин не доверять Гидацию. Предположение о том, что слово *sors* означает земли, которые римское правительство распределяло между федератами, выглядит необоснованным и даже фантастическим. Оно должно быть однозначно отвергнуто.

Есть одна убедительная причина, которая заставляет нас поверить рассказу автора хроники (не говоря уже о его совпадении с рассказом Орозия, что само по себе убедительно). Эта причина заключается в том, что распределение земель по жеребьевке оказалось случайным и несправедливым, что неудивительно. Вандалам-асдингам, которых насчитывалось 80 000, а также свевам пришлось тесниться на землях нищей и отдаленной провинции Галисия, столица которой, Брага, досталась свевам<sup>79</sup>. Асдинги, самый могучий и многочисленный народ из тех, что завоевали в V веке Испанию, оказались заброшенными на гористые западные окраины этой бесплодной земли. (Можно ли поверить, что асдинги стали федератами Рима и воевали за императоров только для того, чтобы за свою службу быть сосланными на западный край земли?) В то же время аланы получили не только богатую Лузитанию, но также и самую большую испанскую провинцию, Картагенскую, что составляло непропорционально огромную часть Иберийского полуострова. Наконец, вандалам-силингам досталась Бетика, наиболее романизованная из провинций Испании. (Заметим, что Тарраконская провинция оставалась целиком в руках римлян.) Если бы распределение провинций велось на рациональной основе, например по тому, насколько многочислен каждый из народов или насколько велика его военная мощь, то результат наверняка оказался бы другим. Совершенно очевидно, что аланам досталось слишком много, а асдингам — почти ничего. Если предположить, что четыре этих народа разделили Испанию между собой по количеству населения или что римские власти сделали это за них, то какой вывод отсюда напрашивается? Аланы получили по меньшей мере в шесть или в восемь раз больше земли, чем асдинги. Если следовать нашему предположению, то тогда аланов должно было быть в шесть или восемь раз больше, чем асдингов. Но так как мы знаем, что асдингов было около 80 000, то значит, общее число кочевников-аланов в Испании должно было быть около полумиллиона, совершенно невероятная цифра для любого изучающего этот исторический период. Сам неожиданный исход жеребьевки подтверждает рассказ Гидация о том, что жеребьевка была и что простодушные варвары делили провинции по воле жребия и случая. Если же все это было сделано по соглашению с римлянами, то тогда каждый из этих четырех народов должен был быть федератом Империи в 411 году (если датировка верна). Должны были состояться четыре отдельные серии переговоров с Римом. Затем каждый из четырех народов заключил договор (как считают некоторые), однако ни Гидаций, ни Орозий ни словом не упомянули об этих четырех договорах<sup>80</sup>. Разве можно в это поверить?

Если жеребьевка оказалась такой несправедливой, то почему все четыре варварских народа так покорно согласились с ее результатом? Конечно, у аланов были все основания ликовать, так как их жребий оказался более чем щедрым. (Интересно, чем бы все это закончилось, если бы горы западной Галисии достались по жребию не асдингам, а кочевникам аланам, известным своей жестокостью.) Вандалам-силингам также не на что было жаловаться, ведь они получили богатую провинцию Бетику. Только вандалы-асдинги и свевы, втиснутые в горы западной Галисии с ее хмурым, дождливым климатом, имели все основания протестовать. Однако именно эти народы безропотно покорились своей участи, так как рядом с ними, за границей Лузитании, находились свирепые аланы, подавлявшие их и внушавшие им ужас<sup>81</sup>. Неудивительно, что, как только аланы были разбиты везеготами, которые затем в 418 году сами ушли из Испании, асдинги и свевы с яростью набросились друг на друга<sup>82</sup>.

Каким бы ни было распределение земель в 411 году, оно стало началом мирного периода Испании. Мир этот изредка нарушался самим правительством Империи или же теми, кого правительство использовало для своих целей. Именно римляне в 415 году вытеснили везеготского вождя Атаульфу в Испанию, а в 416–418 годах натравили Валию и его воинов на вандалов-силингов (которые были истреблены полностью) и на аланов (из которых большая часть была истреблена). Однако Орозий честно признает, что до войн 416 и 417 годов в Испании царил мир<sup>83</sup>. Орозий писал в 417 году, а уже после этого в 422 году, что именно имперское правительство послало в Испанию Кастина. Позднее мы поговорим о том, каким мрачным провалом закончилась его миссия<sup>84</sup>. До 425 года варвары нарушали мир только однажды, когда асдинги осадили свевов в Нервасийских горах в 419–420 годах,<sup>85</sup> хотя после этого асдинги начали заниматься грабежами и набегами как внутри, так и вне Испании<sup>86</sup>. Наиболее удивительным событием, венцом этого периода относительного мира стало обращение вандалов из язычества в христианство арианского толка. Свевы же, насколько мы знаем, остались в стороне от этого события, столь же невероятного, сколько и достоверного<sup>87</sup>.

Несомненно, что асдинги и свевы боролись в 419 году в Нервасийских горах именно потому, что каждый из народов стремился занять всю Галисию<sup>88</sup>. (Борьба эта кажется несколько неожиданной, так как мы не знаем ни об одном другом случае столкновения между завоевателями 406 года — ни во время их трехлетнего разбойничьего существования в Галлии, ни в первое десятилетие их жизни в Испании.) Местонахождение Нервасийских гор, где асдинги воевали со свевами, так и не было выяснено<sup>89</sup>. Однако нам известно, что под давлением римлян асдинги вскоре сняли осаду и, разделавшись с несколькими свевами в Браге, направились на юг, в Бетику, с тем чтобы захватить земли истребленных силингов<sup>90</sup>. С этих пор Галисия целиком перешла во владение свевов и в течение 174 лет (411–585) они сохраняли там свободу и автономию, почти забытые ос-

тальным миром. Хотя иностранные политики довольно часто посылали туда свои посольства для переговоров, тем не менее авторы, жившие в провинциях вокруг Испании, и даже авторы в самой везеготской Испании на протяжении целых десятилетий ни словом не обмолвились о свевах<sup>91</sup>. Может показаться, что свевы на протяжении всего V века и большей части IV века жили в забытом королевстве, королевстве-призраке, и все же это было первым из варварских королевств Запада, первое из независимых государств — наследников Римской империи, самое первое и самое маленькое.

Свевы неравномерно расселились по территории Галисии. Св. Исидор Севильский ясно говорит о том, что часть Галисии оставалось независимой, и у нас нет оснований не доверять ему в этом вопросе<sup>92</sup>. Тем более что позднее мы часто узнаем об опустошительных набегах, которым варвары подвергали города и деревни своей собственной провинции. Очевидно, и в самой Галисии были районы, на которые власть короля свевов в начале VI века не распространялась.

Немногие районы Галисии, которые свевы *не* грабили, вероятно, были те, в которых они сами жили. Таких мест насчитывается три. Брага на севере Португалии, старая римская Бракара Аугуста, — одно из них. В имперские времена это была столица провинции, и она же, несомненно, была столицей свевов. Об этом говорит тот факт, что именно туда направился Теодорих после разгрома им армии свевов в 456 году. Кроме того, мы знаем, что свевы жили в этом городе, так как вандалы убивали их там в 419 году<sup>93</sup>. Свевы также жили в городе Асторга, и поэтому они не нападали на этот город, хотя в 469 году и совершали набеги на окружающие территории<sup>94</sup>. Наконец, в городе Луго, втором по величине после столицы провинции, были жители-свевы<sup>95</sup>. Здесь они жили бок о бок с римлянами, а в 460 году, как мы знаем, они напали там на нескольких римлян и убили их<sup>96</sup>. Этот инцидент рисует нам печальную картину того, как свевы и римляне соседствовали в этом городе. Свевы напали на римлян и убили многих из них во время Пасхальной недели, когда те потеряли бдительность, надеясь, что в священные дни они в безопасности. Очевидно, в остальное время года римляне были начеку и их нельзя было застигнуть врасплох.

У нас нет сведений о том, что свевы жили в каких-либо других городах, кроме Браги, Асторги и Луго. Однако вряд ли можно предположить, что вся масса свевов была урбанизирована и после 409 года они все как один превратились в горожан. Так же маловероятно, что они жили исключительно добычей, захваченной во время набегов, хотя бы даже и непрерывных: ведь чем чаще какую-либо местность грабили, тем труднее становилось жить за ее счет. Значит, основная масса свевов поселилась где-то и осела на земле. Так как они нападали на сельские районы в окрестностях всех мелких галисийских городов, включая и те, в которых они сами жили (Луго и Асторга), остается предположить, что основная их часть

жила на землях, окружавших Брагу. Это единственный сельский район, на который они, насколько нам известно, никогда не нападали.

Если большинство свевов проживали в районе только одного римско-испанского города, пусть даже и провинциальной столицы, то вряд ли число их было очень велико. Трудно опровергнуть или даже усомниться в той точке зрения, что общее число свевов не превышало 20 000 или 25 000 человек, из которых 6000 или 7000 составляли воины. Так, Сальвиан считал вандалов одним из самых слабых или, точнее, самым слабым из варварских народов, вторгшихся в Испанию<sup>97</sup>. Правда, он приносил их значение ради большего красноречия. При этом вандалы, хотя и более слабые по сравнению с готами, были, конечно же, гораздо сильнее свевов, которых Сальвиан вообще ни разу не считал достойными упоминания<sup>98</sup>. К тому же свевы, которых и до того было немного, еще более ослабили себя тем, что некоторые из них вступали в римскую армию в качестве *gentiles*, и в начале V века мы находим их несущими службу в галльских провинциях Лугдунская II и Аквитания I. Другие отправились в Африку вместе с Гейзерихом и вандалами. Так, в Гиппо Региус был обнаружен могильный камень свевской женщины (*Suaba*) по имени Эрменгон, жены Ингомара, умершей в 474 году<sup>99</sup>. Таким образом, по количеству свевов можно сравнить с одной из групп народа, называвшегося герулы. В царствование Юстиниана часть герулов жила на или вблизи территории Дании, а другая населяла район к югу от Дуная вокруг Белграда. Эта последняя группа могла собрать не более 4500 воинов, однако роль, которую они сыграли в истории середины VI века, нельзя назвать второстепенной<sup>100</sup>. Эти южные герулы по количеству, видимо, слегка уступали свевам. Теперь мы можем оценить, пусть приблизительно и с большим допущением, масштаб того нападения, которому подверглась в 406 году Галлия, а осенью 409 года и позднее — Испания. Будем считать, что вандалы-селинги, уничтоженные везеготами, были многочисленнее асдингов, а также что аланы-кочевники были сильны не столько числом, сколько мощью своей конницы. Тогда можно предположить, что селингов насчитывалось около 50 000 человек, а аланов — от 30 000 до 40 000 человек. Прибавим к этому 80 000 асдингов (единственная достоверная цифра) и 25 000 свевов и получим общее количество варваров, вторгшихся в Галлию 1 декабря 406 года, — менее 200 000 человек. Так как численность селингов наверняка была больше, эту цифру можно рассматривать как минимальную. Таким образом, вполне возможно, что в начале 407 года границу Галлии перешло более четверти миллиона человек. Хотя все они не могли переправиться через Рейн за одну ночь 31 декабря 406 года и мы не знаем, в скольких местах они переходили реку, стоит вспомнить, что в 357 году не менее 35 000 аламаннов (правда, без женщин, детей и стариков) перешли Рейн за семьдесят два часа<sup>101</sup>. Таким образом, переправа 407 года не обязательно должна была растянуться на недели.

Плиний Старший, живший за 400 лет до описываемых событий, приводит цифры населения Северо-Западной Испании<sup>102</sup>. В Астурисе, пишет он, проживает 240 000 свободных людей, свободное население *conventus* Луго насчитывает 166 000 человек, а племена, населяющие местность вокруг Браги, насчитывают 285 000 человек. Общее количество населения той территории, которая гораздо позже стала основной частью королевства свевов, во времена Плиния составляло немногим менее 700 000 человек, не считая рабов. Многие ученые полагают, что за века, прошедшие между временем Плиния и временем Аэция, население Империи значительно сократилось, но если даже и население Галисии сильно уменьшилось, все же свевы явно составляли лишь небольшую часть населения своего собственного королевства.

В астурийском городке Куэва де Чапипи около Коаллы, к югу от Градо, был обнаружен своеобразный памятник завоеванию Северной Испании варварами. (Градо находится в шестнадцати милях к западу от Овьедо.) Кто-то закопал там клад из девяти *solidi* и двух *trientes* и никогда уже за ним не вернулся. Все одиннадцать монет из клада были отчеканены между 385 и 408 годами, а восемь из них — между 402 и 408 годами. Одна из них — это *solidus* Константина III, выпущенный в Лионе во второй половине 407 года или же в первой половине следующего года: вероятно, владелец закопал их в 411 году, в первые беспорядочные месяцы расселения свевов в Галисии, когда они вместе с вандалами-асдингами жадно нажились на эту заброшенную провинцию.

Итак, свевы заняли Галисию силой. Они никогда не были федератами Рима. Никогда не получали римских субсидий и никогда не воевали за императоров, будь то в далеком Риме или в далекой Равенне. Они много воевали, но всегда только за себя, а за императоров — никогда. Они были безжалостны к жителям провинции, среди которых поселились и которые значительно превосходили их числом. Они прибыли в Галисию в 411 году в результате жеребьевки, а когда асдинги в 419 году оттуда ушли, свевы остались там полновластными хозяевами. Они жили внутри городских стен Браги, Луго и Асторги и в сельской местности вокруг Браги. Об их взаимоотношениях с испано-римскими жителями провинции нам известно только то, что свевы вели себя как профессиональные разбойники и грабители, в то время как римское население жило в условиях, которые Гидаций называет «рабством»<sup>104</sup>. Меньшинство терроризировало большинство, причем в испанской истории это был не последний подобный случай. Свевы с таким упорством и безжалостностью опустошали Галисию, что даже удивительно, как им и галисийцам вообще удалось выжить в V веке. Именно в этих мрачных и гибельных условиях было основано первое независимое королевство Западной Европы, такое же жестокое, темное и бесчеловечное, как и сама история Испании.

# IX. КОРОЛЕВСТВО СВЕВОВ В ГАЛИСИИ

## 1. Власть свевов

Было бы утомительным занятием перечислять все военные кампании, набеги, битвы, переговоры, все нарушенные договоры, все разграбленные города, печальные колонны пленников, все то, что усердно и горестно перечисляет Гидаций. Если мы будем рассматривать все это подробно, то за деревьями не увидим леса: отдельные несчастья не позволят нам увидеть общее движение истории. Однако отобрать самое важное не так легко, как может показаться на первый взгляд, ибо Гидаций, как и все летописцы, строит свое повествование так, как будто все факты одинаково важны. Конечно, иногда он уделяет одному событию четыре строчки, другому — шесть, а третьему — две, но эти мелкие различия не меняют общей картины. Легче всего было бы следовать его примеру и просто переписать его сочинение полностью или частично и, подобно автору, считать все описываемые события имеющими равное значение или не имеющими никакого. Но давайте все же отбросим его метод и посмотрим, что же происходило в Испании в 456 году.

В начале того рокового года на полуострове оставался только один варварский народ — свевы. Вандалы-силинги задолго до этого (в 416–418 годах) были практически истреблены везеготами Валии, которые затем в 418 году вернулись в Южную Галлию. Вандалы-асдинги в 429 году переправились в Африку, взяв с собой оставшихся аланов, которые также были почти полностью истреблены везеготами Валии и преданы почти полному забвению. За несколько лет до отплытия в Африку вандалы предприняли несколько пробных морских путешествий — одно из них на Балеарские острова и затем в Мавританию, так что уже до их решающей экспедиции в Африку в 429 году они успели узнать вкус соленой морской воды<sup>1</sup>.

И теперь, четверть века спустя, в 456 году, свевы были единственным из народов-захватчиков, оставшимся на пространстве от Пиренейского хребта до Геркулесовых Столбов.

В тот год, должно быть, казалось, что свевы вот-вот займут весь полуостров. И действительно, большая его часть уже отошла к ним без сопротивления. К 439 году они, как сообщает наш автор, захватили Мериду<sup>2</sup>. Два года спустя они захватили Севилью и затем, согласно Гидацию, провинции Бетика и Картагенскую<sup>3</sup>. Этот предполагаемый захват Картагенской провинции был наверняка домыслом Гидация, который недостаточно знал о событиях в Восточной Испании, особенно в прибрежной ее части. Из нескольких достоверных фактов мы можем сделать вывод, что свевы, хотя и заняли внутреннюю часть этой огромной провинции, вряд ли захватили и ее средиземноморское побережье. У нас даже нет сведений о том, что к ним перешла Картагена, а ведь когда этот город в 425 году

захватили вандалы, Гидаций не забыл упомянуть о столь горестном событии<sup>4</sup>. У нас также нет сведений о том, что римлянам впоследствии пришлось отвоевывать побережье у свевов или что императору Майориану в 460 году пришлось с боями пробиваться от Сарагосы на юг, чтобы добраться до моря<sup>5</sup>. Тем не менее варвары, несомненно, захватили часть Картахенской провинции, вероятно ее западную и центральную части, так как Гидаций не мог полностью ошибаться.

Во всяком случае, в 439 году свевы заняли Мериду, а в 441 году — Севилью. В Мериде позже умер один из их королей<sup>6</sup>. Мерида и Севилья были столицами провинций Лузитания и Бетика соответственно, а раз главные города находились в руках свевов, то они, несомненно, держали под контролем и римскую администрацию этих провинций. Следовательно, нет причин сомневаться в том, что провинция Бетика целиком принадлежала свевам<sup>7</sup>. Получается, что в начале 440-х годов свевы получили полный контроль над южной, западной и центральной частями Иберийского полуострова, не считая Галисии на крайнем северо-западе. Возможно, что восточная часть Картахенской провинции осталась свободной, но единственной провинцией, полностью свободной от присутствия свевов, была Тарраконская провинция на северо-востоке, непосредственно к югу от Пиренеев, включавшая в себя долину реки Эбро. Видимо, этот регион, а также большая часть средиземноморского побережья все еще оставались в руках римлян. Если бы пали и они, то весь Иберийский полуостров оказался бы под властью варваров.

И вот в 449 году свевы направились к долине Эбро. По словам летописца, их цель была в том, чтобы завладеть Тарраконской провинцией и таким образом завершить завоевание полуострова<sup>8</sup>. Они атаковали район Сарагосы и даже вошли в Лериду, где захватили пленных, но удержать этот регион надолго им, видимо, не удалось<sup>9</sup>. Они отошли, не приблизившись к столице провинции городу Тарраконе, который, как и многие города Запада, лежал в руинах<sup>10</sup>. Однако в 455 году, по словам Иордана, король Рехиарий, «полагаясь» на свое родство с Теодорихом II, везеготским королем Тулузы, — они были свойственниками — решил занять всю Испанию. Он захватил Тарраконскую провинцию, которую его люди не грабили со времен набега на Сарагосу, а в 449 году — Лериду<sup>11</sup>. Более благоприятный момент нельзя было выбрать. И патриций Аэций, и император Валентиниан III, и новый император Петроний Максим — все были убиты. Гейзерих и вандалы вошли в Рим в июне 455 года и грабили город две недели подряд. Тогдашний император Авит практически не имел никакой власти. За все века своей истории Западная империя никогда не была так дезорганизована и так беспомощна. Конец ее был уже близок.

Нападение на Тарраконскую провинцию, целью которого было полное завоевание Иберийского полуострова, на деле окончилось полным разгромом нападавших. Император Авит, хотя и не обладал военной силой, был силен в другом. Он имел влияние на двор везеготского короля в Тулу-



зе. Он смог убедить везеготского короля напасть на варваров в Испании. Доверие Рехиария к своему родственнику оказалось необоснованным. Готы поступили так, как того хотел их протеже Авит, и готская армия вступила в Испанию.

С точки зрения Гидация, последовавшая за этим кампания заслуживала больше места на страницах его хроники, чем любое другое событие этого столетия (с. 126). Что было делать свевам? Они не могли быстро переместиться далеко на восток и схватиться там с неприятелем, так как Тарраконская провинция им никогда не подчинялась, и, углубись они на ее территорию, они бы оказались в незнакомой местности, где им постоянно бы угрожали засады испано-римлян или басков, которых Рехиарий в 449 году неразумно спровоцировал. С другой стороны, нельзя было позволить Теодориху углубиться на их собственную территорию и посеять там разрушение. Свевы решили встретить врага сразу за границей их владений, на самой окраине Тарраконской провинции. Таков был их план, и он казался вполне разумным. Выяснилось, однако, что, подобно вандалам-силлингам и аланам до этого, свевы не могли на равных сражаться с готскими воинами. В пятницу, 5 октября 456 года, они сошлись с захватчиками в битве при Кампус Парамус, в 12 милях от Асторги, на берегах реки Орбиго (Урбико). Это приток реки Эсла, которая, в свою очередь, впадает в реку Дуэро и представляла собой тогда восточную границу провинции Галисия или находилась рядом с ней. «Готская» армия на самом деле состояла из людей разных национальностей, среди которых были и везеготы, и бургунды, и франки<sup>12</sup>. Есть даже сведения о том, что с Теодорихом были бургундские короли Гундиок и Хилперик. В последующих готских кампаниях в Бетике в 458 и 459 годах участвовал по крайней мере и один римлянин — друг Сидония Тригетий, так что вполне возможно, что он и другие римляне сражались плечом к плечу с готами, бургундами и франками при Кампус Парамус в 456 году<sup>13</sup>. Так или иначе, битва закончилась полным поражением свевов, король Рехиарий был ранен,<sup>14</sup> и ему с трудом удалось бежать в город Опорто, находившийся в самой отдаленной части Галисии. Впоследствии он был пленен и в декабре убит, никем не оплаканный<sup>15</sup>. 28 октября пала и была разграблена Брага<sup>16</sup>, после чего готы занялись «освобождением» Южной Испании от ее властителей-свевов. Гидация в этой войне ужасала та жестокость, с которой готы разоряли Брагу; они оскверняли церкви, взламывали алтари, похищали монахинь (правда, не насилуя их) и раздевали донага священников. Неизвестно, почему везеготы вели себя с такой нехарактерной для них жестокостью.

Так закончилось главенство свевов на Иберийском полуострове. Их империя рассыпалась, как карточный домик, от одной-единственной атаки готов. Похоже, что свевы все время своего правления потратили только на грабежи. Насколько нам известно, они даже не попытались обосноваться вне Галисии или хотя бы разместить там постоянные гарнизоны. Они не собирали ни налогов, ни дани, хотя вполне могли использовать

римскую административную машину для сбора налогов от своего имени (с. 152). Они были разбойниками, и больше никем. Они не старались примирить испано-римлян со своим правлением, а тем более убедить их, что лучше подчиняться свевам, чем Равенне, хотя в последние годы, включенные в «Хронику» Гидация, некоторые римляне связали свою судьбу со свевами. Простейшее объяснение того, почему им не удалось занять весь Иберийский полуостров, заключается, видимо, не только в том, что они были неотесанными варварами, но и в том, что их было слишком мало<sup>17</sup>. Однако у них хватало сил на то, чтобы и после 456 года совершать набеги на Лузитанию. В течение 457–469 годов они грабили эту провинцию, насколько известно, не менее четырех раз: в 457, 459, 467 и 469 годах<sup>18</sup>. Мы не знаем, на какие именно районы Лузитании они нападали, но очевидно, что поражение при Кампус Парамус их ничему не научило. И прошлая, и будущая их жизнь состояла из грабежей и мародерства. Вероятно, в этот период они не смогли надолго удержать ни один город вне Галисии, как им удавалось удерживать Севилью и Мериду до того, как поход Теодориха в Испанию положил конец золотым дням их разбоя. Тем не менее, как мы увидим, в более поздний период, не охваченный «Хроникой» Гидация, они постоянно расширяли свои владения и почти две сотни лет удерживали за собой большую часть северной Лузитании. Кампус Парамус не до конца исчерпал их силы.

Взлет и падение свевов показали, что дни Римской империи в Испании сочтены и что будущее полуострова связано не с римлянами и не со свевами, а с везеготами. Мы увидим позже, что когда две армии сошлись на реке Обриго, римского военного присутствия в Испании не было уже много лет, в то время как власть везеготов не только не закончилась с возвращением Теодориха в Тулузу, а, напротив, продолжалась вплоть до 711 года.

А что можно сказать о внутренней жизни свевов как народа? Во времена Гидация у них зародилась монархия. На одной из своих монет Рехиарий (448–456) недвусмысленно называет себя «королем». До нас дошли два или три образца его *siliqua* с надписью *iussu rechiari reges*<sup>19</sup>. Монархия была наследственной или просто короли к этому времени приобрели такую власть, что часто могли назначать наследниками своих сыновей. Первый король, о котором мы знаем, — это Гермерих. В 419 году вандалы окружили его и его людей в Нервасийских горах и только вмешательство римлян помогло ему вырваться на свободу<sup>20</sup>. Пока вандалы были под боком, он вел себя так миролюбиво, как будто и не был воином, но как только вандалы в 429 году отплыли в Африку, ему в Испании уже некого было опасаться. В 430 году он впервые показал свое истинное лицо. В тот год он начал совершать непрерывные и безжалостные набеги на Галисию, которые заставили Гидация в 431 году отправиться к Аэцию и умолять его положить конец бесчинствам варваров (с. 127). Наверняка Гермерих продолжал свои набеги до тех пор, пока болезнь не вынудила его отказаться от трона в 438 году<sup>21</sup>. Тогда он назначил королем своего сына Рехилу, а тот в свою очередь в 448 году —

своего сына Рехиария, христианина-католика, о чьих монетах мы уже говорили. В последнем случае среди свевов существовала тайная оппозиция, не желавшая воцарения нового короля, однако успеха она не достигла, и мы не знаем, в чем состояла причина недовольства<sup>22</sup>.

Насколько нам известно, ни в одном из этих случаев не проводились выборы или хотя бы дискуссия среди свевов или же только среди старейшин, среди знатных людей или, возможно, какой-то другой части народа. Похоже, что народ никак не мог влиять на избрание нового правителя, по крайней мере, в тех случаях, когда у прежнего короля был сын. Нам также неизвестно о каких-либо проримских или антиримских группировках, о проримских или антиримских королях, которые в везеготском обществе вызывали такой ущерб и разлад почти на всем протяжении V века. Возможно, свевы в отличие от везеготов были более или менее едины в своей враждебности к римлянам. Кроме того, их знать, опять-таки в отличие от везеготской, вероятно, была слишком бедна и слишком мало отличалась от простых людей, чтобы объединиться с римлянами против собственного народа<sup>23</sup>. Насколько мы знаем, народ не участвовал в принятии решений об объявлении войны и мира, однако, скорее всего, эти дикие варвары ничего не имели против постоянных набегов и походов. Почти все набеги были успешны, так что вряд ли кто-то из воинов был недоволен политикой непрекращающихся грабежей. Мы не знаем, могли ли свевы хоть в чем-то контролировать своих королей или лишать их власти: нам не известно ни об одном случае убийства короля, хотя, возможно, король Малдрас был задушен именно своими соплеменниками (с. 150).

Таким образом, по сравнению с теми временами, когда о германцах как о едином народе писал Тацит, монархия укрепилась. Теперь в отличие от времен Тацита она стала практически наследственной или, во всяком случае, король теперь имел право назначать преемником своего сына, если таковой был. В I веке нашей эры такого права у него не было.

Хотя король был главным военачальником, он не обязательно был единственным. В 429 году некий Херемигарий занимался грабежами в Лузитании — первый, но не последний набег свевов на эту провинцию — и находился в окрестностях Мериды, столицы провинции. Королем в это время был Гермерих, но Херемигарий, видимо, действовал независимо от него<sup>24</sup>. Херемигарий был настолько могуществен, что Гейзерих Вандал, уже собиравшийся отплыть в Африку, посчитал необходимым вернуться в глубь страны и возглавить поход лично против Херемигария<sup>25</sup>. Если искать параллели в готской истории, то Херемигария можно сравнить с галльским Анаольсом, о котором мы знаем только от Гидация (с. 128). В 430 году Аэций разгромил готский отряд в окрестностях Арля и убил его предводителя Анаольса. Этот отряд, похоже, действовал независимо от короля везеготов Теодориха I. Возможно, Анаольс, которого автор причисляет к знати, вел свою «дружину» (*comitatus*, как назвал бы ее Тацит) на частную разбойническую экспедицию, когда его захватил и убил Аэций.

Херемигария можно считать его испанским собратом, который также был предводителем «дружины» и действовал с согласия короля или без него. Это не более чем догадка, однако нет оснований думать, что уже в 429 году свевы были разобщены или что они существовали двумя независимыми группами, как это случилось позднее, в 457 году.

После того как везеготы в 456 году убили Рехиария, королевский род Гермериха пресекается, и далее следуют события совсем иной направленности. В 456 году, по словам Гидация, «севы поставили Малдраса своим королем». Эта фраза наводит на мысль, что и простой народ участвовал в принятии этого решения<sup>26</sup>. Этот Малдрас, сын Массилии, согласно нашему автору, не был родственником Гермериха<sup>27</sup>. Не все воины были готовы принять его в качестве вождя, и в следующем, 457 году народ разделился. Часть его продолжала считать королем Малдраса, а другая часть «назвала» королем Фрамтана<sup>28</sup>. Получается, что свевы имели право на свое мнение в тех случаях, когда пресекалась династия и когда назначался новый король, не связанный родством с предшественником. Однако совершенно неизвестно, через какие институты свевы осуществляли свое право выбора.

Так или иначе, в 457 году обе эти группы действовали независимо друг от друга, так как Малдрас и его сын, как сообщает наш автор, в том году совершили набег на Лузитанию и захватили Лиссабон, но Фрамтан в этом участия не принимал. Когда Фрамтан через несколько месяцев умер, обе группы не объединились<sup>29</sup>. Малдрас и его люди продолжали грабить западную Лузитанию, а прежними сторонниками Фрамтана в Галисии теперь командовал Рехимунд. Автор не сообщает о том, что они утвердили Рехимунда королем<sup>30</sup>. В прежние времена германцы часто выбирали двух военачальников одновременно. И Иордан писал о том, что свевы, жившие на среднем Дунае (напротив Далмации), сражались в битве на реке Болия в 469 году под командованием двух вождей — Хунимунда и Алариха<sup>31</sup>. Не часто случалось, по крайней мере в прежние времена, чтобы народ распался на две отдельные группы, действовавшие независимо друг от друга. Но теперь именно так и случилось: по отношению к группе Рехимунда институт монархии, похоже, окончательно прекратил существование.

Это странное положение вещей продолжалось год, пока Малдрас, сам убивший своего брата (о котором мы больше ничего не знаем), не был задушен неизвестными убийцами по неизвестным причинам в феврале 460 года<sup>32</sup>. (Видимо, Гидаций об этих событиях был плохо информирован; как римлянин, он плохо разбирался во внутренних интригах свевов.) После подобных демонстраций братской любви Рехимунд, как можно было бы ожидать, должен был стать королем с согласия обеих групп. Вовсе нет. На сцену выходит новая и такая же малопривлекательная фигура. Это Фрумари, чья печальная известность зиждется на том, что в 460 году в Акве Флавии он и его люди похитили автора «Хроники» — Гидация (с. 125). Они разграбили город и держали историка в плену больше трех месяцев<sup>33</sup>. Фрумари также, очевидно, был скорее военачальником, нежели королем.

Оба этих негодяя, и Фрумариий, и Рехимунд, рвались к трону, но успеха не достиг ни тот, ни другой,<sup>34</sup> и в течение четырех или пяти лет (460–464) свевы, похоже, никого не признавали своим королем. В конце концов королем, получившим признание всего народа, удалось стать одному послу, который в это время постоянно путешествовал между Галисией и Галлией. Звали его Ремисмунд, и о его жизни до этих событий мы почти ничего не знаем<sup>35</sup>. Нам известно, что Ремисмунд собрал всех свевов под своей властью, «когда Фрумариий умер», хотя значение этой последней фразы туманно. Во всяком случае, о Рехимунде более ничего не слышно, а Ремисмунд был признан готами. Теодорих II послал ему оружие и дары, а также жену<sup>36</sup>. Монархия восстановилась, линия жалких королей продолжилась, а везеготы с таким положением согласились.

После того как закончилась линия Гермериха, настало время двух королей, затем разделения народа между двумя королями, а затем между королем и другим вождем. Мы наблюдали и полное исчезновение монархии, и ее восстановление. Некоторую параллель можно найти в событиях истории западных саксов: после смерти Кенвала в 672 году, согласно Беде, власть над народом взяли *subreguli*, но когда королем стал Кедвалла, монархия была восстановлена<sup>37</sup>.

В 456 году, когда Теодорих II находился в Испании со своей армией «разных народов» (с. 147), произошел следующий инцидент. После победы при Кампус Парамус и взятия Браги король направился на юг, в Лузитанию, но некий человек по имени Агривульф, «покинувший готов», остался в Галисии, надеясь сделаться королем свевов. Он, однако, умер в Опорто в июне 457 года. Так описывает этот случай Гидаций,<sup>38</sup> и трудно сомневаться в том, что рассказ его в целом правдив. Он был на месте событий, он был хорошо информирован и у него не было причин быть необъективным. Однако рассказ Иордана о том же событии представляет гораздо более сложную версию. По словам Иордана, после победы над свевами Теодорих назначил одного из своих приближенных (*cliens*) по имени Агривульф правителем свевов. Согласно этой версии, Агривульф не «покинул» готов: он был правой рукой Теодориха, которого затем сами свевы упростили без промедления стать независимым правителем Галисии. Естественно, по мнению патриотически настроенного Иордана, такой бесчестный человек не мог быть готом благородного происхождения, так как ни один благородный гот не опустился бы до такого грязного предательства. Нет, он происходил из народа, называвшегося варны. Именно поэтому он не заботился ни о свободе, ни о верности своему патрону. Готский король сразу же выслал против него отряд, который разбил его в первом же сражении. Агривульф попал в плен и был казнен. После этого свевы послали к Теодориху своих священников, которых тот принял «с почестями, подобающими их епископскому званию» (*pontificali reverentia*), и позволил свевам самим избрать короля. Им стал Ремисмунд, или, как называет его Иордан, Римисмунд<sup>39</sup>.

Иордан жил спустя сто лет после этих событий, он жил на другом конце света, и он, как известно, был человеком недалеким и большим путаником<sup>40</sup>. Несомненно, весь этот сюжет в передаче Иордана был сфабрикован для того, чтобы дать объяснение этого позорного инцидента в готской истории и польстить королю Теодориху и его приближенным. Действительно, у нас нет оснований считать, что рассказ Иордана, в котором Теодорих назначает Агривульфа наместником, ближе к истине, чем рассказ Гидация, где Агривульф представлен дезертиром. Напротив, у нас есть все основания поверить рассказу Гидация. Маловероятно, что Агривульф был варном, а не готом. Наверняка Иордан или его информатор краем уха слышал о том, что некий гот совершил предательство, будучи в арьергарде готской армии в Галисии, в этой беспокойной зоне, находившейся между самой армией и ее отдаленной родиной. Историк постарался защитить доброе имя своего народа, утверждая, что Агривульф вообще не был готом. Однако в своей апологии он допустил явный анахронизм (хотя в его время это не было так очевидно), упоминая о христианском епископе или епископах — свевах. На самом деле свевы были в это время язычниками и оставались язычниками еще почти целое десятилетие.

Интересно, что иностранец (независимо от того, был ли Агривульф готом или варном) мог рассчитывать на то, что свевы примут его в качестве правителя. Характерной чертой ранних германских народов было то, что они иногда добровольно принимали иностранца в качестве своего вождя. Судя по случаю с Агривульфом, свевы также не чуждались этой практики<sup>41</sup>.

О финансовом положении королей мы почти ничего не знаем, кроме того, что они обладали неким «сокровищем». Когда в 585 году везеготский король Леовигильд (568–586) в конце концов захватил королевство свевов, он завладел этим «сокровищем»<sup>42</sup>. Правда, у везеготских королей в середине IV века также было «сокровище» и они, видимо, возили его с собой во время всех военных кампаний, так как мы знаем, что когда король Агила в 550 году был разгромлен восставшими жителями Кордовы, он потерял не только свою армию и сына, но и свое «сокровище»<sup>43</sup>. Интересно было бы узнать, что делали с *thesaurus* Гермехрих, Рехимунд и им подобные во время своих бесчисленных походов, возили ли они его с собой? Кроме того, что происходило с ним тогда, когда монархия переставала существовать? Кто присматривал за ним и охранял его?<sup>44</sup>

Есть некоторые основания считать, что короли продолжали сохранять римскую администрацию в Галисии или по крайней мере не подавляли ее. В 460 году свевы убили некоторых римлян в Луго, «вместе с их *rector*, человеком благородного происхождения»<sup>45</sup>. Вообще слово *rector* — один из обычных терминов, обозначающих наместника римской провинции, и употребление Гидацием этого понятия говорит о том, что даже в 460 году в Галисии все еще был римский наместник. То есть римское право все

еще в некоторой степени действовало и собирались римские налоги. Несомненно, «сокровище» диких королей пополнялось не только за счет грабежей, но и за счет этих налогов или их части.

Прежнее римское административное деление на районы все еще существовало, хотя мы мало знаем о нем во времена правления римлян и ничего, кроме самого факта его существования, — во времена свевов. Районы назывались «*conventus*». Св. Исидор Севильский сообщает, что «районы» были частями провинций и назывались *conventus*, как, например, Кантабрия в Галисии<sup>46</sup>. Гидаций упоминает о *conventus* Луго<sup>47</sup>, Брага<sup>48</sup>, Аква Флавия<sup>49</sup> и Асторга<sup>50</sup>, так что вместе с Кантабрией во времена свевов их было пять. В прежние времена они были и в других испанских провинциях, но в V веке они упоминаются только по отношению к Галисии.

Таковы были римские юридические районы. О свевских законах и их исполнении мы не знаем ничего. Ни один из наших источников не упоминает о каком-либо письменном кодексе свевов. Возможно, это связано с тем, что свевы никогда не были федератами, что им никогда не приходилось делить поместья с римскими землевладельцами, как это были вынуждены делать федераты, и соответственно им никогда не приходилось регулировать земельные взаимоотношения с римскими собственниками. Что касается их матримониальных обычаев, то, как ни странно, во всех четырех случаях, когда у нас есть об этом сведения, это браки свевов с иноплеменными женщинами. Короли Рехиарий и Ремисмунд женились на везеготских женщинах. Печально известный патриций Рикимер, зловещая фигура последних лет Западной империи, был свевом по отцу и везеготом по матери. По одной из надписей мы знаем о межнациональном браке между римлянином и свевской женщиной<sup>51</sup>. Очевидно, у свевов не было запрета на браки с иноплеменниками, как это было у их современников ругов в нижней Австрии и у везеготов<sup>52</sup>.

До сих пор в Галисии не обнаружено ни одного свевского кладбища. Случайные находки мало что сообщают нам. Рейнхарт описывает некоторые из них<sup>53</sup>, но на самом деле три или четыре из изображенных им предметов вряд ли имеют какое-то отношение к свевам. Несомненно, как и другие средиземноморские германцы, свевы любили золотые украшения, инкрустированные гранатами, но об их материальной культуре мы не знаем ничего.

Есть слабое свидетельство того, что свевы опередили везеготского короля Леовигильда в постройке нового города. Леовигильд основал свой город Рекополис в Кельтиберии в 578 году<sup>54</sup>. В *Parochiale* свевской Галисии, о котором мы позже поговорим, упоминается некий *Portucale castrum antiquum* в устье реки Дуэро на ее левом берегу. В то время, когда писался *Parochiale*, за несколько лет до постройки Рекополиса Леовигильдом, этот *Portucale* был приходом в округе Коимбра. Однако в одном из вариантов этого документа говорится о *Portucale* «в новом лагере свевов», *in castrum novo suevorum*, на правом берегу реки. Эта фраза, возможно, указывает на основание нового города, хотя уверенности в этом нет<sup>55</sup>.

Хотя история свевов этого периода состоит практически целиком из описаний набегов и войн, мы почти ничего не знаем о свевских методах ведения войны. Иордан говорит, что войско тех свевов, которые проявляли активность на среднем Дунае в середине V века, состояло в основном из пехоты, а не из кавалерии<sup>56</sup>. Возможно, так же воевали в V веке и те свевы, которые дошли до Испании.

Свевы захватили и разграбили многие испано-римские города. В некоторых случаях (Асторга, Коимбра, Лиссабон) они занимали один и тот же город несколько раз. Возникает вопрос: неужели они смогли преодолеть вековую неспособность германцев брать штурмом города, обнесенные стенами? Совсем необязательно. Ведь именно в таких городах, по нашим сведениям, находили убежище римляне в первые годы завоевания Испании<sup>57</sup>. В 449 году Рехиарий прорвался в Лериду «хитростью». Готы в 457 году захватили Асторгу «хитростью и ложными клятвами». Варвары-грабители вошли в этот город, уверив жителей в том, что они действуют по приказу римских властей<sup>58</sup>. В 457 свевы Малдраса также вошли в Лиссабон, убедив горожан, что пришли с миром, а когда те доверчиво открыли перед ними ворота, они разграбили город<sup>59</sup>. В 465 году свевы захватили Коимбру «предательским образом»,<sup>60</sup> а затем — так как жители этих городов проявляли необыкновенную доверчивость — они повторили это в 468 году, разрушив в этот раз дома и часть городских стен.

Были также случаи предательства со стороны римлян. В 469 году житель Лиссабона по имени Лусидий вероломно сдал город свевам<sup>61</sup>. Предательство двух римлян, Оспинию и Аскания, привело к тому, что город Аква Флавия перешел в руки Фрумария в 460 году. Лусидий, Оспинию и Асканий совершили предательство тогда, когда римских войск уже не оставалось на Иберийском полуострове и, видимо, некоторые испано-римляне к 460 году примирились с властью свевов и были готовы связать свою судьбу с захватчиками.

В истории свевов есть только один эпизод успешной осады: город Мертола был осажден и сдался в 440 году<sup>62</sup>. По сути дела, во всей «Хронике» Гидация упоминается еще только осада: безуспешная осада свевов вандалами-асдингами в загадочных Нервасийских горах, когда германцы осаждали германцев (с. 141). Во всех остальных случаях римские города стали жертвами предательства или хитрости. Они никогда не подвергались штурму и, за исключением Мертолы, никогда не сдавались под угрозой голода.

Иногда варвары даже не пытались брать города. В некоторых случаях они, как сообщается, опустошали «район» вокруг города, а не сам город. Так случилось в Сарагосе в 449 году, в Луго и в Оренсе в 460 году и в Асторге в 469 году<sup>63</sup>. По другим городам у нас нет информации. Мы не знаем, как Рехиле удалось в 439 году войти в Мериду, а в 441 году — в Севилью<sup>64</sup>. Между тем это были серьезные победы, так как оба этих города были столицами провинций. Мы не знаем, как в 457 году готы взяли Паленсию, а 460 году — Скалабис или как вандалы дважды в тече-



ние четырех лет (425 и 428 год) захватывали Севилью<sup>66</sup>, а заодно с ней — и Картахену<sup>67</sup>. Картахена, так же как Севилья и Мерида, была столицей провинции. Трудно предположить, что свевы, готы, вандалы или любые другие варвары, жившие в это время в Испании, могли пользоваться смертоносными римскими осадными машинами, будь то для атаки или для обороны. О таких машинах варвары всегда мечтали, но вряд ли способны были их построить.

В первой части нашего исследования мы говорили о том, что наиболее вероятным маршрутом, связывающим Галисию с остальным миром, был морской путь в Западную Галлию и что тогда некоторые известные нам факты легче поддаются объяснению. Правда, в «Хронике» Гидация есть только одно упоминание об этом маршруте: в 465 году послы Эгидия, направлявшиеся в вандальскую Африку, вначале доплыли из Галлии в Галисию, а в сентябре вернулись тем же путем. Однако в источниках VI и VII веков описание этого маршрута встречается часто. Согласно Григорию Турскому, около 560 года сообщение между Туром и Галисией было обычным делом. В 585 году везеготский король Леовигильд захватил Галисию и положил конец королевству свевов. При этом он перехватывал торговые суда, ходившие между Галисией и Галлией, захватывал их грузы, а команды или убивал, или брал в плен. Около 650 года, согласно одной из рукописей «Жития св. Фруктуоза» из Браги, этот святой решил посетить Восток и намеревался сначала добраться морским путем до Галлии, а уже оттуда дальше на Восток. Этот отрывок из «Жития» говорит о том, что в это время в Галисии можно было встретить галльских купцов<sup>68</sup>. Памятуя о путешествии послов Эгидия, можно предположить, что и в V веке такая возможность существовала.

## 2. Конец римского гарнизона

Таким образом, годы с 429 по 456 были годами владычества свевов в Испании. Это было мрачное и темное время. Неудивительно, что в эти тяжелые годы в Испании не было таких авторов, как Пруденций, Орозий, Исидор или Браулио. Тем замечательнее подвиг Гидация, который, несмотря на ужас окружавшей его действительности, упорно продолжал писать свою «Хронику», год за годом.

А что в эти беспорядочные времена происходило с римскими войсками, находившимися на полуострове? Почему непрерывные набеги варваров почти не встречали организованного сопротивления? Было подсчитано, что незадолго до этого, в V веке, римские войска в Испании насчитывали около 10 000 или 11 000 человек. Их главнокомандующий назывался «граф Испанских провинций», *comes Hispaniarum*. Мы впервые слышим об этой должности в связи с событиями 420 года, когда Астурий, граф Испанских провинций, вынудил вандалов снять осаду в Нерва-

сийских горах и отпустить на свободу осажденных свевов<sup>69</sup>. Это было последним успешным выступлением римского правительства против варваров в Испании. В последующие годы все попытки римлян бороться с варварами кончались катастрофой. В 422 году власти Империи послали в Испанию магистра армии (*magister militum*) по имени Кастин. Он привел с собой свою многочисленную армию, а также готских союзников, но потерпел сокрушительное поражение от вандалов-асдингов. Это было первым из серии разгромов, нанесенных римлянам вандалами. Кастин (по словам не Гидация, а другого автора) потерял в этом бою не менее 20 000 человек<sup>70</sup>. Мы не знаем, какой процент испанского гарнизона сражался и погиб вместе с разгромленной армией Кастина, однако вполне возможно, что эта катастрофа (а это была действительно катастрофа, хотя цифра «примерно 20 000 человек» и вызывает сомнения) резко сократила численность местного гарнизона именно тогда, когда свежих сил не хватало.

В 438 году графом Испанских провинций, вероятно, был некий Андевот. Во всяком случае, Исидор Севильский называет его командующим римскими войсками, так что вряд ли он мог занимать какую-либо другую должность<sup>71</sup>. В том же году он был разбит свевами в сражении на реке Хениль (Сингиллио), которая впадает в Гвадалквивир, на территории Беттики. В период с 441 по 446 год положение в Испании было настолько отчаянным, что римское правительство послало целых трех «магистров обеих служб» (*magistri utriusque militiae*) одного за другим, чего не случилось в V веке ни в одной другой западной провинции<sup>72</sup>. Эти три человека, Астурий, поэт Меробауд и Вит, очевидно, привели с собой своих солдат. В отношении Вита мы знаем, что это было именно так<sup>73</sup>. Кроме того, все трое наверняка привлекали и солдат испанского гарнизона настолько, насколько этот гарнизон еще существовал. Астурий в 441 году, а Меробауд в 443 году одержали победы над врагами, о которых мы позднее поговорим. Но только в 446 году Вит наконец двинулся против свевов, до этого потратив почти все силы на то, чтобы притеснять жителей Беттики и Картагенской провинции, которых он обязан был защищать от притеснений других. Однако его борьба со свевами не увенчалась успехом. Наоборот, он был разбит ими наголову, став таким образом достойным преемником Кастина и Андевота. В Испании V века не было ни одного случая, чтобы римский военачальник смог одержать победу над варварами или хотя бы избежать сокрушительного поражения, независимо от того, сколько с ним было солдат — единицы или тысячи.

Вот и все, что мы знаем о бесславной истории сопротивления римской армии варварам-завоевателям. Примечательно то, что, не считая визита императора Майориана в Испанию в 460 году, мы больше не знаем о существовании римских войск к югу от Пиренеев после поражения Вита в 446 году. Точнее, если считать, что все три магистра — Астурий, Меробауд и Вит сражались только силами тех солдат, которых они привели с собой из Италии, Галлии или откуда-то еще, то можно утверждать, что мы

вообще не слышим ничего о существовании римского гарнизона в Испании после поражения Андевота в Бетике в 438 году. Правда, должность графа Испанских провинций вновь упоминается в нашем источнике под 452 годом, когда ее занимал некий Мансуэт, но ни о каких подчиненных ему войсках не сказано ни слова. Этот граф теперь только дипломат, и вместе с коллегой графом Фронто он сумел добиться в этом году соглашения со свевами. Но войск у него уже не было<sup>74</sup>.

Удивительно, что гарнизон из 10 000 или 11 000 человек почти ничего не смог добиться в период, предшествовавший разгрому Андевота в 438 году. Этих войск, по крайней мере численно, вполне должно было хватить на то, чтобы перейти в наступление и по крайней мере задержать свевов в Галисии. Однако в этот период не было ни одного организованного римского наступления в Галисии. Еще удивительнее то, что не было ни одной решительной атаки, ни одного акта возмездия, ни одного нападения из засады на банду разбойников-свевов со стороны правительственных войск. Ни разу варвары не были встречены при переправе через реку, ни разу их не поджидали в засаде на горной тропе. Их не заставляли врасплох, когда они отдыхали, уставшие или пьяные, после дневного разбоя. На них не нападали, воспользовавшись темнотой, когда они спали в своих палатках. Хотя само мирное население иногда пыталось себя защитить, императорские войска никогда не брали инициативу в свои руки. В начале века, по словам историка Зосима, испанские солдаты предпочитали защищать Испанию сами, не прибегая к помощи неиспанцев,<sup>75</sup> но это было давно. Что же случилось за это время? Куда улетучилась преданность римских войск? Или они были настолько деморализованы, что не поддавались управлению? Или, может быть, гарнизон из 10 000 или 11 000 солдат охранял Испанию только на бумаге? Существовал ли он вообще?

Как бы то ни было, потери Вита были огромны, и восстановить их было невозможно. С его поражением военный контроль Рима над Испанией был потерян повсюду, кроме Тарраконской провинции. Только однажды в 460 году римские войска под командованием самого императора Майориана нанесли молниеносный и трагически окончившийся визит в Картагену, но мы не будем снова говорить о несчастном Майориане, последнем Западном императоре, достойном этого царственного титула. Он привел с собой в Испанию мощную армию и флот из 300 кораблей в мае 460 года. Его целью было напасть на вандальскую Африку, но вандалы сожгли его флот, как только он бросил якорь в заливе Аликанте<sup>76</sup>. Когда Майориан с позором вел свою армию обратно через Пиренеи в Галлию, он уводил с собой последние регулярные римские войска Иберийского полуострова. После этого печального события солдаты, оставшиеся в Испании, получали приказы уже не из Рима, а из других мест (см. с. 159). После 460 года никакие магистры больше не приезжали из Италии в Испанию и графов Испанских провинций мы больше не встречаем.

Впереди своего войска и своего флота Майориан выслал в Испанию своего магистра армии. Его звали Непотиан, и два или три эпизода его карьеры представляют живейший интерес. Его первой задачей было напасть на свевов в Галисии и разгромить их. Возможно, Майориан послал Непотиана против свевов для того, чтобы предотвратить возможные нападения на свой правый фланг во время перехода от Пиренеев к югу через Сарагосу и далее в Картагену<sup>77</sup>. Отметим, что это единственный случай, когда римскому военачальнику было поручено вступить на территорию Галисии. У Непотиана не было под командованием римских войск для нападения на варваров, поэтому он пошел в Галисию с готским войском, командование над которым он делил с готом по имени Суниерих. Вместе они воевали со свевами в Луго и других местах<sup>78</sup>. Больше ни один римский военачальник в V веке не ступал на землю Галисии. Почему Непотиан не взял с собой в Галисию римских солдат? Видимо, потому, что уже некого было брать: римских войск в Испании давно уже не было.

Еще более поразительно то, что в 461 году вместо Непотиана его должность занял некий Арборий, причем на высшую римскую командную должность в Испании этого Арбория назначило не римское правительство, а король везеготов Теодорих II, находившийся в Юго-Западной Галлии. То есть римская должность продолжала существовать, и ее продолжал занимать римлянин, однако этот римский командир получил назначение и получал инструкции не от римского правительства, а от готского короля Тулузы<sup>79</sup>.

Немного позже мы сталкиваемся еще с одной странностью. Епископы Тарраконской провинции в своем письме к папе Иларию (461–468 гг.) упоминают о человеке по имени Винцентий, называя его «военным наместником (*dux*) нашей провинции»<sup>80</sup>, однако должности под названием «герцог Тарраконской провинции» в римской армии не было. Позже тот же самый галльский летописец, не зная, как бы ему правильно назвать Винцентия, называет его «нечто вроде магистра армии». История Непотиана и Арбория, а также новые названия должности Винцентия, по моему мнению, убедительно доказывают, что после поражения Майориана в 460 году римские власти потеряли военный контроль, по крайней мере эффективный военный контроль, над Испанией. Была потеряна даже Тарраконская провинция, ибо после поражения западного императора Антемия в 472 году войска короля Евриха заняли Памплону, Сарагосу и окружающие города, а позднее тот же Винцентий, теперь служивший Евриху, помог захватить и прибрежные города<sup>81</sup>. После разгрома Майориана в Испании и его отхода в Галлию тулузские готы учредили новое верховное командование и взяли его под контроль, так римское командование прекратило существование. Готы продолжали нанимать римлян, но их офицерские титулы уже не были стабильными. Это уже не были те должности, которые существовали при императорах, но еще не стали теми, которые были введены позже везеготскими королями Испании. Граждан-

ское население не понимало, как правильно называть этих командиров, и даже сами должностные лица, включая, вероятно, и Теодориха II, не смогли бы объяснить, как к ним следует обращаться.

У римлян даже в самые темные времена сохранялись остатки административной системы. Нет оснований думать, что администрация провинций полностью исчезла, так как и в IV веке, при везеготских королях, она существовала. Единственное наше точное свидетельство относится к 460 году, это уже упоминавшаяся смерть в Луго римского *rector*, губернатора провинции (с. 152). Мы не знаем и вряд ли можем догадываться, как назначался губернатор Галисии в последние четыре десятилетия V века и как ему платили, однако нельзя однозначно считать, что его не существовало<sup>82</sup>. Также нам известно, что «часть плебса Галисии», с которыми воевали свевы, смогли в 483 году договориться с варварами<sup>83</sup>. Плебс Ауноны (с. 137) смог прийти к соглашению со свевами в 466 году, а через несколько лет они сумели заключить мир с королем свевов, который при этом продолжал опустошать соседние города<sup>84</sup>. Значит ли это, что население Галисии, исключая аристократию, было достаточно организовано для того, чтобы добиться соглашения с варварами? Видимо, так и было, но как смогла часть населения, или жители одной *civitas*, организовать для ведения переговоров? Кто были их представители? Как они избирались и кто их инструктировал? Каковы были их полномочия? Обо всем этом мы ничего не знаем. Похоже, что в 431 и в 433 годах также заключался мир, причем не только с частью населения Галисии, а со всей Галисией в целом<sup>85</sup>. Вероятно, в этих случаях именно *rector*, тогдашний губернатор провинции (а его существование в тот период вряд ли можно подвергать сомнению), представлял интересы всего населения провинции, и именно с ним свевы заключали свои соглашения, которые затем с легкостью нарушали.

В послании от 30 октября 465 года папа Иларий сообщает, что получил известия от крупных землевладельцев (*honorati* и *possessores*) некоторых городов (*civitates*) Тарраконской провинции<sup>86</sup>. К счастью для нас, он называет все эти семь *civitates*. Это Тарракона, Каскантум (современный Касканте, недалеко к юго-западу от Тудеры), Калахорра, Варегга (видимо, имеется в виду Варейя, современная Вареа, на южном берегу верхнего Эбро, к востоку от Логроньо)<sup>87</sup>, Тритиум (теперь Трисио, около Нахеры, которая, в свою очередь, находится в семнадцати милях к юго-западу от Логроньо)<sup>88</sup>, Леон, Вировеска (современная Бривиеска, примерно двадцать пять миль к северо-востоку от Бургоса). Это совещание очень напоминает прежние провинциальные советы, которые были популярны в ранние века Римской империи. Интересно, как землевладельцы Тарраконской провинции встретились, как они составляли, обсуждали и писали свое письмо. В этом случае их письмо было направлено папе. Может быть, в других случаях они направляли свои письма императору? Хотя вряд ли они могли это делать после 473 года, когда армия Евриха захватила провинцию. Тот факт, что в послании папы упоминаются такие отдаленные

города, как Бривиеска и особенно Леон, находившийся вблизи границы с Галисией, говорит о том, что Тарраконская провинция была еще единым и нетронутым целым. Границы провинции еще существовали, так как ни один из городов Картагенской провинции или Галисии не был представлен на этой встрече. Тот факт, что Тарраконская провинция продолжала существовать, вызывает некоторые противоречия. В письме тарраконских епископов, написанном в 463 или 464 году, за один или два года до того, как папа Иларий отправил свое послание в эту провинцию, говорится о том, что приход Калахорра находится в «отдаленнейшей части нашей провинции»<sup>89</sup>. На самом деле Калахорра расположена на полпути между Леоном и побережьем Средиземного моря, а Леон находился в Тарраконской провинции, пусть и на крайнем ее западе. Как же можно было говорить, что Калахорра находится в «отдаленнейшей части нашей провинции»? Вряд ли это простая описка. Мне кажется, мы вправе предположить, что в 463–464 годах или свевы, или баски, или какой-то другой враждебный народ захватил самую западную часть Тарраконской провинции. Таким образом, большая часть той территории, что лежала к западу от Калахорры, уже не контролировалась римлянами и этот город оказался на самой границе провинции. Но к октябрю 465 года, когда Иларий писал свое послание, враги либо уже ушли, либо были вытеснены из Тарраконской провинции. Возможно, на самом деле это противоречие объясняется гораздо более простыми и менее драматическими причинами, хотя трудно представить, какие другие события могли заставить епископов употребить такое странное выражение. В любом случае, в конце 465 года провинция все еще была в некотором смысле организованной и связанной административной единицей, хотя мы мало знаем об ее организации. Мы не знаем, получали ли государственные служащие приказы из Италии, или из Тулузы, или они порой были независимы и от Италии, и от готов в равной степени. Наиболее достоверная гипотеза, видимо, состоит в том, что они были, по крайней мере номинально, зависимы от императоров вплоть до завоевания провинции Еврихом в 473–474 годах.

Как бы то ни было, с уходом Майориана в 460 году Римская империя в Испании в военном отношении прекратила существовать. Это нельзя назвать «падением», римская власть просто или исчезла, или незаметно трансформировалась в готскую власть. Это была административная, организационная перемена. Резкого перелома не было. Просто наверху были проведены необходимые изменения, и больше ничего.

### 3. Позиция римлян

Крупные землевладельцы и духовенство по-прежнему относились к варварам так же, как в начале века относился к ним их соотечественник, вдохновенный поэт и автор гимнов Пруденций, то есть как к недочеловекам.

Правда, нам известно всего несколько случаев, когда они с оружием в руках решались сопротивляться этим недочеловекам. В 409 году родственники императора Гонория, отец которого Феодосий Великий родился в Коке (римская Каука), на территории современной провинции Сеговия, от имени императора пытались защитить Испанию и от узурпаторов, и от варваров<sup>90</sup>. Они собрали «рустиков» и рабов из своих поместий и пытались не допустить варваров через пиренейские перевалы, но один из «римских» полков, называвшийся *Honoriaci* и состоявший на деле из варваров, открыл перевал для двигавшихся из Галлии свевов, аланов и вандалов и перешел на их сторону<sup>91</sup>. Затем они начали опустошать окрестности Паленсии, однако здешние римские землевладельцы сражались до конца, и это единственный известный нам случай, когда римская аристократия Запада по своей инициативе организовала сопротивление захватчикам<sup>92</sup>.

Мы знаем еще о нескольких случаях, когда не крупные землевладельцы, а гражданское население Испании оказывало некоторое сопротивление. Не все жители Запада были покорны варварам. Галисийский плебс (по выражению Гидация), удерживавший основные крепости провинции, отразил в 430 году атаку Гермериха и его свевов и заставил их отпустить захваченные ими семьи. Они добились этого благодаря тому, что смогли нанести свевам тяжелые потери и взять много пленных, а так как в банде нападавших находился и сам король свевов, то она, видимо, была многочисленной. Кроме того, когда семь кораблей герулов в 455 году пристали к берегу около Луго, там собралось «множество» галисийцев и они обратили пиратов в бегство. В 457 году, после того как везеготы безжалостно опустошили Асторгу и Паленсию, защитники *Coviacense castrum* (он находился в тридцати римских милях от Асторги, но точное местоположение нам неизвестно) оказали им сопротивление и убили многих готов, хотя надо признать, что, по словам нашего автора, этот случай сопротивления был единственным<sup>93</sup>.

Как правило, в Испании мы наблюдаем ту же апатию со стороны гражданского населения, ту же неспособность к тактическому планированию и к нападению, которая так очевидно проявлялась и во всех других частях погибающей Империи. Эвгиппий в своем «Житии св. Северина» рассказывает о событиях, произошедших в Норике Прибрежном около 480 года. Жители Норика были беспомощны перед набегами варваров ругов, они просто не знали, что делать. Пришлось самому святому подвижнику организовывать далеких от военной науки горожан, давать им советы, вести от их имени переговоры с вождями ругов, поднимать их невысокий боевой дух и планировать хоть какую-то стратегию. Но даже тогда они не разу не смогли атаковать своих мучителей. Насколько мы знаем, у галисийцев не было своего отважного святого, который мог бы вдохновить их на борьбу. Скажем, Гидаций сам вел от имени галисийцев переговоры с Аэцием, но нам неизвестно о том, чтобы он договаривался с Рехиарием или Рехилой так, как Северин умел договариваться с кровожадными вож-

дями ругов. Галисийские епископы, судя по всему, были пассивны и проявляли полное безразличие. Разоблачить манихея им казалось более важным делом, чем защитить свою паству от набегов свевов. Правда, в 453 году Гермерих заключил мир с галисийцами «при вмешательстве епископов», когда один или несколько епископов выступили посредниками в мирных переговорах,<sup>94</sup> однако в другом случае один из епископов присоединился к врагам. Тот же король в тот же год вел переговоры с западными властями при посредничестве католического симпозиума, подобно тому как везегот Теодорих I однажды вел переговоры через Ориентия, епископа Оша<sup>95</sup>. Несомненно, в обоих случаях король считал, что католический римский епископ сумеет оказать большее влияние на имперские власти, чем король-язычник, и что образованный епископ представит его аргументы более убедительно, чем это смог бы сделать на своей примитивной и кровавой латыни какой-нибудь варвар в звериной шкуре. Ни Гидаций, ни другие священнослужители не поднимали народ на вооруженную борьбу со свевами так, как это чуть позже безуспешно пытался делать св. Северин, или так, как это вполне успешно делал почти в это же самое время св. Герман из Оксерра в Британии.

Такие священники, как Орозий, которые находились в Испании в 409 году при начале варварского нашествия, бежали за границу, оставив свою паству на растерзание захватчикам. Другие, как Авит из Браги, которые уже находились за границей в то время, как варвары шли через Пиренеи, не посчитали своим долгом вернуться, хотя не забывали выражать наилучшие пожелания на будущее своим несчастным коллегам и братьям по вере, оставшимся дома<sup>96</sup>. Об этих позорных случаях рассказывает св. Августин. По его словам, некоторые святые епископы бежали потому, что их паства уже рассеялась и не было нужды оставаться пастырю, когда некого было окормлять. Другие бежали потому, что их прихожане были или убиты, или находились за стенами осажденного города, или же пропали в плен. (Св. Августин не объясняет, как удалось спастись священникам в тех случаях, когда все их прихожане становились жертвами резни, осады или пленения.) Были и такие, по словам св. Августина, в правдивости которых у нас нет причин сомневаться, которые стойко встречали опасность вместе со своей паствой. Но, к сожалению, это не все. Святой Августин вынужден упомянуть еще об одном неприятном случае. Попадались такие священники (возможно ли это?), которые ударились в бегство и предоставили своим прихожанам самим заботиться о своей участи. Он мог бы привести конкретный пример, когда его молодой друг, будущий историк Орозий, бежал из Испании под градом варварских копий и камней, и мысль о прихожанах не задержала его в тот момент, когда он несся через полосу прибой к ожидавшему его судну. Затем мы узнаем об одном еврее, который бежал от захватчиков и укрылся на острове Менорка. Вряд ли он был единственным жителем Испании, решившим поскорее скрыться в заморских краях<sup>97</sup>.



В те годы V века, о которых рассказывается в «Хронике» Гидация, атлантическое побережье Испании обычно не привлекало внимания варваров-пиратов и морских разбойников. Когда морские разбойники все же появлялись, никакой официальной римской береговой охраны, которая могла бы оказать им сопротивление, рядом не находилось, а отношение гражданского населения менялось в зависимости от обстоятельств. В 445 году пираты-вандалы, миновав Гибралтарский пролив, подплыли к атлантическому побережью. Они лавиной обрушились на Турониум на побережье Галисии и похитили много испанских семей<sup>98</sup>. Нам неизвестно о каком-либо сопротивлении со стороны испанцев. Кстати говоря, ни во время набегов, ни во время переговоров (а о вандалах-торговцах нигде не упоминается) вандалы не проявляли никакого интереса к возвращению в Испанию. Они также не пытались управлять страной на расстоянии, колонизировать ее или же обложить налогами или данью. Теперь своим домом они считали Африку, и пути назад на Запад не было. С другой стороны, в 455 году у берегов района Луго были замечены семь кораблей герулов, народа, жившего, видимо, в Дании<sup>99</sup>. На кораблях находилось около 400 легковооруженных воинов. Целая толпа испанцев собралась на берегу для того, чтобы дать им отпор, но пираты бежали, потеряв только двух человек. Возвращаясь в свои дальние северные края, они по дороге ограбили прибрежные районы Вардулли и Кантабрии. (Вардуллы жили между страной басков и Кантабрией, а их основное поселение находилось на месте современного Бильбао.)<sup>100</sup> Нам неизвестно о сопротивлении со стороны местных жителей. Через четыре года, в 459 году, другая банда герулов совершила жестокий набег на побережье вблизи Луго, после чего они вышли в море и направились к Бетике, где Гидаций потерял их из виду<sup>101</sup>. Опять-таки сопротивления не было. Прибытие кораблей герулов к берегам Испании заставляет нас задуматься о том, проходили ли они Британию без остановки во время своих путешествий на юго-запад или же среди завоевателей этого уединенного острова были и герулы. В отличие от свевов герулы не оставили следов своих поселений в топонимах Британии, однако так как все другие народы, жившие в окрестностях Ютландского полуострова, видимо, принимали участие в завоевании Британии, то вряд ли герулы, послав несколько кораблей в отдаленную Испанию, не послали ни одного в гораздо более близкую Англию. Как бы то ни было, на западном побережье Испании пираты не встретили отпора со стороны римских войск.

Были и такие римляне, которые не собирались сопротивляться варварам или бежать от них: единственное бегство, о котором они помышляли, — это бегство к варварам прочь от римской администрации. Орозий рассказывает о римлянах, которые бежали к варварам, потому что предпочитали свободу и нищету среди варваров тем непосильным налогам, которые все еще собирались на территориях, контролируемых Римом (речь идет о 417 годе, когда Орозий писал свое сочинение)<sup>102</sup>. Эти люди считали, что под

властью варваров их социальное и экономическое положение улучшится: пусть они и захватчики, но при них не будет того безжалостного гнета, которому подвергало их далекое и равнодушное к ним римское правительство и его продажные сборщики налогов. Сальвиан писал свое «Правление Господа» в 440 или 441 году. В нем он также замечает, что жизнь на римских территориях Испании была настолько тяжела, что даже те, кто не бежал от варваров, сами вынуждены были превратиться в варваров. «Большая часть испанцев», пишет он, стали «варварами»<sup>103</sup>. Это относилось не только к беднякам, но даже к аристократам: в одном не вполне ясном отрывке Гидаций говорит о двух испанцах, Оспинио и Аскании, которые, действуя в интересах свевов, заставили отступить готскую армию, напавшую на свевов в 460 году. Эти два испано-римлянина затем способствовали похищению епископа Гидация в 460 году (см. с. 125) и захвату Фрумарием города Аква Флавия, причем летописец впоследствии был освобожден вопреки их ясно выраженной воле<sup>104</sup>. Мы также знаем об антиримской деятельности Лусидия. Хуже всего то, что именно действия «предателей» (*proditores*) привели к разгрому флота Майориана в заливе Аликанте в 460 году. А ведь эти предатели наверняка были римлянами, так как варваров в этой ситуации вряд ли можно было назвать «предателями».

Конечно, нельзя обобщать. Хотя некоторые римляне, возможно, приветствовали захватчиков, трудно поверить, что крестьянам Западной Испании доставляли удовольствие бесконечные набеги, которые свевы каждое лето совершали на села Лузитании и Галисии. Приведенные нами слова Орозия и Сальвиана были написаны в 417 и 440–441 годах соответственно, но, возможно, эти авторы были бы менее склонны к обобщениям, если бы писали в 460 или 469 году. Можно также предположить, что немногие галисийские крестьяне и горожане, будь они священниками или мирянами, имели основания употреблять такие выражения, когда бы то ни было. Действительно, годы после раздела Испании варварами в 411 году были временем относительного мира (с. 139), и именно в эти спокойные годы многие римляне, по словам Орозия, бежали и присоединялись к завоевателям, но верно ли это в отношении Галисии? Даже в 430 году «плебс» центральных районов Галисии занимал наиболее надежные крепости и заставлял бесчинствующих свевов заключать мир и возвращать похищенные ими семьи (с. 161). Эти люди не были готовы предпочесть нищую и вольную жизнь среди свевов своей прежней жизни в качестве испано-римских налогоплательщиков. Они не были похожи на тех беглецов, о которых пишет Орозий; и когда в 429 году, после отплытия вандалов в Африку, набеги свевов приняли катастрофические масштабы, сотрудничество между безжалостным грабителем-севом и его жертвой — римлянином стало невозможным.

В дополнение ко всем этим явлениям было и еще одно: массовый и организованный бунт римлян против римского правления. Давайте вспомним, что произошло. В 438 году король Рехила победил Андевота, и про-

винции Бетика и Картаженская перешли во власть свефов (хотя нет убедительных свидетельств того, что восточные, прибрежные части Картаженской провинции также были ими завоеваны). Римляне уже не контролировали Лузитанию, так как свефы заняли Мериду, столицу провинции, и удерживали ее в течение многих лет<sup>105</sup>. Таково было положение в 441 году, и в том же кризисном году римское правительство посчитало себя обязанным (давно было пора) прислать из Галлии или из Италии «магистра обеих служб». Можно было предположить, что первым шагом этого магистра после прибытия в Испанию при таких катастрофических обстоятельствах должна быть попытка остановить продвижение варваров как можно скорее и любой ценой, а также попытка вернуть утерянные провинции или хотя бы их часть. Он должен был бы прежде всего выяснить местонахождение варваров-разбойников и сразиться с ними. Это было жизненно необходимо. Иначе зачем его так незамедлительно послали в Испанию? Однако ничего подобного он не сделал.

Случилось нечто совсем другое. Первый из двух магистров, Астурий, появился в Испании в переломном 441 году, в год падения Севильи, однако только через пять лет, в 446 году, Вит, третий из магистров, посланных в Испанию в это десятилетие, начал борьбу со свевами и был ими разгромлен (с. 156). Первый и второй магистры, Астурий и Меробауд, оставались в Тарраконской провинции, единственной, в которой свефов не только не было, но не существовало в это время даже угрозы нападения с их стороны. Если бы наши сведения этим ограничивались, то их поведение могло бы нам показаться необъяснимым, но, к счастью, нам известно, чем они в это время были заняты. Они не бездействовали, а вели жестокую войну в Тарраконской провинции, внешне такой спокойной. Они воевали с крестьянам-повстанцами, с багаудами.

В период с 409 по 440 год, как мы видели, многие испано-римляне бежали, чтобы присоединиться к варварам, хотя, вероятно, в Галисии и Северной Лузитании это бывало не так часто. Другие хотя и не переходили на сторону вандалов и свефов, но, подобно им, сами совершали набеги на сельские районы. Последние со временем достигли такой степени организованности, что в «Хронике» Гидация заслужили название «багаудов». Это были не просто разбойничьи банды, а организованные группы крестьян, рабов и им подобных, которые полностью отвергли римскую власть. В Галлии они были известны как багауды с конца III века<sup>106</sup>. Мы не знаем, когда они впервые появились в Испании, однако в 441 году Астурий, не обращая внимания на свефов, убил «множество» багаудов во время двух военных кампаний. В 443 году его сменил поэт Флавий Меробауд, сам испанец родом из Бетики. О нем Гидаций говорит, что «за короткий срок своего командования он сломил обнаглевших багаудов Арацеллы» (временное название этого места вблизи Сарагосы не установлено)<sup>107</sup>.

Таким образом, оба главнокомандующих Испании, посланные в это критическое время из столицы специально для наведения порядка на по-

луострове, оценивали обстановку совсем не так, как это, скорее всего, сделал бы современный исследователь этого периода. Оба они ограничили свою деятельность (вынужденно или добровольно) той единственной провинцией, в которой варваров вообще не было и это при том, что все остальные четыре провинции Иберийского полуострова были к тому времени захвачены варварами. Очевидно, римские военачальники считали, что багауды — более серьезная и более непосредственная угроза, чем победители-варвары. Багауды были настолько опасны, что римляне не решились отправляться в поход против свевов, не усмирив предварительно восставших крестьян и рабов в своем тылу. Тыл был так ненадежен, что идти против варваров с теми силами, которые оставались в стране в 440 году, было невозможно. Требовалось подкрепление, и когда оно подошло, багаудов в 441 году удалось на время усмирить, и только после этого следующий магистр смог наконец в 446 году выступить против свевов. Астурий и Меробауд укрепили тыл и тем самым позволили Виту начать свое наступление, обреченное на провал.

Пока в стране находились Астурий и Меробауд, свевы вели себя тихо и, насколько мы знаем, не предпринимали новых атак. Они не пытались прийти на помощь багаудам и не воспользовались случаем, чтобы напасть на Картагену или Малагу тогда, когда магистры воевали в долине Эбро. Это не значит, что они были неспособны к активным действиям — просто им никто не угрожал. Они не видели для себя выгоды в том, чтобы присоединиться к багаудам, и потому выжидали, но когда Вит выступил против них, они не стали отдавать римлянам инициативу. Вместо этого они двинулись в Бетику или в Картагенскую провинцию, где в это время Вит тратил время на грабежи, напали на него и полностью его разгромили<sup>108</sup>.

Перед тем как прокомментировать эти удивительные события, давайте закончим историю багаудов в Испании. Полный разгром Вита в 446 году так ослабил римские силы на полуострове, что они почти перестали существовать. И в 449 году некто по имени Василий вновь собрал багаудов вместе — их поражение от Астурия и Меробауда было не настолько сокрушительным, чтобы полностью уничтожить их организацию хотя бы на несколько лет. Василий и его товарищи, как и их предшественники в 441 и 443 годах, действовали в Тарраконской провинции. Они устроили кровавую резню солдат-федератов в одной из церквей Тарраконы, от ран, полученных там, умер и местный епископ Лев. Национальность этих федератов не указана, однако, скорее всего, это были везеготы из Юго-Западной Галлии. Видимо, вся Тарракона на какое-то время оказалась в руках багаудов, но вряд ли целью их был захват и удержание испанских городов, так же как галльские багауды не стремились владеть городами Галлии, хотя атаковали их не один раз<sup>109</sup>.

В этот год случилось событие, которое римским властям казалось более зловещим, нежели кровопролитие (или «успех» — с другой точки зрения) в Тарраконе. Король свевов Рехиарий в 449 году объединился с бага-

удами Василия и опустошал район Сарагосы. Хотя сам город не был захвачен, но пала Лерида (Илерда) и многие из жителей попали в плен<sup>110</sup>. Было очевидно, что если варвары и багауды будут и дальше действовать вместе, то вскоре Империя потеряет Тарраконскую провинцию — свою последнюю провинцию в Испании. Союз багаудов и варваров мог оказаться для Империи роковым, но на деле случаи, подобные объединению Василия и Рехиария, были чрезвычайно редки на всем протяжении поздней римской истории, и найти аналогию ему в другой провинции Запада будет трудно. Впрочем, и союз Рехиария и Василия продержался только один походный сезон и никогда не возобновлялся, по нашим сведениям. Землевладельцы-варвары так же ненавидели крестьян-бунтовщиков, как и землевладельцы-римляне. Кроме того, свевы не смогли надолго удержаться в долине Эбро, в то время как багауды, по всей вероятности, никогда не выходили за пределы Тарраконской провинции. Так что даже если бы обе стороны стремились к союзу (а такого стремления не было), им бы помешала география. Конечно, остается вопрос: почему багауды существовали только в Тарраконской провинции? Почему их не было в Бетике, в Картагенской провинции или в Лузитании? Может быть, воевать с римлянами было проще, чем с варварами? Если так, то почему? Или взаимоотношения между разными социальными группами в Тарраконской провинции (не занятой варварами) были иными, нежели в других провинциях, занятых варварами? В настоящее время, видимо, нет возможности ответить на эти вопросы.

## Х. ГОТСКОЕ КОРОЛЕВСТВО И ТЕМНЫЙ ВЕК ИСПАНИИ

### 1. Везеготское завоевание

До сих пор мы рассматривали события V века в Испании с точки зрения сначала свевов, а затем испано-римлян, то есть с точки зрения овец, обреченных на заклание. Теперь мы взглянем на тот же период испанской истории со стороны Тулузы и рассмотрим политику везеготов Юго-Западной Галлии, так как непосредственное будущее Испании зависело от них, а не от свевов или римлян. Именно они, а не свевы и не римляне, правили на большей части Испании в течение VI и VII веков, а также первых лет VIII века.

Конечно же, мы постараемся не повторять ошибку, которую допустил Исидор Севильский, повествуя о королях Теодорихе I и Теодорихе II: он считал, что это одно и то же лицо<sup>1</sup>. На самом деле это были два очень

разных человека: они различались многим, и не в последнюю очередь своим отношением к Испании. Теодорих I, проживший долгую жизнь и правивший с 418 по 451 год, проявлял по отношению к королевству свевов благожелательный нейтралитет и даже попустительство. Правда, как федерат Рима, он был обязан оказывать военное содействие римским военачальникам, когда этого требовало имперское правительство, и поэтому в 422 году в Испанию Кастина сопровождали готские воины. Впрочем, для Кастина было бы лучше, если бы они остались дома, потому что они предали его в сражении с вандалами в Бетике. У магистра Вита в 446 году также было большое готское подкрепление, и он, как и Кастин, потерпел сокрушительное поражение<sup>2</sup>. Гидаций не дает нам оснований думать, что готы предали его в битве со свевами, как в свое время поступили их предшественники с Кастином, но готские солдаты-федераты, конечно, не столько боролись со свевами, сколько грабили испано-римлян. Удивительно, но в этот раз свевам удалось одержать победу над готами, и это был единственный подобный случай за всю их историю. До этого везеготы разгромили и вандалов-силингов, и аланов, и багаудов. Три года спустя, в 449 году, федераты находились в Тарраконе, но в том году старый Теодорих I продемонстрировал свевам свое расположение, выдав свою дочь за короля Рехиария. Мы не знаем, пожалел ли он о своем решении, когда в 449 году Рехиарий посетил его в Галлии, а по дороге домой в Галисию разграбил Севилью и Лериду<sup>3</sup>.

В 451 году Теодорих I погиб, сражаясь с Аттилой и гуннами на Каталунских полях. Его старший сын Торисмуд, который к Риму был настроен крайне враждебно, не успел за свое короткое правление проявить свое отношение к Испании и ее проблемам. Но как только на тулузский трон взошел романофил Теодорих II, он сразу обозначил свое отношение к Испании. Враги Рима были его врагами. В 454 году армия везеготов по наущению римлян двинулась в Испанию и разгромила багаудов в долине реки Эбро (с. 53). В 456 году Теодорих силой захватил Испанию, а 5 октября он нанес поражение свевам в битве при Кампус Парамус и тем самым положил конец их планам завоевания всей Испании.

Затем готский король-победитель совершил неожиданный поступок. В 458 году он послал в Бетику армию под командованием некоего Сирилы<sup>4</sup>, и это стало началом нового периода в истории Испании. Гидаций говорит об этом событии без комментариев, как бы между прочим, потому что он не мог предвидеть его последствий. А между тем, насколько мы знаем, готы так никогда и не ушли из этой южной провинции. Начиная с этого момента и вплоть до появления мавров в 711 году (то есть только через два с половиной столетия), везеготы владели Бетикой, самой южной провинцией полуострова. Бари делает довольно убедительное предположение, что хотя Теодорих пошел в Испанию «от имени Авита и Римской республики, нет сомнений в том, что он сознательно готовился исполнить давнюю мечту готов — самим завладеть Испанией, а для этого

надо было ослабить власть свевов»<sup>5</sup>. Каковы бы ни были мотивы короля, но Бетика оказалась первой из испанских провинций, в которой был размещен везеготский гарнизон. И это при том, что она находилась дальше всех от Тулузы и, по нашим сведениям, из всех провинций в Бетике осело меньше всего готов.

В следующем, 459 году Теодорих укрепил свою армию в Бетике, назначил командующим Суниериха и отозвал Сирилу в Галлию<sup>7</sup>. Этот южный контингент активно действовал против готов в 460 году и захватил Скаллабис, и, хотя сам Суниерих в 461 году вернулся в Галлию, его солдаты не покинули Южную Испанию<sup>8</sup>. Там мы их ненадолго и оставим.

Таким образом, во времена Теодориха II готы предприняли жесткую военную акцию против свевов. Дипломатическая активность также не прекращалась<sup>9</sup>. По сообщению Гидация, в 460 году Теодорих дважды направлял к свевам послов<sup>10</sup>. В 461 году еще два готских посольства прибыли к свевам, а в 465 году — еще три<sup>11</sup>. В 466 и 467 годах Теодорих и его преемник направили еще два посольства<sup>12</sup>. Гидаций ничего не говорит о том, с какой целью направлялись эти бесчисленные посольства. Несомненно, молчание Гидация объясняется тем, что у него было недостаточно информации: он просто не знал, для чего приезжали послы.

И готы, и свевы вряд ли стали бы делиться своими планами с испано-римским епископом, как, впрочем, и с испано-римским населением Галисии вообще. Да и сами рядовые свевы — знали ли они о том, что происходит на королевских советах? Возможно, везеготский король действительно пытался положить конец грабительским экспедициям свевов<sup>13</sup>, но, если это и было так, то он потерпел неудачу.

Политика короля Евриха (466–484 гг.), который захватил трон, убив старшего брата Теодориха II (так же как Теодорих в свое время сел на трон, убив своего старшего брата Торисмуда), во многом отличалась от романофильской политики его предшественника. Еврих вновь привел в действие готский военный контингент в Южной Испании. В 469 году готы действовали в Мериде, в окрестностях Лиссабона, в Асторге в Галисии и опять в некоторых частях Лузитании<sup>14</sup>. Этим годом заканчивается «Хроника» Гидация, но, к счастью, нам кое-что известно о последующих событиях благодаря одной сохранившейся надписи. Эта надпись, дошедшая до нас только в копии IX века и написанная по обычаю времени стихотворным размером, говорит о том, что происходило в Мериде в 483 году. В тот год некий Салла, построивший в Мериде, столице Лузитании, великолепные городские стены, с помощью епископа Зенона восстановил мост через реку Гуадиану, который частично обрушился<sup>15</sup>. (Кстати, мост в Мериде был самым большим из мостов, построенных римлянами в Испании: его длина составляла почти 800 метров, а арок в нем насчитывалось 800.)<sup>16</sup> Об этом Салле мы знаем от Гидация<sup>17</sup>. Теодорих II незадолго до своей гибели в 466 году направил Саллу послом к свевам Ремисмунда. Получается, что человек, построивший городские стены Мериды и вос-

становивший мост, был готов, хотя надпись заканчивается указанием на год испанской эры, *DXXI*, то есть 483 год нашей эры. Салла также датирует свою работу временем правления короля Евриха, *nunc tempore potentis Getarum Eurici regis*. Очевидно, что в последний год правления короля Евриха готы занимали Мериду и гот был правителем города. В одном из своих последних упоминаний о событиях на юге Гидаций писал о том, что шайка готов в 469 году направлялась в Мериду<sup>18</sup>. Возможно, именно тогда или вскоре после этого город пал. Таким образом, я заключаю, что готское военное присутствие на юге Испании, в Бетике и в Лузитании, началось в 458 году, что оно продолжалось дольше, чем период, описанный Гидацием, и что окончилось оно только с приходом в Испанию сарацинов в 711 году<sup>19</sup>. Из этого не следует, что там находились крупные поселения готов-колонистов. Поселения появились позже<sup>20</sup>.

Завоевание Северной Испании формально было начато Еврихом. В 469 году он начал проводить гораздо более позитивную политику, чем Теодорих II, но, к сожалению, именно на этом «Хроника» Гидация заканчивается. Более поздний этап деятельности Евриха описан св. Исидором. Он не называет точной даты, но исходя из того, что он сообщает о переходе в руки готов Арля и Марсея в 473 году, можно предположить, что те испанские события, о которых он сообщает, произошли немного раньше. Согласно св. Исидору, после того как король Еврих ограбил некоторые районы Лузитании — это, несомненно, те же события 469 года, о которых мы знаем от Гидация<sup>21</sup>, — он захватил Памплону и Сарагосу и таким образом подчинил себе всю «верхнюю Испанию» (*Hispania superior*). Он добился того, что дважды безуспешно пытались сделать свевы: одним ударом он завоевал Тарраконскую провинцию, единственную провинцию Испанского полуострова, которую до того варварам не удавалось захватить. Со времен великого завоевания 409 года и до сей поры она оставалась единственной, которой варвары почти не касались. И вот теперь, между 469 и 472 годами, войска Евриха ее захватили. Но провинция не сдалась им без сопротивления. Присутствие готов вовсе не радовало всех испано-римских жителей этих мест. Аристократия Тарраконской провинции сопротивлялась с оружием в руках, и это был один из редких случаев, когда аристократия Запада сумела организовать вооруженное сопротивление захватчикам. Готам пришлось предпринять военную кампанию для того, чтобы сломить сопротивление аристократов, и они его сломали. Об отношении к происходящему граждан более низкого социального статуса нам ничего не известно: об их борьбе вместе или против кого-либо не упоминается<sup>22</sup>.

Св. Исидора нельзя считать надежным источником информации о V веке, если его слова не подтверждаются Гидацием, но, к счастью, сообщения св. Исидора подтверждает и дополняет галльский летописец 511 года нашей эры. Этот летописец говорит о том, что после падения западного императора Антемия в 472 году Еврих послал своего графа Гаутерита для захвата



Памплоны, Сарагосы и некоторых окрестных городов<sup>23</sup>. Немного позже гот по имени Гельдефред, а также Винцентий, с которым мы уже встречались (с. 158), осадили Тарракону и заняли прибрежные города<sup>24</sup>. Это, по словам св. Исидора, означало то, что «верхняя Испания» отошла к Тулузскому королевству. Единственная ошибка, которую в этой связи допускает св. Исидор, заключается в том, что сам Еврих в Испании не сражался. Он действовал через своих военачальников — Гаутерита, Гельдефреда и Винцентия. Сам король, насколько нам известно, никогда не был в Испании, хотя и оказал сильное влияние на историю этой страны<sup>25</sup>.

Можно ли определить даты этих событий? Вскоре после похода в Испанию Винцентий погиб, сражаясь за Евриха в Италии, и вскоре после его смерти Еврих захватил Арль и Марсель, положив тем самым конец римскому правлению в Галлии. С тех пор ни один из районов Франции не управлялся из Италии. Эти события произошли до воцарения в октябре 474 года восточного императора Зинона. Тогда можно считать, что Винцентий погиб во время кампании 473 года (хотя нельзя исключать и 474 год), а завоевание «верхней Испании» произошло в 472 или 473 году. Бари справедливо замечает, что когда Еврих умер через десяток лет после этого, в 481 году, то весь испанский полуостров, кроме королевства свевов на северо-западе (и, можно добавить, неприступных горных районов, где жили баски), был полностью под властью готов. И это мнение, верно оно или нет, почти совпадает с мнением Иордана, который говорит, что перед своей смертью Еврих правил всеми испанскими и галльскими провинциями от своего имени, а не как вассал императора<sup>26</sup>. В годы правления императора Антемия (467—472 гг.) некоторые жители Тарраконы все еще признавали своими правителями Льва I и Антемия и установили в городе посвящение им. Но вскоре после смерти Антемия и город, и провинция, столицей которой он был, так долго сопротивлявшиеся варварам, навсегда вышли из-под власти Рима<sup>27</sup>.

Армия Евриха выполняла чисто военные операции, приведшие в конце концов к полному политическому подчинению Тарраконской провинции. Но у нас нет достаточных свидетельств того, что во времена Евриха готы в большом количестве селились в Испании. Скорее всего, там оставались только гарнизонные войска и некоторые чиновники. Но к концу столетия все изменилось. Сведения, содержащиеся в «Хронике Сарагосы», позволяют предположить, что в 494 году, через десять лет после смерти Евриха, происходили некие новые процессы. Согласно этой «Хронике», в том году «готы вошли в Испанию»<sup>28</sup>. Эти слова, вероятно, означают, что в 494 году происходила значительная миграция везеготов к югу от Пиренеев. В 494 году, как ясно сообщает автор, готы поселились в Испании, причем в большом количестве (один из исследователей этого периода образно назвал миграцию готов «лавиной»)<sup>29</sup>. И наконец, тот же автор, который рассказывает о событиях 494 и 497 годов, сообщает нам, что в 506 году в Тортосу (римскую Дертоссу) в устье Эбро «вошли готы»<sup>30</sup>.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что завоевание Испании готами произошло в годы правления Теодориха II и Евриха, в то время как массовое заселение Испании началось позже, к концу V века и в первые годы VI века, то есть в царствование короля Алариха II (484–507). Все четверо готских королей — Теодорих I, Теодорих II, Еврих и Аларих II — совершенно по-разному относились к Испании. Если Теодорих I проявлял добродушный нейтралитет, то во времена Теодориха II произошла прямая агрессия и оккупация Южной Испании, а завоевание севера при Еврихе сменилось массовым расселением там готов во времена Алариха II.

Сопrotивление, которое безуспешно оказывали римские аристократы Тарраконской провинции в 472–473 годах (с. 170), было не последним актом противостояния римлян и завоевателей. В Восточной Испании появились два «тирана», то есть два узурпатора. В 496 году власть захватил некий Бурдузел, который затем был выдан своими приближенными и привезен в Тулузу, где готы подвергли его мучительной смерти. Наш автор не упоминает места действия, однако это наверняка происходило где-то в Тарраконской провинции, возможно, около Сарагосы. Именно там жил наш автор, о котором мы почти ничего больше не знаем, и, кроме того, только в этой провинции остро стояла угроза массового расселения готов. Второй «тиран», о котором мы знаем, — это Петр, который провозгласил себя правителем Тортосы и был затем казнен готами в 506 году<sup>31</sup>. В этот период готы, похоже, были безжалостны по отношению к испанским бунтовщикам. Чем была вызвана такая жестокость: тем, что бунтовщики были испанцами, или тем, что они были узурпаторами? Возможно также, что они имели некий общественный статус, о котором нам ничего не известно. Все эти вопросы остаются без ответа. Впрочем, в *Britannia*, VIII (1978) 316f. можно найти некоторые наблюдения относительно аналогии между Испанией и некоторыми британскими тиранами, правившими после 410 года. Вполне возможно, что после исчезновения власти Рима представители обреченной испано-римской аристократии или какого-то другого класса общества захватывали ставшую бесполезной власть, причем делали они это беспорядочно, очевидно, без опоры на авторитет далекого и беспомощного императора. Они, без продолжительного успеха, пытались собирать провинциальные налоги, организовать местных жителей на сопротивление захватчикам и продлить закат римской цивилизации. Какова бы ни была природа этого движения, оно просуществовало всего несколько лет.

Таким образом, начиная с середины V века готы контролировали Южную и Юго-Западную Испанию. Это значит, что они имели там свои гарнизоны и, вероятно, могли отдавать приказы римским губернаторам провинций и другим римским чиновникам, еще оставшимся в провинциях Бетика и Лузитания. Кроме того, раз Еврих захватил в начале своего царствования север Испании или по крайней мере Тарраконскую провинцию, то он контролировал и сообщение между Тарраконской провинцией и своими южными владениями — Бетикой и Лузитанией. То есть он прак-

тически подчинил себе весь Испанский полуостров (кроме, конечно, Королевства свевов и горцев-басков). Правда, мы не знаем, как развивались события в Картахенской провинции. Однако массовое расселение готов в Испании началось только в самом конце V века, и наши сведения об этом процессе ограничиваются Тарраконской провинцией. Впрочем, есть одно свидетельство того, что некоторые готы, возможно, поселились в Бетике вскоре после 500 года. Это сохранившийся саркофаг женщины по имени Хильдуаренс, несомненно, принадлежавшей к готскому народу и умершей в 504 году в Екиджи (римская Астиги), недалеко от Кордовы<sup>32</sup>. Кроме того, нам известно о готских гарнизонах в Мериде и в Севилье. Но есть основания полагать, что все же в Бетике готов селилось меньше, чем в какой-либо другой из провинций их испанского королевства<sup>33</sup>.

Нельзя отрицать, что мы располагаем только фрагментами и обрывками доказательств, но если мы примем ту точку зрения, что готы завоевали Южную Испанию только в середине VI века, то наша позиция будет еще слабее<sup>34</sup>. В этом случае мы должны будем не только признать, что у нас нет никаких свидетельств в поддержку этой теории, но, что еще хуже, нам придется игнорировать или придумывать искусственные объяснения тех немногих фактов, о которых мы знаем. На самом деле ни в одном из наших источников нет и намека на то, что завоевание Южной Испании произошло в середине VI века. Мы знаем, что в это время произошло восстание против готского правления — восстание Кордовы, а это совсем не то, что завоевание, и более того, восстание предполагает предшествующее завоевание<sup>35</sup>.

## 2. Католическая церковь

Странно, что Гидаций дает нам так мало информации о жизни католической церкви в течение сорока лет после 427 года, года, когда он был посвящен в епископы. Еще более странно то, что, рассказывая о последних десяти годах, охваченных его «Хроникой», он вообще ни разу не упоминает церковь, хотя годы эти для церкви были историческими. Все, что он дает нам, — это не связанные между собой фрагменты, на основании которых невозможно написать историю церкви в Испании середины V века. Много из того, о чем он сообщает, было бы непонятно, не имей мы в нашем распоряжении других свидетельств, проливающих свет на те же события. С уверенностью можно сказать, что в этот сумеречный период между падением римской власти и завоеванием Иберийского полуострова везеготами задумчивых испанских католиков более всего интересовала борьба с темными силами присциллианства. Однако Гидаций не дает последовательного изложения этого странного противостояния.

Вот примеры того, как он об этом пишет. Большая часть упоминаний о папстве в его «Хронике» представляет собой позднейшие включения в

текст, автором которых он не является<sup>36</sup>. Но под 447 годом он упоминает о том, что папа Лев I (440–461) управлял Римской церковью. Вполне естественно, что здесь Гидаций приводит *floruit* папы, ведь это был год его важной переписки с испанским епископом Туррибием по проблеме присциллианства. До нас дошло послание папы Льва, датированное 21 июля 447 года<sup>37</sup>. Однако странно, что когда летописец упоминает публикацию антимахихейских документов двумя годами раньше, в 445 году, он говорит, что публикация состоялась «благодаря епископу, который тогда правил в Риме»<sup>38</sup>. Почему бы не назвать имя Льва здесь, вместо того, чтобы ждать записи о 447 годе? Почему не названо имя папы 445 года? Складывается впечатление, что Гидаций просто не знал, как звали папу в этом году, хотя, если бы он не знал имени папы, вряд ли бы он вообще смог написать «Хронику». Другой пример: в 433 году в Луго священники Пастор и Сиагрий были посвящены в епископы вопреки воле Агрестия, епископа Луго<sup>39</sup>. Гидаций сообщает об этом, но не указывает, кто был правоверным католиком, а кто — нет. Правда, мы знаем, что Пастор и Сиагрий были католиками и авторами сочинений, направленных против присциллианства, о чем Гидаций не сообщает. Летописец никак не объясняет эти расхождения, но если Пастор и Сиагрий были католиками, то Агрестий, вероятно, склонялся к присциллианству<sup>40</sup>. Кроме того, согласно Гидацию, епископ Сабин был в 441 году изгнан из своего прихода в Севилье, а вместо него «обманным, а не справедливым путем» был посвящен Епифаний. Сабин уехал в Галлию и смог вернуться на родину в Севилью только через двадцать лет<sup>41</sup>. И здесь летописец ничего не говорит о причинах и о природе этого конфликта, однако он высказывается неодобрительно об Епифании, из чего можно заключить, что новый епископ был присциллианином, а значит, Сабин был католиком<sup>42</sup>.

Еще один вопрос, на который у нас нет ответа, касается событий 445 года. В том году в Асторге изобличили нескольких манихеев. Отчет о епископальном расследовании, проведенном после изобличения еретиков, был послан Антонину Меридскому, митрополиту провинции Лузитания, самим Гидацием и Туррибием, епископом Асторги (тем самым, который переписывался с папой Львом), который и выслушивал еретиков. Непонятно, почему митрополит Лузитании занимался инцидентом, произошедшим в Галисии<sup>43</sup>. Где был митрополит Браги? Самое удивительное то, что на протяжении всей «Хроники» Гидаций ни разу не упоминает о митрополите своей собственной провинции: он не называет епископа Браги по имени и даже не упоминает о его существовании. Я не знаю, как объяснить эту странность. Что касается событий 445 года, возможно, это связано с тем, что в том году свевы подавили деятельность епископата Браги, их столицы, или сделали условия этой деятельности такими тяжелыми, что митрополит больше не мог должным образом выполнять свои обязанности? Это маловероятно, так как митрополит Браги существовал даже в 538 году, при правлении ариан, а первые католические советы ничего не сообщают о каком-либо

преследовании или подавлении, которые вообще были нехарактерны для варварских королевств Европы. В таком случае, скорее всего, митрополит Браги, занимавший эту должность в 445 году, не был надежным борцом с манихейством или присциллианством. Возможно, он был запятнан связью с той или иной ересью. Но если это так, все же остается загадкой, почему летописец не упоминает о других галисийских митрополитах: вряд ли все они были еретиками.

Послание Льва, обличающее присциллиан (уже упоминавшееся нами письмо Туррибия), было привезено испанским епископам в 447 году Первинком, одним из дьяконов Туррибия, затем одобрено епископами Галисии. Но не все из них одобрили его по своей воле<sup>44</sup>. Очевидно, ересь все еще просачивалась в ряды галисийских иерархов и завоевывала среди них приверженцев: Агрестий и Епифаний были не единственными епископами-еретиками. Но факт получения письма от Льва имеет более важное значение. Он демонстрирует нам, что связь между Испанией и Италией все еще существовала и, более того, что епископы Галлии могли собираться на свой синод даже в самые темные времена владычества свевов. Даже во времена самых свирепых королей-язычников летописец, описывающий многочисленные преступления, ни разу не говорит о преследовании католиков. Единственное преследование, о котором он говорит, — это преследование манихеев и присциллиан самими католиками. Посреди войн и грабежей, захвата городов и падения Римской империи католики могли свободно преследовать своих оппонентов и соседей и делали это с удовольствием.

В 448 году один римлянин, родом из столицы Империи, по имени Пасцентий, живший ранее в Асторге и бежавший оттуда, был арестован Антонином Меридским по обвинению в манихействе и изгнан из Лузитании, где он скрывался<sup>45</sup>. И здесь преследователями были католики. Интересно было бы узнать, как относился к этому король Рехиарий, сам католик. Нам не известно о том, что бы он как-то подстегивал Антонина или оказывал ему пособничество словом или делом. Решение Антонина об изгнании Пасценция из Лузитании могло бы считаться грубым вмешательством в светские законы, но Гидаций не сообщает о какой-либо реакции со стороны Рехиария. Возможно, тонкости римского законодательства мало что значили для неотесанного варвара.

Вот и все то немногое, что летописец рассказывает нам об истории присциллианства своего времени. Эта ересь распространилась среди иерархов католической церкви, в том числе и в Галисии. Среди ее сторонников были епископ Луго, митрополит Севильи и, возможно, Браги. Но для королей-варваров, даже для католика Рехиария, все это не имело никакого значения.

У нас есть сведения о том, какова была церковная дисциплина в те темные времена, в конце периода, охваченного «Хроникой» Гидация. В 463 или 464 году Асканий, митрополит Тарраконы, и другие епископы про-

винции собрались на синод<sup>46</sup>. Как и землевладельцы (с. 160), епископы смогли организовать свою встречу и приехать в назначенное место. В середине VI века в Тарраконской провинции цивилизованная жизнь еще не была разрушена до конца, хотя в Галисии, возможно, все было по-другому. Синод направил письмо папе Иларию, прося у него совета относительно их «лжебрата» Сильвана, епископа Калахорры. За семь или восемь лет до этого Сильван незаконно посвятил одного священника в епископы, так как жители района, в котором должен был служить новый епископ, не просили о таком назначении. То есть Сильван единолично учредил новую епархию (о чем больше не упоминается). Более того, он назначил епископом священника, служившего в другой епархии, в епархии Сарагосы, несмотря на его протесты. Епископ Сарагосы поднял этот вопрос на синоде епископов Тарраконской провинции, так как Сильван неоднократно игнорировал замечания своих собратьев «в духе бунтовщика» и «с неподобающим упрямством»<sup>47</sup>. Теперь Асканий спрашивал папу, что делать с Сильваном и с теми, кого он рукоположил.

Из этого письма ясно следует, что епископы Тарраконской провинции с глубоким почтением относились к римскому престолу. Они, не колеблясь, обратились к Риму за руководством. Для них епископ Рима был вне всяких сомнений наместником св. Петра, к которому всем следовало относиться с благоговейным страхом и любовью. Его авторитет был непревзойденным. Он давал свои инструкции непогрешимо и непредвзято, с решимостью, достойной понтифика. Это почтительное отношение к папству продолжалось до тех пор, пока правители Испании были еретиками. Но, как ни странно, в VII веке, когда правителями Испании стали истовые католики, позиция испанских епископов изменилась. Они или полностью игнорировали Рим, или реагировали на все запросы пап с таким чудовищным презрением, которое бы поразило и огорчило Аскания. Причем наши источники не говорят о том, что епископы Тарраконской провинции были более вежливы, чем их собратья во всех других пяти провинциях готского королевства.

Приблизительно через год после своего письма Асканий и другие епископы Тарраконской провинции опять написали в Рим, и в этот раз их отношение к каноническому праву оказалось менее ортодоксальным и более простодушным. Незадолго до этого умер Нундиарий, епископ Барселоны. Он завещал всю свою собственность другому священнику, Иринею, которого он в свое время назначил епископом одного из городков своей епархии, что было сделано незаконно, однако с согласия земляков. Позже, будучи на смертном одре, Нундиарий пошел еще дальше: он попросил назначить Иринея своим преемником в Барселоне. Все духовенство и все население Барселоны, включая самых богатых ее жителей, надеялись, что Иринея действительно будет назначен на это место. Епископы выполнили волю покойного Нундиария и теперь писали папе Иларию, прося его утвердить их решение. В конце своего письма они выражают удивление тем,

что папа до сих пор не ответил на их письмо по поводу Сильвана. Возможно, это вызвано (вежливо добавляют они) забывчивостью гонца или же трудностями долгого путешествия в Рим. Они не предполагают, что это могло быть вызвано забывчивостью самого Илария<sup>48</sup>.

19 ноября 465 года синод епископов, включавший нескольких галлов и африканцев, собрался под руководством Илария (у которого в этот день был день рождения) в церкви св. Марии в Риме. Эта встреча представляет для нас особый интерес, так как это первый римский синод, от которого до нас дошли записи *verbatim*, хотя подробности этих записей нас сейчас не интересуют. 30 декабря папа наконец написал Асканию и другим епископам Тарраконской провинции, подтверждая получение обоих писем — о Сильване и об Иринее. Сохранился его декрет<sup>49</sup>. В нем он дает следующие строгие инструкции: 1) ни один епископ не может быть посвящен в сан без ведома митрополита Аскания; 2) никто не должен оставлять свою церковь и переходить в другую — епископы были не правы, дозволив Иринею переход; 3) Иринею должен вернуться в свой прежний приход — если он откажется, он будет лишен сана епископа<sup>50</sup>, а на его место должен быть обычным образом назначен новый епископ из числа барселонских священников, так как должность епископа не может рассматриваться как наследственная; 4) хотя епископы, рукоположенные Сильваном без ведома Аскания, должны быть лишены своих мест, Иларий выразил согласие утвердить их назначение в том случае, если ни один из них не был ранее женат. Он напоминал епископам Тарраконской провинции, что в одной церкви не должно быть двух епископов (некоторое время Нундинарий и Иринею, видимо, были епископами в одной и той же церкви). Епископом нельзя назначать неграмотного, имеющего физический недостаток или отбывавшего наказание человека. (Папа не объясняет, почему он посчитал нужным включить два последних пункта, и мы вряд ли можем строить догадки.) Епископы не должны так сильно зависеть от мнения людей, как это случилось в Барселоне, главное для них следовать воле Господа.

Это письмо было доставлено в Испанию судьей по имени Траян, и папа в нем не выражает опасений, что это путешествие может быть опасным. Действительно, по нашим сведениям, в этот период путешествующему из Италии в Тарракону не угрожало нападение вандалов или кого-либо еще. Примерно в то же время папа направил жесткое порицание Асканию,<sup>51</sup> который, несомненно, действовал необычным для митрополита образом.

Из этой переписки видно, что жизнь в Испании, или по крайней мере в Тарраконской провинции шла своим чередом, как будто прежний римский мир не был разрушен. Везеготское завоевание 456–457 годов, конечно, принесло неисчислимые бедствия на западе Иберийского полуострова, и западные города подвергались постоянной угрозе нападения севов. Несомненно, что Тарраконская провинция также страдала от Василия и багаудов в период до 454 года. Но в шестидесятые годы V века в Тарра-

конской провинции устраивались совещания, люди путешествовали, письма доставлялись адресатам, а идеи обсуждались и передавались от одному к другому так, как если бы свевы и вандалы все еще были далеко за Рейном и Дунаем и покой Испании не потревожен. Читая письма папы и епископов, трудно представить себе, что к югу от Пиренеев летели брошенные в гнев копья, горели дома, а завоеватели грабили города и насиловали женщин. Судя по этой переписке, повседневная жизнь ничуть не изменилась с тех пор, как Цезарь Август завершил римское завоевание Испании пять веков назад. Интересно, была бы картина другой, если бы папские послания были направлены не в Тарраконскую провинцию, а в Галисию? И если бы Траян планировал закончить путешествие не в Тарраконе, а в Браге, удалось бы ему добраться туда?

### 3. Темный век Галисии

После 469 года, которым заканчивается «Хроника» Гидация, у нас больше нет постоянного источника информации о событиях в Испании. Хотя о жизни везеготской части страны мы можем кое-что узнать у св. Исидора, о королевстве свевов мы не знаем практически ничего.

В какой-то момент этого темного периода свевам удалось расширить свое королевство до устья реки Тахо (ранее граница проходила по реке Дуэро). Поэтому в конце VI века, когда у нас вновь появляются источники информации, под «Галисией» уже понимается более обширная провинция по сравнению с существовавшей в римские времена и при жизни Гидация. Вот почему Второй совет Браги, собравшийся в 572 году, прошел с участием епископов Визеу, Коимбры, Иданьо и Ломего. Все эти четыре епархии были включены в провинцию Галисия, согласно свевской *Parochiale*, относящейся к 572–582 годам. Когда везеготы в 585 году захватили свевское королевство и включили его в состав своего государства, они поначалу не стали менять границы Галисии и Лузитании, а оставили их в том виде, какой они приобрели в конце V — начале VI века, в темные времена. Только к середине VII века были восстановлены прежние границы. Эта инициатива исходила от Оронция, митрополита Лузитании 638–653 годов. Он убедил короля Рецесвинта (653–672 гг.) вернуть Лузитании те епархии, которые она много лет назад уступила Галисии. Этот вопрос упоминался на Меридском совете 666 года, но к тому времени решение о возврате к границам Галисии VII века было уже делом прошлым. Этот вопрос возник на совете только потому, что решение Рецесвинта дало толчок разногласиям между приходами Иданьо (римская Игита) и Саламанк<sup>52</sup>. Таким образом, на Меридском совете 666 года, то есть на провинциальном синоде епископов Лузитании, присутствовали епископы Лиссабона (Олиссиппо), Ломего, Иданьо и Коимбры. С другой стороны, на Третьем совете Браги, провинциальном синоде епископов Гали-



сии, собравшемся в 675 году, присутствовали епископы Браги, Туя, Опорто, Асторги, Бриттонии, Оренсе, Луго и Ирии (совр. Эль Падрон), но туда не приехал ни один из епископов тех епархий, которые лежали между нижним течением Дуэро и нижним течением Тахо. Эти приходы теперь входили в состав провинция Лузитания и больше не были частью Галисии. Дошло до того, что присутствовавший на Меридском совете епископ Иданьо, гот или свев по имени Склуа, с вызовом поставил под отчетом свою подпись, которая выглядит так: «Склуа, епископ города Иданьо, принадлежащего провинции Мерида»<sup>53</sup>. Эта формула больше не повторяется ни на одном из многочисленных испанских подписных листов. Склуа — это патриот, который хочет ясно показать всем, что он принадлежит Лузитании, а не Галисии. Жаль, что мы не знаем, чем был вызван его поступок: местным или провинциальным патриотизмом, чудачеством, враждебностью к свевам или какими-то другими чувствами.

В V веке, по крайней мере в тот период, о котором повествует Гидаций, в южной оконечности Галисии (в том смысле, в котором этот топоним употреблялся в VI веке), между нижним Дуэро и нижним Тахо, вероятно, не было свевских поселений. Наоборот, этот район подвергался их постоянным набегам. Свевы обманом захватили Лиссабон в 457 году и затем в 469 году<sup>54</sup>. Также обманом они захватили Коимбру и три года спустя разрушили ее<sup>55</sup>. (Правда, когда мы узнаем о «разрушении» городов, мы не должны воспринимать это буквально, ведь Коимбра существовала как епархия и в VII веке.) В 465 году в Коимбре варвары ограбили «благородную семью» некоего Кантабра. Вряд ли можно считать совпадением то, что епископа Коимбры, участвовавшего в Меридском соборе 666 года, звали Кантабр. Вполне вероятно, что два этих человека были родственниками, то есть знатная семья Кантабров продолжала существовать и пережила все бури и потрясения по меньшей мере в течение двух столетий<sup>56</sup>. Как бы то ни было, свевы непрерывно нападали на сельскую местность вокруг устья реки Дуэро в 457 году, а через два года напали на Опорто<sup>57</sup>. Во времена своих набегов они сами не жили на этой территории, так же как они не жили на территории Аква Флавия в 460 году, когда они разрушили этот город и увезли оттуда самого Гидация. Несомненно, когда происходили все эти события, район между нижним Дуэро и нижним Тахо все еще был населен римлянами и был частью старой римской провинции Лузитания.

Можно ли установить, хотя бы приблизительно, когда свевы распространились по этой южной территории? Когда они перестали грабить эти места и стали там расселяться? Наверняка это случилось после 469 года, потому что в том году они еще продолжали свои набег. Кроме того, Гидаций обязательно бы упомянул о расселении свевов на этой территории, если бы об этом знал. В то же время это вряд ли могло произойти позже 500 или самое позднее 511 года, так как в том году Теодерих Великий, остроготский король Италии, стал регентом Испании и возможность расселения там была для свевов потеряна. Маловероятно, чтобы готы после этого примирились

с экспансией свевов. Остается принять, что свевы дошли до Тахо в период между 470 и 510 годами. Мы не можем сузить этот временной диапазон, хотя не исключено, что послание папы Симплиция к епископу Зенону имеет отношение к этой проблеме<sup>58</sup>. Зенона, которому направлено послание, обычно считают епископом Севильи, но в последнее время были выдвинуты аргументы, опровергающие это мнение. Кроме того, из одной надписи мы знаем о некоем Зеноне, который в 483 году был митрополитом Лузитании<sup>59</sup>. Трудно представить, что по странному совпадению митрополитов Бетики и Лузитании звали одним и тем же греческим именем Зенон, более вероятно, что два Зенона — это на самом деле один и тот же человек, епископ Мериды. Папа Симплиций дожил до 10 мая 483 года, так что он вполне мог написать Зенону Лузитанскому в этот день или незадолго до него. Впрочем, возможно, это было и раньше, так как мы не знаем точно, когда Зенон был назначен митрополитом. В этом письме, похвалив Зенона за отличное управление своей епархией, папа сообщает ему, что его положение еще более укрепит, если он будет повышен в должности до папского викария: «укрепленный энергией этого поста, ты не будешь позволять нарушать указания апостолов и ограничения (*terminos*) святых отцов»<sup>60</sup>. В этот период Папы время от времени назначали папских викариев для решения важных проблем, требующих немедленного разрешения на месте, когда нельзя было ждать нескорого ответа из Рима. Однако обязанности викария довольно туманны. Кроме вопроса «ограничений», они никак не определены, и складывается впечатление, что папа назначил викария прежде всего с целью решить проблему уменьшения прежней провинции Лузитания<sup>61</sup>. Очевидно, в это время срочно обсуждался некий важный вопрос, от решения которого зависело изменение границ этой провинции. Проблема, от решения которой зависело так много, не могла обсуждаться без участия папского викария; так как митрополит был превосходным администратором и дипломатом, то он и занял этот пост. Вполне возможно, что проблема, о которой пишет Симплиций, не что иное, как экспансия свевов и последовавшая за этим потеря Лузитанией нескольких из ее епархий. Церковь не приветствовала эту потерю, но и не могла ее предотвратить. Письмо было написано не позднее марта 483 года, а сообщение о кризисе в Лузитании не могло дойти до Рима мгновенно. Решение папы о назначении папского викария в Испанию также не могло быть принято без предварительного размышления. Следовательно, экспансия свевов произошла задолго до 483 года. Можно предположить, что свевы вряд ли бы решились на такой шаг тогда, когда Еврих был в расцвете лет, скорее, это случилось тогда, когда он был уже стариком, то есть, вероятнее всего, около 480 года. С другой стороны, возможно, экспансия произошла несколькими годами раньше, около 470 года, когда Еврих был еще молод: в те годы он был слишком занят другими событиями. Во всяком случае, очевидно, что территория между нижним течением Дуэро и нижним течением Тахо находилась в это время под угрозой завоевания со стороны свевов.

В этих рассуждениях много гипотетического, однако факты говорят о том, что именно в годы правления короля Евриха границы провинции Галисия стали такими, какими они оставались в VI веке, то есть южная граница проходила теперь по реке Тахо, а не по реке Дуэро. В начале следующего века везеготы или их остроготские хозяева были слишком сильны, и никто не решался на них нападать или их провоцировать. В VI веке свевам приходилось вести мирную жизнь, нравилось это им или нет. Не было никакого смысла нападать на гораздо более могущественных соседей, которые уже однажды разгромили свевов в пух и прах в 456 году. Даже позднее, в катастрофические времена царствования короля Атанагильда (555–568 гг.), когда везеготское королевство в Испании находилось в состоянии хаоса и почти распалось, а обширные его районы вблизи границы со свевами восстали против толедского правительства, свевы не делали попыток расширить свои владения на восток и не нападали на предоставленных самим себе и дезорганизованных готов<sup>62</sup>.

Как управлялось свевское общество в эти темные времена, не охваченные «Хроникой» Гидация? Был момент, когда в V веке Гермериху, его сыну Рехиле и внуку Рехиарию как будто удалось основать постоянную наследственную династию. Но после смерти Рехиария монархия на несколько лет прекратила существование, и свевы вернулись к правлению военных вождей, не связанных между собой родственными узами. Таким образом, в тот год, когда окончилась «Хроника», монархия еще полностью не утвердилась. Незадолго до этого она была свергнута и могла быть окончательно устранена в будущем.

Известно, что начиная с 469 года (года окончания исторического труда Гидация) и примерно до 560 года, когда в Галисии служил св. Мартин из Браги, мы не знаем имени ни одного короля, даже если таковые и были. Единственное свидетельство существования королей в этот девяностолетний период — это небольшой отрывок в самом конце «Истории свевов» св. Исидора, в котором автор, исчерпав свой единственный источник — «Хронику» Гидация, добавляет, что после этого царствовали многие свевские короли, все из которых были еретиками-арианами, вплоть до царствования Теодемира в 60-х годах VI века<sup>63</sup>. Но откуда Исидор мог знать, что в этот период было много королей, если у него больше не было никакого источника информации? Как объяснить тот факт, что он не называет ни одного из этих «многих» королей по имени? Знал ли он о них хоть что-нибудь? Можно ли поверить, что Исидор на самом деле имел в своем распоряжении устные источники, однако не мог заставить себя подробно рассказывать о монархах-арианах, которые были ему так несимпатичны? Не можем, ибо ни один католический автор не рассказывает так подробно о неприятных ему арианах — готских и свевских королях, чем св. Исидор в своей «Истории готов» и «Истории свевов», не говоря уже об «Истории вандалов»<sup>64</sup>. Правда, у свевов, возможно, действительно был в 485 году король по имени Веремунд, однако это не доказано, и мы не

можем в настоящее время подробно обсуждать Веремунда. Утверждение Исидора о том, что у свевов были короли, еще не означает, что такое положение было постоянным: вполне возможно, что некоторое время свевы жили без наследственной монархии или вообще без какой-либо монархии, особенно в мирное время. Возможно, Исидор, не имея надежных источников, говорил о том, что ему казалось вероятным. Было ли так на самом деле, мы не знаем. Однако если Исидор прав и такие короли действительно существовали, то он наверняка прав и в другом, что они были арианами.

Нам известно об одном интригующем событии, которое произошло в этот темный период истории. Это прибытие толпы бриттонов в район Мондоньедо, где они основали «бриттонскую церковь», *ecclesia Britoniensis*, или *Britanniensis*. Я уже писал об этом переселении бриттонов в других работах и не буду сейчас подробно описывать епархию Бриттония<sup>65</sup>. Вероятно, эти иммигранты бежали от саксонских или, что менее вероятно, от ирландских завоевателей их страны<sup>66</sup>. Трудно поверить, что они уничтожили местное испано-римское население того района, в котором они обосновались, однако как объяснить то, что в единственном документе, относящемся к находящейся там бриттонской церкви, ни разу не упоминается местное испано-римское население района Мондоньедо? Были ли они изгнаны захватчиками с обширной территории епархии? Или они покинули ее добровольно? Или, может быть, там еще жили язычники, у которых не было приходов, которые могли бы быть включены в *Parochiale* — наш единственный источник информации об этой епархии? И была ли организация этой бриттонской церкви основана на монастырях, а не на приходах, как считают некоторые исследователи? Это только некоторые из тех вопросов, на которые мы не можем ответить, пытаясь обсуждать *ecclesia Britoniensis*.

Завоевание бриттонами Арморика на северо-западе Франции, видимо, шло в основном двумя волнами. Первую из них относят к третьей четверти V века, когда, как мы знаем, в Северо-Западной Галлии находилось много бриттонов. В конце V века и в первой половине VI поток иммигрантов из Британии в Арморик сошел. Но в 552 и в 557 годах саксы выиграли битвы при Олд Саруме и Дереме (в шести милях к северу от Бата) соответственно. Вторая из одержанных побед привела их к нижнему течению реки Северн. Следовательно, в третьей четверти VI века иммиграция бриттонов в Арморик могла быть еще более массовой, чем в предыдущем столетии<sup>67</sup>. Кажется более вероятным, что поселение бриттонов в Испании связано с поздней, а не с более ранними волнами эмиграции. Можно предположить, что в 450–470 годах беженцам из Британии не было смысла плыть в далекую Галисию, в то время как в 550–580 годах лучшие из участков в Бретани были уже заняты, и поэтому некоторые переселенцы решили попытаться счастья в дальних краях. Именно этим, возможно, объясняется несколько туманное описание бриттонской церкви автором *Parochiale*: поселение было совсем новым, возможно, оно еще строилось в 569 году, когда писалась эта

сводная книга. Вокруг была такая суматоха, что автору не удалось собрать никакой точной информации, кроме нескольких слов о монастыре некоего Максима.

В 538 году связь между Галисией и Римом осуществлялась, по-видимому, беспрепятственно. Первого марта этого года папа Вигилий (537–555 гг.) в Риме написал письмо Профутуру, митрополиту Браги, который просил его совета по некоторым проблемам, возникшим в Галисии. Письмо митрополита до нас не дошло, но сохранился ответ папы<sup>68</sup>. В нем Вигилий отмечает, что галисийские католики живут «в самой отдаленной части света» (*extremis mundi partibus*), и хвалит Профутура за его благочестие.

Из послания в целом можно сделать некоторые выводы о жизни в королевстве свевов в самые темные времена<sup>69</sup>. Нет и намек на какое-либо преследование католиков со стороны правителей-ариан. Проблем было много, но религиозное преследование было не из их числа. Очевидно, не было ничего удивительного в том, что католик посылает письмо в Италию или даже пишет папе. Католики, судя по письму Вигилия, могли свободно переписываться между собой и исповедовать свою веру, могли строить новые церкви и освящать их, а также перестраивать те из них, которые нуждались в ремонте. Католические иерархи продолжали свою работу без вмешательства со стороны государства, и папа между делом упоминает о «других епископах в своих епархиях»<sup>70</sup>. Кроме того, очевидно, что эти иерархи могли свободно обсуждать те верования, которые они считали ересью, и защищать свое учение в спорах с оппонентами. Они могли словом и делом выступать против присциллианства и манихейства и, несомненно, также против арианства. В своем письме к папе Профутур не просил просветить его по поводу какой-либо из доктрин арианства, но требовал, чтобы папа высказал свое суждение по поводу отвращения присциллиан к плоти животных. Причина здесь, видимо, в том, что, с точки зрения католика, теоретические основы арианства были подорваны несколько поколений назад. Против них уже нечего было сказать. Ошибки арианства были теперь ясны всем, кроме самих ариан. Единственный вопрос Профутура, касающийся арианства, заключается в том, как поступать с теми католиками, которые вступили в ряды еретиков, а теперь хотят вернуться в лоно церкви. Если считать, что к арианам присоединялись в основном карьеристы и лизоблюды, то возникает интересный вопрос: что заставило их в 538 году вернуться к католицизму? Что бы это ни было, свевы, очевидно, не чинили препятствий тем, кто, поменяв однажды веру, теперь желал вернуться в лоно католической церкви.

Но незадолго до 560 года или около него случилось нечто такое, что заставило правителей-свевов пересмотреть свое отношение к католической церкви, отказавшись от прежней веротерпимости. Ибо когда Лукреций, митрополит Браги, обратился к Первому совету Браги в календы мая 561 года, он ясно сказал о том, что синоды католической церкви в Гали-

сии были запрещены королями, и лишь недавно запрет был снят<sup>71</sup>. Мы достоверно знаем, что в соседнем королевстве везеготов собрание провинциальных синодов католической церкви было запрещено, видимо, королем Агилой в 549–555 годах; кроме того, везеготские короли никогда не разрешали проводить национальные ассамблеи, которые бы охватывали все провинции Испанского королевства<sup>72</sup>. Теперь то же случилось в Галисии, хотя в 447 году, когда папа Лев советовал испанским епископам собраться вместе, положение было иным. К сожалению, не до конца ясно, какова была ситуация в 538 году, когда Вигилий писал Профутуру.

Почему были запрещены синоды? Можно предположить, что Агила запретил синоды в везеготском королевстве потому, что византийцы в 552 году высадились на южном берегу его королевства: он опасался, что католики Испании, организовавшись, присоединятся к завоевателям или по крайней мере будут им помогать в случае, если тем удастся вырваться из Малаги и Картахены, двинуться на север и углубиться на территорию везеготского королевства. И хотя трудно себе представить, чтобы в VI веке епископы на своем синодальном собрании планировали военную кампанию или партизанское движение для поддержки византийцев или кого-либо еще, все же можно предположить, что правительство рассматривало бы испано-римских католиков как «пятую колонну» в своей стране, если бы византийцы начали наступление из своих опорных пунктов на побережье в глубь страны.

Возможно. Однако даже самый пессимистично настроенный из свевов — военных судей в свои самые мрачные моменты вряд ли мог ожидать, что солдаты Восточного Рима пойдут маршем из Малаги и Картахены к горам далекой Галисии, по дороге разрушив Толедо и везеготское королевство. Это поистине было бы безнадежным прогнозом. С другой стороны, только фанатичный приверженец Византии мог предположить, что католики свевского королевства с радостью встретят восточно-римских солдат и, как один, встанут под ружье, чтобы им помочь. В конце концов, когда византийцы высадились в Картахене, наиболее обеспеченные предпочли бежать в королевство еретиков-везеготов вместо того, чтобы примириться с налогами и беспорядком, навязанными католиками-чиновниками Юстиниана<sup>73</sup>. Таким образом, у королей свевов не было серьезных оснований запрещать синоды только потому, что византийцы высадились в Малаге и Картахене.

И тем не менее запрет, несомненно, существовал. Может быть, испано-римляне угрожали восстанием? Может быть, в Галисии существовал свой потенциальный Атанагильд — современник реального Атанагильда из Бетики? Если так, то история ничего о нем не знает. Может быть, морское сообщение между франкской Галлией и Галисией, о котором мы узнаем в более позднее время (с. 155), угрожало правящему положению свевов в Галисии неким образом, неизвестным Григорию Турскому? Однако везеготам оно явно не угрожало, но они также запретили провинциальные като-

лические синоды. Очевидно, какой-то фактор, угрожавший обоим королевствам полуострова — и королевству везеготов, и отдаленному северо-западу, — в середине века начал оказывать влияние на оба правительства; оба они решили, что было бы небезопасно разрешить католическим епископам собираться вместе. Но что это был за фактор и действительно ли такие собрания могли быть опасными — этого мы не знаем.

## XI. ИСПАНИЯ И БРИТАНИЯ

Вряд ли можно сказать, что мы хорошо знаем историю большей части Европы середины и конца V века. Исключение составляют лишь некоторые регионы — Южная Галлия, Италия и на короткое время — та часть Австрии, которая лежит между реками Мур и Дунай (благодаря тому, что Эвгиппий в «Житии св. Северина» дает нам удивительно яркую картину жизни в Норике в конце этого столетия). Иногда мы забываем о том, что есть и еще один исключительный регион: благодаря Гидацию мы располагаем непрерывной летописью событий, происходивших в Испании, или, по крайней мере, в ее северо-западной части, вплоть до 469 года. Странно, что та часть Европы, которую древние считали самой удаленной, имеет достаточно хорошо документированную историю, в то время как Северная Галлия, Рейнская область и даже романизованная Бетика остаются для нас почти неизвестными. Нельзя сказать, что мы много знаем об Асторге или Луго середины V века, однако это гораздо больше того, что нам известно о Лондоне или Париже того времени, и ненамного меньше той информации, которой мы располагаем об Афинах или Иерусалиме.

Надо признать, что у нас нет сведений ни об одном конкретном человеке, жившем в это время в Галисии. Ни об одном испано-римлянце мы не знаем столько, сколько о Сидонии Аполинарии, жившем в Южной Галлии, и ни об одном варваре мы не знаем столько, сколько о короле Теодерихе, жившем в Италии. Даже личность самого Гидация для нас почти призрачна, а многочисленных свевских королей мы можем представить себе с той же степенью достоверности, с какой представляем себе Вортигерна, Хенгиста и Хорсу (если они вообще существовали). Мы не только не способны уловить различия в политике разных свевских королей, но и вообще не знаем, проводили ли они какую-либо политику. Возможно, они просто из года в год наносили удары вслепую по тем городам и районам, где, как они считали, найдут пропитание, ценности и деньги.

При дворах везеготских королей Тулузы и остроготских королей Равенны можно было увидеть не только варваров, одетых в звериные шкуры, но и множество римлян — юристов, чиновников, советников, епископов и людей других занятий. Но нам ничего не известно о римских юристах при

дворе Рехилы или Рехиария. Причина здесь, конечно, в том, что эти монархи не пользовались их услугами. Они строили свои планы, не прибегая к помощи римлян. По свидетельству Гидация, они были разбойниками, и больше никем. Для их примитивной деятельности им не нужны были теоретические дискуссии или знание прецедента и протокола. Не будучи федератами, они не обязаны были согласовывать свои земельные взаимоотношения с римским законодательством. Не имея латинского кодекса законов, они не нуждались в римских юристах. Их дипломатия была, очевидно, слишком грубой и потому не требовала участия изощренных римских дипломатов. Как правило, они общались с соседями через свевских, а не римских послов, хотя, вероятно, в одном случае Гермерих вел переговоры с императорским двором через епископа Симпосия; а в конце периода, описанного Гидацием, в 469 году, Ремисмунд вместе с группой свефов послал для переговоров с императором римлянина Лусидия, уроженца Лиссабона<sup>1</sup>.

В результате ни один из римлян не оставил нам описания королевского двора в Браге, хотя некоторые из них смогли нарисовать яркие картины жизни тулузского двора. Никто из римлян не знал Брагу достаточно хорошо. Сведения о Теодорихе II Тулузском или Теодерихе Великом Равеннском были доступны цивилизованным галлам и италийцам, но о Рехиле никаких сведений не доходило. Остальной мир, возможно, что-то слышал о его набегах и жестокости, но ничего не знал о его повседневной жизни, планах, религии, о его взаимоотношениях с своими подручными, а также с угнетенными подданными. Впрочем, даже если бы кто-то из римлян и смог описать повседневную жизнь свевских королев, как это сделал Сидоний в своем повествовании о Теодерихе, вряд ли бы он захотел этим заниматься. Подобное сочинение никто не стал бы читать. Все интересовались жизнью и внешним обликом Теодориха II Тулузского, ведь он был могущественным монархом богатого и многонаселенного региона и при желании мог даже основать новую Римскую империю. Среди его советников и доверенных лиц было много римлян. Даже бургундский (или франкский) принц Сигисмер вызывал интерес, и около 470 года Сидоний ярко описал принца и его колоритного телохранителя в своем письме к одному из знатных граждан Лиона<sup>2</sup>. Но личность и деятельность разбойника-горца в Галисии, на краю света, не интересовали никого. Никому не было дела до того, что происходит в далеком дождливом холмистом крае, кроме самих его жителей. Можно даже предположить, что и Сидоний знал о дворах Малдраса или Фрамтана не больше, чем знаем мы. И наверняка ему это было не так интересно, как нам.

Однако, как ни странно, готские короли на самом деле очень интересовались деятельностью свефов. Гидаций сообщает о бесчисленных посольствах из Тулузы в Брагу и из Браги в Тулузу (характерно, что в его положении он ничего не может нам рассказать о том, какие цели преследовало хотя бы одно из этих посольств). В двух случаях везеготских женщин выдали замуж за свевских королев, хотя вряд ли эти женщины с большим



энтузиазмом отнеслись к такому повороту в своей судьбе. Не совсем понятно, чем был вызван такой интерес к Галисии со стороны везеготских королей. Возможно, даже в этот ранний период готы уже обдумывали возможность поселения к югу от Пиренеев. Почему вандалы послали своих представителей из Африки в Галисию в 468 году — полная загадка. И уж совсем непонятно, зачем им понадобилось в 445 году подплывать к атлантическому побережью и грабить один из галисийских городов<sup>3</sup>.

В своей «Хронике» Гидаций не дает описания варварской общины, силой поселившейся внутри Римской империи без договоренности с имперским правительством. Он ничего не говорит о том, как римское окружение повлияло на общественные институты, обычаи и идеи поселенцев (кроме нескольких слов об их обращении в арианство). Он ничего не говорит об отношении этих варваров к тем, среди кого они поселились. Его интересует лишь судьба римлян, которых варвары безжалостно грабили в *Gallaecia infelix*, как он печально ее именует (219). Он писал книгу не о варварах, а о римлянах. Он смотрит на варваров только со стороны. Вряд ли можно сомневаться в том, что он не знал их языка и даже не знал никого, кто был бы хорошо знаком с языком свевов. Ему нечего сказать об их мировоззрении, о том, над чем они смеялись и как молились. Об их языческой вере ему ничего не известно, и, очевидно, ему не разу не пришлось в голову этим поинтересоваться. Об их обращении в арианство он знает только то, что это произошло, и больше ничего. Он, правда, до некоторой степени интересуется тем человеком, который их обратил в христианство, и пишет о нем более подробно, но о том, каковы были мотивы свевов и их реакция на это событие, он не говорит ни слова. Вероятно, он ничего об этом не знал, и к тому же ему это было совершенно безразлично. По сути дела, он описывает варваров исключительно с внешней точки зрения, и это совсем не похоже на описание Теодориха II Сидонием. Характерно, что, приводя бесчисленные сведения о том, как поступали свевы с римлянами, он только в двух случаях приводит их высказывания. (231, 247). Кто ему их передал, мы не знаем. Важно то, что за сорок два года своего епископского служения он получил только два подобных сообщения. (Он, правда, приводит отчет посольства 459 года (197), но в этом случае один из послов был римлянином.)

В Галлии положение было иным. Сидонию приходилось делить кров с бургундами, и он познакомился с ними даже ближе, чем ему этого хотелось. Однако подобный опыт показался ему подходящей темой для забавного стихотворения. Воспоминание о том, как бургундские «гости» отрывали чеснок прямо ему в лицо, или о том, как пахло прогорклое масло, которым они смазывали волосы, вызывало у него кривую улыбку. Однако в галисийских домах никто не улыбался. Здесь царила атмосфера смертельной опасности, в которой не было места для смеха.

Не стоит, однако, представлять картину жизни в Галисии слишком мрачной или единообразной. Гидаций ни разу не жалуется на то, что свевы

преследовали римлян по религиозным мотивам. Они не стремились во что бы то ни стало разрушать или грабить церкви или препятствовать работе священников; в самой Галисии даже в самые мрачные времена священники могли свободно собираться на церковные синоды. В годы правления свевов католическое духовенство имело столько свободы, что могло преследовать своих оппонентов — манихеев. К сожалению, надо признать, что и летописец Гидаций в полной мере участвовал в этом недостойном деле.

Мы также видели, насколько неоднозначной была реакция римского населения на приход в Испанию варваров (с. 161 и далее). К концу периода, описанного Гидацием, некоторые из знатных римлян, очевидно, примирились с тем, что хозяевами Северо-Западной Испании отныне будут свевы, что в будущем положение дел не изменится и дни римского правления ушли в прошлое навсегда. Эти люди начали приспособливаться к новым порядкам. Так, Оспинио и Асканий поставляли сведения готскому военачальнику Суниериху, а позже оказывали те же услуги свеву Фрумарию. Еще позже Лусидий, ставший политическим руководителем своего родного города Лиссабона, отдал город в руки свевов, и в одной из последних записей «Хроники» Гидаций сообщает, что король Ремисмунд послал его с дипломатической миссией к императору вместе с группой свевов<sup>4</sup>. Возможно, все эти люди были настроены так же, как Арванд и Серонат, жившие в те же годы в Галлии. Они смотрели в будущее, а не в прошлое, когда их страной правил Рим. Они были готовы связать свою судьбу с новым порядком. Показательно, что дипломатическая миссия Лусидия отправилась к императору как раз в тот год, когда Арванда судили в Риме за его пособничество Евриху.

Хотя мы не можем утверждать, что хорошо знаем кого-либо из людей, живших в Испании V века, все же мы достаточно знаем об одном из королей, чтобы считать его, будь наша информация о нем полнее, одной из наиболее интересных политических фигур своего столетия. Это Рехиарий, правивший с 448 по 456 год. То, что за сорок или пятьдесят лет до крещения Кловиса мы встречаем короля-варвара католического вероисповедания, удивительно и труднообъяснимо. Мы не можем гадать, почему он принял католическую веру, так как Гидаций, по своему обыкновению, не приводит никаких подробностей. Тот факт, что Рехиарий женился на везеготской принцессе, дочери Теодориха I, мало что объясняет в его действиях. Ведь принцесса, без сомнения, исповедовала арианство, и Гидаций не упоминает том, что она поменяла веру после замужества<sup>5</sup>. Король-католик, женатый на арианке, правящий языческим двором и языческим народом, — это в некотором роде историческая неожиданность.

Кроме того, Рехиарий намного опередил других королей-варваров в том, что первый стал чеканить монеты от своего имени (с. 148), и, как уже указывалось, он использовал на серебряных монетах слово *iussi*, обозначая тем самым свое личное право на чеканку. Он энергично взялся за

чеканку монет. Подобная легенда на монетах ранее не использовалась и «представляет собой революцию в Римской империи, подтверждая... независимость свевов по отношению к Империи»<sup>6</sup>. Внешняя политика Рехиария в двух аспектах отличалась от политики других галисийских королей V века. Он не только предпринял решительную атаку на Тарраконскую провинцию, которую другие короли никогда не трогали, но и что самое удивительное, он, как нам известно, сотрудничал с багаудами, чего в «темном веке» не делал ни один король ни в одной стране. Я не знаю, какой принцип или принципы могли заставить язычника стать католиком, начать новый этап в истории чеканки монет и проявлять невиданную склонность к кровожадной агрессии. Трудно отрицать, что Рехиарий был человеком необычным, но мы ничего не знаем о его личности и о том, почему он действовал именно так.

С первого взгляда кажется, что мы можем себе представить жизнь в захваченных саксами районах Британии на основании того, что мы знаем о Западной Испании. Может быть, Англия ничем не отличалась от той Галисии, которая предстает на страницах «Хроники» Гидация, — набеги практически каждый год, города, подвергнувшиеся неожиданному нападению и разграбленные, некоторые города, захваченные не один раз; римляне, постепенно пришедшие к сотрудничеству с захватчиками, инертность и беспомощность основной массы населения? Но на самом деле любые аналогии между Испанией и Англией были бы ошибочны.

Свевы всегда совершали свои набеги под командованием одного или максимум двух командиров. Одновременно происходило не более двух схваток. Правда, иногда столкновения между свевами и римлянами происходили в отсутствие короля или военачальника. Мы можем предположить, что стычки между представителями этих двух национальностей или востание одних против других были нередким явлением; в 458 году в подобном инциденте погибли некоторые римские аристократы (196). Но в саксонской Англии, насколько мы знаем, борьба не носила такого ограниченного характера и агрессия саксов не имела одного центрального направления. В каждом поколении каждая местность имела своего военного лидера, более или менее агрессивного в зависимости от обстоятельств. Если бы кто-то писал хронику в Британии V века, он был бы бессилён зарегистрировать каждое продвижение захватчиков в каждом из районов страны.

А свирепость, которую проявляли те, кто напал на Британию, далеко превосходила все ужасы Испании. У Гидация мы нигде не найдем свидетельств того, что цивилизованная жизнь в Испании прекратилась на достаточно обширной территории, в то время как, согласно Гильдасу, именно так произошло в Северной Британии. Гидаций сообщает, что испанские города были захвачены агрессором, а некоторые даже не один раз, однако он только в одном месте (241) говорит о городе, в котором не осталось жителей. Это единственное исключение — Коимбра. В 468 году, в мир-

ное время этот город был застигнут врагом врасплох и разграблен. Некоторые дома и часть городских стен были разрушены. Горожане были захвачены в плен, другая часть их рассеялась, и город опустел. Но это не стало концом Коимбры. На Втором соборе в Браге в 572 году этот город был представлен своим епископом, то есть, очевидно, жители покинули город лишь на короткое время. Кроме этого случая, нам ничего не известно о том, чтобы в Испании жители городов бежали в горы, в леса или в пещеры, как это, по словам Гильдаса, происходило в Британии в 40-х годах V века. Нам не известно о том, чтобы испанцы вынуждены были бежать в другие районы своей страны, когда на их города нападали захватчики, и тем более, чтобы им пришлось бежать за море. Гильдас сообщает о том, что после безуспешного обращения за помощью к Аэцию в 448 году бриттоны так страдали от голода, что им пришлось убивать друг друга из-за еды. В Испании, насколько нам известно, таких бедствий не было. Тем не менее через несколько лет бриттоны начали оказывать сопротивление захватчикам в лесах и горах, видимо, устраивая засады и нападая на врага неожиданно<sup>7</sup>. Они к этому времени уже отразили саксонское нападение 408 года, а после того, как саксы-федераты начали войну в Северной Британии, Амвросий Аврелиан в третий раз за столетие повел бриттонов к победе. Способность нападать на захватчика и побеждать была, как представляется, чисто британским феноменом. Гидаций сообщает нам о локальных, мелких победах над свевами, но он не описывает ничего, что бы напоминало мощное и успешное возрождение военной мощи народа, сумевшего дать отпор врагу. В его «Хронике» мы не встретим испанского Амвросия Аврелиана или кого-то, подобного Герману Оксеррскому.

А что можно сказать о постоянной борьбе за власть в Британии, о которой пишет Гильдас? В Испании этого времени ничего подобного не происходило. Там все еще продолжало действовать имперское правительство, и большинство испано-римлян, по-видимому, еще признавало его власть. Однако будь у нас более полный источник информации, скажем, о Картагенской провинции середины или последней четверти века, то, возможно, мы бы узнали о местных наглецах, деспотах и «сильных людях», об их восхождении к вершинам власти и их падении. Даже те источники, которые у нас есть, упоминают о двух узурпаторах, утвердившихся в Тарраконской провинции в конце столетия<sup>8</sup>. А Лусидий? Как ему удалось стать фактическим правителем Лиссабона в конце периода, описанного Гидацием?<sup>9</sup>

Если мы отвлечемся от текстов Гильдаса и Гидация и шире посмотрим на события в Испании и Британии, то мы увидим фундаментальные различия между двумя этими регионами. Во-первых, мы увидим, что в Британии исчезли многие топонимы. Единственная группа топонимов, сохранившаяся в Восточной Англии (к востоку от условной линии, проведенной от Йоркширских пустошей до Нью-Фореста), — это названия некоторых рим-

ско-бриттонских городов, больших рек, как Трент или Темза, а также некоторых гор и лесов<sup>10</sup>. Во всех остальных случаях изолированные индивидуальные топонимы сохранились только там, где были изолированные анклавы бриттонов, избежавшие уничтожения. Но это скорее исключения. Обычно названия мест исчезали вместе с теми людьми, которые их использовали. Причем местные жители не попадали в рабство, кроме некоторых женщин и детей. В германских обществах этого времени редко использовался рабский труд, причем даже в относительно развитых общинах вблизи римской границы, у остроготов или везеготов IV века. Когда саксы жили на континенте, они были далеко от основных центров римской цивилизации, и во времена завоеваний они, скорее всего, находились на более низком уровне экономического и социального развития, чем другие германцы — завоеватели Империи. Это значит, что они реже, чем, скажем, готы, нуждались в рабском труде захваченных ими в плен взрослых мужчин. Следовательно, основная часть бриттонского мужского населения была или уничтожена, или вытеснена далеко на запад или же на континент. Видимо, поэтому Гильдас так редко упоминает о том, что саксы превращали бриттонов в рабов. Он, правда, пишет, что некоторые бриттоны сдавались врагам, ожидая, что попадут в рабство. Ожидания некоторых из них, действительно, сбылись, но другие были зверски убиты<sup>11</sup>. Бриттонские женщины и дети превращались в рабов, предназначенных для домашнего хозяйства, причем женщины при этом часто становились и наложницами. (Стыдливые бриттонские историки говорят о «межнациональных браках» и «совместном проживании» бриттонок и саксов в этот период: считается неприличным говорить об изнасилованиях.)

Таким образом, можно говорить о происходившем уничтожении бриттонов, особенно в восточной Англии, хотя были немногочисленные районы, ставшие исключением. Во всяком случае, завоевание проходило с такой чудовищной жестокостью, что породило у уцелевших бриттонов жгучую ненависть к германцам, причем эта ненависть не ослабевала с годами и передавалась из поколения в поколение. Даже во времена Беда<sup>12</sup> бриттоны все еще отказывались проповедовать христианство потомкам тех, кто с такой кровожадной жестокостью обошелся с их предками. Беда отметил это явление и выразил свое огорчение по этому поводу. Даже почти через два столетия бриттоны все еще вспоминали о зверствах саксов в середине V века и не находили им прощения. Ненависть оставалась настолько сильной, что в то время, как ирландцы вели миссионерскую деятельность по всей Англии к северу от Темзы, ни один кембриец, валлиец, корнуэлец или бриттон, насколько мы знаем, не пытался спасти души саксов.

Ничего подобного в Испании не происходило. В *Parochiale* упоминаются 130 топонимов провинции Галисия, и эти топонимы не дают нам повода думать, что многие из них подвергались изменениям. Топонимы сохранились с такой точностью, как будто никакого свевского завоевания не было<sup>13</sup>. Даже прежние названия деревень все еще существовали в

569 году. Города Западной Испании захватывались вновь и вновь, однако они также сохранились. Епархии, существовавшие при свевах, сохранялись и в VII веке. Не случалось такого, чтобы городская жизнь стала невозможна на большой территории на длительное время, и очень немногие испанские города надолго пустели по вине свевов (хотя некоторые испанские города, как мы знаем, опустели до прихода свевов)<sup>14</sup>. У нас есть все основания считать, что семья Кантабров продолжала жить в Коимбре с V до VII века<sup>15</sup>. Если, как это редко случалось, римляне и свевы жили в одном городе, то, как показывает пример Луго 460 года, они держались порознь и ни те ни другие не стремились слиться в один народ. Но это не приводило к гибели самих городов. В то же время в Британии нам не известно ни одного случая (и это крайне маловероятно), чтобы римляне и саксы после 410 года жили в одном городе. Мы не знаем, кем был миссионер Аякс, обративший в 464 году язычников свевов в арианство: галлом или галатом. Однако он определенно был римлянином. Несмотря на это, он принес свевам христианство (такого толка, который был ему ближе). Правда, будь он галисийцем, его миссионерское служение, возможно, было бы не таким страстным. Надо признать, что, если верить «Хронике», Гидацию или кому-либо из его современников-католиков и в голову не приходило распространять христианство среди их диких правителей. С другой стороны, в «Хронике» мы не найдем и намека на ту яростную ненависть, с которой уцелевшие бриттоны на протяжении многих поколений относились к саксам.

При чтении «Хроники» нас может шокировать бесконечное перечисление набегов, войн, сражений, захватов городов. Однако то, о чем пишет Гидаций, лишь бледная тень тех ужасов, которые, вероятно, происходили в Британии. В Галисии свевы не искоренили латинский язык: в Британии саксы сделали это. Христианство и католическая церковь при свевах уцелели: в Восточной Британии при саксах это оказалось невозможным. Лиссабон, Асторга, Луго и другие города до сих пор остаются городами, но где теперь Силчестер, Веруламиум и Кастор-бай-Норвич? Одним словом, Галисия пережила своих германских завоевателей, а Британия — нет. Какой бы страшной ни была оккупация Галисии свевами — а «Хроника» Гидация говорит о том, что она действительно была таковой, оккупация Британии саксами далеко превосходила ее по жестокости.

По сути дела, говоря о «конце римской Испании», мы имеем в виду всего лишь прекращение политического и военного контроля над полуостровом со стороны имперского правительства. И мы имеем четкий *terminus ante quem* этого контроля. В 461 году Теодорих II отозвал с должности ни много ни мало как самого магистра армии Непотиана и поставил на его место римлянина по имени Арбория (с. 158). Невероятно, чтобы король-варвар мог решиться на такой важный шаг, если Испанией все еще как-то управлял император. Я заключаю, в политическом и военном отношении римская Испания перестала существовать к 461 году.

Если это так, то трудно поверить в то, что римская власть над Испанией была свергнута варварами. Действительно, свевы правили на северо-западе, в отдаленных горных районах в течение полувека, а города на западе полуострова подвергались атакам небольших групп свевов в течение многих лет. Действительно, в 458 году, не встретив сопротивления, Теодорих расположил в Бетике свой гарнизон (с. 172). Но вряд ли он мог оставить большую часть своего войска на таком большом расстоянии от Тулузы: трудно поверить, чтобы его гарнизон насчитывал тысячи солдат, скорее, речь шла о нескольких сотнях. И рейды свевов, и везеготский гарнизон были булавочными уколами. Они не затронули Тарраконскую провинцию или просторы Картагенской провинции. Важно то, что везеготы вообще смогли утвердиться в Бетике, в сотнях миль от Тулузы. Это говорит о том, что никакого значительного сопротивления со стороны римских войск не было и, как мы видели, римский гарнизон в Испании, скорее всего, прекратил существование задолго до этого (с. 155). Только позднее, в 466–507 годах, при королях Еврихе и Аларихе II готы по-настоящему напали на Испанию и обосновались там. Таким образом, можно утверждать, что римский контроль над Испанией (кроме Галисии) прекратился до того, как варвары всерьез начали захватывать большую часть полуострова.

Вернемся опять к Британии. Мы знаем совершенно точно, в каком году прекратилась власть императора над этим островом. Это случилось в 409 году в результате восстания бриттонов (или некоторых из них), которые изгнали имперских чиновников и перестали выполнять римские законы. У нас нет сведений о том, что восставшим пришлось вначале подавить сопротивление римского гарнизона: на основании наших неполных источников можно сделать вывод, что римского гарнизона на острове уже не было. Похоже, что к этому времени римская военная власть уже не существовала. Но самое важное в истории этого восстания — то, что римляне, за свою многовековую историю подавившие бесчисленные восстания, в этом случае даже не смогли начать активные действия. В следующем году император это полностью признал: он обратился к бриттонам с письмом и недвусмысленно сообщил им о бессилии Рима. Опять же, как и в Испании, падение римской власти произошло раньше, чем основная атака варваров. Завоевание этих территорий в одном случае готами, а в другом — саксами не имело ничего или почти ничего общего с концом имперской власти. А причины падения римской власти невозможно вывить только на материале испанской и британской истории.

Как ясно демонстрирует история Испании и Британии, трудно согласиться с тем, что варвары «погубили» Римскую империю или что «внутренняя слабость Империи не могла быть основной причиной ее падения»<sup>16</sup>.

## Заметки об использовании св. Исидором «Хроники» Гидация

Мы не будем здесь рассматривать общую проблему использования св. Исидором источников на материале всего его исторического наследия. Следует заметить, однако, что, хотя этот вопрос в свое время активно обсуждал Хуго Хертцберг,<sup>17</sup> новое и более полное исследование не было бы напрасной тратой сил. Сейчас же нас интересует более узкий вопрос: как Исидор использовал «Хронику» Гидация.

Насколько ценны добавления и изменения, внесенные Исидором в текст Гидация? Так как у нас нет альтернативных источников для проверки достоверности этих отрывков, то любой ответ на этот вопрос неизбежно будет субъективным.

В 428 году, согласно Гидацию (89), вандал Гунерих оккупировал Севилью и осквернил там церковь. Летописец не приводит названия церкви, видимо, он его просто не знал. Но Исидор смог сообщить нам, что это была за церковь: церковь св. Винцента Мученика<sup>18</sup>. Абсурдно было бы сомневаться в его точности. Память об ужасном преступлении вполне могла сохраняться в Севилье, родном городе Исидора, целых двести лет. Акт святотатства не был забыт, и я не сомневаюсь, что Исидор в данном случае опирался или на достоверную устную традицию или даже на надпись, которая увековечивала реконструкцию этой церкви после акта «вандализма» 428 года. Возможно, Исидор использовал оба этих источника. Преступление Гунериха не было забыто в том городе, где он его совершил.

В другом отрывке Исидор даже смог поправить Гидация. Летописец V века сообщает, что одна из дочерей императора Валентиниана III была замужем за сыном Гейзериха, которого он называет Генто. Однако Исидор, на первый взгляд опирающийся только на «Хронику» Гидация, вносит исправление и совершенно правильно уточняет, что эта принцесса была замужем за Гунерихом<sup>19</sup>. Очевидно, Гидаций все же не был единственным источником информации для Исидора. Исидор сам располагал сведениями о членах королевской семьи и об их судьбе в V веке. В этом случае он оказался прав. Следовательно, не стоит заранее отбрасывать его версию в каждом из тех случаев, когда она противоречит версии Гидация. Обычно в подобных случаях он действительно ошибается, но не всегда. Он называет Андевота *Romanae militiae ducem*, в данном случае, вероятно, не опираясь ни на какие источники, ни на устные, ни на письменные. Если это его собственная догадка, то весьма удачная. Я не думаю, что Андевот мог занимать какую-либо иную должность, и склонен принять версию Исидора<sup>20</sup>.

С другой стороны, пользуясь своими источниками, митрополит проявляет неаккуратность в передаче имен собственных. Король Малдрас, опи-



санный Гидацием, у Исидора превращается в Масдраса, хотя Моммзен «исправил» этот текст, отнес ошибку за счет рукописной традиции и таким образом спас репутацию севильского святого<sup>21</sup>. Отец Малдраса, Массилия, как называет его Гидаций (181), у Исидора дважды назван Массилой<sup>22</sup>, а король Ремисмунд в орфографии Исидора получает странные имена. Вождя свевов Фрамтана Исидор дважды называет *frantan*<sup>24</sup>, а готский генерал Суниерих в одном варианте «Истории» Исидора назван именно так, а в другом — Сумерихом, и т. д.<sup>25</sup> Готский вождь Сирила, как называет его Гидаций (192), у Исидора становится Сеурилой<sup>26</sup>. *Auregensium loca* (Гидаций, 202) превращается в бессмысленный *Auriensium loca* у Исидора, хотя Моммзен в порыве текстологического великодушия снова пришел на помощь святому<sup>27</sup>.

Это мелочи, но они доказывают, что Исидор привык читать свой источник слишком быстро и без должного внимания.

Он способен и на чудовищные ошибки. Например, он датирует экспедицию Майориана в Испанию и его убийство Рикимером до захвата Рима Гейзерихом в 455 году, хотя Гидаций (200, 210) правильно датировал эти события 460 и 461 годами соответственно<sup>28</sup>. Трудно простить святому такое грубое непонимание. Кроме того, в одном из вариантов «Истории» Исидор сообщает, что миссионер Аякс, обративший свевов из язычества в арианство, на самом деле обратил их из католичества в арианство, и это также нельзя считать мелочью<sup>29</sup>. Он по невнимательности неправильно прочитал слова Гидация (232) о том, что Аякс был «врагом католической веры и Святой Троицы», *hostis catholicae fidei et divinae trinitatis*. Здесь он совершает серьезную ошибку. Его заблуждение было вызвано и тем, что хотя Рехиарий был католиком, его отец Рехила умер язычником; поэтому Исидор вставляет в текст Гидация слова «как говорят», *ut ferunt*, таким образом подвергая ненужному сомнению факт языческого вероисповедания Рехилы<sup>30</sup>. Наконец, святой был очевидно озадачен другим словом в том же отрывке из сочинения Гидация. Гидаций описывает Аякса как *senior*, не совсем понятный термин, который может означать или «епископ», или «священник». По какой-то причине, возможно, потому что он сам не мог его понять однозначно, Исидор пропускает это слово, ничем не заменяя.

Гидаций не дает нам повода думать, что свевский король Ремисмунд был сыном правившего ранее короля Малдраса, но Исидор дважды упоминает об их родстве, и Людвиг Шмидт склонен согласиться с тем, что речь в самом деле идет об отце и сыне<sup>31</sup>. Я скептически отношусь к этой точке зрения. Если сообщение Исидора верно, то мы должны считать, что эти сведения сохранялись в среде испано-римлян до VII века, так как вряд ли Исидор стал бы опрашивать свевов с целью выяснить степень родства одного одиозного свевского короля с другим (как, впрочем, и с любой другой целью). Также маловероятно, что сами испано-римляне настолько интересовались этими подробностями, чтобы в течение столетий помнить, кто из их мрачных угнетателей был сыном другого. Но даже если кто-то

из них и помнил об этом, неужели Исидор стал бы в массовом порядке опрашивать галисийцев для выяснения этой единственной конкретной детали? Если Гидаций не знал о родстве между этими двумя королями, то трудно представить себе, что Исидор мог как-то об этом узнать или что он счел эту деталь настолько важной, что не пожалел сил и времени для выяснения истины. Малдрас и Ремисмунд правили один за другим: следовательно, это были отец и сын. Так это представлялось Исидору. Поэтому я полностью отвергаю эту версию и вместе с ней ту точку зрения, что ошибочная догадка Исидора подтверждает существование наследственной монархии на этом этапе.

Святой, казалось бы, располагает также точной информацией о первом из свевских королей Испании, Гермерихе. По словам Исидора, он был королем в то время, когда свевы вместе с вандалами и аланами пришли в 409 году в Испанию, и продолжал царствовать еще тридцать два года. У Гидация (122) Исидор мог узнать о том, что Гермерих был болен в течение семи лет, но он не мог узнать от него о якобы тридцатидвухлетнем царствовании (409–441 гг.) этого короля. Гидаций сообщает об отречении Гермериха от престола в 438 году и о его смерти в 441 году, но ничего не говорит о его воцарении<sup>32</sup>. Точность Исидора поначалу впечатляет. Она, казалось бы, доказывает, что у него был надежный источник информации о сроках царствования Гермериха, хотя что это мог быть за источник, непонятно. Гидаций (71) впервые упоминает о Гермерихе в связи с событиями 419 года и ничего не сообщает о том, кто был королем свевов между 409 годом, когда они пришли в Испанию, и 419 годом, когда, как ему точно было известно, царствовал Гермерих. Наиболее правдоподобное объяснение такой хорошей осведомленности Исидора состоит, на мой взгляд, в том, что это не более чем догадка: раз ни о каком короле, правившем до Гермериха с 409 по 419 год, не упоминается, значит, этим королем был сам Гермерих. Если бы в те годы правил другой король, Гидаций бы о нем упомянул. Но Гидаций никакого другого имени не называет: следовательно, другого короля не было.

Мы не обязаны соглашаться с такой аргументацией. Бари острожно обходит молчанием имя свевского короля, правившего в 417–418 годах, называя при этом имена всех остальных испанских королей-варваров. Я считаю, что в этом он совершенно прав<sup>33</sup>. Мы не знаем, когда именно Гермерих стал королем свевов. Он определенно был королем в 419 году, и это единственная дата, в которой мы можем быть уверены. Но это не единственная ошибка, допущенная Исидором в отношении Гермериха. Он далее утверждает, что сын и преемник Гермериха, Рехила, был послан отцом в Бетику, где он разгромил Андевота<sup>34</sup>. Действительно, Гермерих жил еще несколько лет после того, как трон занял его сын, но Исидор делает ложный вывод из этого факта. Он полагает, что Гермерих, хотя и отрекшись от престола, все же сохранил некоторую власть над своим сыном и мог послать его сражаться в Бетике. Однако Гидаций об этом ничего не говорит и мне это кажется маловероятным.

В случае с багаудами все обстоит по-другому. Трудно сомневаться в том, что Исидор в этот раз не ошибся, а, что гораздо хуже, сознательно избегал упоминать о них. Гидаций говорит о них несколько раз. Он сообщает (142), что в 449 году Рехиарий совершил набег на район Сарагосы вместе с вождем багаудов Василием. Но св. Исидор считает, что багаудам нет места в его интерпретации истории. Все упоминания о багаудах должны быть выброшены. Поэтому, согласно Исидору, Рехиарий грабил район Сарагосы «с помощью готов». Один из любопытных моментов изучения истории V века заключается в том, что даже такой ученый, как Моммзен, был склонен принять это самовольное изменение, внесенное Исидором<sup>35</sup>. Что особенно странно — это то, что Исидор затем опускает все ссылки на другие отрывки (с. 129, 135), где Гидаций говорит о багаудах. Со стороны святого из Севильи это проявление грубого социального предрассудка.

Итак, что можно сказать об «исправлениях» и дополнениях, внесенных Исидором в текст Гидация? Он определенно знает, какую именно церковь в его родной Севилье осквернил Гунерих: церковь Св. Винцента Мученика. Он определенно прав в том, что касается императорской семьи: дочь Валентинина была замужем за Гунерихом, а не за Генто; здесь Гидаций ошибался. Скорее случайно, чем по здравому размышлению, Исидор правильно назвал должность Андевота: Андевот действительно был *Romanae militiae dux*.

К сожалению, таких примеров значительно меньше, чем других, в которых мы видим ошибки, неправильное прочтение или проявление предрассудков Исидора. Даже тот длинный список этих ошибок, который составил Хертцберг, не полон. Еще больше мрачных сомнений вызывает ценность рассказа Исидора о событиях после 469 года, то есть того года, которым оканчивается «Хроника» Гидация. После этого на протяжении примерно восьми десятков лет не существовало письменных источников о свевах и о Галисии, которыми мог бы пользоваться митрополит. За весь свевский период своей истории Галисия имела только одного летописца. Второго Гидация не было. Поэтому трудно сомневаться в том, что Исидор практически ничего не знал о периоде непосредственно после 469 года, а если и знал несколько фактов, то решил не упоминать о них в своей анемичной хронике. Я не хочу сказать, что для автора, пишущего в 625 году, было невозможно узнать что-то об истории свевов в 469–560 годах, если бы он очень постарался. Но занятый своими делами митрополит, не имевший большого вкуса к истории, вряд ли тратил свое время на исторические исследования давних событий, произошедших в далекой Галисии, населенной этими ужасными еретиками, событий, которые в его время уже ничего не значили и которые никто даже не потрудился занести в летопись. Для Исидора было важнее прославлять везеготов, которые правили Испанией в его время, чем углубляться в неинтересную ему историю одного из мелких народов, который везеготы когда-то покорили. Одно дело — пересказать своими словами «Хронику» Гидация. Другое дело —

вести самостоятельное исследование и выяснять, что случилось за те семьдесят лет, которые никакой Гидаций не описал. Здесь пересказывать было некого.

Однако не будем заходить слишком далеко. Было бы несправедливостью по отношению к Исидору забыть о том, рассказывая о IV веке, только он поведал нам о готских «исповедниках» и «бывших» готах, которые столкнулись друг с другом во времена Фритигерна<sup>36</sup>. Он единственный из наших авторитетов по позднему V веку, кто упоминает о Кодексе законов Евриха<sup>37</sup>. (Но при этом ничего не говорит о *Breviarium* Алариха II.) Что касается истории Испании конца VI века, описанной в замечательной хронике Иоанна Бикларского, то надо помнить, что не Иоанн сообщил нам о ревизии везеготского кодекса законов, предпринятой Леовигильдом, об обращении католического епископа Сарагосы в арианство или полуарианство и о жестких мерах, принятых Леовигильдом к своим политическим соперникам на родине. Все этой важной информацией мы обязаны только Исидору. Только Моммзен мог позволить себе разрушить репутацию севильского мудреца словами *homine non erudito, attamen literato*<sup>38</sup>.

Приложение 2

## Некоторые новые исследования истории багаудов

Древние источники по истории багаудов собраны и проанализированы в полезной работе *B. Czúth* «Die Quellen der Geschichte der Bagauden» (*Acta Antiqua et Archaeologica, tomus IX, Szeged, 1965*). Для дальнейшего обсуждения см. *E. A. Thompson* «Peasant Revolts in late Roman Gaul and Spain» (*Past and Present, II, 1952. P. 11–23*), переиздана с исправлениями см. *M. I. Finley* (ed.) (*Studies in Ancient Society. London and Boston, 1974. P. 304–20*) и *Samuel Szádeczky-Kardoss* (P.-W., Supplbd., XI. P. 346–354). По вопросу сообщений св. Исидора о багаудах см. выше с. 197.

То, что багауды нападали на галльские города, подтверждает Аврелий Виктор (Caes. XXXIX. 17), «*pleraeque urbium tentare*», и это сомнению не подлежит. Но, к сожалению, Р. А. Б. Минор в своем издании «*Panegyrici Latini*» принял *Bagaudicae* вместо *Batavicae* в Pan. Lat. IX (IV).4.1: видимо, он не читал *P. le Gentilhomme* «*Le desastre d'Autun en 289*» (*Revue des Etudes Anciennes, XLV, 1943. P. 233–240*).

Несколько ученых, например Рейнхарт (45), Де Абадал (41) и др., почему-то превращают Василия из «Хроники» Гидация (141) в римского генерала, который убивал багаудов, в то время как они благочестиво укрывались в церкви в Тарраконе! Де Абадал добавляет такую душераздирающую деталь: добрый епископ Лев умер, защищая бедных угнетенных крестьян от подлых римлян! По поводу этой нелепой ошибки см. *S. Szádeczky-Kardoss* «*Zur Interpretation zweier Hydatius-Stellen*» (*Helikon,*

I. 1961. S. 148–152, 149). Это работа, на которую не следовало отвечать Л. Вареди «Zur Klarstellung der zwei Hydatius-Stellen» (ibid., II. 1962. S. 259–263). Л. Вареди превращает Василия в «*Gotischer Seigneur*», а федераты становятся «гуннами». Из инцидента в Тарраконе я не делаю вывода о крайне враждебном отношении багаудов к католической церкви: *contra S. Mazzarino* «Si puo parlare di rivoluzione sociale alla fine del mondo antico?» (Settimane, IX Spoleto, 1962. P. 410–425, 422). Я также не могу принять донкихотской точки зрения С. Санчеза-Алборноза (ibid., p. 437), который считает, что движение багаудов было национальным движением басков: неясно, должны ли мы на основе этой теории рассматривать армориканцев так же, как баскских националистов! Мало интересного в работе *E. Englemann* «Zur Bewegung der Bagauden in römischen Gallien», а также *H. Kretschmer* (ed.) (Vom Mittelalter zur Neuzeit: Festschrift H. Sproemberg, I. Berlin, 1956. S. 371–385). Из недавних работ по багаудам в целом см. *Sirago* (p. 376) и далее, но его замечания об испанском движении (p. 382 и далее) совершенно безосновательны.

Продуманный рассказ о багаудах в Галлии можно найти в работе *Frank M. Clover* «Flavius Merobaudes: A Translation and Historical Commentary» (Transactions of the American Philosophical Society, LXI, I, Philadelphia, 1971. P. 46 и далее) с хорошим библиографическим материалом. Но ничего нового об этимологии слова «багауды» нельзя узнать из *Clifford E. Minor* «Bagaudae or Bascaudae?» (Traditio, XXXI (1975). P. 318–322). Подлинные монеты Элиана не были обнаружены, но о предполагаемых монетах Аманда см. *P. H. Webb* apud *H. Mattingly* и *E. A. Sydenham* «The Roman Imperial Coinage» (V. II. London, 1962. P. 579, 595).

В работе *R. G. Collingwood* и *J. N. L. Myres* «Roman Britain and the English Settlements» (Oxford, 1937. P. 303 и далее), *Collingwood* предположил, что багауды активно действовали не только в Галлии, но и в Британии. Я постарался в *Antiquity*, XXX (1956). P. 163–167, а затем в *Britannia*, VIII (1977), p. 303–318 показать, что все косвенные подтверждения этому можно найти у Зосима (VI. 5. 2f.), который сообщает, что в 409 году именно в подражание бриттонам арморики изгнали римскую администрацию и провозгласили себя независимыми от имперского правительства. Сомневающегося я могу спросить: кто еще на западе Римской империи мог решиться покинуть Империю добровольно, кроме тех людей, кого называли багаудами?

Приложение 3

## Гидаций, 247, и падение Аспара

По поводу крайней трудности этого отрывка из «Хроники» Гидация см. *Curtois* «Byzantion», с. 26. Согласно имеющемуся у нас тексту «Хроники», свевские послы, направленные в Италию в 467 году, вернулись в 469 году и привезли с собой новости о приготовлениях восточного импе-

ратора Льва к большому морскому походу в Африку для борьбы с вандалами. Этот поход действительно состоялся в 468 году. Послы сообщили, что (1) Рикимер стал зятем нового западного императора Антемия и патрицием, (2) на Востоке Аспар был низведен до ранга простого гражданина (то есть что он был уволен из армии), а его сын казнен: их обвинили в заговоре против Римской империи в интересах вандалов.

Что касается первого из этих сообщений, то Рикимер действительно стал патрицием 28 февраля 457 года<sup>39</sup>, так что послам, казалось бы, не было нужды сообщать об этом. Это не было свежей новостью. Однако в отрывке говорится: «тот Рикимер, зять Антемия, также стал патрицием», хотя, с нашей точки зрения, должно было быть так: «тот Рикимер, патриций, стал также зятем Антемия». Рикимер женился на дочери Антемия Алипии в Риме в 467 году<sup>40</sup>. Я не думаю, что мы можем сомневаться в верности этого отрывка или исправлять текст по причине этого недоразумения. Скорее, мы должны предположить, что Гидаций, живший очень далеко от центра событий, не был информирован о выдвижении Рикимера и просто не знал о его статусе патриция. К тому времени сведения об этом до Галисии еще не дошли. Летописец предположил (как мы знаем, ошибочно), что Рикимеру был дарован этот титул только в 467 году. Кроме того, свевские послы могли неправильно понять то, о чем им сообщили в Италии: ведь эти вопросы вряд ли представляли для них первостепенную важность.

Вторая часть отчета послов гораздо важнее. Аспар был не только понижен в ранге, как об этом говорится в нашем тексте: он был предательски убит вместе со своими сыновьями. В этом отношении нельзя считать, что автор отчета просто недооценивает важность событий. Но что еще более обескураживает — это то, что смерть Аспара твердо датирована 471 годом, то есть двумя годами позже окончания того периода, которому посвящена «Хроника», и, что вполне вероятно, двумя годами позже смерти самого Гидация. Курт считает, что в тексте 247 была позднейшая интерполяция.

Мы должны отвергнуть это предположение, так как оно отодвигает проблему на шаг назад. Когда могло прийти в голову западному (испанскому или даже, возможно, галльскому) переписчику, знавшему, пусть и не все, об этом давнем событии, вставить эту информацию в сочинение Гидация и считать это уместным и важным? И почему он вставил его в конец отрывка, состоящего из косвенной речи? Почему бы ему не добавить свое сообщение в самый конец «Хроники», как это делали все авторы продолжений, туда, где оно было хронологически уместно?

Ясно, что теория позднейшей вставки поднимает больше вопросов, чем решает. Факт, в котором мы не можем сомневаться, — это то, что Аспар и его сыновья лишились своего положения и были убиты в 471 году. Поэтому большая часть наших авторов сообщает об их убийстве после сообщения о великом африканском походе 468 года. Так поступают Про-

копий, Иордан, Феофан и другие византийские авторы, а также латинские летописцы: Кассиодор, Марцеллин Комит и Виктор Тонноненский<sup>41</sup>. Но интересно, что историк V века Кандид относит падение и смерть Аспара к более раннему времени, до африканского похода 468 года. Работа этого писателя сохранилась только в пересказе Фотия, который, однако, ясно дает понять, что Кандид сначала рассказал о смерти Аспара, а только затем о походе против вандалов. Но это еще не все. Со стороны Фотия это не невнимательность и не описка, так как не только послы, упомянутые Гидацием, но и Иоанн Малала, без сомнения, повествует об этих событиях в том же порядке, а *Chronicon Paschale* точно датирует смерть Аспара 467 годом. Таким образом, мы имеем две разные датировки падения Аспара — 467 и 471 год, причем обе даты хорошо задокументированы. Впрочем, поздняя дата встречается у большего количества авторов, чем ранняя.

В любом случае, совершенно очевидно, что власть Аспара резко уменьшилась к 467 году. Приск (фрагмент 35) сообщает, что Лев отверг совет Аспара сохранять в это время нейтралитет в войне между готами и скирами. Но это мелочь по сравнению с тем, что случилось в 468 году: престижу Аспара был нанесен сокрушительный и публичный удар, когда император отдал верховное командование африканской экспедицией не ему, а Василиску. По сути дела, удар был такой силы, что в 468 году Аспар должен был почти полностью потерять свою власть, то есть, по словам свевских послов, был низведен в ранг гражданского лица. Очевидно, положение Аспара отчего-то резко изменилось непосредственно перед 468 годом.

Давайте вернемся к сообщению свевских послов. Я считаю, что они говорили не об окончательном падении Аспара, который был определенно убит в 471 году. Они сообщали об опале Аспара и о казни одного из его сыновей. Я считаю, что наши источники дают две разные даты потому, что говорят о двух разных событиях. Те, кто называет 467 год, имеют в виду, что Аспар был лишен своей военной должности. Те, кто называет 471 год, говорят о его окончательном падении и о его казни. Нужно помнить о том, что сочинения всех этих историков очень кратки. Даже Прокопий, говоря о V веке, дает нам только краткий очерк событий, а сочинение Кандида (которое, сохранилось оно в первоначальном виде, имело бы для нас огромную ценность) существует только в четырехстраничном переложении Фотия. Я считаю, что все наши историки спрессовывали события. Предположим, что Аспар был уволен в 467 году и тогда же был казнен один из его сыновей. Предположим также, что Аспар и два других его сына были убиты в 471 году. Вполне возможно, что в этом случае историки ради краткости излагали историю его падения так, как будто она произошла в один этап, а не в два. Если это так, то естественно, что одни из авторов датировали падение 467 годом, когда Аспар впервые попал в опалу, а другие 471 годом, когда он был убит. И, как мы видели, это именно то, что мы обнаруживаем в наших источниках.

Скептики могут спросить: если все обстоит именно так, разве не странно, что ни один из наших авторов, а их очень много, хотя бы мимоходом не упомянул о том, что эти события растянулись на несколько лет? К счастью, есть один автор, который действительно проводит различие между двумя этапами падения Аспара. Это автор «Жития св. Даниила Стилита», *Vita S. Danielis Stylitae*,<sup>43</sup> ценность которого для историков впервые отметил покойный профессор Норман Х. Байн<sup>44</sup>. Из *Vita* (гл. 55) мы узнаем о некоторых фактах, не упомянутых ни одним из других авторов. Оказывается, Льву сообщили о том, что сын Аспара Ардавур, *magister militum per Orientem*, состоял в изменнической переписке с персами. Поэтому император уволил его со службы и низвел до статуса рядового гражданина (*holopaganos*). В следующей главе (56, с. 175) автор *Vita* дает свое, довольно пристрастное описание африканской кампании 468 года. И только через десять глав (66, с. 184 и далее) он упоминает о смерти Аспара и его сыновей. Несомненно, это можно считать подтверждением нашей теории о том, что падение Аспара происходило двумя этапами, один из которых был до, а второй — после африканского похода. Первый этап имел место после великого пожара Константинополя 2 сентября 465 года и может быть датирован 466 или, скорее, 467 годом<sup>45</sup>. Второй этап определенно произошел в 471 году. Однако некоторые разночтения остаются.

1. В *Vita* Аспар назван членом сената. Это не вызывает сомнений и это подтверждают Иоанн Малала и *Chronicon Paschale*. В обоих источниках Аспар назван *princeps senatus* и патриций<sup>46</sup>. Его называют патрицием и некоторые другие авторы, например Марцеллин Комит, Кассиодор и Иордан. С чем трудно согласиться, так это с утверждением, что Аспар сохранил ранг *magister* до своей смерти. Правда, единственный источник, из которого можно сделать подобный вывод, — это сочинение Захария Метиленского (Hist. Eccles., III. 12). «В третий год правления его [Льва] генерал [*stratelates*, более правильный вариант, чем *magister*] и его сыновья были убиты». У других авторов эта версия не находит подтверждения. Но Захарий здесь просто идентифицирует Аспара (и случайно пишет «третий» вместо «тринадцатый» год правления Льва). В *Chronicon Paschale* Аспар назван *magister* в 454 году, после чего ни один из наших многочисленных авторов, кроме Захария, не наделяет его никакой военной должностью. Следовательно, мы вправе предположить, что когда свевские послы, о которых пишет Гидаций, сообщили, что Аспар «был разжалован до частной жизни», они имели в виду, что он был уволен с военной должности, которую до той поры занимал. Они не сказали и не имели в виду, что он потерял членство в сенате и статус патриция. Правда, автор *Vita* не говорит, что Аспар был теперь уволен с военной должности, но он и не противоречит свевским послам, которые об этом сообщили.

2. Согласно автору *Vita*, все беды начались из-за того, что Ардавур тайно сотрудничал с Персией. Согласно послам, и отец, и сын сотрудничали не с Персией, а с вандалами. Вполне возможно, что, в то время как



сын намеревался изменить Восточному Риму в пользу Персии, его отец занимался какими-то интригами в пользу Карфагена, как об этом сообщили послы. В этом случае оба наших автора правы. Но все это происходило в 466–467 годах. В 471 году причины, по которым император предал обоим казни, были уже другими. Теперь он выяснил, что они вели заговор против его правления. Это сомнению не подлежит. Об этом говорят Кассиодор, Прокопий, Иоанн Малала, Феофан и другие, включая и автора *Vita*. Что касается мотивов императора в 466–467 годах, тот факт, что Аспар не был назначен командующим в походе против Гейзериха, говорит о том, что свевские послы, вероятно, были правы: он действительно вел переговоры с вандалами, это было раскрыто, и Аспар был разжалован.

3. По сути дела, есть только один пункт, по которому версии *Vita* и послов полностью противоречат друг другу. Согласно *Vita*, Ардаур в 466–467 годах был уволен со службы за свои предательские переговоры с Персией и понижен в ранге до простого гражданина. Согласно послам, Ардаур (хотя имя его не названо) был казнен из-за его предательских связей с вандалами. Так как все наши остальные источники в этом вопросе единодушны, мы вправе предположить, что послы или их информаторы преувеличили серьезность событий: на самом деле Ардаур был опозорен, но не казнен. Действительно, мы знаем, что в 469–470 годах он занимался организацией восстания во Фракии и, скорее всего, дожил до 471 года<sup>47</sup>.

Я заключаю, что этот отрывок их «Хроники» был, скорее всего, написан самим Гидацием, а не автором продолжения, и что сведения, содержащиеся в нем, полностью достоверны, кроме утверждения о том, что один из сыновей Аспара был казнен в 467 году.

#### Приложение 4

### Моммзеновское издание «Хроники» Гидация

Фотографический отдел Немецкой государственной библиотеки в Восточном Берлине любезно предоставил мне микрофильм Берлинского Кодекса Филлиппса, 1829, фол. 153–172, содержащего самый лучший из текстов «Хроники». Я увеличил этот микрофильм, так что теперь он может служить почти полной заменой самой рукописи. Как и следовало ожидать, микрофильм доказывает, что в своем издании Моммзен превосходно проанализировал все возможные прочтения и оригинальной рукописи, и внесенных исправлений, а также идеально расположил этот сложный текст. Издание выше всяких похвал, но было бы ошибкой считать его непогрешимым.

В частности, трудно согласиться с тем, как Моммзен анализирует принятое Гидацием датирование событий по Олимпиадам. На с. 6 Моммзен утверждает, что каждая Олимпиада обычно предшествует тому году царствования, в котором она началась. Рассмотрим конкретный пример. Олим-

пиада 297 помещена непосредственно перед XV годом Аркадия и Гонория. Мы знаем, что пятнадцатым годом этих императоров был 409 год. Чтобы выяснить дату Олимпиады по христианскому летоисчислению, мы можем применить формулу, предложенную Куртом в «Byzantion» с. 31:  $(x - 1) 4 - (776 - 1)$ , где  $x$  — номер Олимпиады. Следовательно, Олимпиада 297 началась почти наверняка в 409 году. Но рукопись не вполне последовательна. Часто (продолжает Моммзен) упоминание об Олимпиаде смешивается с непосредственно предшествующими ему записями «Хроники», и как пример он приводит Олимпиады 290, 298, 299 и 308. Но и в этом случае никакого упоминания об Олимпиаде мы не находим под императорским годом, предшествующим тому, в который она действительно началась. Поэтому Моммзен всегда помещает дату Олимпиады сразу перед соответствующей датой царствования независимо от того, так ли это в «В». В критическом комментарии, напечатанном под самим текстом, Моммзен об этой проблеме больше ничего не говорит.

Таким образом, читателю нелегко догадаться, что в «В» Олимпиада 295 помещена напротив отрывка 31, точнее, перед словами *observanda de ecclesia disciplina*. Моммзен также не упоминает о том, что в тексте «В» год царствования VI написан не там, где он его помещает, а перед словами *statuuntur quaedam* в отрывке 31, а год царствования VII написан не перед пустой строчкой, как в его издании, а перед словами *eodem consilio* в том же отрывке 31.

Моммзен, возможно, был совершенно прав в том, что распутал этот клубок, но ему следовало хотя бы указать, что его собственное правило (описанное выше) здесь нарушено: в «В» начало Олимпиады указано перед тем годом царствования, в который она началась: Ол. 295 здесь помещена в год VI (= 400), шестой год Аркадия и Гонория, вместо года VII (= 401). Кроме того, сравнивая текст Моммзена с текстом «В», мы обнаруживаем, что издатель отодвинул некоторые датировки Олимпиад на значительное расстояние ради большей связности текста. Так, Олимпиада 308 отодвинута вперед на 27 строк печатного текста, а Олимпиада 309 отодвинута вперед не меньше чем на 50 печатных строк. У средневекового переписчика такой перенос считался бы беспорядком, и мы не должны соглашаться с этим, даже если в данном случае переписчик — это Моммзен. Нельзя забывать, что подход Гидация к своему труду не был таким по-немецки систематичным, как у Моммзена. Конечно, ему следовало проставить дату Олимпиады сразу перед его записью о первом императорском годе каждой Олимпиады. Но он был не настолько организованным и аккуратным человеком, как Моммзен, поэтому иногда допускал отступления от общего правила.

Казалось бы, этот и многие другие факты должны были бы предварять каждое издание текста Гидация, выпущенное после моммзеновского. К сожалению, М. Алайн Треной в «Hydace: Chronique» (Sources chretiennes, vols. 218–219, Paris, 1974) решил последовать примеру Моммзена и не давать в критическом комментарии почти никаких пояснений. Скажем, в

S. 71, где, как мы видели, Моммзен внес существенные изменения, *Tranoy* не дает вообще никакого комментария!

Наиболее ценным комментарием Курта из его статьи «Byzantion» можно считать тот, где он демонстрирует лакуну в рассказе Гидация о правлении западного императора Севера. Север взошел на трон 19 ноября 461 года. Согласно системе датирования, принятой Гидацием, описанной в S. 26, год 461 будет считаться одновременно и последним годом Майоринана, и первым годом Севера. Годы 462, 463, 464 и 465 будут соответственно вторым, третьим, четвертым и пятым годами Севера, умершего 14 марта 465 года. Но в 466 году на Западе было междуцарствие, и в тот год ни на троне Рима, ни на троне Равенны императоров не было. Согласно Курту, Гидацию в таком случае следовало обозначать 466 год как шестой год Севера, так как другого ясного способа обозначения не было. Но, обратившись к тексту Гидация, мы увидим, что в тексте упоминается только первый (212), второй (222) и третий (231) годы Севера, а о четвертом, пятом и предполагаемом шестом не говорится ничего.

Курт в «Byzantion» (34–38) заключает, что цифра II в гл. 222 и цифра III в гл. 231 — это ошибочно обозначенные V и VI годы соответственно и что именно рассказ о втором, третьем и четвертом годах потерян в тексте Гидация, а то, что сохранилось, представляет собой рассказ о пятом и шестом годах. В качестве доказательства своей точки зрения Курт приводит тот факт, что первый год Олимпиады CCCXI, который Моммзен напечатал после гл. 221, на самом деле — год 465, то есть пятый год Севера, согласно хронологии Гидация, и именно в этом месте в «B» назван год царствования II, который согласно этой теории должен был быть годом V, то есть перед нами обычная описка.

Вся эта блестящая аргументация выглядит убедительно и представляет собой большой вклад в изучение Гидация — но есть одна проблема. Курт не мог знать (так как Моммзен об этом не упоминает), что слова «OLYMPI CCCXI» в S. 221 — это плод воображения Моммзена. В рукописи «B» в этом месте вообще нет датировки по Олимпиадам. Дело в том, что переписчик «B» писал от слов «OLYMPI CCCX» в гл. 193 до слов «OLYMPI CCCXII» в начале отрывка 242 (не перед н. 245, где их напечатал Моммзен), не заметив сначала, что в его тексте вообще не было «OLYMPI CCCXI». Но когда он заметил свой пропуск, он решил вставить слова «OLYMPI CCCXI», но, очевидно, не мог решить, куда именно их поставить, так как в конце концов начал писать в гл. 217 «Агриппин Галл», etc., после чего засомневался и вставил только буквы «OLYMPI» без какого-либо числительного после них. Можно сделать вывод, что в тексте, который он переписывал, не было слдв «OLYMPI CCCXI», ибо в противном случае он бы, скорее всего, или вообще не стал пропускать дату, или, если бы по недосмотру все же ее пропустил, он бы затем вставил и слово «OLYMPI», и числительное в нужном месте, так как это было в его «Vorlage». Возможно, когда он заметил свой пропуск, он вернулся к гл. 217

просто наугад, а возможно, в этом месте той рукописи, которую он переписывал, была очевидная лакуна — этого мы не узнаем. Но если в его источнике действительно полностью отсутствовала дата по Олимпиаде, то это подтверждает существование лакуны в этом месте имеющегося у нас текста Гидация. К сожалению, лакуна включает в себя и по крайней мере самое начало 465 года н. э., V года Севера. Это значит, что аргументация Курта должна быть перепроверена<sup>48</sup>.

Я перечисляю эти примеры для того, чтобы показать, что у нас до сих пор нет авторитетного издания этой хроники, и я надеюсь, что кто-то более энергичный, чем я, скоро выполнит эту задачу. Есть одно произвольное прочтение, которое Моммзен уверенно вставил в свой текст и которое наш гипотетический новый редактор еще более уверенно должен будет отвергнуть. В S. 31 Моммзен изменил имеющееся в «В» слово *sectatores* на слово *insectatores*. Таким образом, Симпосий и Диктиний, последователи Присциллиана, превратились в преследователей Присциллиана. На самом деле они были его приверженцами, но затем вернулись к католической вере. Существуют документы, приложенные к постановлениям Первого Толедского собора, в которых говорится об их отречении от ереси. Гидаций в S. 31 ссылается на эти документы и сообщает, что Симпосий, Диктиний и другие галисийские епископы, до того бывшие сторонниками (*sectatores*) Присциллиана, теперь обратились против ереси и осудили ее. В варианте прочтения «*insectatores*» теряется указание на то, что раньше они сами были еретиками. Но это прочтение, пусть и произвольное, все же не заслуживает того полного молчания, которым обходит его Треной.

## ХII. ВАРВАРЫ — ПОСОБНИКИ РИМА И ВАРВАРЫ-ХРИСТИАНЕ

Наши знания о варварских народах имеют один существенный изъян: мы никогда или почти никогда не в состоянии проникнуть в умы и души тех людей, которых мы пытаемся понять. В ранние века Римской империи варвары были неграмотны, или, точнее, «дограмотны», а научившись в конце IV века письму (не руническому), они оставили после себя очень немного книг. Еще меньше сохранилось до нашего времени. Кто в средние века стал бы переписывать и сохранять книгу, написанную каким-то еретиком на непонятном языке — старом, забытом языке готов и вандалов? Нам повезло, что случайно сохранились книги, написанные в те годы, когда еще существовали варварские королевства, но таких книг крайне мало. Фактически до нас не дошло ни одного слова, написанного на род-

ном языке вандалом, бургундом или франком в этот период — с IV по VI век. Даже на готском языке, не считая фрагментов перевода Библии, сделанного епископом Ульфилой, все, что мы имеем, — это шестнадцать страниц сухого и малоинформативного комментария Евангелия от Иоанна и несколько обрывков и кусочков текстов, в основном церковного содержания, почти все из которых написаны в Италии в первой половине VI века.

У нас есть короткая хроника, написанная по-латыни вскоре после 590 года Иоанном из Биклара (неустановленный монастырь где-то в Испании). Но если бы другой писатель, св. Исидор Севильский, не упомянул бы случайно о том, что Иоанн был готом — так как источники, составленные авторами-готами, для св. Исидора был редкостью, — мы бы не усомнились в том, что Иоанн был таким же римлянином, как сам Исидор или как его современники Григорий Великий и Григорий Турский. Сам Иоанн нигде не упоминает о своем происхождении. Он имел хорошее греческое и латинское образование, и неизвестно, знал ли он вообще готский язык. Для него главным было то, что он — христианин и католик. В подобных случаях, даже если перед нами сочинение гота, оно ничего или почти ничего не скажет нам об авторе как о готе. Насколько можно судить по его книге, Иоанн был полностью поглощен римской цивилизацией. Для нас он гот только номинально<sup>1</sup>.

Опять-таки благодаря счастливой случайности до нас дошла история готов, точнее то, что считается историей, — книга, написанная в середине VI века по-латыни готом по имени Иордан. Как историк Иордан малоинтересен, но он был готом и гордился тем, что он гот. Он перевел на латынь несколько старинных народных сказок или песен, которые в его время готы исполняли под аккомпанемент арфы, и включил их в свою книгу. От вандалов и других народов до нас не дошло ничего.

Вследствие этого нам приходится смотреть на «варваров» со стороны. Мы видим их такими, какими их видели римляне, а римляне не старались проникнуть в их души и понять их умонастроения. Наверняка многие римляне, побывавшие в плену у варваров, говорили на германских языках и многое знали о тех, кто их пленил, но крайне редко случалось, чтобы образованный римский аристократ изучил германский язык. Киприан, наиболее проготски настроенный из всех жителей Италии начала VI века, обучал своих сыновей готскому наравне с латынью. Но более типичным можно считать поведение Сидония Апполинария, узнавшего, что его друг Сиагр выучил бургундский язык. «Теперь в присутствии Сиагра, — сказал он, — варвар побоится совершить варварство на своем родном языке!» Для Сидония изучение германского языка было только шуткой, притом очень смешной<sup>2</sup>. Так что нам редко удается услышать, что варвары говорят о самих себе. Иногда их слова записывались римскими наблюдателями, как мы видели. Но это бывало редко. До возникновения варварских королевств образованная, пишущая часть римского населения боялась и презирала варва-

ров. Подавляющее большинство христианских епископов не предпринимали попыток распространять среди них Евангелие, а в сочинении одного из епископов (причем арианина) есть даже намек на то, что каждый, кто возьмется обратить варваров, будет виновен ни много ни мало как в святотатстве<sup>3</sup>. Как говорил старый римский язычник — а многие римляне-христиане позже говорили почти то же самое, — у варваров есть человеческие конечности и человеческий голос, но больше ничего человеческого в них нет. Это были субчеловеки, квазичеловеки, или же просто звери и чудовища<sup>4</sup>. Образованный римлянин времен поздней Империи видел в них только разрушителей и захватчиков, которые воевали, грабили, жгли, насилывали, убивали и больше ничего.

Именно поэтому история, как и мир, их окружавший, их не щадила. Мы никогда не узнаем, как они относились к окружающему миру, к природным явлениям и божествам, к обществу и к своим товарищам, мы не узнаем, о чем они мечтали, на что надеялись, над чем они смеялись, как они любили и как они молились. Об этом мы в лучшем случае можем только догадываться. Их песни и народные традиции никогда не были записаны на языке оригинала, и все, что у нас есть, — это два образца фольклора, которые Иордан записал в прозаическом переложении на латынь. Даже своды законов варваров, дошедшие до нас, записаны по латыни, и составляли их в основном римляне. Иногда варвары следовали римской традиции и высекали надпись на могильном камне умершего родственника, однако все эти надписи — на латыни, и, если бы не германские имена, мы бы никогда не догадались о том, что люди, память о которых надписи увековечивали, не были римлянами. Несмотря на весь поток брани и осуждения, который изливали на них римляне, несмотря на передвижения бесчисленных армий и многих народов, варвары, можно сказать, ушли из истории в полное молчание.

И тем не менее те же самые варвары позднего римского периода на поколения обеспечили большую часть Западной Европы стабильными и надежными правителями, которые, по стандартам своего времени, правили справедливо и честно. Пока все короли были христианами-еретиками, христианами-арианами, все из них (кроме правителей Африки) проявляли терпимость к своим подданным-католикам, в то время как последним римским императорам Запада и позднейшим королям-варварам католического вероисповедания подобная терпимость была абсолютно чужда. Обычно VI век не считают столетием толерантного правления, однако дело обстояло именно так, по крайней мере в Испании, а в начале века также в Италии и в некоторых частях Франции. В этих странах католики, евреи и язычники (без всяких ограничений) могли свободно исповедовать свою веру. Жестокие преследования иноверцев, характерные для Римской империи со времен Феодосия Великого, в годы правления первых королев-варваров, казалось, навсегда ушли в прошлое. Однако стоило католичеству одержать победу, и в прошлое ушла сама толерантность.

# 1. Варвары перенимают римские обычаи

Римская цивилизация и раннего, и позднего периода влияла на менталитет и на образ жизни варваров и другими, более тонкими путями, которые могут полностью ускользнуть от нашего внимания. Были ли окружены почетом дома те воины-германцы, которые служили за границей в составе римской армии? Если да, то означает ли это, что в таком случае они получали большую власть и авторитет, чем если бы никогда не служили у римлян? Если в какой-либо общине жили несколько бывших солдат императорской службы, означало ли это, что центры власти (постольку, поскольку власть вообще существовала) заметно смещались? Как наемники, бывшие на императорской службе, они должны были подчиняться римским законам (обстоятельство, которое некоторые из них осознавали с трудом: см. с. 7): производили ли впечатление на местное общество римские законы и практика их применения, когда бывшие солдаты возвращались домой? Проникали ли в Германию римские представления о власти и управлении, о принудительном исполнении законов, об *imperium*? Конечно, между свободными германцами, жившими за Рейном, и германскими общинами, входившими в состав Римской империи, могло не быть активного сообщения, так как римские власти не приветствовали случайных посетителей-германцев. Но какая-то связь все же была: как в этом случае общественное мнение по ту сторону римской границы реагировало на сообщения о том, что германцы — подданные Империи наслаждаются большим материальным комфортом, чем жители свободных германских поселений? Аламаннский воин по имени Медерих, оказавшись в заложниках в Галлии в середине IV века, стал приверженцем культуры Сераписа. Вернувшись в Германию, он переименовал своего сына из Агенариха в Серапио. Вряд ли Медерих был единственным германцем, ставшим последователем одной из римских религий<sup>5</sup>. Какое влияние (или никакого вообще) оказывало на религию германцев возвращение таких людей, как Медерих, закончивших свою службу в Империи? Видоизменялось ли от этого германское язычество или новые идеи не оказывали существенного влияния?

На этот и подобные ему вопросы мы вряд ли можем найти ответ, но их постановка наводит меня на мысль, что, возможно, я был не прав, когда в начале книги говорил об «обычных воинах» и «рядовых» членах племени, как будто все воины, исключая вождей, были однородной, неразличимой массой. Действительно, служба у римлян, восприятие римских идей и вкусов, заграничные путешествия для торговли и других целей, а особенно обладание разным количеством скота, оружия и римских импортных товаров, приводили к тому, что «рядовое» население расслаивалось и различия углублялись. Но можно предположить, что фактором, вызвавшим наиболее глубокий раскол и внутреннюю вражду, было отношение вождей к Римской империи. Начиная с царствования Августа и вплоть до

конца Западной империи ничто не вызывало таких острых разногласий между германцами, как вопрос об их отношениях с имперским правительством. Со времен Сегеста и Арминия до времен Эриульфа и Фравитты (с. 43), со времен Теодориха II и Евриха до времен Эрариха и Тотилы это оставалось основной проблемой, во всяком случае, в готском обществе. Дилемма, стоявшая перед вождями, была ясно выражена Атаульфом (с. 46): должны ли мы вести за собой наших соплеменников или же должны управлять ими, должны ли мы свергнуть Римскую империю или стать ее частью? Мы уже убедились в том, что это не два разных вопроса, а один и тот же вопрос в разных формулировках.

Эта проблема стояла и перед людьми более скромного положения, чем Атаульф. В 358 году Цезарь Юлиан был на вершине своего успеха в Галлии. Столкнувшись с хамавами (народом, близким к франкам), он смог достаточно легко разгромить их в генеральном сражении<sup>6</sup>. Но затем они разбились на мелкие разбойничьи банды, что было привычно и даже необходимо для завоевателей-северян, когда они вторгались в провинции<sup>7</sup>. Эти банды наносили большой ущерб сельской местности в долине Мозеля, и Юлиан не знал, как с ними справиться. Его спас Харьетто.

Харьетто был варваром, обладавшим огромной физической силой и мужеством, который начинал как разбойник: он с товарищами занимался грабежами в галльском приграничье, но затем переместился к Триру. Несомненно, как и многие другие варвары, он надеялся разжиться деньгами в большом городе, где были толпы солдат, чиновников и торговцев, стекавшихся в военную столицу галльской префектуры. В Трире он заметил, с какой легкостью варвары грабили городки и села за пределами городских стен; и перед тем, как в конце 355 года в Галлию прибыл Юлиан, Харьетто решил использовать знания и умения, приобретенные за годы разбоя, и зарабатывать, оказывая услуги правительству. Полагаясь на опыт, накопленный им в его прежней профессии, Харьетто в одиночестве углубился в ближайший лес и легко определил, в каком именно месте могут скрываться разбойники. Обнаружив там банду варваров, которые пьянствовали и отсыпались после удачного набега, он подкрался к ним и отрубил несколько голов, которые затем принес в Трир и выставил на всеобщее обозрение на городских улицах. Прodelав это не один раз, он посеял некоторую панику среди местных разбойников, в результате чего к нему стали стекаться другие бывшие разбойники и просто отчаявшиеся люди, все те, кто, видимо, не сумел успешно заниматься своим промыслом в тех краях, уже к тому времени разграбленных варварами. Очень скоро Харьетто набрал внушительную банду. При этом сам он, согласно нашему автору, оставался коварнейшим из разбойников и физически самым сильным в своей шайке<sup>8</sup>.

Теперь Харьетто заставил считаться с собой и мог сам начать переговоры с Цезарем, объясняя ему свою тактику. Юлиан все еще был в растерянности, не зная, как бороться с неуловимыми хамавами, нападавшими на римлян по ночам. Возможно, теперь (а в других случаях — наверняка) ему,



как и Валенту во время готской кампании 367 года, пришлось прибегнуть к унижительной тактике: предложить награду тому, кто доставит ему голову врага, тем самым легализуя убийство<sup>9</sup>. Но хотя ночью варвары были повсюду, днем они исчезали и Юлиан не мог найти их следов. Как говорил один историк о других варварах в подобных обстоятельствах, это были «скорее призраки, нежели люди»<sup>10</sup>. Действительно, как хорошо было известно Хариетто, они прятались в лесах, окружавших возделанные участки местности, и питались тем, что доставалось им во время набегов. Юлиану ничего не оставалось, как натравить одного вора на другого. Он даровал Хариетто и его приятелям официальный статус, ввел в их команду несколько салийских франков и с помощью своего нового помощника разработал новую стратегию. Хариетто и его разношерстная банда, конечно же, хорошо знакомая со всеми разбойничьими приемами, должны были находить хамавов и нападать на них по ночам, а Цезарь должен был продолжать эту борьбу в дневное время. Эта тактика скоро привела к тому, что хамавы сдались<sup>11</sup>. Через семь лет Хариетто, к тому времени ставший графом обеих Германий, был убит аламаннами в то время, когда вел за собой римское военное подразделение обычного типа. Во время ускоренного марша он натолкнулся на отряд аламаннских воинов, и, пока сражение шло на стрелах и легких метательных снарядах, ему удавалось сдерживать натиск врага, но когда противники сблизилась и взялись за мечи, римское построение рухнуло под яростным напором аламаннов, римские солдаты поддались панике и Хариетто погиб, пытаясь предотвратить бегство с поля боя<sup>12</sup>. Став обычным римским военачальником, он теперь воевал обычными методами.

Можно сказать, что Хариетто на своем скромном уровне поддержал римскую власть и отдалился от своих соотечественников. Но он был мелкой фигурой по сравнению с Атаульфом, Амаласунтой и другими известными нам личностями. Например, мы знаем о том, что в византийской армии во времена императора Анастасия служили два весьма известных военачальника-острогота — Годидискл и Бесса, не пошедшие вслед за Теодерихом в Италию в 488 году. Оба были знатными людьми<sup>13</sup>. Сисифрид, гот, «чрезвычайно верный римлянам», в 545 году поднялся до должности коменданта Ассизи<sup>14</sup>. Другой офицер-острогот по имени Генто, женатый на римлянке из Эпира, командовал римским отрядом, готовившимся к сражению с остроготами в 479 году<sup>15</sup>. Некий Сидимунд, по нашим сведениям, не состоявший на службе в Восточном Риме, владел богатым поместьем вблизи Эпидамна, а также получал доход от императора<sup>16</sup>. Но даже все эти люди — мелкая сошка в сравнении с самим Теодерихом, впоследствии названном «Великим». Когда в 526 году он умер, многие ли из его подданных вспомнили, что почти за полвека до этого, захватив Диррахий и часть Эпира, он в разговоре с римским чиновником по имени Адамантий заявил, что в обмен на определенные услуги он желает, чтобы восточное правительство назначило его «магистром армии» и «приняло его в Константинополе с тем, чтобы он мог занять место в общественной

жизни (*polyteusonta*) так, как это делают римляне?»<sup>17</sup> То есть даже в этом случае он жаждал того, чтобы отдалиться от своих соплеменников-готов, обеспечить себе высокое положение в римском обществе и римской политике и, возможно, закончить свои дни римским землевладельцем. Хотя он должен был знать, к чему подобные амбиции привели везеготов, он вряд ли мог даже представить себе, какую роль сыграют они в уничтожении его собственного народа.

## 2. Варвары в императорской армии

Говоря об Европейском континенте, мы должны попытаться представить себе длинные вереницы повозок, в которых везеготы и остроготы переезжали из одной провинции в другую в поисках земли, на которой они могли бы обосноваться. В горных районах управлять повозками было трудно. Однажды в Иллирикуме, вблизи Лихнида, восточные римляне нанесли ощутимый удар по остроготам, взяв в плен более 5000 человек и захватив 2000 повозок, некоторые из которых они сожгли, а другие использовали для транспортировки оружия и снаряжения<sup>18</sup>. После битвы при Адрианополе в 378 году, в которой, по словам современника,<sup>19</sup> «целые армии исчезли как тени», везеготы в течение последующих сорока лет почти непрерывно перемещались отдельными группами из одной провинции в другую. Иногда они шли, глотая пыль от идущих рядом повозок (в одной из групп завоевателей повозок насчитывалось 4000), иногда отдыхали на них по очереди. Один из римлян, бывший в плену у варваров, сумел выжить и позднее написал стихотворение, в котором говорит о своем пребывании в плену, о пыли, повозках и тяжелых грузах, которые он носил<sup>20</sup>. Иногда само приближение бесконечного ряда повозок приводило римских горожан в такой ужас, что они все как один уходили из города, оставляя опустевший город варварам: именно так остроготы заняли Скатпию, или Скатпис, в Македонии в 479 году<sup>21</sup>. В моменты опасности готы составляли эти повозки в круг, который сами они называли *carrago* и который представлял собой мощное оборонительное сооружение<sup>22</sup>.

Но самой основной проблемой был недостаток продовольствия. Довольно часто среди готов начинался голод, за которым следовала чума. Например, это случилось тогда, когда везеготы штурмовали македонские города<sup>23</sup>. Голод в городах и крупных поселениях несомненно, как и во время набегов в III веке, приводил к эпидемии<sup>24</sup>. При этом погибало столько людей, скота и всякой живности, что даже те районы, которые не были непосредственно вовлечены в боевые действия, становились жертвами голода и чумы, неумолимо и бесстрастно уничтожавших без разбора и захватчиков и местных жителей, солдат и мирное население<sup>25</sup>. По этой причине после Адрианополя многие везеготы были практически **вынуждены** поступить на службу в римскую армию, видимо, для того, чтобы избежать голода — ведь

даже в III веке голод и чума заставляли некоторых готов вступить в императорскую армию<sup>26</sup>. Некоторые из готских вождей примкнули к Феодосию по совершенно другой причине (с. 39) и даже помогли ему разгромить отряды своих соплеменников, однако везеготы более скромного происхождения, вынужденные надевать римскую форму, считали своим долгом информировать своих соплеменников о планах и передвижениях римлян. Они постоянно «братались» со своими сородичами, помогали им при перемещениях, вероломно покидали римлян в критические моменты, а однажды почти позволили своим друзьям захватить в плен самого императора Феодосия I<sup>27</sup>. Их присутствие в императорской армии подчас подавляло и сеяло растерянность среди римских солдат, при этом они были безжалостны к жителям римских провинций, которых они были призваны защищать. Даже более высокая оплата и особые условия службы не служили гарантией их преданности, и Феодосию пришлось перевести некоторых из них в Египет, в то время как другие были, вероятно, переведены в не менее отдаленные провинции<sup>28</sup>. Фравитта придерживался других убеждений и был настроен совсем не так, как эти люди.

Подобное противоречие было характерно даже для свободных германцев, которые жили за границей Империи. Особенно хорошо нам известны войны римлян с аламаннами (жившими к востоку от Рейна и к югу от Майна) в середине IV века. Даже в тех случаях, когда аламаннский воин вступал в римскую армию, это не означало, что он будет всегда верен тем, кто выплачивал ему жалованье. Во время похода Константина 534 года римляне могли бы перейти Рейн и нанести серьезный удар по неприятелю, если бы не загадочное появление аламаннов на противоположном берегу, как раз напротив того места, где император втайне планировал переправиться через реку. Хотя улики не было, многие считали, что произошла утечка информации, и подозрение пало на трех высокопоставленных командиров римской армии, все трое из которых были аламаннами<sup>29</sup>. В другом случае Валентиниан I назначил одного знатного варвара из племени буцинобантов, Гортария, на высокую командную должность, но вскоре обнаружил, что Гортарий передавал военную информацию своим соплеменникам, с которыми Валентиниан в это время воевал. Император старался убедить Гортария в преимуществах римской цивилизации с помощью пыток, а когда тот признался в своей «измене», приказал сжечь его живьем<sup>30</sup>. Но не только варвары передавали военные секреты врагу. Цезарю Юлиану пришлось выдержать жестокую месячную осаду в Сенсе, так как дезертиры сообщили врагу о том, как мало полков находится с Юлианом в городе<sup>31</sup>. Во время великой кампании 357 года аламанны чувствовали себя уверенно как никогда, после того как некий дезертир сообщил им, что армия Юлиана насчитывает не более 13 000 солдат. Возможно, дезертиры даже сообщили неприятелю о тактических планах Цезаря непосредственно во время битвы<sup>32</sup>. Правда, в обоих случаях мы не знаем, кто были эти дезертиры по национальности.

И все же трудно поверить, что римляне могли в таком количестве принимать на службу варваров и продвигать их на командные должности, если угроза предательства с их стороны была крайне велика. В подробном рассказе Аммиана Марцеллина поражает как раз то, что подобные случаи были редки.

С другой стороны, некоторые аламанны помогали римлянам. Когда Юлиан в 357 году углубился на десять миль за Рейн, его предупредили о возможности опасной засады на основании «сообщения одного дезертира»; когда Валентиниан решил убить или похитить Макриана, вождя (*rex*) буцинобантов, дезертиры рассказали ему, где он может застать свою жертву врасплох<sup>33</sup>. Вождь аламаннов Гундомад противился желанию своих людей вступить в войну против римлян в 357 году, так как он был с римлянами в хороших отношениях. Вскоре после этого он был убит. Его брат Вадомарий, видимо, также не спешил воевать с римлянами и был вынужден сделать это только по настоянию своего *plebs*. Во всяком случае, сам он именно так объяснил свой поступок, и вряд ли это объяснение было выдуманным, ведь оно свидетельствовало о его недостаточном влиянии и популярности<sup>34</sup>. Вскоре после этого он примирился с римлянами и вырос до должности военного коменданта (*dux*) римской провинции Финикия. Впоследствии он помогал Валенту во время борьбы с узурпатором Прокопием осаждать Никею. Последнее упоминание о нем относится к 371 году, когда он совместно с неким Траяном командовал в войне против персов в Месопотамии<sup>35</sup>.

Нет смысла приводить еще примеры<sup>36</sup>. Во всех наиболее достоверных источниках информации, таких как Тацит, Аммиан или Прокопий, мы узнаем о том, что у всех варварских народов — и по ту, и по другую сторону границы, у остроготов, везеготов и аламаннов — среди местной знати были люди, тяготевшие к Риму, которые охотно согласились бы со знаменитым высказыванием Атаульфа об изменении отношения к Риму (с. 43). Без сомнения, основная причина подобных настроений была не только в том, что они хотели увеличить свои богатства, но в том, что, живя в обществе, которое знало о принудительной власти не больше, чем ахейцы Гомера, они стремились заставить своих соплеменников подчиняться их воле. Атаульф так же не мог заставить своих людей подчиняться «законам», как это не мог бы сделать Агамемнон с Ахиллом и мирмидонами. Но у Атаульфа был другой путь, которого не было у Агамемнона: он мог стать частью развитого и могучего государства, в котором понятие «закона», неведомое ахейцам, существовало в письменном виде уже тысячу лет. Таким образом, у Атаульфа была возможность поддержать и стать частью того римского мира, в котором он мог использовать принудительную власть по отношению к своим соплеменникам. Амбиции других варваров, возможно, были скромнее: все, чего они желали, это сменить свою убогую хижину к востоку от Рейна, к северу от Дуная или от Черного моря на виллу под Константинополем (как Эрарих и многие другие) или под Эпидамном (как острогот Сидимунд).

Были и такие, кто, как Хариетто, готов был довольствоваться жизнью высокооплачиваемого командира императорской армии.

Итак, пока бесконечные повозки готов тянулись на запад, мужчины, сопровождавшие их, могли о многом поговорить: не только о земле, где они, наконец, осядут, не только о запасах продовольствия, женщинах или рабах. Они могли еще и обсудить свое отношение к Римской империи, или — тот же вопрос, по-иному поставленный, — отношение к своим вождям.

В одном эти люди могли быть уверены в своих бесконечных путешествиях: если императорские войска, скорее всего, попытаются остановить их продвижение или даже нанести им сокрушительный удар, то местные крестьяне и горожане почти наверняка оставят их в покое и не станут с риском для жизни их останавливать. Апатия, которую проявляли жители провинций, хорошо известна, хотя и труднообъяснима. Мы видели (с. 93), что торговцы, моряки и люди других занятий помогали Велизарии защищать Рим во время великой осады 536–537 годов, хотя многие из них согласились на это потому, что Велизарий предложил заплатить им за их помощь. В 544 году, когда персидский царь осаждал Эдессу, римские солдаты, бывшие в городе, пошли в атаку на осаждавших, при этом «сельские жители и часть *demos 'a*» к ним присоединились<sup>37</sup>. В годы правления Юстиниана часто случалось, что степные кочевники вторгались во Фракию и Иллирикум, где император запрещал своим солдатам нападать на них: он хотел использовать кочевников в качестве союзников в войне против готов или других своих врагов. Тогда сельские жители захваченных районов сами нападали на этих «гуннов», когда они откатывались обратно за Дунай, так как те часто уводили с собой местных женщин и детей, которых они брали в плен с тем, чтобы превратить в рабов. Крестьяне часто побеждали в этих схватках, отбивали захваченных родственников и заодно отбирали у кочевников лошадей<sup>38</sup>. Мы знаем, что в Испании жители одной из крепостей, будучи мирными гражданами, тем не менее напали на свегов и убили многих из них (с. 161). Мы видели, как Северину удалось убедить жителей Норика напасть и разгромить отряд варваров (с. 111). В 443 году жители Азема в Мёзии разгромили отряд гуннов<sup>39</sup>. Но для того, чтобы набрать хотя бы дюжину случаев, когда сельское население активно сопротивлялось завоевателям, нам придется перерывать все древние источники. Опять-таки исключение составляет Британия, где граждане провинции или значительная их часть нападали на захватчиков и побеждали их трижды в течение V века — в 409 году, вскоре после 446 года и во времена загадочного Амвросия Аврелиана. Но как объяснить то, что в целом сопротивление было недостаточным? Было бы поверхностной точкой зрения утверждать, что граждане не сопротивлялись потому, что римские законы запрещали им носить оружие. Если мужчинам надо защищать свои дома и тем более свои жизни, они легко находят оружие. *Furor arma ministrat*. Возможно, более верное объяснение приводит Зосима. Рассказывая о разрушении везеготами Спарты в 396 году, он

комментирует это так: «Даже сама Спарта погибла среди общего разрушения Эллады. Из-за римской эксплуатации (*pleonexia*) оружие и войны больше не защищали ее, вместо этого она была отдана правителям, которые были предателями и которые ревностно служили удовольствию завоевателей (то есть римлян) во всем, что привело к нашей общей гибели»<sup>40</sup>. Несчастья, обрушившиеся на один из самых знаменитых городов древнего мира, были вызваны более глубокими причинами, чем мимолетный набег везеготов. Римское правление не лишило граждан оружия. Оно отняло у них стремление к победе и волю к жизни.

### 3. Обращение варваров в христианство

В период между обращением Константина в 312 году и воцарением Юстиниана в 527 году католическая церковь, насколько нам известно, не направляла миссионеров за границу Империи для обращения живших там язычников. Ульфила поселился среди готов за нижним Дунаем для того, чтобы в качестве епископа служить тем христианам, которые уже жили в Готии<sup>41</sup>. Палладий был послан Папой в Ирландию в 431 году с тем, чтобы служить «шотландцам, верующим во Христа»<sup>42</sup>. И мы не знаем ни одного императора этого времени, который бы верил, что общая религия может служить мостиком между двумя государствами. Однако в отношении еретиков это не совсем верно. Везеготский король Теодорих II, арианин, послал Аякса к галисийским свевам в Испанию, и тот обратил этих варваров-язычников в арианство (с. 195). В католичестве в IV, V и в начале VI века ничего подобного, пожалуй, не происходило.

Вопрос об обращении германцев в христианство обсуждался многократно. Вероятнее всего, его падения в 476 году Западной империи из всех германцев, все еще живших за северной границей Империи, только руги были христианами, но после того, как германцы заняли провинции, ни один народ, кроме англосаксов, не оставался языческим дольше чем на одно-два поколения<sup>43</sup>. Но как обстояло дело с обращением кочевников?

Около 400 года один или два римских прелата заинтересовались кочевниками. Иоанн Хризостом, патриарх Константинополя, примерно в это время направил миссионеров «к кочевникам-скифам, стоявшим лагерем вдоль Дуная», хотя «вдоль Дуная» не обязательно означало «за границей Империи»<sup>44</sup>. Однако историк, упомянувший об этом факте, не утверждал, что миссионерам удалось обратить кого-либо из кочевников в христианство. Одной из проблем был язык. Очень немногие из римлян знали гуннский язык. Даже в середине V века из всех персонажей негуннского происхождения, населяющих страницы сочинений Приска Панийского, только двое или трое говорили на гуннском языке. Один из них побывал в плену у гуннов. Другой был переводчиком. Я думаю, что поначалу он был официальным переводчиком, а затем поселился среди гуннов<sup>45</sup>.

Феотим был епископом города Томы (Констанца на побережье Черного моря). Наш автор рассказывает о том, что гунны, жившие на Дунае, были покорены его достоинствами и решили называть его Богом римлян после того, как стали свидетелями творимых им чудес. Однажды он и его спутники увидели, что к ним подъезжает шайка гуннов. Спутники епископа начали причитать, опасаясь, что их убьют, но сам епископ просто сошел с лошади и начал молиться. Варвары заявили, что они не видели ни Феотима, ни его спутников, так как все они стали невидимыми. Епископ обычно развлекал гуннов и дарил им подарки, которые смягчали их жестокие нравы. Один из гуннов сделал вывод, что епископ богат, и решил захватить его в плен. Он попытался накинуть на епископа лассо (гунны, как и подобает настоящим ковбоям, хорошо умели это делать), но, подняв руку, чтобы набросить веревку, он уже не смог ее опустить: его рука застыла, как в параличе. По просьбе своих спутников Феотим помолился Богу, и только после этого рука гунна освободилась от невидимых пут<sup>46</sup>.

Конечно, наш автор не ручается за правдивость историй о том, как епископ и его спутники стали невидимыми, или о том, как окаменела рука гунна. Он преподносит эти истории как «сообщения», не более того. Он также ни разу не упоминает о том, что Феотим обратил в христианство хотя бы одного кочевника. Но еще более поразительно то, что, согласно автору, Феотим и не пытался обращать язычников. Епископу, по-видимому, не приходило в голову, что он может привлечь на сторону церкви хотя бы одну языческую душу. Мы не знаем, что привело его на берега Дуная, но это не было стремление спасти варваров от Геенны огненной.

Безразличие Феотима к духовной участи варваров представляется очень типичным для клириков IV и V веков. Мы знаем, что в V веке некоторые варвары, служившие в императорской армии, могли быть обращены в христианство. Кроме того, военнопленные могли привлечь на свою сторону несколько душ. Но новообращенных было очень немного.<sup>47</sup>

К концу царствования персидского царя христиан в Персии жестоко преследовали. Многие жертвы преследования бежали, и многие находили убежище в римских провинциях. Вождь сарацинов Аспебет — язычник, не одобрял преследований и не помешал бегству многих христиан. Он был выдан Исдегерду, и ему пришлось самому укрыться в Римской империи. Имперские власти сделали его главным вождем арабских племен той местности, где он жил. Затем святой подвижник Ефимий вылечил его сына от паралича, после чего Аспебет и его приближенные приняли католичество. При крещении он принял имя Петр, и не позднее 431 года Ювенал Иерусалимский посвятил его в епископы сарацинов<sup>48</sup>. Путь от бедуинского шейха до католического епископа был редкостью. Позже, около 473 года, во времена императора Льва I, арабский вождь по имени Амурсес ушел от персов, добился положения главного вождя сарацинов в своей местности и захватил римский остров Иотабе в Красном море. Он изгнал римских таможенников и обогатился, собирая римские пошлины. Он пытался договориться с римлянами и

получить признание как главный шейх арабов, живших в окрестностях Петры. Лев пригласил его в Константинополь, радушно принимал его, даже решив ему сидеть среди патрициев во время застолья. В благодарность Амурсес стал христианином! Правда, в этом случае надо заметить, что среди его соплеменников уже были христиане, так как он начал переговоры со Львом через «Петра, епископа своего племени». Если там был епископ, то, видимо, христиан в этой общине было немало<sup>49</sup>.

Новый период начался с воцарением Юстиниана. Он считал, что народ, принявший католическую веру, скорее всего, превратится в союзника католической Империи. Он недвусмысленно объяснил это франкам еще в 536 году, убеждая их в том, что франки и византийцы должны сотрудничать, так как придерживаются одной религии<sup>50</sup>. Он также предложил эфиопам и гомеритам объединиться с Восточным Римом в борьбе против Персии «из-за единства веры»<sup>51</sup>. Прокопий даже утверждает, что ломбарды просили Юстиниана заключить с ними союз против гепидов на том основании, что ломбарды, как и Юстиниан, католики, в то время как гепиды — ариане<sup>52</sup>.

Другой феномен VI века — это приезд в Константинополь отдельных варваров или групп варваров, которые по собственной воле желали принять крещение. Некий Грет, король германского племени герулов, приехал в столицу со своей свитой и двенадцатью родственниками и попросил крестить его. Юстиниан всех их охотно принял, и они были крещены. Императора особенно должно было порадовать то, что, с радостью возвращаясь на родину, герулы пообещали ему быть его союзниками, когда бы он ни призвал их к себе на помощь. Но в этом случае инициатива исходила не от Юстиниана, а от самих варваров<sup>53</sup>. Не всегда обращение в христианство оканчивалось так благополучно, как в случае с Гретом Герулом. Некий Грод, или Гордас, король гуннов, живший около крымского города Боспора, приехал в Константинополь и принял крещение. Юстиниан осыпал его подарками и отправил назад в Крым с тем, чтобы он охранял тамошние римские владения, особенно город Боспор. Подданные Грода были, конечно, язычниками и поклонялись идолам. Грод поспешил — как выяснилось, необходимо — переплавить идолов, сделанных из серебра и золота, и продать их за наличные деньги в Боспоре. Его нетактичные действия привели в ярость языческих жрецов, которые убили Грода и поставили на его место его брата Мугеля. Это был один из тех сравнительно редких случаев, когда правитель-варвар принимал христианство, а его подданные не следовали этому примеру. Мы видим, что обращение короля не обязательно влекло за собой обращение всего народа<sup>54</sup>.

Престарелый пресвитер по имени Юлиан из епархии монофизитского патриарха Александрии «имел искреннее духовное желание обратить в христианство кочевые народы, обитающие на восточных окраинах Фив за пределами Египта, которые не только не подчиняются власти Римской империи, но получают субсидии с условием, что они не войдут в Египет и не будут разорять его»<sup>55</sup>. Этот Юлиан был еретиком-монофизитом, и, хотя его



поддерживала императрица Феодора, его миссия раздражала Юстиниана, который выслал к набатеям своих собственных миссионеров-католиков. Однако миссия Юлиана оказалась более успешной из двух: он обратил короля и принцев набатеев и даже объяснил им «ошибки» Халкидонского Собора. Преемником Юлиана в этих дальних краях был некто Лонгин, который от набатеев поехал дальше к алодеям, считавшимся эфиопами, «ибо когда народ алодеев услышал об обращении набатеев, их король послал гонцов к королю набатеев, прося того разрешить епископу, который обучил и крестил тех, приехать и обучить его народ таким же образом»<sup>56</sup>.

Перед нами феномен, подобного которому не было ни в IV, ни в V веке. Во-первых, христианский священник по собственной инициативе решил выехать за пределы Империи только для того, чтобы проповедовать Евангелие среди местного языческого народа. Кроме того, правитель языческого народа, обитавшего далеко за границами Империи, призвал к себе миссионера с единственной целью — обучиться его вере. Очень жаль, что мы ничего не знаем о мотивах, побудивших короля алодеев на этот почти беспрецедентный поступок. Он явно не стремился таким образом заручиться дружбой Юстиниана, так как император был твердым противником экспедиции Лонгина. Он даже пытался задержать начало миссии Лонгина в течение трех лет<sup>57</sup>. Юлиан подкрепил силу своих теологических аргументов тем, что передал королю набатеев «богатые дары», но, насколько мы знаем, Лонгин не пользовался подобным способом убеждения.

Когда Лонгин добрался до нобадов, он рукоположил нескольких местных священников, обучил их божественной литургии, а также построил для них церковь. Но в царствование Юстиниана был и другой миссионер, проповедовавший среди северных кочевых племен, и был он весьма необычным человеком. Его звали Кардутсат, «епископ страны Арран»<sup>58</sup>. Он с семью другими священниками приехал из Албании на территорию гуннов для того, чтобы утешать римских пленников, томившихся там. Он оставался там в течение «недели годов» и обратил многих гуннов (возможно, это были сабиры). Наш автор сообщает интереснейший факт, связанный с его миссией: он и его товарищи перевели несколько книг (Библии?) на гуннский язык. Наш автор не утверждает, что именно Кардутсат создал гуннский письменный язык, но в то же время нет абсолютно никаких сведений о том, что у гуннов до этого существовала письменность. Наоборот, в середине VI века Прокопий отвлекается от своего повествования, чтобы напомнить, что большинство гуннов были совершенно неграмотны<sup>59</sup>. Кто же первым создал алфавит для этого народа и записал их язык? Мы этого не знаем: возможно, это был Кардутсат и его семеро друзей, возможно, какой-то забытый герой более раннего времени. В любом случае, читающая публика наверняка составляла лишь крохотную часть этого народа и, вероятно, состояла только из горстки новообращенных христиан.

Миссия Кардутсата была не напрасной. Его успех так поразил другого епископа, армянина, которого звали, очевидно, Маку, что он также с не-

сколькими священниками поехал к гуннам «еще через две недели годов». Захарий Метиленский, наш источник сведений о Маку, пишет, что «он затем построил кирпичную церковь, посадил растения и посеял разные виды семян... и многих крестил». Какова была судьба кочевников, обращенных им и Кардутсатом? Об этом нам известно не больше, чем о том, как закончился необычный эксперимент Маку по превращению кочевых пастухов в оседлых земледельцев. Он, несомненно, осознавал, в чем состояла основная проблема обращения кочевников в христианство. Немногие византийские священники смогли бы — я уже не говорю о том, захотели бы они, — вынести тяготы кочевой жизни в степи. Но задача обращения была бы несравнимо более трудной, если бы гунны не испытывали на себе постоянного влияния миссионера, жившего среди них. Поэтому Маку пытался отучить их от кочевой жизни и собрать вокруг церкви, которая должна была стать центром общинной жизни. В такой общине они могли жить, не переходя бесконечно от пастбища к пастбищу вслед за зеленой травой, как вынуждены были поступать все кочевники. Если бы у нас было больше информации, мы, возможно, узнали бы и о других попытках обращения кочевников, но из них не многие заслуживали успеха больше, чем Маку с его экономическими прозрениями и тот неизвестный ученый, который впервые записал язык «гуннов».

Таким образом, в середине VI века появились некоторые новые феномены. До этого отдельные варвары принимали христианство во время службы в римской армии, теперь же целые группы их становились христианами, вступая в императорскую армию. Отдельные люди и даже иногда группы проделывали путь из диких просторов *Barbaria* в Константинополь с определенной и ясно выраженной целью принять крещение. Новообращенный варвар берет на себя обязательство быть политическим союзником римлян. На южных границах и на краю степи священники (хотя обычно не католические) по своей собственной воле решаются выехать за пределы Империи и проповедовать там Евангелие. Императоры приходят к убеждению, что общая религия — это общая внешняя политика, хотя подобное убеждение не всегда оказывается справедливым. И для франков, и для византийцев их собственные материальные интересы были гораздо важнее, чем тот факт, что и те и другие называли себя католиками. Земля, разбой и власть представляли больший сиюминутный интерес, чем природа Божественной Троицы.

#### 4. Св. Патрик

Тацит был не первым, но и не последним римским автором, который обратил внимание на то, какие военные перспективы заключены в вино-торговле с германцами. «Если вы будете поощрять их несдержанность и дадите им столько, сколько они жаждут иметь, — пишет этот сенатор, — то

они будут так же легко побеждены собственными пороками, как и оружием». Он рассказывает о том, как целая когорта германцев была уничтожена изобретательными гражданами Кельна, которые пригласили их на роскошный пир с обильным вином, а когда германцы уснули, заперли двери и подожгли здание<sup>60</sup>. То, что во времена Тацита было интересными размышлениями, приняло более конкретную форму в конце четвертого века. «Итак, варвары тоже пьют вино, — пишет св. Амвросий, — римляне охотно поощряют их в этом, чтобы они напились и тогда, ослабевшие, они легко могут быть завоеваны вследствие их собственного опьянения»<sup>61</sup>. Так как епископ не высказывает своего отвращения к подобной процедуре, можно сделать вывод, что он ее одобряет. Видимо, ему не приходило в голову, что рекомендуемый им способ действий противоречит закону. Продажа вина за границу была в это время запрещена. Святой написал это вскоре после 386 года, то есть всего через несколько лет после того, как в 370–375 годах императоры запретили экспорт вина и растительного масла варварам (с. 14). Императоры сделали это по экономическим и, возможно, военным причинам, но никак не из моральных соображений. Но каковы бы ни были эти причины — экономические, военные или моральные, — Амвросий об этом не заботился.

У св. Амвросия нашелся также подбадривающий совет для ростовщиков, торговцев и всех тех, кто занимался торговлей с неримлянами. Комментируя отрывок из книги Второзакония, XXIII, 19–20: «Не отдавай в рост брату своему не серебра, ни хлеба... Иноземцу отдавай в рост...», он пишет следующие незабываемые слова: «Кто был “иноземец” в те времена, если не амаликитянин или арморитянин, то есть если не враги? Давай им деньги под высокий процент, — говорит он. — Человек, которого ты заслуженно хотел бы убить, человек, против которого не грешно поднять оружие — с него можно законно брать высокий процент. Своими двенадцатью процентами ты быстро отомстишь тому, кого не можешь легко победить в войне. Давай деньги под проценты тому, кого не преступно убить. Человек, берущий проценты, сражается, но без булата. Тот, кто берет проценты с врага, мстит врагу без меча. Значит, там, где есть право воевать, есть право брать проценты». Заметим, что святой без всяких условий поддерживает торговлю с врагом, а также предполагает, что варвары живут в таких условиях, где с них можно снять проценты даже в тех случаях, когда они не горят желанием их платить<sup>62</sup>. Жаль, что он не оставил нам своего комментария того изящно сформулированного закона примерно от 374 года, который обязывал римлян красть все золото, найденное ими у тех, кого римляне называли «варварами»<sup>63</sup>.

К счастью, были христиане и другого рода, непохожие на св. Амвросия, циничного священника из Милана. Одним из таких христиан был бриттон по имени Патрик. Св. Патрик не был совершенством. Как большинство бриттонов, он был лишен чувства юмора. Он жестоко обижался, когда бриттонские священники неодобрительно отзывались о его карьере, считая, что он не соответствует своей епископской должности. К кон-

цу жизни эта обидчивость превратилась у него в нечто вроде мании. Кроме того, что он нам рассказал в двух своих небольших книгах, мы еще кое-что о нем знаем. Он прославился в первой половине V века. Он не был первым из епископов, посланных в Ирландию, а был туда направлен, чтобы окормлять тех христиан, которые уже там жили. Решение обратиться к язычникам-ирландцам он принял самостоятельно<sup>64</sup>. Он — единственный писатель, оставивший нам книги, написанные к северу от границы Западной империи, и он — первый миссионер, описавший свою жизнь так, как это делали евангелисты.

Один средневековый писатель советовал своему другу, собиравшемуся стать миссионером, взять с собой побольше помощников и сотрудников и продемонстрировать язычникам изобилие пищи, одежды и т. п. Язычники будут потрясены таким богатством и позволят обратиться к христианству. Миссионер ни в коем случае не должен брать ничего из того, что у них есть. Если они ему что-нибудь предложат, он должен отдать им больше, чем получил от них, чтобы они не подумали, что он пришел к ним ради корысти<sup>65</sup>. Св. Патрик все это понимал несколькими столетиями раньше. Он начал с того, что передал подарки вождю того племени, в котором он намеревался вести свое служение, однако что это были за подарки, он не уточняет. Он также платил сыновьям местного вождя и по возможности старался взять их с собой в путешествие, чтобы до некоторой степени обеспечить свою личную безопасность<sup>66</sup>. Он считает, что читателям его «Исповеди» должно быть известно, сколько он потратил на взятки «тем, кто осуществляет правосудие во всех тех краях», которые он обычно посещал. Сумма, потраченная только на эти цели, равнялась «цене пятнадцати мужчин», и во время написания книги он готов был платить еще и еще<sup>67</sup>. Мы знаем, что цена одного необученного раба в современной Галлии составляла примерно двадцать пять-тридцать *solidi*, и если цены в Ирландии были сравнимы с галльскими — хотя там их подсчитывали не в *solidi*, то Патрик потратил на взятки судьям сумму, равную цене шести фунтов золота. Если же он имеет в виду не цену пятнадцати необученных рабов, а цену выкупа за пятнадцать свободных людей, то общая сумма взяток могла быть значительно выше. Миссионерское служение в чужой стране, как оказывается, было делом, требующим серьезной финансовой подпитки. Патрик ничего не говорит об источниках своего дохода. Если средства приходили из Британии, то не было нужды упоминать об этом в его «Исповеди», которая написана в основном для бриттонов, и без того знакомых с этими положением вещей. Что касается его другого, менее объемного сочинения «Послание к солдатам Коротика», то его тема была далека от этих вопросов. Трудно поверить, что источником его средств были пожертвования новообращенных и христиан, живших в Ирландии к моменту его приезда туда вскоре после 431 года.

Несмотря на все взятки вождям, жизнь нашего миссионера, как ясно видно из относящихся к Патрику документов, была полна опасностей. Сто-

ило ему обратить несколько членов одного племени, как банда разбойников нападала на них, убивала почти всех мужчин, а женщин и детей уводила с собой, чтобы затем продать их на каком-нибудь дальнем рабском рынке. Именно такая судьба постигла некоторых неопитов Патрика: они пали жертвой «воинов» Коротика, который был номинально христианином и номинально римлянином<sup>68</sup>. Но и без вмешательства внешних сил опасностей было довольно. Патрик постоянно ожидал, что его обманут или убьют, или возьмут в плен; действительно, среди подчиненных ему священников многие оказались в рабстве<sup>69</sup>. Даже если вожди соглашались принять дары, они все равно могли арестовать миссионера и его спутников, и тогда угроза смерти была вполне реальной. Однажды в подобной ситуации некий вождь схватил Патрика и его друзей и хотел их убить. Он две недели держал их закованными в цепи и отобрал у них все имущество, и если впоследствии он их освободил и вернул украденное, то только благодаря «некоторым близким друзьям, которых мы обеспечили до этого»<sup>70</sup>. Как хотелось бы узнать, что хотел сказать Патрик этой сдержанной фразой. Непонятно, почему Патрик так скрытен в этом отрывке из «Исповеди»: те друзья, которых он обеспечил и которые повлияли на решение вождя, наверняка были ирландцами, а враждебно настроенные ирландцы вряд ли стали бы читать «Исповедь». Надо сказать, сам Патрик много раз попадал в рабство, но всегда ему удавалось выйти на свободу<sup>71</sup>. Его работа требовала исключительной тактичности. Очень важно было не потерять доверия язычников и их вождей, ведь любой неверный шаг мог привести к преследованиям с их стороны. «Господь свидетель, я никого из них не обманул, — пишет он, — и я не собираюсь этого делать, во имя Господа и Церкви его, чтобы не стать причиной гонений на них и на всех нас и чтобы имя Господа не было осквернено по моей вине»<sup>72</sup>. Опять таки, несмотря на то что его невежливость могла обидеть новообращенных, Патрик неуклонно отказывался принимать бесчисленные подарки, которые те приносили ему и клали на алтарь. Только так он мог заслужить доверие «неверных» и только так он мог не дать повода для клеветы и презрения. И хотя он обратил «тысячи» язычников и рукоположил множество священников, он с гордостью говорит о том, что ни от одного из них он не получил даже и суммы, равной цене одного башмака<sup>73</sup>. Патрик видел, что сами новообращенные часто терпели несчастья, упреки и гонения со стороны своих соплеменников<sup>74</sup>. Но тяжелее всех была участь рабынь, принявших католичество: им приходилось выдерживать ярость и «террор» со стороны своих хозяев, чтобы вступить в запрещенную секту.

Не обладавший чувством юмора и уравновешенностью, Патрик тем не менее знаком нам лучше, чем кто бы то ни было из деятелей эпохи переселения народов. Увезенный в рабство в Ирландию в шестнадцать лет, он так и не смог закончить образование. Поэтому приемы красноречия и изысканный словарь литераторов его времени были ему недоступны. Ему ничего не оставалось, как писать безыскусно, от сердца, и он писал с

такой страстной искренностью и с такой безоглядной уверенностью в правоте своего дела, которые не могут не вызывать нашего восхищения и уважения. Мечта св. Амвросия (с. 221) — пьяный язычник в цепких лапах ростовщика — была совершенно чужда св. Патрику. Подростком-рабом, в полном одиночестве, он и в снег и в дождь охранял овец своего хозяина на горных склонах Коннота. Разве мог он тогда предвидеть, что со временем прославится не меньше Константина Великого?

Ульфила в IV веке, а Патрик в V были единственными, кто не жалел сил для обращения язычников в христианскую веру. Приходится признать, что полная история завоевания Римской империи варварами будет содержать лишь несколько ссылок на католическую церковь. Христианам этих веков доктринальные различия казались более важными, чем падение городов и порабощение народов.

# ДОПОЛНЕНИЯ

## ВЕЗЕГОТЫ В АКВИТАНИИ: ПОЧЕМУ?

Я не прошу извинения за то, что снова возвращаюсь к проблеме расселения везеготов на западном побережье Франции. Это стало основой Тулузского королевства и на следующие девятьсот лет определило историю Южной и Центральной Франции. Важность этого вопроса не вызывает сомнений.

К сожалению, в 1961 году некоторые непродуманные высказывания, изложенные на страницах исследования Дж. М. Уоллс-Хендрилла «The Long-Haired Kings» (London, 1962), первоначально опубликованного в «Bulletin of the John Rylands Library» (XLIV (1961)), внесли сумятицу в обсуждение этой темы. Дж. М. Уоллс-Хендрилл не находит изъянов в той аргументации, которая изложена во второй главе настоящей книги; он не утверждает, что моя теория невероятна сама по себе или что римское правительство не могло защищать богатые аквитанские поместья таким способом. Он настаивает на том, что, хотя армориканская теория (назовем ее так) имеет свои преимущества, есть и другие объяснения. У Рима было много других врагов, считает он, для защиты от которых они могли начать расселение варваров в Аквитании. Все предлагаемые объяснения построены на догадках, а затем Дж. М. Уоллс-Хендрилл приходит к потрясающему выводу, что «мы не знаем, почему везеготы были поселены в Аквитании».

С первого взгляда такая позиция может показаться вполне приемлемой. Но если мы посмотрим на альтернативные объяснения, которые предлагает наш автор, мы увидим, что все они совершенно неправдоподобны, а одно из них просто невразумительно. Возникает вопрос: зачем в таком случае Дж. М. Уоллс-Хендрилл так стремится избавиться от армориков? Преимущество армориканской теории в том, что она объясняет все известные нам факты, — это несомненно. Она объясняет время, место и характер расселения. Альтернативные теории Дж. М. Уоллс-Хендрилла ничего этого не объясняют. Ни об одной из них нельзя сказать, что она имеет свои преимущества.

Дж. М. Уоллс-Хендрилл приводит в качестве аналогии тот факт, что когда аламанны в 455 году вошли в Эльзас, сенаторы Лиона сразу же позволили бургундским федератам в Савойе двинуться им навстречу, чтобы противостоять возможному нападению аламанных. Бургундам предложили поселиться в долине Роны с тем, чтобы блокировать иностранного противника — аламанных. Все это, конечно, вполне возможно. Но какой иностранный противник угрожал Аквитании в 418 году? Даже наиболее пессимистично настроенные местные землевладельцы в моменты тяжелейшей депрессии не могли бы поверить в то, что аламанны или франки вдруг двинутся из-за Рейна на запад, пересекут всю Францию, дойдут до атлантического побережья и захватят огромные аквитанские поместья. Следовательно, мы должны выяснить, какие еще иностранные агрессоры могли представлять угрозу. Правда, Е. Джамс считает, что никакой проблемы и нет («враги были в изобилии, было из кого выбрать»), но по недосмотру он забыл поделиться со своими читателями этим изобилием, так что кто были эти враги — остается неясным<sup>1</sup>. Дж. М. Уоллс-Хендрилл как один из возможных вариантов предлагает следующее объяснение: договор с везеготами, заключенный в 418 году, был «мерой, направленной на то, чтобы не позволить приблизиться к берегу саксонским и франкским морским пиратам». Именно эта неправдоподобная версия и осложнила последующую дискуссию. Мы знаем, что богатые землевладельцы добровольно отдали одну треть своих пахотных земель, не высказав ни малейшего протеста (насколько это было известно нашим авторам). В результате орда малоприятных варваров располагалась на их земле, а иногда даже в их домах. Совершенно очевидно, что аквитанские (как и любые другие) землевладельцы согласились бы на подобные жертвы только в том случае, если бы им угрожала страшная и неминуемая опасность. Они могли согласиться отдать часть своих земель только для того, чтобы не потерять все земли, причем этот выбор должен был быть очевиден для каждого из них. Жертвы, на которые они добровольно пошли, были почти паническим актом отчаяния. Если жертвы эти были вызваны страхом перед пиратами, то угроза нападения должна была быть немедленной и именно так восприниматься всеми землевладельцами. Иными словами, нам ничего не остается, как предположить, что каждое лето непосредственно перед 418 годом тучи пиратов наводняли берега провинции Аквитания II, что вслед за набегами пираты начали селиться в этих местах, что пираты-варвары зимовали на суше и что для всех было очевидно и несомненно одно: окончательная потеря провинции — лишь вопрос времени, причем скорого времени. Только на основании этого предположения мы можем объяснить действия землевладельцев в том случае, если они действительно были следствием набегов саксонских и франкских морских пиратов.

Обратимся же к литературным источникам начала V века и посмотрим, что они говорят об этих опустошительных набегах. Как это ни стран-



но (говоря современным языком), они их вообще не упоминают! К счастью, мы располагаем стихотворением Рутилия Наматиана, в котором он описывает путешествие из Рима на родину в Галлию в 417 году: о морских нападениях на Галлию ему ничего не известно. Сальвиан, священник из Марселя, писавший в 440–441 годах, считал саксов свирепым и неиспорченным народом (по его мнению), но для него они были так же далеки, как франки или гунны<sup>2</sup>. Для подтверждения саксонских набегов на Галлию в период до 418 года Дж. М. Уоллс-Хендрилл приводит тот слабый аргумент, что в 463 году саксы нападали на Анжер. Как он полагает, это были саксонские пираты<sup>3</sup>. Около 478 года Сидоний Аполлинарий писал о саксонских пиратах, которые разбойничали вблизи западного побережья Франции, хотя он не говорит о том, что они были многочисленны, или о том, что они грозили поселиться в аквитанских поместьях или зимовать на суше<sup>4</sup>. В стихотворении, включенном в письмо, написанное в 476 году или немного позже, Сидоний упоминает о том, что саксонских пиратов видели вблизи Бордо<sup>5</sup>. Я утверждаю с большой долей уверенности, что все, что делали саксы в 470-х годах, и все, что тогда писал Сидоний, не могло повлиять на решение Констанция, принятое в 418 году.

Затем Дж. М. Уоллс-Хендрилл призывает на помощь археологию и *litus Saxonicum*, укрепленный берег юго-восточной Британии и части Франции. Основной вопрос здесь должен звучать так: какая часть французского побережья была укреплена против саксов? «Определенно Гаронна, — говорит наш автор, — также Дордонь с притоками и в некоторой степени Шаранта»<sup>6</sup>. Если бы эти реки действительно были укреплены против саксонских разбойников, если бы форты, сооруженные там, были частью оборонительной линии Саксонского берега, то тезис Дж. М. Уоллс-Хендрилла выглядел бы более правдоподобно. Конечно, при условии, что время постройки этих укреплений соответствовало бы нашей хронологии. Однако факты говорят о другом. Шаранта, Дордонь и даже Гаронна никогда не были частью Саксонского берега. Недавнее исследование Саксонского берега, проведенное археологом Стивеном Джонсоном<sup>7</sup>, доказывает, что форты эти были построены между 276–285 годами. Это говорит о том, что в третьей четверти III века юго-восток Британии и соответствующая часть Галлии страдали от массовых рейдов саксов; иначе имперское правительство никогда бы не стало тратить деньги на строительство таких мощных укреплений и не оставило бы такую большую часть своей армии в этих фортах для их защиты. А где находится «соответствующая» часть Галлии? Видимо, континентальные укрепления начинались в устье Рейна и тянулись на юго-запад вдоль побережья Франции до устья Сены. Правда, нельзя с уверенностью говорить, что они доходили до Сены, так как местоположение крайнего западного форта Гранноны не установлено и можно только предполагать, что он находился в устье Сены<sup>8</sup>. Это очень далеко от Гаронны, Дордони и Шаранты!

Так что и литература, и археология не только не подтверждают теорию о том, что расселение 418 года было вызвано необходимостью иметь силы, способные защитить римлян от набегов пиратов-саксов, а наоборот, они опровергают эту теорию. Если мы хотим понять условия, в которых создавалось Тулузское королевство, мы должны забыть об этих неуловимых саксах, бегущих по пляжам Вандеи и Шаранты Морской и якобы угрожающих крупным аквитанским поместьям. Также нет оснований думать, что варвары были поселены для защиты от нападения со стороны рек. Атаку с реки легче всего отразить, если в ваших руках оба ее берега. Но везеготов, насколько мы знаем, не селили на южном берегу Гаронны или северном берегу Луары. И как все эти теории объясняют дату: 418 год?

Однако далее Дж. М. Уоллс-Хендрилл утверждает, что выбор наш заключается вовсе не между саксами и багаудами. С этим нельзя не согласиться, так как саксы здесь вообще ни при чем. На самом деле, продолжает наш автор, римляне пытались вытащить из Испании готов и запереть их в «управляемой» ими части Галлии. То есть римское правительство забрало готов из Испании, где они храбро и успешно воевали в интересах Империи. К тому времени они успели разгромить кровожадных аланов и вандалов-силингов и сражались с вандалами-асдингами. Почему же не дать им покончить с аланами? И в каком смысле готы были более «управляемы» в Аквитании, чем в Испании или на Рейне, где они могли отражать атаки франков или аламаннов? Ведь когда вы хотите где-то запереть грабителя, вы не запираете его в банке. Аквитания не подходила для «запирания». А аквитанские землевладельцы? Они без звука согласились отдать свои земли, поверив этим смехотворным теориям? Они согласились поделиться землей с варварами только для того, чтобы готы больше не побеждали врагов Рима к югу от Пиренеев? Как мог Констанций их убедить, что готы, если их привести в аквитанские поместья, станут каким-то загадочным образом «управляемыми»? Почему землевладельцам не пришлось в голову, что если готов необходимо «запереть» и «управлять» ими в Аквитании, то поместья скоро превратятся в поле битвы? Надо быть очень необычным землевладельцем, чтобы радоваться, видя, как твое поместье переходит из рук в руки, от одного противника к другому. Если в этом и состоял план Констанция по управлению готами, то землевладельцы должны были хотя бы шепотом протестовать против него. Но никакого шепота не слышно в наших письменных источниках.

Но, оказывается, у Констанция была причина вести себя таким необъяснимым образом: провинция Аквитания II, «вероятно, давно заслуживала твердой руки». Я считаю это замечание невразумительным и потому не могу его комментировать.

Таким образом, мы видим, что ни одна из версий Дж. М. Уоллс-Хендрилла не объясняет дату расселения. Они не объясняют и выбор места: согласно его теориям, везеготов следовало поселить между Пиренеями и Гаронной. Они не объясняют и способ расселения. Все его размышления

заканчиваются следующим утверждением: «если... и была опасность, от которой готы могли защитить галло-римлян, то мы не можем ее установить». Это не так. По всей вероятности, эта опасность находилась к северу от Луары.

Испытываешь чувство облегчения, переходя от «аргументов» (если их можно так назвать) Дж. М. Уоллс-Хендрилла к серьезной работе Бернхарда С. Бахраха<sup>10</sup>, в которой, что совершенно разумно, ни разу не упоминаются саксонские или франкские пираты. Автор считает, что Констанций преследовал одновременно две цели. В 418 году везеготы уже уничтожили аланов и вандалов-силингов в Испании и теперь собирались таким же образом обойтись с вандалами-асдингами. Если бы и эти варвары были полностью побеждены, вся Испания была бы отдана на милость везеготам. Вторых, ослабленных асдингов римляне могли в дальнейшем выгодно использовать при удобном случае. Бахрах заключает, что отзыв везеготов из Испании в 418 году имел целью предотвратить гибель асдингов.

Нельзя отрицать, что эта гипотеза может быть верной. Если я отвергаю ее, то потому, что она объясняет только часть известных нам фактов. Она объясняет дату отзыва везеготов из Испании. Если бы им разрешили остаться в Испании еще на год или два, они бы покончили с вандалами и тогда вся Испания лежала бы у их ног. Но эта гипотеза не объясняет, почему для расселения была выбрана Аквитания. Почему везеготов не поселили, скажем, на левом берегу Рейна? И почему был выбран именно такой необычный способ расселения, когда готы, защищая свои интересы, были тем самым вынуждены защищать интересы своих римских «хозяев»? И почему не было жалоб от землевладельцев? Теория, объясняющая все факты, то есть армориканская теория, несомненно, предпочтительнее той, которая объясняет только некоторые из них. Но объяснить хотя бы один из фактов — уже успех. Что касается Дж. М. Уоллс-Хендрилла, то он не может объяснить ни одного.

# ПРИМЕЧАНИЯ

## И. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВОЙНА

<sup>1</sup> *Velleius Paterculus*. II. 107.

<sup>2</sup> *Tacitus*. H. IV. 63; *Jordanes*. Get. 143.

<sup>3</sup> *Procopius*. BG. VIII. 19. 14 sqq.

<sup>4</sup> *Idem*. BV. III. 12. 8 sqq. Заметим, что в повествовании убитый был одним из «друзей» двух других, а в речи Велизария он назван их родственником, что маловероятно на фоне BG. VI. 14. 4. Ср.: описание подобного случая у Агафия (*Agathias*. Hist. II. 7).

<sup>5</sup> *Caesar*. BG. VI. 1. 3; *Tacitus*. H. V. 25. Тот же самый аргумент приводил внуч Нартес в 552 году: *Procopius*. BG. VIII. 29. 6, ср. VI. 28. 17.

<sup>6</sup> *Herodian*. Hist. III. 4. 8 и далее. Более поздняя дата см.: *Ioannes Ephesus*. VI. 2; *Procopius*. Anecd. XXXV. 25.

<sup>7</sup> *Theophylact*. Simocatta. II. 16.

<sup>8</sup> *Dio Cassius*. LXVIII. 7. 4; LXVIII. 6. 1; 9. 3 и 5. Ср.: *Petrus Patricius*. Frag. 5.

<sup>9</sup> *Caesar*. BG. II. 29. 4; 30, 33.

<sup>10</sup> *Ibid.* I. 13. 2 (строительство мостов); 12. 5 (осадные механизмы, которые галлы никогда раньше не видели и о которых не слышали); IV. 25. 1sq. (военные корабли); VII. 29. 2 (осадная война); *Hirtius A.* BG. VIII. 43. 4 f.

<sup>11</sup> *Tacitus*. H. IV. 30.

<sup>12</sup> *Socrates*. Hist. Eccles. VII. 18. 4; *Charlesworth M. P.* в книге: *Coleman-Norton P. R.* Studies in Roman Economic and Social History. Princeton, 1951. P. 131–143. О римских изготовителях шелка, вынужденных эмигрировать в Персию, см.: *Procopius*. Anecd. XXXV. 25.

<sup>13</sup> *Zonaras*. XII. 1. (Другую версию см.: *Ioannes Ephesus*. VI. 24); *Priscus Panites*. Frag. 8. 303. 23 (ed. Dindorf).

<sup>14</sup> *Herodian*. IV. 10. 4; *Libanius*. Or. LIX. 66 ff. Согласно *Procopius*. BP. II. 29. 1, эти персы, видимо, умели строить осадные машины.

<sup>15</sup> RIB. 1280–1281; ср. *Richmond I. A.* Excavations at High Rochester and Rivingham, 1935 // *Archaeologia Aeliana*. Ser. 4. Vol. XIII (1936). P. 170–198, 180 ff.; *Idem*. Roman Britain and Roman Military Antiquities // *Proceedings of the British Academy*. XLI (1955). P. 297–315, p. 308 ff.; *Baatz D.* // *Bonner Jahrbücher*. CLXVI (1966). S. 194–207.

<sup>16</sup> *Digest*. XXXIX. 4. 11 (Paul); XLVIII. 4. 1–4 (Scaevola). На эту тему есть замечания у *Vismara G.* Limitazioni al commercio internazionale nell'impero romano e nella communita cristiana medioevale // *Scritti in onore di C. Ferrini*. I. Milano, 1947. P. 443–447.

<sup>17</sup> *Cod. Justin*. IV. 41. 1; 63. 2. Эта мысль была мне подсказана: *Vismara*. Op. cit., 445 f.

<sup>18</sup> *Cod. Theod*. VII. 16. 3; *Cod. Justin*. XII. 44 (45). 1.

<sup>19</sup> *Cod. Theod*. IX. 40. 24; однако есть данные о том, что в царствование Валериана «скифы» пользовались судами на Черном море и по крайней мере в одном случае они заставляли пленников грести: *Zosimus*. I. 32–34.

<sup>20</sup> *Maenchen-Helfen*. The World of the Huns. P. 75. Конечно, готы не были мореплавателями; см.: *Baynes N. H.* Byzantine Studies and Other Essays. London, 1955. P. 220 f.

<sup>21</sup> *Cod. Justin*. IV. 41. 2. Ср.: *Procopius*. BG. VIII. 15. 20.

- <sup>22</sup> Ibid.; *Procopius*. BP. I. 19. 25 f.; Anecd. XXV. 4.
- <sup>23</sup> Expositio, XXII.
- <sup>24</sup> *Dio Cassius*. LXVIII. 3; *Menander Protector*. Frag. 9, p. 8. 21 sqq. / Ed. Dindorf.
- <sup>25</sup> *Tacitus*, G. XLI. 1–2, см.: Much ad loc.
- <sup>26</sup> *Tacitus*. H. IV. 64–5; *Dio Cassius*. LXXI. 15; *Thompson* // VTU. P. 14 ff.
- <sup>27</sup> *Dio Cassius*. LXXI. 11. 3; LXXI. 19. 2.
- <sup>28</sup> Expositio, LVII.
- <sup>29</sup> *Petrus Patricus*, frag. 14; *Themistius*. Or. X. 135 CD. *Hermes*. LXXXIV (1956). S. 376; ILS 775; *Schleiermacher W. Nundinenses* // *Germania*. XXXII (1954). P. 326–328. Однако римских и персидских торговцев ограничивали согласно *Menander Protector*. Frag. 11, p. 21, 22 (562 год н. э.) для того, чтобы облегчить сбор таможенных пошлин.
- <sup>30</sup> Cod. Justin. IV. 63. 4.
- <sup>31</sup> *Augustin*. Ep. XLVI.
- <sup>32</sup> См. *Thompson*. EG. P. 140 ff.
- <sup>33</sup> *Tacitus*. Loc. cit.; *Dio Cassius*. LXXI. 11. 3; *Themistius*. X. 161. 30 sqq.; *Zosimus*. IV. 30. 4; Cod. Justin. IV. 63. 4.
- <sup>34</sup> *Priscus Panites*. P. 287. 3 ff., 345. 2 / Ed. Dindorf.
- <sup>35</sup> *Amm. Marc*. XXXI. 3 sqq.; *Eunapius*. Frag. 42, p. 237 / Ed. Dindorf.
- <sup>36</sup> *Orientius*. Commonitorium. II, 184.
- <sup>37</sup> *Jordanes*. Get. 266; *Iohannes Antiochenus*. Frag. 214. 4 и 6.
- <sup>38</sup> *Jordanes*. Get. 266; «pacem et anna solemnna» [лат. мир и ежегодные приношения]; ср. *Procopius*. BG. VII. 34. 6 и 10.
- <sup>39</sup> Ibid. 270 f. Cp. 264 «maluerunt a Romano regno terras petere quam cum discrimine suo invadere alienas» [лат. предпочли требовать земли от Римской империи, а не нападать на чужие, подвергая себя опасности].
- <sup>40</sup> *Priscus*. Frag. 28.
- <sup>41</sup> *Jordanes*. Get. 272; *Priscus*. Loc. cit., о размерах субсидии; *Prosper*. S. a. 459 (I. 492).
- <sup>42</sup> *Priscus*, frag. 39.
- <sup>43</sup> *Jordanes*. Get. 273–276; *Iohannes Antiochenus*. Frag. 206 fin. (относительно готов в Паннонии). Яркую картину жизни на границе Империи и за ее пределами после падения империи Аттилы дает Иордан: *Jordanes*. Get. 272–279.
- <sup>44</sup> *Jordanes*. Get. 277–279.
- <sup>45</sup> *Malchus Philadelphensis*. Frag. 2. P. 387. 20 / Ed. Dindorf.
- <sup>46</sup> *Malchus Philadelphensis*. Frag. 2. P. 387. 20 / Ed. Dindorf.

## II. РАССЕЛЕНИЕ ВАРВАРОВ В ЮЖНОЙ ГАЛЛИИ

<sup>1</sup> Chron. Min. I. 469. s. a. 419: «Constantius patricius pacem firmat cum Wallia data ei ad inhabitandum secunda Aquitania et quibusdam civitatibus confinium provinciarum» [лат. Патриций Констанций упрочивает мир с Валией, дав ему для поселения Вторую Аквитанию и некоторые территории в соседних провинциях], II. 19. s. a. 418: «Gothi intermisso certamine quod agebant per Constantium ad Gallias revocati sedes in Aquitania a Tolosa usque ad Oceanum assereunt» [лат. Когда готы окончили ведомую ими войну и были отозваны Констанцием в Галлии, они получили владения в Аквитании от Тулузы до Океана]. Этот договор проанализирован: *Kaufmann G. Ueber das Foederatverhältniss des tolosanischen Reichs zu Rom* // *Forschungen zur deutschen Geschichte*. VI (1866). S. 433–476 (441–444).

<sup>2</sup> *Salvian*. VII. 7 ff.

<sup>3</sup> Vita S. Orientii III (AASS I. May, 63). В имеющихся у нас описаниях войны 439 года есть некоторые противоречия, но они не настолько серьезны, чтобы мы могли отрицать ценность *Vita*. Противоположное мнение см.: *Lecrivain C. // Annales du Midi*. III (1891). P. 257; *Moulinier A. Les sources de l'histoire de France*. I. Paris, 1901. P. 48. Даже *Courcelle P. // Revue des Études Anciennes*. XLIX (1947). P. 169–177, который, несправедливо, на мой взгляд,

сомневается в ценности *Vita*, допускает, что отрывок о Литории не зависит от какого-либо существующего источника и имеет некоторую историческую ценность. Почему он предполагает, что Сальвиан пользовался каким-то «источником» для своего описания военной кампании Литория 439 года, мне непонятно.

<sup>4</sup> Chron. Min. II. 19. s. a. 418: «per Ligerem fluvium» [лат. по реке Лигер].

<sup>5</sup> К предположениям, высказанным специалистами по топонимике, например Гамильшегом (Gamillscheg), следует относиться с осторожностью, так как эти специалисты используют ненадежные методы, см.: Lot F. Que nous apprennent sur le peuplement germanique de la France les récents travaux de toponymie? // *Compte rendus de l'Academie des Inscriptions et Belles-Lettres*. 1945. P. 289–298.

<sup>6</sup> Reinhart W. Sobre el asentamiento de los Visigodos en la Peninsula // *Archivo español de Arqueologia*. XVIII (1945). P. 124–139; Werner J. // *Germania*. XXVIII. 1944–1950. P. 279–281. Жаль, что Рейнхарт не снабдил библиографией замечательную карту, им опубликованную: *ibid.* P. 137.

<sup>7</sup> Chron. Min. I. 600. s. a. 443: «Sapaudia Burgundionum reliquiis datum cum indigenis dividenda» [лат. Оставшимся бургунам отдается Сабаудия (Савойя), которую они должны были поделить с местным населением].

<sup>8</sup> Библиографию и анализ см.: Martin P. E. Le Problème de la Sapaudia // *Zeitschrift für Schweizerische Geschichte*. XVIII (1933). S. 183–205; Lot F. Les limites de la Sapaudia // *Revue Savoisiennne*. LXVII (1935). P. 146–156. Однако формулу Эбрудунум = Ивердон не следует с ходу отвергать: см. Berchem D. van. Ebrudunum-Yverdon, station d'une flotille militaire au Bas-empire // *Zeitschrift für schweizerische Geschichte*. XVII (1937). S. 83–94.

<sup>9</sup> Chron. Min. I. 305. s. a. 457: «post cuius [= Рехиария, умершего в декабре 456] caedem Gundiocus rex Burgundionum cum gente et omni praesidio annuente sibi Theudorico ac Gothis intra Galliam ad habitandum ingressus societate et amicitia Gothorum functus» [лат. после убийства которого [...] Гундиок, царь бургунов, вместе с народом и со всем войском, с согласия Теодориха и готов, переселился для обитания в Галлию, выполнив перед готами свои обязательства союзника и друга], II. 232. s. a. 456: «eo anno Burgundiones partem Galliae occupaverunt terrasque cum Gallis senatoribus dividerunt» [лат. в этот год бургуны заняли часть Галлии и разделили свои земли с галльскими сенаторами].

<sup>10</sup> *Fredegarius*. II. 46.

<sup>11</sup> Legg. Burg. LIV. I. закон, который не мог быть издан ни одним другим королем, кроме Гундобада: Gaupp E. T. *Die Germanischen Ansiedlungen und Landtheilungen*. Breslau, 1844. S. 320 u. a.

<sup>12</sup> Zeiss H. Studien zu den Grabfunden aus dem Burgundenreich an der Rhone // *Sitzungsberichte der bayerischen Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse* (1938). VII. S. 9 ff. Не все находки, им перечисленные, можно однозначно признать бургунодскими.

<sup>13</sup> Chron. Min. I. 660. s. a. 442: «Alani, quibus terrae Galliae ulterioris cum incolis dividendae a patricio Aetio traditae fuerant, resistentes armis subigunt et expulsis dominis terrae possessionem vi adipiscuntur» [лат. Аланы, которым патриций Аэций передал дальние земли Галлии для того, чтобы они поделили их с местными жителями, подавляют непокорных с помощью оружия и, прогнав хозяев, насильно добиваются владения землей]; *ibid.* s. a. 440: «deserta Valentinae urbis rura Alanis, quibus Sambida praeerat, partienda traduntur» [лат. покинутые предместья города Валенсии отдаются для распределения аланам, которыми предводительствовал Самбида]. Эти две группы нельзя смешивать: Levison W. // *Neues Archiv*. XXIX (1904). S. 136 f. Орлеан упоминается в связи с первой группой у Иордана (*Jordanes*. *Get.* XXXVII. 194).

<sup>14</sup> Полный анализ и библиографию см.: Lot F., *Du régime de l'hospitalité* // *Revue belge de philologie et d'histoire*. VII (1928). P. 975–1011.

<sup>15</sup> *Amm. Marc.* XXVII. 5. 4–7; *Zosimus*. IV. 10–11; ср. *Eunapius*. *Frag.* 37 fin.; *Fiebiger-Schmidt*. *Inschriftensammlung*. N 167. Тот факт, что Фемистий ничего не говорит об этой битве, не умаляет значения того, что Аммиан о ней говорит, ведь Фемистий, ἄτε εὐρήνησ

ἰν ἄραστῆς [греч. будучи страстным приверженцем мира] (Or. XVI. 206 C), не однажды избегает упоминать о военных действиях, хотя другой оратор, возможно, остановился бы на них подробно.

<sup>16</sup> *Amm. Marc.* XXVII. 5, 7: «aderant post diversos triennii casus finiendi belli materiae tempestivae: prima quod ex principis diuturna permansione metus augebatur hostilis; dein quod commercii vetitis ultima necessariorum inopia barbari stringebantur» [лат. после разных превратностей последних трех лет появились благоприятные основания для окончания войны: во-первых, длительное пребывание там императора увеличивало страх врагов; во-вторых, вследствие запрета на торговлю, варвары страдали от крайнего недостатка самых необходимых вещей].

<sup>17</sup> *Orosius.* VII. 43. I: «interdicto praecipue atque intercluso omni comiteo navium et peregrinorum usu commerciorum» [лат. в особенности когда было запрещено и пресечено всякое прибытие кораблей и чужеземцев в торговых целях]. Было бы крайне интересно узнать, каким образом запрет на международную торговлю вынудил везеготов покинуть Нарбонну и двинуться в Испанию? В каких именно иностранных товарах они так отчаянно нуждались?

<sup>18</sup> *Olympiodorus.* Frag. 29. Имя *truli* в этом фрагменте исследовано *Vasmer M.* Ein valandischer Name der Goten // *Studia Neophilologica.* XV (1942–1943). P. 132–134.

<sup>19</sup> *Olympiodorus.* Frag. 31; *Orosius.* VII. 43. 12 f.; *Chron. Min.* I: 468. s. a. 416, II. 19. s. a. 416; *Jordanes.* Get. XXXII. 165 (который ничего не говорит о голоде). Договор 416 года проанализирован: *Kaufmann.* Art. cit. P. 436–440.

<sup>20</sup> *Orosius.* Loc. cit.

<sup>21</sup> Относительно даты *de Gub. Dei* см.: *Haemmerle A.* Studio Salviana. Diss. Erlangen. 1893. S. 14 ff.; *Schaefer A.* Römer und Germanen bei Salvian. Breslau. 1930. S. 38 f.

<sup>22</sup> *Legg.* Visig. X. I. 16. Теодорих II показан собирающим римские налоги в своем королевстве в *Vita S. Viviani.* IV (MGH. Scr. rer. Merov. III. S. 96). Внимание к этой *Vita* было привлечено: *Lecrivain C.* Un episode inconnu de l'histoire de Wisigoths // *Annales du Midi.* I. (1899), однако он ошибочно полагал, что речь идет о Теодорихе I. Ценность *Vita* была успешно доказана, по моему мнению, Лотом: *Lot F.* La Vita Viviani et la domination visigothique en Aquitaine // *Mélanges Paul Fournier.* Paris, 1929. P. 467–477, и мнение Лота (Lot) не было, как мне кажется, опровергнуто Курселлем (*Courcelle.* Op. cit.).

<sup>23</sup> *Legg.* Burg. LIV. 2; *Sidonius.* Carm. XII; Ep. VIII. 3. 2; *Baehrens.* Poetae Latini Minores. IV. 363, стихотворение, английский перевод которого можно найти в анонимной статье: *Ulfilas, the Apostle of the Goths* // *Edinburgh Review.* CXLVI (October, 1877). P. 361–395. Эта статья была написана Томасом Ходжкином (*T. Hodgkin*), и, не считая лекций о Клавдиане, это было его первым вкладом в изучение Италии и ее завоевателей, см.: *Creighton L.* Life and Letters of T. Hodgkin London, 1917. P. 419 ff., cp. 102f.

<sup>24</sup> Превосходный анализ деятельности Аэция см.: *Stein E.* Geschichte des spätrömischen Reiches. I. Wien, 1928. S. 501–517. Отметим, что автор не подвергает сомнению военный талант Аэция.

<sup>25</sup> *Delbrück H.* Geschichte der Kriegskunst. II. Berlin, 1921. S. 339–341, 347; *Coville A.* Recherches sur l'histoire de Lyon du V<sup>e</sup> siècle au IX<sup>e</sup> siècle. Paris, 1928. P. 190; *Lot.* Art. cit. P. 989–993, etc. По этому вопросу исследователи довольно единодушны.

<sup>26</sup> *Legg.* Burg. LI. I. et saep. Я надеюсь в другой работе обсудить законы бургундов, касающиеся прав наследования *sortes*.

<sup>27</sup> *Eunapius.* Frag. 43, который не может относиться к времени Валента.

<sup>28</sup> *Salvian.* VII. 8.

<sup>29</sup> *Amm. Marc.* XIV. 10. 2; cp. XVII. 8. I.

<sup>30</sup> Так у *Jullian C.* Notes Gallo-romaines // *Revue des Études Anciennes.* XXII. (1920). P. 275 et s.; *Coville.* Op. cit. P. 115–117.

<sup>31</sup> *Rutilius Namatianus.* I. 213–216; *Zosimus.* VI. 5. 3; *Querolus.* P. 16 f. / Ed. Peiper; cp. Past and Present. II. (1952). P. 11–23.

<sup>32</sup> *Zosimus.* Loc. cit.

<sup>33</sup> *Rutilius*. Loc. cit.

<sup>34</sup> *Constantius*. Vita Germani. XXVIII, ср. XL. Поражение Тибатто произошло до 446 года. *Merobaudes*. Paneg. II. 13. Войны Аэция против армориков упомянуты Иоанном Антиохийским: *Ioannes Antiochenus*. Frag. 201, 3.

<sup>35</sup> Библиографию и анализ см.: *Coville*. Op. cit. P. 115–117. Автор, однако, явно переоценивает военную мощь бургундов после 437 года.

<sup>36</sup> *Nesselhauf H.* (Die spätrömische Verwaltung der gallisch-germanischen Länder // Abhandlungen der preussischen Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse (1938). II. S. 73) поддерживает эту точку зрения, но его аргументы неубедительны. Так же считает *G. J. Wais*. Die Alamannen. Berlin, 1943. S. 111 ff. Другую позицию занимают: *Martin P. E.* La fin de la domination romain en Suisse et l'occupation germanique // Bulletin de la société d'histoire et d'archéologie de Genève. VI. 1935. P. 3–30; *Heuberger R.* Das ostgotische Rätien // Klio. XXX (1937). S. 77–109, 83–93; *Schmidt L.* Zur Geschichte der alamannischen Besiedlung der Schweiz // Zeitschrift für schweizerische Geschichte. XVIII (1938). S. 369–379; *Stahelin F.* Die Schweiz in römischer Zeit. Basel, 1948. S. 321 ff.; *Laur-Belart R.* The Late Limes from Basel to the Lake of Constance / Ed. E. Birley // The Congress of Roman Frontier Studies, 1949. Durham, 1952. P. 55–67, (66); *Fellmann R.* // Historia. IV. 1955. P. 214 ff.

<sup>37</sup> *Laur-Belart R.* Art. cit. P. 64 ff.

<sup>38</sup> *Sidonius*. Carm. VII. 373–375; *Stahelin*. Op. cit. S. 321 sqq.

<sup>39</sup> *Sidonius*. Carm. V. 373 sqq.; *Stahelin*. Loc. cit.

<sup>40</sup> *Salvian*. IV. 68.

<sup>41</sup> Chron. Min. I. 660. s. a. 439 «pacatis motibus Galliarum Aetius ad Italiam regreditur» [лат. усмирив мятежи в Галлии, Аэций возвращается в Италию].

<sup>42</sup> Аланы разгромили землевладельцев в 442 году, и принято считать, напр.: *Stein*. Op. cit. I. S. 492, что это произошло тогда, когда там расселяли аланов. Однако можно предположить, в согласии с нашим источником, процитированным в прим. 13, что аланы уже жили там какое-то время до того, как разразился конфликт.

<sup>43</sup> Chron. Min. I. s. a. 436 «Gallia ueterior Tibattonem principem rebellionis secuta a Romana societate discessit, a quo tracto initio omnia paene Galliarum servitia in Bacaudam conspiravere» [лат. Дальняя Галлия, последовав за Тибаттом, вождем восстания, отошла от союза с Римом, после чего почти все рабы обеих Галлий приняли участие в восстании багаудов].

<sup>44</sup> *Stahelin F.* Op. cit. S. 266; *Blondel L.* L'enceinte romain de Genève // Genava. II (1924). P. 109–129, 127.

<sup>45</sup> *Zosimus*. VI. 2. 3–5.

<sup>46</sup> Флавий Меробауд, подавивший восстание багаудов в Испании в 443 году (Chron. Min. II. 24 s. a. 443), также воевал в Альпах до 435 года; ILS 2950 «inter arma litteris militabat et in Alpibus acuebat eloquium» [во время войны служил и на литературном поприще и оттачивал свое красноречие в Альпах]. Кто были его противники *in Alpibus*?

<sup>47</sup> Chron. Min. II. 22. s. a. 430; *Sidonius*. Carm. VII. 233 f.

### III. ВЕЗЕГОТЫ ОТ ФРИТИГЕРНА ДО ЕВРИХА

<sup>1</sup> См. с. 26 выше.

<sup>2</sup> *Mommsen*. Ges. Schr. VI. 229, особенно прим. 3.

<sup>3</sup> *Eunapius*. Frag. 60; ср. *Claudian*. BG. 81 f.

<sup>4</sup> *Amm. Marc.* XXXI. 12. 9, где *conditiones rei Romanae profuturas* [лат. условия, которые будут полезны для Рима] означает не только «условия мира, приемлемые для римлян».

<sup>5</sup> *Ibid.* 14 *suo misit arbitrio*, вероятно, означает, что он направил послов без консультаций с советом и без его инструкций.

<sup>6</sup> «Ohne Zweifel waren diese Vorschläge ernst gemeint» [нем. Несомненно, это предложение было высказано всерьез], — пишет *Seeck*. Untergang. V. 118. S. 118, отмечая там же на с. 471: «eine so treffliche Quelle Ammian für alles ist, was im Römerlager vor sich ging, konnte



er doch über die Pläne und Befehle des feindlichen Feldherrn nur mangelhaft unterrichtet sein» [нем. каким бы прекрасным источником ни был Аммиан, римлянин по происхождению, для всех событий, происходивших до него в римском лагере, — он, вероятно, все же не был достаточно осведомлен о планах и распоряжениях вражеских полевых командиров].

<sup>7</sup> Последовавшие за этим события см.: *Eunapius*. Frag. 60; ср. *Zosimus*. IV. 56. Первое, безграмотное предложение этого текста Евнапия было второпях составлено секретарями Константина VII, и из него можно сделать неверный вывод о том, что эти везеготы впервые пересекли границу и вошли в Империю в первые годы правления Феодосия I.

<sup>8</sup> Chron. Min. III. 526; ср. *Ioannes Antiochenus*. Frag. 190 fin. (Flavianus). Это бракосочетание с разрешения римских властей паразитично, см.: *Mommsen*, Ges. Schr. VI. 168.

<sup>9</sup> *Zosimus*. IV. 40; ср. *Libanius*. Or. XIX. 22; XX. 14.

<sup>10</sup> *Zosimus*. IV. 34. 2 sq.; *Themistius*. Or. XV. 190 CD; *Orosius*. VII. 34. 7; *Consul. Constantin*. 381 (I. 243); *Prosper*. 1177 (I. 461); *Jordanes*. Get. XXVIII. 142 f., который живо описывает реакцию Атанариха, увидевшего этот великий город. (При цитировании «Хроник» я в скобках добавляю ссылку на соответствующий том и страницу Chronica Minora издания Моммзена.)

<sup>11</sup> *Zosimus*. IV. 25. 2 f.; *Gregorius Nazianus*. Ep. 136, ср. 137 (*Migne*. PG XXXVII. 232 f.), относящееся к первой половине 382 года, где он назван *Modarius*.

<sup>12</sup> *Amm. Marc*. XXXI. 3. 5; *Sozomen*. VIII. 4. 1.

<sup>13</sup> *Eunapius*. Frag. 60 init., который был источником *Zosimus*. IV. 56. 1.

<sup>14</sup> *Ibid*. 30. 1.

<sup>15</sup> Он не мог использовать их против Максима Великого: *ibid*. 45. Яркое описание их разрушительной деятельности в его тылу см. *ibid*. 48. 1.

<sup>16</sup> Слово *Gruthungus* у Клавдиана (*Claudian*. In Eutrop. II. 196) не обязательно означает, что Трибигильд был остроготом, хотя воины, которыми он командовал в Наколее, были остроготы. То, что он был родственником Гайны, подтверждают *Socrates*. VI. 6. 5 и *Sozomen*. VIII. 4. 2.

<sup>17</sup> *Socrates*. VI. 6. 3 и 6; ср. 13; *Sozomen*. VIII. 4. 1. О сложных мотивах, побудивших Гайну к восстанию см.: *Zosimus*. V. 13. 1. Трибигильд был опечален своей, как он считал, бедностью и отсутствием «подарков» от Евтропия: *Claudian*. In Eutrop. II. 178–180, 189–192.

<sup>18</sup> *Zosimus*. V. 13. 4; ср. 14. 1; *Eunapius*. Frag. 75; *Synesius*. De regno passim; ср. *Claudian*. In Eutrop. II. 222: *bella dabunt socios* [лат. война предоставит союзников].

<sup>19</sup> *Socrates*. VI. 6. 5; *Zosimus*. V. 13. 2; *Ioannes Antiochenus*. Frag. 190.

<sup>20</sup> *Zosimus*. V. 22. 1 sq.

<sup>21</sup> *Ibid*. 22. 3.

<sup>22</sup> *Eunapius*. Frag. 80; *Zosimus*. V. 20. 1; Suda, s. v. Φράβιθος.

<sup>23</sup> *Claudian*. BG. 80–82; *Prudentius*. In Symm. II. 696–699.

<sup>24</sup> *Zosimus*. V. 40. 2, 48. 2.

<sup>25</sup> *Ibid*. VI. 9. 3, 12. 2; *Olympiodorus*. Frag. 13.

<sup>26</sup> *Jordanes*. Get. XXX. 152; ср. e. g. *Themistius*. Or. XVI. 211 CD.

<sup>27</sup> *Zosimus*. V. 48. 3–4, 49. L. 50. 3; *Sozomen*. IX. 7. 2–6. Относительно 395 года см.: *Zosimus*. V. 5. 4.

<sup>28</sup> *Socrates*. VII. 10. 3.

<sup>29</sup> Ср. *Orosius*. VII. 37. 2.

<sup>30</sup> *Claudian*. VI cons. Hon. 213 sq., 236 sq.

<sup>31</sup> *Ibid*. 250–253; BG. 88 f.

<sup>32</sup> *Claudian* (Loc. cit.) допускает преувеличения и это подтверждается им же: *Idem*. VI cons. Hon. 284.

<sup>33</sup> *Olympiodorus*. Frag. 16; *Sozomen*. IX. 14. 2 sqq.; Addit. ad Prosp. Haun. 411 (I. 300); *Prosper*. 1243 (I. 466).

<sup>34</sup> *Moss H. St. L. B.* The Birth of the Middle Ages. Oxford, 1935. P. 45.

<sup>35</sup> Относительно наследования статуса вождя по материнской линии ср. историю королевы Гааты: *Delehaye H.* Analectica Bollandiana. XXXI (1912). P. 279. Теодорих I также был, очевидно, женат на дочери Алариха: *Ensslin W. P.-W.* V. A, 1736 (1934). В более поздние времена везеготские короли иногда женились на вдовах своих предшественников (напр.:

*Jo. Biclár. s. a. 569* [II. 212]; *Greg. Tur. HF. V. 38*), хотя это было однозначно запрещено в 683 году Третьим Сарагосским собором, канон 5 (Mansi, XII. 45), который обязывал всех вдов королей уходить в монастырь. Аналогичный брак у остроготов описан у Прокопия: *Procopius. BG. V. 11. 27* (хотя этот брак не принес ожидаемых результатов: *ibid. VI. 10. 11. 28. 26*). См. также: *ibid. VII. 39. 14*. То же у свевов, см.: *Jo. Biclár. s. a. 584* (II. 216); *Greg. Tur. HF. VI. 43 fin.*, а у ломбардов — см.: *Marius Aventic., s. a. 572* (II. 238). Эти свидетельства дополняют те, что были собраны в: *Chadwick H. M. The Origin of the English Nation. Cambridge, 1907. P. 311 ff.*

<sup>36</sup> *Olympiodorus. Frag. 24.*

<sup>37</sup> *Orosius. VII. 43. 5–6.*

<sup>38</sup> *Thompson. VTU. 46 ff.*

<sup>39</sup> *Isidorus. Hist. Goth. 35-II. 281* (который, правда, ошибочно считает, что такое положение вещей продолжалось вплоть до начала правления Евриха), *Jordanes. Get. XI. 69*; ср.: *Brunner H. Deutsche Rechtsgeschichte. Leipzig, 1906. I. S. 150. Anm. 2; Zeumer K. // Neues Archiv. XXIII (1989). S. 424–426, 438 ff.; Stroheker K. F. Eurig, König der Westgoten. Stuttgart, 1937. S. 98 Anm. 29*. Переход остроготов от устных законов к письменным в период их расселения в Италии отмечен остроготскими послами у Прокопия: *Procopius. BG. VI. 6. 17.*

<sup>40</sup> *Thompson. VTU. 46 ff.*

<sup>41</sup> *Olympiodorus. Frag. 24; Jordanes. Get. XXXI. 160*. Атаульф женился на Пладиции после того, как его отношение к Империи изменилось. Не она подсказала ему новую политическую линию, но она ее поддерживала: *Orosius. VII. 40. 2, 43. 7.*

<sup>42</sup> Упоминания о везеготах, носивших римские имена, собраны в: *Hermathena. XC (1957). P. 57 f.* Прибавим сюда Дубия (*Olympiodorus. Frag. 26*). Никто из них не был христианином арианского вероисповедания.

<sup>43</sup> Относительно хронологии см.: *Bury, I. P. 199, n. 4*. Наиболее важные отрывки: *Orosius. VII. 43. 3 и 8*. О событиях в Испании Орозий, хотя ссылается на слухи, дает более надежные сведения, чем у *Jordanes (Get. XXXI. 163)*, *Philostorgius. (XII. 4)*; и даже: *Olimpiodorus (Frag. 26)*, которые приводят разные мотивы, приведшие к убийству. Отметим, что Орозий не противоречит другому нашему автору, Гидацию: *Hydatius. 60 (II. 19)*.

<sup>44</sup> *Olimpiodorus. Frag. 26.*

<sup>45</sup> *Ibid.; Jordanes. Get. XXXI. 163; Prosper. 1257 (I. 467).*

<sup>46</sup> *Isidorus. Hist. Goth. 20 (II. 276)*. Ср. *Olimpiodorus* и *Orosius. Loc. cit.*

<sup>47</sup> *Orosius. VII. 43. 10.*

<sup>48</sup> *Ibid. 10–12; Prosper. 1259 (I. 468).*

<sup>49</sup> *Orosius. VII. 43. 13–15; Hydatius. 63 sqq. (II. 19).*

<sup>50</sup> *Thompson. VTU. P. 51 ff.*

<sup>51</sup> К концу своего восстания 70 г. н. э. батавы это осознали: ср. *Tacitus. H. V. 25*: «*neq. posse ab una natione totius orbis servitium depelli; quid profectum caede et incendiis legionum nisi ut plures validioresque acciderent? ...sin populum Romanum armis vocent, quotam partem generis humani Batavos esse?»* [лат. один народ не может освободить от рабства весь мир; что достигнуто уничтожением легионов и сожжением лагерей, если не считать того, что их сменили более сильные и многочисленнее? ...если же они вызывают на бой римский народ, то какую [в процентном отношении] часть рода человеческого представляют собой батавы?] и т. д., ср. *A. II. 25. 5, XV. 13. 5*, и слова, которые Клавдиан вкладывает в уста Алариха: «*omnibus oppeterem fama maiore perustis*» [лат. сжегши все, я мог бы умереть с большей славой]. Точка зрения персов на невозможность завоевания Римской империи отражена у Прокопия: *Procopius. BP II. 21. 14.*

<sup>52</sup> См. с. 30 и далее; *Peasant Revolt in Late Roman Gaul and Spain // Finley M. I. Studies in Ancient Society. London, 1974. P. 304–320*. О целях багаудов см.: *ibid. P. 316–318*. Возможно, в редких случаях их лидерам удавалось достичь соглашения с теми варварами, которых поселили в Империи для борьбы с ними. Именно об этом, возможно, говорится в следующих записях «Хроники» Гидация: 113: «*Suevi cum parte plebis Callaeciae, cui adversabantur, pacis iura confirmant*» [лат. Свевы устанавливают мир с прежде враждебной им частью

населения Галлеции] в 438 г.; 141: «Basilius <...> congregatis Bacaudis in ecclesia Tyriassione foederatos occidit» [лат. Когда багауды собрались в церкви Тириасса, Василий убивает федератов] в 449 г.; 142: «Recharius [свевский король] <...> Caesaraugustanam regionem cum Basilio <...> depraedatur» [лат. Рехиарий [...] с Василием опустошает область города Цезарь Августа] в том же году. Интересно было бы узнать, не были ли эти неустановленные *foederati* поселены в Тириассо для того, чтобы защищать город от багаудов. (Заметим, что Исидор [Isidore. Hist. Goth. 87 (II. 301)] опускает упоминание о багаудах и заменяет их готами, хотя его источник — *Hydatius*. 142) В 457 году солдаты Теодориха I, который тогда находился в Испании, предательски напали на Астурию, которую его разбойники уже заняли под предлогом распоряжения из Рима — *Hydatius*. 186 (II. 30). Что означает здесь слово *ipsius*? Относительно возможной связи между везеготскими федератами в Аквитании и багаудами Арморики см. не совсем понятные строки Меробауда (*Merobaudes*. Paneg. II. 14. f.), где этот поэт, говоря об Арморике, пишет:

et quamvis Geticis sulcum confundat aratris  
barbara vicinae refugit consortia gentis.

[лат. и сколько бы он не сочетал борозду с гетскими плугами, он избегает варварского общества соседнего народа].

Почему жители Арморики используют готские плуги?

<sup>53</sup> О подробностях *hospitalitas* см.: *Lot F. // Revue belge de philologie et d'histoire*. VII (1928). P. 975–1011. Неизвестно, где именно они жили в Аквитании II, и предположения, высказанные на основании топонимических данных *Gamillscheg E. Romania Germanica*. Berlin and Leipzig, 1934. P. I, 300 и далее, следует воспринимать осторожно: см.: *Lot F. // Comptes rendus de l'Academie des Inscriptions et Belles-Lettres* (1945). P. 289–298; *Broens M. // Annales du Midi*. LXVIII (1956). P. 17–38. Широко распространенная точка зрения, что бургунды первоначально получали половину каждого землевладения и что законы, по которым они получали две трети, относятся к позднейшим реформам этой системы, была опровергнута, см.: *Kaufmann G. // Forschungen zur deutschen Geschichte*. X (1870). S. 377 ff. Мнение, что происходил раздел не самой земли, а только продукта или дохода, получаемого от нее, было подвергнуто критике: *Havet J. // Revue historique*. VI (1878). P. 91 etc.

<sup>54</sup> *Sidonius*. Carm. XII; Legg. Burg. XXXVIII. 4–5. *L. Schmidt* (*Geschichte der deutschen Stämme: Die Ostgermanen*. München, 1934. S. 173) утверждает, что это происходило из-за раздела земли между наследниками, но рассматриваемый бургундский закон относится к землевладению, принадлежащему одному человеку (*ipsius*), и в нем ничего не говорится о земле, разделенной между отцом и сыновьями: ср. *Delbrück H. Geschichte der Kriegskunst*. II. Berlin, 1921. 354; *Lot*. Art. cit. P. 996 etc.

<sup>55</sup> Ср. e. g. Legg. Visig. V. 3. 4. Бургундские законы о наследовании, которые касаются в основном наследования *sortes*, позволяют со всей определенностью сделать этот вывод в отношении Савойи.

<sup>56</sup> Legg. Burg. LIV. 2. Бургундский клан упоминается в IV веке в ILS 2813. По крайней мере некоторые из ломбардов, осевших в Италии в 568 году, поселились своими *farae*: *Paul. Diacon. Hist. Langob. II. 9*; ср. *Marius Aventic*. S. a. 569 (II. 238).

<sup>57</sup> *Delbrück*. Op. cit. II. S. 342 ff. *Lot*. Art. cit. P. 994 etc.

<sup>58</sup> Возможно, об этих отношениях говорится в Legg. Visig. X. 1. 11 ff.

<sup>59</sup> Так же: *Lot*. Art. cit. P. 997.

<sup>60</sup> Legg. Visig. V. 3. 4.

<sup>61</sup> Legg. Burg. LV. 5, cp. I. 3 и 4; XXXVIII. 6; LIV. 1; Extrav. II. 14; Cod. Euric. 305; Legg. Visig. X. 1. 8, и т. д. *Nota Leovigild's treatment of a locum fisci in Vitae SS*. Заметьте, как Леовигильд обращался с *locum fisci* в *Vitas*. См. также: *Vitas SS. Patrum Emertensium*. III. 9.

<sup>62</sup> *Salvian*. V. 21 f., 28, et al.; *Paulinus*. Euch. 306 f., 500 ff. В войне 439 года св. Ориентий скорее поддерживал везеготов: *Vita S. Orientii III* (AASS I. May, 63), о котором см. выше с. 234, прим. 3. Относительно «свободы» см. также: *Eunapius*. Frag. 50; *Zosimus*. VI. 5. 3; *Orosius*. VII. 41. 7; *Querolus*. P. 16 sqq. (ed. Peiper).

<sup>63</sup> *Prosper*. 1290 (I. 471); ср. *Chron. Gall.* 102 (I. 658); *Mommsen*. *Ges. Schr.* IV. S. 535.

<sup>64</sup> Во всяком случае, римляне тогда отдали заложников Теодориху: *Sidonius*. *Carm.* VII. 214 ff. Не обязательно принимать 430 год как *terminus ante quem* этого события.

<sup>65</sup> Видимо, в Испании в это время тоже было неспокойно: *Merobaudes*. *Paneg.* I. Frag. II (p. 9 / Ed. Vollmer) «*triumphum, qui consiliis tuis intra Hispanias...*» [*лат.* триумф в Испании, который, благодаря твоей политике...].

<sup>66</sup> *Prosper*. 1338 (I. 477). Часто ошибочно полагают, что *foedus* 418 года не был возобновлен в 439 году, хотя Сидоний (*Carm.* VII. 308) и Иордан (*Get.* XXXIV. 177, XXXVI. 186) ясно утверждают обратное. Корни этой ошибки — в непонимании целей Атиллы во время кампании в Галлии в 451 году. Гунны направляли свой удар прежде всего на везеготов, а римляне вступили в войну только в последний момент: см.: *Thompson E. A.* *Attila at the Huns*. Oxford, 1948. P. 130 ff. Таким образом, задача Авита в 451 году состояла не в том, чтобы заставить готов возобновить *foedus* 418 года и помочь Азцию, а в том, чтобы заставить их вместе сопротивляться Атилле. *Sidonius* (*Carm.* VII. 297 ff) и *Salvian* (VII. 34) преувеличивают мощь везеготов и недооценивают мощь римлян.

<sup>67</sup> *Hydatius*. 92 (II. 21).

<sup>68</sup> Еще меньше везеготы желали «сбежать» из Аквитании, несмотря на мнение *Pirenne H.* *Mohammed and Charlemagne*. London. 1939. P. 27, n. 2.

<sup>69</sup> Их имена см.: *Jordanes*, *Cet.* XXXVI. 190.

<sup>70</sup> *Ibid.* 215 f.; *Addit. ad Prosp.* Haun. 451 fin. (I. 302); *Greg. Tur.* HF. II. 7 fin.

<sup>71</sup> *Addit. ad Prosp.* Haun. 453 (I. 302 fin.).

<sup>72</sup> См. сноску 25.

<sup>73</sup> *Chron. Gall.* a. DXI. 621 (I. 663).

<sup>74</sup> *Prosper*. 1371 (I. 483); *Addit. ad Prosp.* Haun. 453 (I. 302), *Chron. Gall.* a. DXI (I. 663); *Hydatius*, 156 (II. 27); *Isidore*. *Hist. Goth.* 30 (II. 279). Исидор представляет меньшую ценность, чем более ранние авторы, и мы не можем сделать выжимку из его рассказа и предположить, что внутренняя политика Торисмуда казалась репрессивной. См. также: *Jordanes*. *Get.* XLIII. 228 (который не упоминает ни о каких мотивах); *Greg. Tur.* HF. II. 7 fin.

<sup>75</sup> *Hydatius*. 158 (II. 27): «*ex auctoritate Romana*» [*лат.* по решению Рима].

<sup>76</sup> *Idem*. 217 (II. 33).

<sup>77</sup> *Idem*. 218 (II. 33); *Marius Aventic.* 463 (II. 232); ср.: *Chron. Gall.* a. DXI. 638 (I. 664). *Priscus Panites*. *Frag.* 30 init. Этой битве посвящена работа *Loyen A.* *Bulletin de la société archéologique et historique de l'Orléanais*. XXII (1935). P. 501–507, в которой высказывается мнение, что она произошла между Орлеаном и либо Сент-Илером, либо Оливе.

<sup>78</sup> *Sidonius*. *Carm.* VII. P. 495–499.

<sup>79</sup> *Idem*. *Carm.* XXIII. P. 70 sq.; ср. *Hydatius*. 170 (II. 28).

<sup>80</sup> *Sidonius*, *Ep.* XII. 6. 4, ср. VI. 6. 1. Даже в годы правления Евриха, видимо, составлялись заговоры против короля, и, возможно, в королевство приглашали иностранных врагов: см.: *Zeumer K.* прим. к *Legg Visig.* II. 1. 8, и в: *Neues Archiv*. XXIV. (1899). S. 59–61. Бургунды никогда не отказывались от *foedus* 443 года, и их короли продолжали оказывать почести восточному императору после того, как в 476 году исчезла Западная империя.

#### IV. 476 ГОД И ПОСЛЕ НЕГО

<sup>1</sup> *Priscus*. *Frag.* 8. Относительно расположения ставки Атиллы см.: *Browning P.* *Where Was Atilla's Camp?* // *Journal of Hellenic Studies*. LXXIII (1953). P. 143–145 = *Idem*. *Studies on Byzantine History, Literature and Education*. London, 1977. Cap. II.

<sup>2</sup> *Maenchen-Helfen*, *The World of the Huns*. P. 338, n. 104, P. 388, n. 104; и *Schmidt*. *Ostgermanen*. S. 98, Anm. 3, не согласны с тем, что Эдика Гунн был отцом Одоакра, однако вряд можно поверить в то, что два известных варвара, годы жизни которых полностью совпадают, носили одно и то же необычное гуннское имя. См.: *Reynolds R. L., Lopez R. S.* *Odoacer: German or Hun?* // *American Historical Review*. LII (1947). P. 36–53, 48. Авторы

считают, что имя «Эдика», больше ни разу не встречающееся у ранних германских народов, имеет уральско-алтайское происхождение. Однако если имя «Одоакр» окажется германским, то единственный вывод, который мы из этого можем сделать — что его мать была германского происхождения. (Кстати, ссылку *Reynolds' a* на *Menander*. Frag. 69 стоит проигнорировать. Об имени сына Одоакра см. прим. 71 выше.) *Jordanes*. Rom. 344, представляет Одоакра ругом, что противоречит *Eugippius*. Vita Sev. VI. 5 ff., а также и самому Иордану: *Jordanes*. Get. 342, у которого Одоакр назван *Torcilingorum rex*. Мнение Иоанна Антиохийского (*Ioannes Antiochenus*. Frag. 209, 1), что он был скиром, а также автора *Consularia Italica*, 487. 1 (I. 313), что он был королем герулов, равно как и Феофана (*Theophanes*, Chron. 119. 22, ed. de Boor), что он был готом, — все это не более чем догадки.

<sup>3</sup> Возраст Одоакра см.: *Ioannes Antiochenus*. Frag. 214a (FHC V, 29); ему было шестьдесят лет, когда Теодерих убил его в 493 году.

<sup>4</sup> *Bury*. I. P. 40.

<sup>5</sup> *Jordanes*. Get. 277 f.

<sup>6</sup> *Ennodius*. Vita Epif. 358.

<sup>7</sup> Anon. Vales. 38, ср.: *Jordanes*. Rom. 344; *Idem*. Get. 242.

<sup>8</sup> *Procopius*. BG. V. l. 4 ff. Из описания козней дьявола против солдат Ромула мало что можно узнать: *Ennodius*. Vita Epif. 95, «*spe novarum rerum perditorum animos inquietat*» [*лат.* тревожит души нечестивцев надеждой на переворот].

<sup>9</sup> *Reynolds* и *Lopez*. Art. cit. P. 38 f.

<sup>10</sup> *Jordanes*. Rom. 344; Get. 242.

<sup>11</sup> *Bury*. I. P. 406. Согласно *Stein*. I. P. 398, солдаты взбунтовались, потому что Орест им больше не мог платить; тогда почему они думали, что Одоакр сможет им заплатить?

<sup>12</sup> *Cassiodorus*. Var. II. 16. 5, ср.: *Ennodius*. Ep. IX. 23. О расселении людей Одоакра мало что известно, а о расселении остроготов см.: *Bierbrauer V.* Zur ostgotischen Geschichte in Italien // *Studi medievali*. 1973. Ser. 3. Vol. XIV. S. 1–37, 10 u. a.

<sup>13</sup> *Mommsen*. Ges. Schr. VI. S. 444 f. Заметьте его ремарку на с. 478: «От Стилихона уже недалеко до Одоакра и Теодериха». Ср.: *Ensslin W.* Theoderich der Grosse. München, 1959. S. 160, 194. Джонс высказал свою точку зрения в статье «The Constitutional position of Odoacer and Theoderic» (*JRS*, LIII (1962). P. 126–130). Напротив, Бари (*Bury*. I. P. 406) считает, что «он не собирался отрывать Италию от Империи». Вольфрам (*Wolfram H.* *Intitulatio I: Königs- und Fürstentitel bis zum Ende des 8. Jahrhunderts // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. Ergänzungsbd. XXI. Graz, 1967*) не знаком с работами *Jones* и *J. P. C. Kent* (с. 240, прим. 16), и это мешает автору в рассмотрении проблемы конституционного положения Одоакра и Теодериха. Новая аргументация была предложена Маккормик (*McCormick M.* Odoacer, Zeno and the Rugian Victory Legation // *Byzantion*. XLVII (1977), P. 212–222), который считает, на основании свидетельства Иоанна Антиохийского (*Ioannes Antiochenus*. Frag. 214), что, посылая Зинову часть трофеев, захваченных в войне против ругов, Одоакр «пытался подчеркнуть свое настоящее или будущее положение как верного подданного Империи... Зинов, в свою очередь, выразил удовлетворение победой Одоакра и тем самым неявно признал его положение».

<sup>14</sup> *Malchus*. Frag. 10. Секретари Константина VII, делавшие для него выписки, часто допускали небрежность в первых предложениях, поэтому я, как и Мюллер и Диндорф в своих изданиях, а также Моммзен в *Ges. Schr. VI*. 383, не сомневаюсь, что и здесь, говоря о человеке, который заставил сенат направить послов к Зинову, они по ошибке назвали его Ромулом, а не Одоакром. Из остальной части фрагмента становится ясно, что Ромул к тому времени уже сошел со сцены. Видимо, Бари (*Bury*. I. P. 407) и Штейн (*Stein*. II. P. 46), неправы, когда утверждают, что эта депутация прибыла в Константинополь от имени Ромула.

<sup>15</sup> *Malchus*. Loc. cit., однако мнение *Stein*, II. P. 46 о том, что Зинов назначил Одоакра *magister militum praesentalis* [*лат.* магистр византийской армии] на службу восстановленному на троне Непоту ничем не подкреплено. То же относится и к точке зрения Энсслина (*Ensslin*. *Zu den Grundlagen von Odoakers Herrschaft // Serta Hofferleriana*. Zagreb, 1940. S. 383), что Одоакр осуществлял свою власть, используя статус патриция.

- <sup>16</sup> *Kent J. P. C. Julius Nepots and the Fall of the Western Empire // Corolla Memoriae Erich Swoboda Dedicata, Römische Forschungen in Niederösterreich. Bd. 5. Graz-Köln, 1966. S. 146–150.*
- <sup>17</sup> Западные имена цитируются летописцем Марцеллином в *Chronicon Paschale* и др., а не Виктором Тонноненским в Африке, и, насколько мы знаем, ни в одном папирусном документе, относящемся к 481–490 годам, не упоминается консул Запада. См.: *Chastagnol A. Le sénat romain sous le règne d’Odoacre. Bonn, 1966. P. 55, n. 123.* Точку зрения Моммзена см.: *Ges. Schr. VI. 373 f., 382 f., 385.*
- <sup>18</sup> *Tjäder J. O. Die nichtliterarischen lateinischen Papyri Italiens. Lund, 1955. S. 288 ff. = FIR<sup>2</sup> III, 309 f.;* Издание Кассиодора Моммизеном., MGH. (AA). XII. 445; ILS 8955 «salvo d. n. Zenone et domno Odovastre» [лат. при здравствующем господине нашем Зиноне и господине Одоакре]. О папских документах, которые также не дают ясного ответа на этот вопрос, хотя в них часто используется слово *rex*, см.: *Ensslin. Art. cit. (в прим. 15 выше). S. 384.*
- <sup>19</sup> *Chastagnol. Op. cit. 42, ill. XXXII. 2–3.*
- <sup>20</sup> Так у *Hahn W. Moneta Imperii Byzantini. I: Osterreichische Akad. d. Wissenschaften: phil. hist. Klasse, Denkschriften. Bd. 109. Wien, 1973. S. 77.* К сожалению, я не имею доступа к работе *L. Brunetti. Opus Monetale Cigoi. (Bologna, 1966),* которую цитирует *Hahn.* Точку зрения ученого более раннего времени см.: *Krause F. F. Die Münzen Odovacars und des Ostgotenreiches in Italien. Halle, 1928. S. 42 ff.*
- <sup>21</sup> *Cassiodorus. Chron. 1303 (II. 159).*
- <sup>22</sup> Так же считает Моммзен: *Ges. Schr. VI. S. 378 ff.*
- <sup>23</sup> *Jordanes. Get. 242, 291; Theophanes. P. 199.* Полные ссылки: *Assunta Nagl // P.-W. XVIII, 1889.* Нельзя полностью полагаться на мнение *Victor Vitensis. Hist. Persec. I. 4. 14 «Odoacastro Italiae regi»* [лат. царю Италии Одоакру].
- <sup>24</sup> *Jordanes. Get. 295 «Gothorum Romanorumque regnator»* [лат. правитель готов и римлян]; *Marcellinus, s. a. 477 (II. 91) «Odoacer rex»* [лат. царь Одоакр]; *Fasti Vind. Priores. 622 (I. 310), «a rege Odovastre»* [лат. от царя Одоакра], и т. д.
- <sup>25</sup> *Jones. Art. cit. 126.* Говоря от своего лица об Одоакре в контексте войны с Теодерихом, Прокопий называет его правление *tyrannis*, а его самого *tyrannos* BG. V. I. 7 sq., 11, ср. VI. 6. 15, однако из этого не стоит делать слишком смелые выводы. В BG. Loc. cit. остроготы называют его диктатор (*autokrator*) или узурпатор (*tyrannos*).
- <sup>26</sup> *Eugippius. Vita Sev. praef. 8. См.: Bierbrauer. Art. cit. (на с. 239, прим. 12. выше). S. 8, 21.*
- <sup>27</sup> *Stein. II. 41 f.*
- <sup>28</sup> *Marcellinus, s. a. 477 (II. 91); Fasti Vind. Priores. 622 (I. 310); Jordanes. Get. 243; Auct. Haun., s. a. 477 (I. 311).*
- <sup>29</sup> *Mommsen. Ges. Schr. VI. 383, ср.: Procopius. BG. VI. 6. 17 sqq.*
- <sup>30</sup> *Iohannes Antiochenus. Frag. 214a (FHC V, 29). Ensslin (Art. cit. (на с. 239, прим. 15 выше) 88)* сомневается в точности сведений Иоанна Антиохийского, но не приводит причины своих сомнений.
- <sup>31</sup> *Hahn. Op. cit. S. 79.* Более раннюю точку зрения см.: *Kraus. Op. cit. 56; Stein. II, 48; Chastagnol. Op. cit. P. 53.* Видимо, ни одна из монет Телы не сохранилась, если он вообще их чеканил: *Kraus. Op. cit. S. 204,* однако Хан (*Hahn. Op. cit*) даже не рассматривает этот вопрос.
- <sup>32</sup> *Iohannes Antiochenus. Loc. cit.*
- <sup>33</sup> *Mommsen. Ges. Schr., VI. S. 444, Anm. 3 и Stein. II, p. 48* обошли вниманием то, что Одоакр произвел назначения *magistri militum* только тогда, когда находился в состоянии войны с императором.
- <sup>34</sup> *Anon. Vales. P. 49,* которому ни в чем не противоречит *Jordanes. Rom. 348, Get. 290.*
- <sup>35</sup> Так же *Jones, p. 127.*
- <sup>36</sup> *Stein. II. P. 40* для описания положения Теодериха в 489 году вынужден пойти на крайние меры — изобрести доселе неслыханную должность *magisterium militum per Italiam* [лат. магистр армии в Италии].
- <sup>37</sup> *Anon. Vales., p. 57.*
- <sup>38</sup> Приблизительно такой же точки зрения придерживается *Ensslin. Op. cit. 74 (см. с. 239, прим. 13).*

- <sup>39</sup> Mommsen. Ges. Schr. VI. S. 479.
- <sup>40</sup> BG. VI. 6. 17. 20, так же у Иоанна Малалы (*Malalas*, p. 384 init.).
- <sup>41</sup> По этому вопросу см. превосходно написанные страницы Моммзена (*Mommsen. Ges. Schr. VI. S. 459–465*).
- <sup>42</sup> *Cassiodorus. Var. IV. 16.*
- <sup>43</sup> Так же у: *Bury. II. 159 n. 4.*
- <sup>44</sup> *Cassiodorus. Var. VIII. 1. 5.* В CIL V. 6418 он — d. n. «Atalaricus rex gloriosissimus» [лат. наш господин, наиславнейший царь Аталарих]. На своей монете в четверть силиквы он пишет свое полное имя с титулом rex: *Hahn. Op. cit. S. 87.*
- <sup>45</sup> *Jones. Art. cit. 127; Procopius. BG. VI. 6. 14 sqq.*
- <sup>46</sup> BG. V. 1. 25 sq.; 3. 12; 6. 19.
- <sup>47</sup> BG. VI. 6. 17.
- <sup>48</sup> BG. VI. 6. 23.
- <sup>49</sup> BV. III. 14. 5; BG. V. 3. 12. О *kratos* над италийцами см. также: VII. 1. 26; 2. 5. Прокопий также использует этот термин, говоря о правлении императора в Италии: BG. V. 1. 2; 3. 12; 6. 19.
- <sup>50</sup> BG. V. 6. 19.
- <sup>51</sup> BG. V. 1. 29.
- <sup>52</sup> BG. V. 11. 5, ср. BP II. 2. 1. 4. В BP II. 4. 13: Прокопий, говоря от своего лица, пишет, что Велизарий сверг «Виттига, *basileus* 'а готов и италийцев». Я считаю, что здесь он просто иронически повторяет выражения послов Виттига в Персии, о которых он рассказал в 2. 4.
- <sup>53</sup> BG. VI. 30. 17. 26. Виттиг был одет в пурпур: BG. V. 29. 5. Ильдибад и Эрарих не чеканили монет: *Hahn. Op. cit. S. 78.* Единственная претензия Теодата на славу (не считая убийства Амаласунты) состоит в том, что он поместил собственное изображение на свои *folles*. Он первый из остроготских королей сделал это, если не считать медальон Теодериха: *Hahn. Op. cit. S. 90.*
- <sup>54</sup> BG. VI. 29. 18–26.
- <sup>55</sup> BG. VI. 30. 26.
- <sup>56</sup> BG. V. 6. 2 sqq.; VIII. 24. 4; VII. 37. 6.
- <sup>57</sup> *Hahn. Op. cit. 88.*
- <sup>58</sup> BG. VIII. 35. 31.
- <sup>59</sup> ILS 827.
- <sup>60</sup> ILS 125, начало которой было восстановлено *Bartoli A. Lavori nella sede del senato romano al tempo di Teoderico // Buletino della commissione archeologica comunale di Roma. LXXIII (1949–1950). P. 77–78.* Начальные слова таковы: «*salvis dominis nostris Anastasio regetuo Augusto et gloriosissimo ac triumphali viro Teoderico*» [лат. здравствующим господам нашим Анастасию, вечному Августу, и наиславнейшему и триумфальному мужу — Теодериху]...

## V. ЗАВОЕВАНИЕ ИТАЛИИ ВИЗАНТИЙЦАМИ: ВОЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- <sup>1</sup> *Bury (II. P. 182, n. 1)* показал, что здесь имеется в виду Анио, а не Тибр.
- <sup>2</sup> *Procopius. BG. V. 18. 42.*
- <sup>3</sup> *Ibid. V. 27. 27.* Поверхностное обсуждение этой проблемы см.: *Wolfram H. Geschichte der Goten. München, 1979. S. 377 ff.*
- <sup>4</sup> Нужно признать, что этот вопрос был поднят *B. Rubin (Prokopios von Kaisereia. Stuttgart, 1954. P. 172)* — это перепечатка его абсурдно длинной статьи из *P. W. Вот* что он говорит: «*Durch den späten Zeitpunkt dieser Erkenntnis (erste Feindberührung) ist die Nachricht fast so unglaublich wie P.'s Bericht über seine Rekognoszierung in Syrakus. Sollte Belisar nicht längst über die Gefechtsweise der Goten Bescheid gewusst haben?*» [нем. Учитывая более поздний момент получения этих знаний (первое столкновение с врагом), —

данное сообщение почти столь же невероятно, как и донесение Прокопия о его рекогносцировке в Сиракузах. Разве Велизарий не должен был знать о боевой технике готов гораздо раньше?] Либо ответ на этот вопрос должен быть отрицательным, либо Прокопий как историк сильно переоценен.

<sup>5</sup> *Procopius*. BV. III. 14. 1. См. цитату из *B. Rubin* в предыдущем примечании. В своей col. 137 он так же презрительно отзывается о Прокопии.

<sup>6</sup> *Procopius*. BV. III. 20. 5 sq., 16.

<sup>7</sup> *Ibid.* III. 4. 3 ff.

<sup>8</sup> *Ibid.* III. 14. 10.

<sup>9</sup> Так же *Bury*. II. 129.

<sup>10</sup> *Procopius*. BV. III. 10. 29 sqq.

<sup>11</sup> *Ibid.* III. 11. 22.

<sup>12</sup> *Ibid.* III. 14. 10.

<sup>13</sup> *Ibid.* IV. 8. 12.

<sup>14</sup> Прочтите, например, *ibid.* III. 8. 27, где он считает своих читателей совершенно невежественными в отношении вандалских методов ведения войны.

<sup>15</sup> *Hannestad K.* (Les forces militaires d'après la guerre gothique de Procope // *Classica et Mediaevalia*. XXI (1960). P. 136–183, 162) оценивает численность войска Виттига примерно в 20–25 тысяч человек, но считает, что вместе с гарнизоном северной Италии и Далмации они могли слегка превосходить 30 тысяч в то время, когда началась война. См. также: *Teall J. L.* The Barbarians in Justinian's Armies // *Speculum*. XL (1965). P. 294–322, 302. Это важные исследования, однако работу *H. Wolfram* «Geschichte der Goten». (München, 1979. S. 374 u. a.) следует читать с осторожностью.

<sup>16</sup> *Procopius*. BG. V. 27. 3 sqq.

<sup>17</sup> *Ibid.* 15 sqq.

<sup>18</sup> *Ibid.*

<sup>19</sup> *Kraus F. F.* Die Münzen Odovacars und des Ostgotenreich in Italien. Halle, 1928. S. 183. Последняя работа на эту тему принадлежит *Hahn* (Moneta Imperii Byzantini. I // *Österreichische Akad. d. Wissenschaften: phil. hist. Klasse, Denkschriften*. Bd. 109. Vienna, 1973. S. 85, 88, 90 sq.). Когда и Рим и Равенна были потеряны, Тотила был вынужден основать новый монетный двор в Тицинуме, но в 549–552 годах он пользовался римским монетным двором.

<sup>20</sup> *Cassiodorus*. Var. VII. 18 sq., ср. I. 40.

<sup>21</sup> *Procopius*. BG. V. 22. 4; 23. 9; VI. 5. 14; VII. 4. 21, но в V. 16. 11, страстно желая прославить Велизария, историк пишет, что «большинство» воинов Виттига имели нагрудные латы! Это противоречит всему тому, что он сообщает в других местах.

<sup>22</sup> *Idem*. BP I. 1. 15. Но *Hannestad*. Art. cit. S. 154 считает, что численность византийцев в Италии в десятилетии, предшествующем 552 году, была очень небольшой — в среднем около 10 000 человек. Об оборонительном вооружении конников Юстиниана см.: *Haldon J. F.* Some Aspects of Byzantine Military Technology From the Sixth to the Tenth Centuries // *Byzantine and Modern Greek Studies*. I (1975). P. 11–47, 18 ff.

<sup>23</sup> *Procopius*. BG. VII. 4. 31; 13. 3; 15. 7 sq.

<sup>24</sup> *Ibid.* VII. 5. 13 sqq.

<sup>25</sup> *Ibid.* VII. 26. 15 sqq. 28. 13 sqq.

<sup>26</sup> *Ibid.* VII. 35. 28; VIII. 34. 25.

<sup>27</sup> *Ibid.* V. 21. 3. Я не согласен с высокой оценкой способности готов к осадной войне, высказанной *Hannestad* (Art. cit. S. 176) *P. Goessler* (Zug Belagerungskunst der Germanen // *Klio*. XXXV (1942). S. 103–114) заходит слишком далеко.

<sup>28</sup> *Procopius*. BG. V. 22. 1 sqq.

<sup>29</sup> *Ibid.* VI. 12.

<sup>30</sup> *Ibid.* V. 23. 17. 23, хотя ср. 24. 4 — отрывок, который, если соединить с *ibid.* 18, говорит о том, что эти машины все же были применены.

<sup>31</sup> Готы установили деревянные башни на мосту через реку Драко (совр. Сарно) и там также были *ballistae* (BG. VIII. 35. 9.), но, несмотря на мнение *Бари* (*Bury*, II. P. 273), они



никогда не были приведены в действие. О других готских *ballistae* см.: *Agathias*. Hist. I. 9. P. 154 (ed. Dindorf).

<sup>32</sup> *Procopius*. BG. V. 22. 19, 22. VI. 9. 12; 13. 11 и 14. О городе, который таким образом был едва не захвачен персами см.: BG. VIII. 14. 11.

<sup>33</sup> *Ibid.* VII. 24.

<sup>34</sup> *Ibid.* VII. 35. 2. Cp. *Anecd.* V. 17.

<sup>35</sup> *Procopius*. BG. VII. 6. 1 f.

<sup>36</sup> *Ibid.* VII. 10. 5; 13. 11; 16. 3; 25. 1. 30. 5 (ср. 20); 37. 23; 39. 5; VIII. 23. 3; 25. 24. О доминициях-каннибалках из Римини см.: *ibid.* VI. 20. 27; ср. VII. 16. 3.

<sup>37</sup> *Ibid.* VII. 11. 32; 25. 7; *Marcellinus Auct.*, s. a. 539. 3 (II. 106) говорит о Милане «muros diruunt» [*лат.* срывают стены]. Отметим слова Иордана в Rom. 379: «omniumque urbium munimenta destruens» [*лат.* уничтожая укрепления всех городов].

<sup>38</sup> *Procopius*. BG. VII. 8. 10, а также *Marcellinus Auct.* s. a. 543. 1 (II. 107): «Totila devastat Campaniam urbesque muratas evertens» [*лат.* Тотила опустошает Кампанию и, разрушая обнесенные стенами города...].

<sup>39</sup> *Procopius*. BG. VII. 23. 3. VIII. 33. 9. О Беневенте см.: VII. 6. 1; 25. 11. О сдаче Сполето см.: *Anecd.* V. 6 sq.

<sup>40</sup> *Idem.* BG. VII. 24. 32 sq.

<sup>41</sup> *Idem.* VII. 16. 22 sq. 37. 3. VIII. 22. 3. *Marcellinus Auct.* s. a. 547.

<sup>42</sup> *Procopius*. BG. VII. 22. 6 sq. 24. 3; с. 22. 19; *Marcellinus Auct.* s. a. 547 (II. 108): «quadraginta aut amplius dies Roma ita fuit desolata ut nemo ibi hominum nisi bestiae morerentur» [*лат.* В течение сорока дней или больше Рим был настолько опустевшим, что там не умирал никто из людей — только звери].

<sup>43</sup> *Procopius*. BG. VII. 25. 8.

<sup>44</sup> *Ibid.* VII. 6. 1; Cp. 8. 10; 11. 32.

<sup>45</sup> *Ibid.* VII. 24. 27.

<sup>46</sup> *Ibid.* VII. 25. 11; 8. 10. sq; 37. 11.

<sup>47</sup> В BG. VIII. 32. 8, кажется, есть указание на то, что готские конники пользовались не только копьями, но и другим оружием, возможно, луками.

<sup>48</sup> *Ibid.* VII. 40. 32; VIII. 24. 10.

<sup>49</sup> *Cassiodorus*. Var. V. 16. 2; 18. 2 sq. 20. 1; IV. 15. 1. О незнании готами моря в более ранние времена см.: *Baynes N. H. Byzantine Studies and Other Essays*. London, 1955. P. 218–221. Однако *Bury* (II. P. 232) считает, что в BG. VII. 7. 6 упоминаются готские военные корабли.

<sup>50</sup> *Procopius*. BG. VII. 6. 24; 13. 6; 35. 24; 37. 5. Салона в 536 году: BG. V. 16. 10, 16 sq.

<sup>51</sup> О контроле готов над морем около Неаполя в 552 году см.: BG. VII. 35. 12. Объяснение этого в VII. 13. 6. О том, как византийцы ценили контроль над морем, см. особенно: BG. V. 7. 30; VI. 7. 17; 12. 17; 24. 14; 28. 6.

<sup>52</sup> BG. VIII. 23. 10 и 14.

<sup>53</sup> BG. VIII. 23. 42. Заметим, что «задолго до» отплытия 300 кораблей Тотила направил эти сорок семь кораблей для помощи в нападении на Анкону: BG. VIII. 23. 2. *Rubin* (Op. cit. S. 243 fin.) объясняет это тем, что историк старается угодить Велизарии и потому восхваляет Иоанна, сына Валериана. Я не вижу никакого правдоподобия в этом притяннутом объяснении.

<sup>54</sup> *Procopius*. BG. VIII. 24. 31. *Rubin* (Op. cit. S. 244, 5) опять прочитывает в тексте больше, чем там есть. Прокопий (говорит он) утверждает, что боевой дух готов в Сицилии был низок не потому, что он действительно был низок, а для того, чтобы показать, что исход войны был решен еще до вмешательства Нарзеса!

<sup>55</sup> *Procopius*. BG. VIII. 23. 10. Прокопий вновь повторяет это выражение в V. 2. 11; 4. 13; и еще много раз, так что вряд ли стоит в этом сомневаться.

<sup>56</sup> *Ibid.* VIII. 26. 2.

<sup>57</sup> *Ibid.* VIII. 24. 3.

<sup>58</sup> *Ibid.* VIII. 26. 4.

<sup>59</sup> *Ibid.* VIII. 24. 4 sq.

<sup>60</sup> Относительно местоположения поля битвы см.: *Roisl H. N. Die Schlacht bei den Busta Gallorum, или Altheim F. Geschichte der Hunnen. V. Berlin, 1962. S. 363–377*, где библиография находится в примечаниях. См. также работу этого ученого в: P.-W. XIV. S. 749–758, s. v. «Tadinae» и 799–809, s. v. «Totila».

<sup>61</sup> *Procopius. BG. VIII. 30. 1; Hannestad. Art. cit. S. 153, 173 f.* Штейн (*Stein. II. P. 600*) оценивает численность византийской армии приблизительно в 30 000 человек. В других местах Прокопий постоянно замечает, что готы превосходили византийцев числом: см. *BG. V. 16. 6; VI. 13. 10; 16. 11; 17. 12; 18. 6 и 14; 29. 33; VII. 4. 1 sq.; 10. 4; 11. 26; 38; 21. 7; 26. 20; 28. 10; 37. 22.* Однако в VIII. 30. 1 и 17; 32. 14 все уже по-другому: в 541 году, когда удача была не на стороне готов, у Тотилы (их нового вождя) было 5 000 воинов против 12 000 византийцев: *BG. VII. 3. 4; 4. 1 f., и 12.*

<sup>62</sup> Оценки Нарзеса см.: в *Stein. II. P. 356 ff.; Lippold A. // P.-W. Supplbd. XII. S. 870–889.*

<sup>63</sup> *Procopius. BG. VIII. 32. 6; Hannestad (Op. cit. S. 178)* пишет следующее: «dèjà à la bataille d'Andrinople l'attaque en choc de la cavalerie puissamment cuirassée des Goths avait décidé le résultat du combat» [*фр.* уже в битве при Адрианополе внезапная атака тяжеловооруженной кавалерии готов предрешила исход сражения], и теперь Тотила желал повторить эту тактику. По моему мнению, 1) победа при Адрианополе была победой готских пехотинцев над римскими пехотинцами — см.: EG 118; 2) ни при Адрианополе, ни при Буста Галлорум готы не были «puissamment cuirassée» [*фр.* тяжеловооруженными].

<sup>64</sup> *Procopius. BG. VIII. 32. 15.*

<sup>65</sup> *Ibid. VIII. 32. 20.*

<sup>66</sup> См.: *Procopius. Anecd. IV. 39 и 43.*

<sup>67</sup> *Idem. VII. 35. 1; Anecd. V. 1 sqq.*

<sup>68</sup> О Тотиле см.: *Bury, II. P. 268; Stein. II. P. 568; Assunta Nagl // P.-W. VI. A, 1828–1838.*

<sup>69</sup> *Procopius. BG. VI. 21. 39; Marcellinus Auct. s. a. 539. 3 (II. 106).* Интересно было бы узнать, почему Вольфрам (*Op. cit. (прим. 3) S. 426*), опускает упоминание об этих ужасах.

<sup>70</sup> *Procopius. BG. VI. 21. 6, ср. 7. 38.*

<sup>71</sup> *Bury. II. P. 204.*

<sup>72</sup> *Procopius. BG. VII. 10. 19.* Сходная мысль в: *Anecd. I. 6.*

<sup>73</sup> *Procopius. BG. VI. 21. 41.* О других зверствах готов см. *Bury, II, p. 271.* Кое-что не очень приятное подразумевает *Marcellinus Auct, s. a. 545. 1 (II. 107):* «Totila Firmum et Asculum sub iuramento ingressus est: milite Romano cum rebus suis dimisso crudelitatem suam in Romanos exercuit eosque omnes nudat et necat» [*лат.* Тотила вошел в Фирм и Аскулум, принеся клятву: отпустить римских солдат с их имуществом; но на деле он жестоко обошелся с римлянами, всех их грабит и убивает].

<sup>74</sup> *Bierbrauer V. Zur ostgotischen Geschichte in Italien // Studi medievali. 1973. Ser. 3. Vol. XIV. S. 1–37, 22 ff.*

## VI. ЗАВОЕВАНИЕ ИТАЛИИ ВИЗАНТИЙЦАМИ: ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

<sup>1</sup> *Priscus. Frag. 39. P. 348. 8 sqq. (Ed. Dindorf).*

<sup>2</sup> Краткое описание расселения см.: *Ensslin W. Theoderich der Grosse<sup>2</sup>. München, 1959. S. 91*, там же указаны источники.

<sup>3</sup> *Procopius. BG. I. 12. 48 f.; Cassiodorus. Var. V. 16. 4. Пять solidi: Ensslin. Op. cit. P. 190.*

<sup>4</sup> О *civilitas* см.: *Ensslin. Op. cit. P. 217–220.* Эта концепция, разумеется, касается не только этнических вопросов.

<sup>5</sup> *Cassiodorus. Var. V. 26* «ut ab armatis custodiatur civilitas» [*лат.* чтобы *civilitas* охранялась воинами].

<sup>6</sup> *Ibid. II. 8; IV. 36.*

<sup>7</sup> См., например: *ibid. VII. 3. 2 sqq.*

<sup>8</sup> Ibid. VIII. 3.

<sup>9</sup> Ibid. I. 24. 1.

<sup>10</sup> *Procopius*. BG. V. 2. 3–17. См.: *Bury*. II. P. 179, n. 1. *Gibbon*. Decline and Fall. Cap. XLI. Vol. IV. 302 (Ed. *Bury*).

<sup>11</sup> *Procopius*. BG. V. 2. 26, хотя не совсем понятно, как он мог об этом узнать: вряд ли королева предала это гласности.

<sup>12</sup> *Procopius*. BG. V. 3. 12. 28.

<sup>13</sup> *Bury*. II. P. 163, n. 1.

<sup>14</sup> *Garrod H. W.* // *Classical Quarterly*, IV (1910). P. 265, опубликовал два стихотворения о Теодате и о его вилле на вершине скалы у озера Болсена.

<sup>15</sup> *Procopius*. BG. V. 3. 4. 18; 6. 30. О его учености см. также: *Cassiodorus*. Var. X. 3. 4 f.; XI. 13. 4. О некоторых интересных подробностях его монет см.: *Kraus*. S. 138.

<sup>16</sup> *Procopius*. BG. V. 6. 19.

<sup>17</sup> Ibid. V. 8. 3; *Marcellinus Auct.*, s. a. 536. 1 (II. 104); *Jordanes*. Rom. 370; *Get*. 308–9.

<sup>18</sup> *Cassiodorus*. Var. X. 31.

<sup>19</sup> *Procopius*. BG. VI. 13. 3.

<sup>20</sup> Ibid. VIII. 33. 9 sq.

<sup>21</sup> Ibid. VI. 29. 18; 29. 26; 30. 26, где *basileus* готов и италийцев может означать только «император»: см. с. 74 выше.

<sup>22</sup> Ibid. VI. 29. 17.

<sup>23</sup> *Jordanes*. *Get*. 313; *Marcellinus Auct.*, s. a. 540. 2. 5 (II. 106); *Procopius*. BP II. 14. 10. О безнравственном поведении Велизария в этой ситуации см.: *Bury*. II. P. 214. Об одном из его приближенных см.: *Procopius*. BG. VIII. 25. 11.

<sup>24</sup> Король вандалов Гелимер, попав в плен, не получил статус патриция, так как отказался оставить арианскую веру: *Procopius*. BV. IV. 9. 14. После капитуляции 540 года, по нашим отрывочным сведениям, группы готов служили в византийской армии. Например, в 545 году обороной Ассизи руководил гот по имени Сисифрид, «чрезвычайно преданный римлянам»: BG. VII. 12. 12, 14. Также, *ibid*. VII. 11. 1. Готский военачальник на службе у Юстиниана упомянут в VIII. 25. 11. О готах, воевавших с персами на восточной границе см.: *Procopius*. BP. II. 18. 24, ср. 21. 4. Готы-ариане все еще воевали на стороне византийцев на восточной границе в 578 году и немного позднее при императоре Тиберии II; они находились в Константинополе с женами и детьми: *Ioannes Ephesus*. III. 13, 26.

<sup>25</sup> *Procopius*. BG. VII. 2. 17, ср. 4. 12. *Bury* (II, p. 228), считает, что готы приняли Эрариха «вероятно, потому, что среди них не нашлось никого, кого бы они единогласно считали достойным трона». Это предположение вызывает большие сомнения в свете того, что мы знаем о качествах будущих готских вождей.

<sup>26</sup> *Procopius*. BG. VI. 29. 17 sq., ср. 30. 9. Не совсем понятно, из какого класса остроготов набирались эти священники. А кто был тот человек, который написал *Codex Argenteus*?

<sup>27</sup> Сисиг, сдавшийся победителям, (*Procopius*. BG. VI. 28. 28–35) был человеком знатного происхождения. Дезертиры (*ibid*. VI. 20. 4; 24. 17) вполне могли быть римлянами-жителями Урбс Вегус (Орвьето) и Ауксима (Осимо) соответственно. В действиях защитников Ауксима, присоединившихся к имперской армии после капитуляции, не было «дезертирства». Они поразительно долго выдерживали осаду и голод: BG. VI. 28. 32–34. О готе по имени Гоар, который был взят в плен в годы правления Виттига, затем без преданности служил Юстиниану, а в конце концов перешел на сторону ломбардов, см.: BG. VIII. 27. 5. Гот по имени Рагнар, командовавший в Таренте, начал переговоры с местным византийским военачальником о возможной капитуляции, но затем передумал: BG. VIII. 26. 4; 34. 9. (Рагнар, возможно, был гунном: см.: *Cameron A. Agathias* (Oxford, 1970. P. 42). Источники, подтверждающие BG. VII. 18. 3, немногочисленны.

<sup>28</sup> Они уступали противнику в численности вследствие неразумной тактики Виттига, *Procopius*. BG. V. 27. 23. Ср. *ibid*. 24.

<sup>29</sup> *Procopius*. BG. VI. 26. 1–15; 24; 29.

<sup>30</sup> Ibid. V. 7. 36; 15. 1; *Marcellinus Auct.*, s. a. 538 (Batza). В том, что касается Далмации, не совсем понятна разница между готами-«поселенцами» и солдатами, несущими обычную службу в армии: BG. V. 7. 36.

<sup>31</sup> Ibid. VIII. 35. 13.

<sup>32</sup> Ibid. VII. 2. 7–9.

<sup>33</sup> Ibid. V. 17. 7; 18. 7, ср. 19. 22; 20. 7 (возможно, здесь имеются в виду перебежчики из гражданского населения).

<sup>34</sup> Ibid. V. 25. 15–17.

<sup>35</sup> Ibid. V. 28. 4.

<sup>36</sup> Ibid. VI. 1. 30, ср. VII. 19. 4. Обратите внимание на совершенно другое отношение мавров к Гезону в BV. IV. 20. 12.

<sup>37</sup> *Procopius*. BG. VI. 6. 3. Отдельные эпизоды, такие, как тот, в котором герулы, служившие у Велизария, в порыве раздражения продали готам рабов и скот с большой выгодой для себя, не имеют большого значения: BG. VI. 22. 6.

<sup>38</sup> Ibid. VII. 1. 25: «neotera pragmata» [*греч.* государственный переворот].

<sup>39</sup> Ibid. VI. 6. 6 sq.; VII. 1. 33; 9. 1 sqq.; 10. 10; 12. 2; 26. 6; 36. 26; *Anecd.* XXII. 7 и 20.

<sup>40</sup> *Procopius*. BG. VII. 5. 19.

<sup>41</sup> Ibid. VII. 12. 8.

<sup>42</sup> Ibid. VII. 12. 3. Объяснение см.: *Anecd.* IV. 39.

<sup>43</sup> *Procopius*. BG. VII. 11. 10.

<sup>44</sup> Ibid. VII. 11. 13 sq.

<sup>45</sup> Ibid. VII. 11. 27 sqq.

<sup>46</sup> Ibid. VII. 15. 7. Однако заметим, как Велизарий обратил эти случаи дезертирства в свою пользу, *ibid.* VII. 19. 4. 23. 1.

<sup>47</sup> *Procopius*. BG. VII. 23. 3. Относительно Сполето см. также: *Anecd.* V. 6, где мы узнаем о том, почему некий Иродиан отдал его Тотиле.

<sup>48</sup> *Procopius*. BG. VII. 18. 28.

<sup>49</sup> Ibid. VII. 26. 10. 14.

<sup>50</sup> Ibid. VII. 30. 8.

<sup>51</sup> Ibid. VII. 35. 23 f., ср. VIII. 23. 1.

<sup>52</sup> Ibid. VIII. 31. 12; 32. 20. О других римских дезертирах см.: VII. 23. 9, 40. 20.

<sup>53</sup> Ibid. VIII. 33. 10.

<sup>54</sup> Ibid. VII. 20. 1; 36. 7. О переходе солдат на сторону персов на восточной границе упоминается гораздо реже, но см.: *Procopius*. BP. II. 7. 37, где причиной является невыплата жалованья.

<sup>55</sup> *Idem*. BG. VIII. 26. 6.

<sup>56</sup> Ibid. V. 8. 13. 15.

<sup>57</sup> Ibid. 15. 18.

<sup>58</sup> Ibid. V. 8. 27; BV. III. 16. 9; 20. 20; *Cassiodorus*. Var. XI. 13. 5 (говорит Рим); «si Libya meruit per te recipere libertatem, crudele est me amittere quam visa sum possidere» [*лат.* если Ливия заслужила того, чтобы с твоей помощью вернуть себе свободу, для меня жестоко наказание — потерять ту, которой, как казалось, я владел]. *Vury*. II. P. 128 пишет, что «римские подданные Гилимера жаждали воссоединения с Империей и готовы были на все, чтобы помочь захватчикам», но он не приводит данных, подтверждающих эту точку зрения. Он справедливо утверждает (II. 126 п. 2), что «восточные торговцы, жившие в Карфагене, также приветствовали войну, так как они считали, что воссоединение Африки с Империей благоприятно для их коммерческих интересов».

<sup>59</sup> *Procopius*. BG. V. 8. 7–11.

<sup>60</sup> Ibid. 17, ср. V. 9. 8.

<sup>61</sup> Ibid. V. 8. 19 sq.

<sup>62</sup> Ibid. 21. Заметим, что карфагеняне, занимавшиеся заморской торговлей, в глазах вандалов были людьми подозрительными: вандалы думали, что именно по их наущению Юстиниан напал на Африку: BV. III. 20. 5.

<sup>63</sup> BG. V. 8. 22. 29 sqq. 34.

<sup>64</sup> Ibid. 41; ср. V. 10. 24–26.

<sup>65</sup> Ibid. V. 8. 34.

<sup>66</sup> Ibid. V. 9. 1.

<sup>67</sup> Ibid. V. 10. 35.

<sup>68</sup> Ibid. V. 10. 29. 34. Ср. *Jordanes*. Rom. 370 f.; *Liber Pontificalis*. 60.

<sup>69</sup> Ibid. 97. 3. P. 290. Ed. Duchesne: «quia noluerunt cives Neapolitani aperire ei» [*лат.* так как граждане Неаполя отказались открыть ему ворота].

<sup>70</sup> Ibid. *Jordanes*. Rom. 370; *Marcellinus Auct.* s. a. 536. 3 (II. 104).

<sup>71</sup> *Procopius*. BG. V. 14. 4; VII. 7. 12.

<sup>72</sup> Ibid. V. 11. 23.

<sup>73</sup> Ibid. V. 14. 13.

<sup>74</sup> Ibid. 16; ср. 20. 5.

<sup>75</sup> Ibid. V. 20. 7; 24. 14.

<sup>76</sup> Ibid. V. 26. 1; 28. 1. Но это чувство было недолгим: VI. 3. 14.

<sup>77</sup> Ibid. V. 20. 5; 28. 18; 29. 26; ср. V. 25. 11. Длительное время, когда Рим был осажден дважды, в городе находились сенаторы и богатые люди: BG. V. 20. 7; VI. 3. 9 sq.; VII. 1. 21; 17. 10; 19. 14; 20. 27; 21. 12 sqq.; 36. 29. Папа Сильверий и несколько сенаторов подозревались в измене, и Велизарий их выслал: *Procopius*. BG. V. 25. 13 sq.; *Marcellinus Auct.*, s. a. 537. 1 (II. 105). О Сильверии см. также: *Procopius*. Anecd. I. 14; 27. Римский сенатор и патриций по имени Клементий передал готам форт около Неаполя: BG. VII. 26. 13.

<sup>78</sup> Ibid. V. 25. 2. 11. Заметим, что в Аримине в 538–539 годах был *demos*, который был против продолжения сопротивления готам, осаждавшим город: *ibid.* VI. 16. 15.

<sup>79</sup> Ibid. V. 16. 3.

<sup>80</sup> Ibid. VI. 10. 5 sq.

<sup>81</sup> Ibid. VI. 7. 35, ср. 38. О трагическом результате см. VI. 12. 26; 21. 1.

<sup>82</sup> Ibid. VII. 4. 5 sqq.

<sup>83</sup> Ibid. V. 8. 1 sq.

<sup>84</sup> Ibid. V. 15. 3. Калабрийцев нужно убеждать, см.: VII. 18. 17, ср. V. 24. 14. Заметим, как ласково с ними обращаются в VII. 18. 17. Я не знаю данных, подтверждающих точку зрения *Stein* (II, p. 346, что «les romains de la province de Lucania et Brutii l'accueillirent en libérateur» [*фр.* римляне из провинций Лукания и Бруттий приняли его как освободителя]). Несомненно, римляне района Салоны не были расположены к готам: *Procopius*. BG. V. 7. 10, 36.

<sup>85</sup> Ibid. V. 4. 6, 28. Популярность Амаласунты: V. 2. 3 sq., 4. 28 sq.

<sup>86</sup> Ibid. VII. 6. 5.

<sup>87</sup> Ibid. VI. 7. 35; 10. 5 sq. VII. 18. 21.

<sup>88</sup> Ibid. VI. 17. 1 sqq.

<sup>89</sup> Ibid. VII. 22. 1, 20. Нет сведений, подтверждающих то, что *Stein* (II, p. 579) называет «l'aversion que les paysans éprouvaient pour les barbares mécréants» [*фр.* отвращение, которое крестьяне испытывали к неверующим варварам].

<sup>90</sup> *Procopius*. BG. VII. 13. 1; 22. 20.

<sup>91</sup> Ibid. VI. 20. 2.

<sup>92</sup> Ibid. VII. 16. 14, 25. *Stein* (II, p. 570) не прав, утверждая, что Тотила принес с собой «l'affranchissement en masse des esclaves» [*фр.* массовое освобождение рабов]. Однако так много рабов бежали и сочетались браком со свободными людьми, что Юстиниан посчитал необходимым издать по этому поводу специальный закон после окончания войны: *Justinian. Novellae. Appendix VII. 15.*

<sup>93</sup> *Procopius*. BG. V. 20. 14.

<sup>94</sup> Ibid. V. 18. 40.

<sup>95</sup> Ibid. V. 20. 11.

<sup>96</sup> Ibid. VI. 6. 15 sqq.

<sup>97</sup> Ibid. VII. 4. 16; ср. VII. 9. 10; 21. 12 sqq.

<sup>98</sup> Ibid. VI. 6. 15. Юстиниан грешит против истины, когда говорит франкским королям, что остроготы действительно захватили Италию силой: *ibid.* V. 5. 8.

<sup>99</sup> Ibid. VII. 6. 4; 20. 29 sq.

<sup>100</sup> Ibid. VII. 7. 16; 30. 21; 31. 21; 36. 25; 37. 14. В VII. 36. 25 Прокопий анализирует реакцию солдат. Сначала все они решили вернуться в Византию, но затем из-за (1) позора поражения, (2) страха попасть в засаду после капитуляции и (3) возмущения из-за задержки жалования все они остались с готской армией, кроме двух человек, которые не могли вынести разлуки с женами и детьми. Есть любопытный эпизод, когда римские солдаты «не по своей воле» воевали на стороне готов: VII. 39. 22. Возможно, имеются в виду солдаты, выбравшие второй вариант.

<sup>101</sup> Ibid. VII. 8. 1. Похожий случай, когда авары проявили милосердие к гражданам Сирмия, см.: *Иоанн Эфесский*. VI. 32.

<sup>102</sup> *Procopius*. BG. VII. 35. 9.

<sup>103</sup> Ibid. VII. 21. 6 sq.

<sup>104</sup> Ibid. V. 11. 26; 26. 1. О другом массовом убийстве сенаторов см.: VIII. 34. 3.

<sup>105</sup> Ibid. VI. 21. 39; ср. *Bury*. II. P. 204.

<sup>106</sup> Ibid. VII. 20. 23.

<sup>107</sup> См.: *Stein*. II. P. 581 n.

<sup>108</sup> *Procopius*. BG. VII. 15. 14. См. также: VII. 19. 34, где описан другой случай мести; ср. VII. 6. 26. Пример непростой жесткости см.: VII. 30. 21.

<sup>109</sup> Ibid. VI. 18. 14; 28. 17.

<sup>110</sup> Так у *Bury*. II. P. 178.

<sup>111</sup> *Procopius*. BG. V. 7. 30; VI. 7. 17 f.; 12. 17; 24. 14; 28. 6; ср. VII. 15. 9 sqq.; 18. 11; etc. Но несмотря на *Bury*. II. P. 236, нет уверенности в том, что у Прокопия (*Procopius*. BG. VII. 15. 1) упомянуты корабли.

<sup>112</sup> Ibid. VII. 9. 4.

<sup>113</sup> Ibid. VIII. 31. 18 sqq.

<sup>114</sup> Ibid. VIII. 35. 24 sqq.

<sup>115</sup> *Agathias*. I. 20 (P. 172. 20 sqq. / Ed. Dindorf), ср. 174. 13.

## VII. КОНЕЦ НОРИКА

<sup>1</sup> *Bury J. B.* The Life of St. Patrick. London, 1905; *Binchy D. A.* St. Patrick and His Biographers: Ancient and Modern // *Studia Hibernica*. II (1962). P. 7–173; *Hanson R. P. C.* St. Patrick: His Origins and Career. Oxford, 1969.

<sup>2</sup> *Lotter F.* Severinus von Noricum: Legende und historische Wirklichkeit. Monographien zur Geschichte des Mittelalters. Bd. 12. Stuttgart. 1976. S. 201 ff. вслед за ними *Wirth G.* Anmerkungen zur Vita des Severin von Noricum. Quaderni Calanesi di Studi Classici e Medievali. I, I (1979). S. 217–266, 224, n. 16.

<sup>3</sup> Удивительное количество произвольных толкований относительно деятельности Северина можно найти: *Lotter*. Op. cit. 218, 241, 246, 251, et al. Даже *Wirth* (Op. cit.), который во многом следует за *Lotter*'ом, иногда теряется, напр. на с. 265. Критику см.: *Prinz F.* Zur Vita Severini // *Deutsches Archiv*. XXV (1969). S. 531–536. Те, кто собирает странные и невероятные теории, не потратят время зря, если прочитают также *Kaplan F.* Zwischen Antike und Mittelalter (München, n. d.). S. 119, где разбойники, известные под именем скамары, представлены подпольной разведывательной сетью Северина!

<sup>4</sup> См.: *Lotter*. Op. cit. S. 67 и критическое замечание см.: *Noll R.* Eugippius: Das Leben des heiligen Severin: lateinisch und deutsch. Berlin, 1963. Процитированный латинский текст переводится так: «Когда умер Аттила, король гуннов, обе провинции Паннонии и другие места, прилегающие к Дунаю, находились в замешательстве и неуверенности, и как первый акт, великая борьба разразилась между его сыновьями за контроль над королевством. Эти люди, пораженные болезнью деспотизма, думали, что смерть их отца — подходя-

щий случай для совершения преступлений. В это время Северин, идя с востока, пребывал в маленьком городке под названием Астурис».

<sup>5</sup> Так же у *Vetter E.* // *Noll.* Op. cit. S. 35.

<sup>6</sup> *Jordanes.* Get. 259–263 о Недао, однако точная дата не указана.

<sup>7</sup> Летописец Виктор Тонноненский (*Victor Tonnonensis.* s. a. 453. 2 (*Chron. Min.* II. 185), если верить ему, относит эту битву к 453 году. *Bury* (I, p. 296), *Stein* (I, p. 336), *Ensslin W.* (*Theoderich Der Grosse*<sup>2</sup>. Munchen, 1959, 9) точно датируют битву при Недао 454 годом, а *Maenchen-Helfen* (*The World of the Huns.* P. 145–147) показывает, что битва не могла состояться позже, чем летом 455 года.

<sup>8</sup> В этой главе цифры в скобках относятся к главам и разделам «Жизни» Эвгиппия.

<sup>9</sup> *Cons. Italica*, 577 (*Chron. Min.* I. 304); но Моммзен доказывает, что с этим текстом что-то не в порядке, так что вряд ли стоит продолжать спор.

<sup>10</sup> *Isidoreus*, *Etym.* XI. 2. 4. О значении этого слова см. *Thesaurus Linguae Latinae.* I. 797. 61 sqq.; cp. 1126. 29 sqq.

<sup>11</sup> *Johannes Antiochenus.* Frag. 214a (FHG V. 29).

<sup>12</sup> *Jordanes.* Get. 282 sqq.; cp. *Schmidt.* Ostgermanen 277; *Stein.* P. I. 356. О дате и месте остроготского поселения в Паннонии см.: *Ensslin W.* Die Ostgoten in Pannonien. Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher. VI (1927–1928). S. 146–159.

<sup>13</sup> Напротив, *Lotter.* Op. cit. S. 166. 207 ff. 253.

<sup>14</sup> В этой работе я не ставлю своей целью идентифицировать древние топонимы. Анализ на английском языке см.: *Haberl J.* или *Hawkes C.* и *Greeks S.* Celts and Romans. Archaeology into History. London, 1973. P. 97–149. *J. Haberl* позже написала работу «Wien-Favianis und Vindobona» (Leiden, 1978). Археологические заметки об этих городах на английском см.: *Vetters H.* в книге: *Barley M. W.* European Towns. Their Archaeology and Early History. London; New York, 1977. P. 261–290. Существование топонима Батавис-Пассау подтверждает непрерывность городской жизни не более, чем существование топонима Лондиниум-Лондон.

<sup>15</sup> Так, и совершенно справедливо, у *Alföldy G.* Noricum. London, 1974. P. 216.

<sup>16</sup> Тот *foedus*, который заключили граждане Тибурнии с остроготами (XVII. 4), носил совершенно иной характер. Это был просто мирный договор, положивший конец войне. Он не предусматривал расселения федератов в Тибурнии. *Schmidt* (Op. cit. S. 120) и *Stein* (Op. cit. P. 397), считают, что несколько городов Норика приняли федератов и одним из них был Коммагенис. У Эвгиппия нет и намека на это.

<sup>17</sup> *Cod. Theod.* VI. 8: «de metatis» [*лат.* о расквартировании].

<sup>18</sup> *Wirth* (Art. cit. P. 232) (в прим. 2) считает «возможным», что солдат занимали горожане, но не видит, что означает такая «возможность». *Bieler* в книге: *Bieler L.* и *Krestan L.* Eugippius: The Life of St. Severin. (The Fathers of the Church. Vol. 55). Washington, 1965, основываясь на I. 3 sq., утверждает, что город «удерживался варварами согласно договору». Это — неправильное прочтение текста.

<sup>19</sup> См.: *Cod. Justin.* IX. 8. 5; *Digest.* XLVIII. 4. 3, etc.

<sup>20</sup> Так в *Vita XXXIII.* Но *Schmidt* (Op. cit. S. 20) считает, что федераты были ругами, в то время как *E. Norden* (*Alt-Germanien.* Leipzig; Berlin, 1934. S. 75, Anm. 1) осторожно предполагает, что они могли быть остроготами.

<sup>21</sup> *Bieler* (Op. cit. 59) переводит эту фразу как «их враждебные соседи», и это верно. Однако *Нолл* (Op. cit. (см. прим. 4 выше). S. 61) переводит это как «Feinden aus der Nachbarschaft» [*нем.* враги по соседству], что подразумевает присутствие третьей стороны, не считая граждан Коммагениса и федератов. То же самое недоразумение привело *Лоттера* (P. 211) к серьезным трудностям, и его аргументы звучат еще менее убедительно, когда он обсуждает тот же эпизод на с. 136, 156.

<sup>22</sup> *De Excidio.* XXIII.

<sup>23</sup> Нет оснований соглашаться с *Лоттером* (Op. cit. S. 33 (cp. 166, 270, 107), что *Авит* был «bewaffneter Gefolgsmann des Rugierfürsten Ferderuch» [*нем.* вооруженный сопровождающий князя [*Rugierfürsten*] *Фредерика*]. Эвгиппий не говорит о том, что *Авит* был членом какого-

либо *comitatus* или что у него была постоянная связь с Фредериком. Варадн (Das letzte Jahrhundert Pannoniens (376–476). Amsterdam, 1969. S. 348 ff.) считает, что Фелефей, а после него Фредерик имели должности в римской армии и в Фавианисе командовали римскими воинскими подразделениями. Работа *Varady* была раскрытирована *Harmatta J. The Last Century of Pannonia // Acta Antiqua Acad. Scient. Hungaricae. XVIII (1970). P. 361–369.*

<sup>24</sup> Я не знаю, почему Лоттер (Op. cit. S. 193) хочет придать Северину воинский отряд, которым тот якобы в этом случае командовал.

<sup>25</sup> Послание Эвгиппия: *Paschasius*, 8; *Noll. Ad loc.*

<sup>26</sup> *Hydatius*. 93. 95 (Chron. Min. II. 22); *Sidonius. Carm. VII. 233.*

<sup>27</sup> Возможная аналогия — восстание *hostes* в Паннонии см.: *Eusebius Hieronymus. Ep. 123. 16.* Различные теории по этому поводу см.: *Varady. Op. cit. S. 218.*

<sup>28</sup> *Priscus. P. 310 sqq. (ed. Dindorf); Varady. Op. cit. S. 319 f.*

<sup>29</sup> О них см. *Schmidt. Op. cit. S. 117–128.* Об отношении Эвгиппия и Северина к варварам см.: *Uytfanghe M. van. La Bible dans la «Vie de saint Severin» d'Eugippius // Latomus. XXXIII. 1974. P. 324–352, 337 etc.* Я сомневаюсь, что Сидоний (*Sidonius, Carm. V. 46*) может служить надежным источником информации о том, что Майориан включил в свое войско ругов. Поэт просто включил сюда все известные ему названия северных народов.

<sup>30</sup> *Procopius. BG. VII. 2. 1.*

<sup>31</sup> *Vita V. 1.* Это не значит, что остроготы в это время захватили Норик Прибрежный, ср., впрочем: *Schmidt. Op. cit. S. 120*, хотя, возможно, они контролировали подходы к нему.

<sup>32</sup> В рукописях Класа I — *turba latrocinantium barbarorum* [*лат.* толпа разбойничающих варваров] и *Noll* справедливо отвергает *barbarorum* [*лат.* варваров], которого нет в рукописях Класа II. Но в своих заметках *ad loc.* (с. 125) *Noll* говорит о ругах, страдающих «unter den Räubereien eines anderen germanischen Stammes, dessen Name leider nicht genannt ist» [*нем.* от разбойных набегов другого германского племени, имя которого, к сожалению, не названо]. Однако эти разбойники не были варварами — факт, который приводил в растерянность переписчиков Класа I и заставлял превратить их в варваров. *Schmidt (Loc. cit.)* и *Lotter (Op. cit. P. 202)* сохраняют *barbarorum*, считая, что *latrones* [*лат.* разбойники] были остроготами из Паннонии. Но если они были готами, то почему Эвгиппий об этом не сказал?

<sup>33</sup> Я не могу согласиться с *Wirth (Art. cit. P. 256)*, что Флаккифей просто хотел совершить набег на Италию, а не эмигрировать вместе со всем своим народом. На самом деле большое число ругов служило в императорской армии в Италии в 476 году: *Jordanes. Get. 291; Ennodius. Vita Epif. 118 (p. 99); 119 (p. 99).* Мы не знаем, когда они туда попали и почему они оставили своих соплеменников.

<sup>34</sup> *Procopius. BG. VII. 2. 1 и 18; Marcellinus Comes. s. a. 541. 2; 542. 2 (II. 106 f.).*

<sup>35</sup> *Procopius. BG. VII. 21. 3.* Так было принято и у везеготов: см.: *Legg. Visig. III. 1. 1.*

<sup>36</sup> *Ennodius. Vita Epif. P. 361. 25: «qui parere regibus vix dignantur»* [*лат.* которые едва ли считают достойным подчиняться царям].

<sup>37</sup> *Vita IV. 12 ecclesiae hostes haeretici: VIII. 1. et al.*

<sup>38</sup> *Op. cit. 121.*

<sup>39</sup> См. *Saria B. Völker und Kulturen Südosteuropas // Schriften der Südosteuropa-Gesellschaft. Bd. I. München, 1959. S. 17–31*, с хорошим библиографическим материалом в примечаниях. О жизни церкви во времена Северина и особенно о вечерней мессе см.: *Gamber K. Die Severins-Vita als Quelle für das gottesdienstliche Leben in Norikum während des 5 Jh. // Römische Quartalschrift für christliche Altertumskunde u. Kirchengeschichte. LXV (1970) S. 145–157*, а также: *Bieler. Op. cit. S. 41.*

<sup>40</sup> См. особенно XXXI. 3. Согласно Лоттеру (Op. cit. S. 193, 204) они были даже в более дружеских отношениях, чем мы могли бы предположить. Так, когда Северин предсказал набег варваров, это не было ясновидением: вожди варваров намекнули ему об этом заранее! Святой также не предсказал (в V. 2) отход готов из Паннонии около 472 года: готы посвятили его в свои тайные планы!

<sup>41</sup> См. замечания *Zeiller J. Les origines chrétiennes dans les provinces danubiennés. Paris, 1918. P. 563.*



<sup>42</sup> Zeiller. Op. cit. P. 541, полагает, что Гибульд, возможно, исповедовал арианство. У Эвгиппия нет и намек на это. Аламанны не были знакомы с христианством до 500 года.

<sup>43</sup> H. Jänichen в книге: *Hoops J. Reallexikon der germanischen Altertumskunde*<sup>2</sup>. Berlin, 1973. I. S. 140, выводит отсюда «Einkönigtum», но вышеприведенные варианты также возможны.

<sup>44</sup> Нет никакого оправдания утверждению H. Baldermann (Die Vita Severini des Eugippius (II Teil) // Wiener Studien. 1964. LXXVII. S. 162–73, 171): «Die Rugierkönigin, eine eifernde Arianerin, verfolgt die Provinzialen, weil sie katholisch sind» [*нем.* королева ругов, ревностная арианка, преследует провинциалов за их принадлежность к католической вере]. Lotter (Op. cit. S. 191) также говорит о насильственном обращении в арианство.

<sup>45</sup> См., соответственно: Bieler. Op. cit. P. 24 и Zeiller. Op. cit. S. 562.

<sup>46</sup> Vita XLIX. 1–3. Язычник Гунумунд убил священника в баптистерии церкви: XXII. 4.

<sup>47</sup> Вандалы при Гундерихе осквернили церковь св. Винцента Мученика в Севилье в 428 году: Hydatius. 89 (II. 21); Isidore. Hist. Vand. 73 (II. 296). См. с. 194 выше.

<sup>48</sup> Vita. XI. Есть сведения об уничтожении христианами языческих святилищ, статуй и т. п. в конце IV века в Норике: см.: Alföldy. Op. cit. (прим. 15 выше) P. 210, но не во времена Св. Северина.

<sup>49</sup> Lotter (Op. cit. P. 194 п. 61) склонен считать, что сорок стражей были солдатами *numerus* в Батависе, о котором упоминается в XX. 1. Слова *viros oppidi* не подразумевают солдат.

<sup>50</sup> Другие упоминания об этих предосторожностях см.: Thompson. EG. 141, п. 3. Также Procopius. BG. V. 14. 17.

<sup>51</sup> Note XXII. 4 «Hunmundus paucis barbaris comitatus» [*лат.* Гунумунд в сопровождении немногих варваров], etc. Напротив, в XXV. 3 «Alamannorum copiosissima multitudo» [*лат.* огромное множество аламаннов], т. е. огромное множество аламаннов, которые, впрочем, не захватили ни одной крепости — *castella* [*лат.* крепости] — значит, это термин относительный (огромное множество). Их типичным оружием, видимо, были лук и меч (XXXI. 5) или «*tela*» [*лат.* наступательное оружие] у Иордана (*Jordanes. Get. 26*). Были они пешими или конными? Кроме королевской семьи, среди них были и другие вожди (XXXIII. 1).

<sup>52</sup> Cp. XXVII. 1: «mansores oppidi Quintanensis, creberrimis Alamannorum incursionibus iam defessi, sedes proprias relinquentes in Batavis oppidum migraverunt» [*лат.* жители города Квинтана, уже уставшие от бесчисленных набегов аламаннов, оставляя свои места, переселились в город Батавис], хотя, видимо, это единственный отрывок, где Эвгиппий говорит об этом ясно. Я не совсем понимаю в XXVII. 2: «quamvis ex duro barbarorum imperio famis angustias sustinerent» [*лат.* сколько бы они ни переносили суровый голод от жестокой власти варваров]. С другой стороны, нет слов о том, что жестокий голод в Фавианисе (III. 1) был вызван набегами.

<sup>53</sup> Vita XXXI. 5: «ne tanti exercitus compulsione vastentur potius quam migrentur» [*лат.* чтобы в результате столкновения с таким большим войском не было больше опустошения, чем переселения]. Я считаю эту акцию Северина «неудачей». Если жители города были готовы сражаться за него, то эта акция была почти предательством.

<sup>54</sup> Procopius. BG. VI. 14. 9 и 24.

## VIII. ГИДАЦИЙ И ЗАВОЕВАНИЕ ИСПАНИИ

<sup>1</sup> Hydatius. 65, 108<sup>a</sup>, 191. Наш текст Гидация датирует смерть Августина 436 годом вместо 430. Вся эта запись отсутствует в В; и Courtois (Byzantion, p. 25, 27) считает ее позднейшей интерполяцией. Несомненно, это так. Но разве не было бы странно, если бы Гидаций уделил этому выдающемуся святому меньше места в гл. 53, чем он уделил Паулину из Нолы в гл. 81 или св. Иерониму в гл. 59? Заметим, что с точки зрения Гидация основной заслугой св. Августина было осуждение донатизма. Тот факт, что этот святой боролся также с присциллианством, Гидаций ни разу не упоминает. Знал ли он об этом?

<sup>2</sup> *Courtois* // Byzantion, p. 51, n. 6. Я принял его видоизмененную хронологию. Мало интересного можно найти в работе *Torres C. R. Hidacio, el primer cronista español* // *Rivista de archivos, bibliotecas, y museos*. LXII. (1956). P. 755–794; или в *Sirago V. A. Galla Placidia e la trasformazione politica dell'Occidente* // *Université de Louvain: recueil de travaux d'histoire et de philologie. Sér. 4, fasc. 25 (Louvain, 1961)*. P. 15 f.

<sup>3</sup> CIL II. 2517.

<sup>4</sup> *Strabo*. III. 1. 2; 3. 5 и 7 f. Заметим, что св. Фруктуоз из Браги пишет Браулио (*Braulio*). Ер. 43; *Migne*. PL LXXX. 691): «nos longe positos occidentis tenebrosa plaga depressos» [*лат.* нас, расположенных далеко и уставших от темной западной области].

<sup>5</sup> *Hydatius*. 40.

<sup>6</sup> *Idem*. 215, хотя Моммзен (ad loc.) без видимой причины полагает, что *Isauriae* написано с ошибкой; ср. *Greg. Tur.* HF. IV. 40. Некоторые замечания о Гидации и Иерониме см.: *Giunta F. Idazio ed i barbari* // *Anuario de estudios medievales*. I. 1964. P. 491–494.

<sup>7</sup> *Hydatius*. Praef. 6 sq., 130; *Leo*. Ер. 15 § 17 (*Migne*. PL LIV. 692).

<sup>8</sup> *Idem*. 96. Какие результаты принес его визит к Азции? Азций в следующем, 432 году, послал к свевам Графа Цензория. То, что Азций не сделал этого сразу, было, видимо, вызвано тем, что его беспокоили франки, однако только после возвращения Цензория ко двору Гермерих заключил мир с галисийцами, да и то только потому, что в дело вмешался епископ или несколько епископов: *Idem*. 100. Цензорий, возможно, принимал участие в переговорах, но неизвестно, достиг ли он какого-либо результата. Азций практически ничем не помог.

<sup>9</sup> *Hydatius*. 201.

<sup>10</sup> Мы вряд ли можем согласиться с его утверждением на с. 13. 5 в издании Моммзена (*Mommsen*): Моммзен, «*quae secuntur ab anno primo Theodosii Augusti, ut comperi, et descripsi*» [*лат.* то, что произошло начиная от первого года правления Феодосия Августа, как я доподлинно узнал и описал], так как в первый год Феодосия I он еще не родился. А как объяснить его утверждение в главе 175: «*regnum destructum et finitum est Suevorum*» [*лат.* Царство свевов было разрушено и прекратило существование], относящееся к 456 году? Только два года спустя, в 458 году, и готы, и вандалы решили, что стоит направить своих послов к свевам: *Hydatius*, 192. Даже Исидор (*Isidorus*. *Hist. Goth.* 32 (II. 280) вынужден вставить «*raene*» [*лат.* почти], а затем говорит, что когда Малдрас был назначен королем, «*regnum reparatur Suevorum*» [*лат.* царство свевов восстанавливается]. Складывается впечатление, что Гидаций написал главу 175 вскоре после битвы в Кампус Парамус в 456 году, когда он был уверен, что власть свевов подорвана. Позднее, когда свевы частично восстановили свои силы, он забыл исправить эту запись. Некоторые интересные замечания см.: *Tranoy*. I. P. 51.

<sup>11</sup> *Hydatius*. 109, 145, 151 соответственно.

<sup>12</sup> *Chron. Min.* II. 7.

<sup>13</sup> *Hydatius*. 56.

<sup>14</sup> *Idem*. 150: «*memorantur*» [*лат.* упоминаются].

<sup>15</sup> *Idem*. 170, 188, 190, 208, 219. См. также: *Giunta*. Art. cit.

<sup>16</sup> *Hydatius*. 156: «*spirans hostilia*» [*лат.* дыша ненавистью].

<sup>17</sup> *Idem*. 183.

<sup>18</sup> *Idem*. 174, 186; «*pro-Roman*», 170.

<sup>19</sup> *Orosius*. *Hist.* VII. 40. 8.

<sup>20</sup> *Hydatius*. 218; ср. *Priscus Panites*. *Frag.* 30. I. 339 sq.

<sup>21</sup> *Hydatius*. 128.

<sup>22</sup> *Oost S. Aëtius and Majorian* // *Classical Philology*. LIX. (1964). P. 23–29.

<sup>23</sup> *Hydatius*. 34. и Seeck // *P.-W.* IX. 41.

<sup>24</sup> *Hydatius*. 43; ср. 48 f.

<sup>25</sup> *Idem*. 95. 110. О том же говорит *Fredregarius*. II. 51.

<sup>26</sup> *Hydatius*. 92. и *Freeman E. A. Western Europe in the Fifth Century*. London, 1904. P. 276 n.

<sup>27</sup> *Sidonius*. Ер. VIII. 5. и, возможно, IX. 12; *Stevens C. E. Sidonius Apollinaris and his Age*. Oxford, 1934. P. 65, n. 1.

<sup>28</sup> *Hydatius*, 138. О Пасценции см.: *Brown P.* The Diffusion of Manichaeism in the Roman Empire // *Journal of Roman Studies*. 1969. LIX. P. 92–103, особенно с. 101. Автор не сомневается в том, что именно манихейство привело Пасценция из Рима в Асторгу.

<sup>29</sup> Если Гидаций был поклонником Аэция (в чем я сомневаюсь), то он приводит удивительно полную информацию о противнике Аэция Себастьяне: см.: 99, 104, 129, 132, 144.

<sup>30</sup> *Idem*. 153 sq, 160, 162.

<sup>31</sup> *Idem*. 145.

<sup>32</sup> *Leo*. Ep. 102 ad fin. (*Migne*. PL LIV. 988): «*quae volumus per curam dilectionis vestrae etiam ad fratres nostros Hispaniae episcopos pervenire: ut quod Deus operatus est nulli possit esse incognitum*» [*лат.* мы хотим, чтобы эти вести благодаря вашей сердечной заботе дошли и до наших братьев — епископов Испании: дабы то, что свершил Господь, ни для кого не могло остаться неизвестным]. В 454 году Лев направил письмо к «епископам Галлий и Испаний» по вопросу даты Пасхи 455 года. К сожалению, в этом случае мы не знаем, каким путем шло письмо Папы: опять через Галлию в Испанию или напрямую к испанским епископам.

<sup>33</sup> *Hydatius*. 231.

<sup>34</sup> О том, как приняли Халкедон на Западе, см.: *Bardy G.* La répercussion des controverses christologiques en Occident entre la concile de Chalcédoine et la mort de l'Empereur Anastase (451–518) // *Grillmeier A.* и *Bacht H.* (Ed.). *Der Konzil von Chalkedon*. II. Würzburg, 1954. S. 771–789.

<sup>35</sup> *Hydatius*. 115, 118.

<sup>36</sup> *Idem*. 120 (Sicily), 167 (Rome), 144 (Sebastian), 192 (Vandal ambassadors).

<sup>37</sup> *Marcellinus*. s. a. 455 (II. 86), другие упоминания см.: *Seeck* // *P.-W.* VI. P. 926 и *Courtois*. *Vandales*. P. 196.

<sup>38</sup> *Hydatius*. 167: «*ut mala fama dispergit*» [*лат.* как разносит дурная молва].

<sup>39</sup> Примечание «*ut aliquorum relatio habuit <...> dictus est*» [*лат.* как сообщается в донесениях некоторых лиц <...> был назначен]: *ibid.* 89.

<sup>40</sup> *Idem*. 62<sup>b</sup>.

<sup>41</sup> Письмо Авита напечатано в издании: *Migne*. PL XLI. P. 805. Он пишет: «*Sed impeditum est desiderium meum [возвратиться домой в Галлию], per totas iam Hispanias hoste diffuso*» [*лат.* Но исполнению моего желания [...] препятствовало то, что враги уже наводнили все Испанию]. Об Авите из Браги см.: *Lambert A.* *Dict. d'hist. et de géogr. ecclés.* V. 1201.

<sup>42</sup> *Severus Maiorkasus*. *Epistola de Iudaeis* (*Migne*. PL XX. 735, cp. 742).

<sup>43</sup> *Hydatius*. 127.

<sup>44</sup> *Idem*. 106.

<sup>45</sup> *Idem*. 109.

<sup>46</sup> *Idem*. 238, 247.

<sup>47</sup> *Idem*. 106. Эта запись проанализирована *Torres C.* *Peregrinos de Oriente a Galicia en el siglo V* // *Cuadernos de estudios gallegos*. 11 (1957). P. 53–64.

<sup>48</sup> *Hydatius*. 106.

<sup>49</sup> *Idem*. 177: «*orientalium naves Hispalim venientes per Marciani exercitum caes[os Las]as nuntiant*» [*лат.* корабли с Востока, прибывая в Гиспал, сообщают, что лазы были убиты войском Маркиана. *Caes[os]* (вм. *caesos* *Lazas*): убиты (в женском роде). — *Примеч. перев.*]. В рукописи В просто *caesas*. Прочтение Моммзена основано, по моему мнению, на Приске Панийском (*Priscus Panites*. *Frag.* 25) *Tranoу* принимает прочтение Моммзена без комментариев.

<sup>50</sup> *Hydatius*. 109.

<sup>51</sup> *Idem*. 146 sq., 184, 157 соответственно.

<sup>52</sup> *Idem*. 215. Эта запись относится к 461 году, однако великое землетрясение, потрясшее Антиохию в этот период, произошло субботней ночью, 13 сентября 458 года: см.: *Downey G.* The Calendar Reform at Antioch in the Fifth Century // *Byzantion*. 1940–1941. XV. P. 39–48 и *Honigmann E.* The Calendar Change at Antioch and the Earthquake of 458 A. D. // *Ibid.* 1944–1945. XVII. P. 336–339. Ни один из этих авторов не обсуждает проблему *Hydatius*. 215. Почему он датирует землетрясение таким поздним годом? Есть данные о том, что в

459 году в Антиохии было второе землетрясение (*Downey*. Art. cit. 42 f.; *Honigmann*. Art. cit. 338), но, насколько я знаю, нет данных о том, что подобное бедствие произошло в 461 году. Я считаю, что Гидаций узнал об этом событии только через несколько лет и дата, которую ему сообщили, была ошибочной. Это могло бы служить еще одним доказательством того, насколько трудным и медленным было сообщение между Востоком и крайним Западом в середине V века. Отметим, что Гидаций был единственным западным писателем, который хоть что-то знал о каком-то из землетрясений в Антиохии в этот период.

<sup>53</sup> *Hillgarth J. N.* Visigothic Spain and Early Christian Ireland // *Proceedings of the Royal Irish Academy*. Vol. 62. Section C. N. 6. P. 167–194.

<sup>54</sup> *Pana Simplicius*. Ep. 21 (P. 213 f. Thiel): «Plurimorum relatu comperimus» [лат. Нам достоверно известно по сообщениям многих], etc.

<sup>55</sup> *Hilary*. Ep. 14. Cap. I (p. 157. Thiel).

<sup>56</sup> *Idem*. Ep. P. 13 sq. (p. 155 ff. Thiel).

<sup>57</sup> *Felix II*. Ep. 5 (p. 242. Thiel).

<sup>58</sup> Таким образом, известная теория *N. H. Baynes* (*Byzantine Studies and Other Essays*. London, 1955. P. 315 f.) о том, что именно флот вандалов разрушил единство средиземноморского мира, не подтверждается испанскими источниками.

<sup>59</sup> *Bury*. I. P. 295; ср. *Prosper*. 1367 (l. 482); *Jordanes*. Get. 42. 223.

<sup>60</sup> *Hydatius*. 154.

<sup>61</sup> *Seck // P.-W.* I. 703. s. v. Aetios (5). Этот отрывок из Гидация был неправильно понят *Maenchen-Helfen* (*The World of the Huns*. P. 138).

<sup>62</sup> Содержательный отрывок на эту тему есть у Иеронима (*Hieronymus*. Ep. 123) (написано в 409 году): «quicquid inter Alpes et Pyrenaeum est, quod Oceano Rhenoque concluditur, Quadus, Vandalus, Sarmata, Halani, Gypedes, Heruli, Saxones, Burgundiones, Alamanni, et — o lugenda res publica — hostes Pannonii vastaverunt» [лат. Все, что находится между Альпами и Пиренеями, что ограничено Океаном и Рейном, опустошили квады, вандалы, сарматы, аланы, гепиды, герулы, саксонцы, бургунды, аламанны и — о несчастное государство! — паннонские враги]. Заметим, что Орозий (*Orosius*. Hist. VII. 40. 3) также отмечает, что вандалы, аланы и свевы перешли Рейн в 406 году «multaeque cum his aliae [gentes]» [лат. И с ними многие другие [народы]]. Эти главы об Испании содержат довольно много сведений о свевах. Они в конце концов были обращены в католичество, и сведения об этом обращении можно найти в работе: *James E.* (редактор) «Visigothic Spain»: *New Approaches*. Oxford, 1980. P. 77–92.

<sup>63</sup> С этим *non sequitur* согласен даже автор серьезной, хотя и неубедительной работы: *Schwarz E.* Der Quaden- und Wandalenzug nach Spanien // *Sudeta*. III. S. 1–12; о том же говорит *Goessler P.* // *P.-W.* XXIV. I. P. 645, ср. *Tranoy*. II. P. 35. *Dahn*. (P. 546, n. 2) разумно воздерживается от размышлений на тему истории свевов до 406 года. Исследователь истории свевов мало что узнает из статьи: *Otto Wendel*. Das Suebenreich auf der Pyrenäen Halbinsel // *Zeitschrift für deutsche Geisteswissenschaft*. 1942–1943. V. S. 306–313; а также из: *Reinhart W.* Los Suevos en tiempo de su invasion de Hispani // *Archiva española de Arqueología*. V (1942–1943). P. 131–144; или из *Vazquez de Parga L.* La obra historica de San Isidoro // *Isidoriana / Ed.: Diaz y Diaz M. C. Leon*, 1961. P. 99–105.

<sup>64</sup> *Jordanes*. Get. 277–279.

<sup>65</sup> *Origo Gentis Langobardorum*. 4; *Paulus Diaconus*. Hist. Langob. I. 21; II. 26.

<sup>66</sup> *Swaffham*. etc.: *Ekwall E.* Tribal Names in English Place Names // *Namn och Bygd*. 41 (1953). P. 129–177, 150 f.; ср. *Myres J. N. L.* Anglo-Saxon Pottery and the Settlement of England. Oxford, 1969. P. 72 f. Первый из этих ссылок я обязан проф. К. К. Камерону из Ноттингемского университета, почетному директору английского топонимического общества. Есть интересная работа по ранней истории свевов у Р. Л. Рейнольдса, см.: *Reynolds R. L.* Reconsideration of the History of the Sueves // *Revue belge de philologie et d'histoire*. XXXV (1957). P. 19–47, который доказывает, что нет надежных источников, подтверждающих единство свевов и квадов. Наоборот, все авторы, писавшие о них, тщательно их разделяют. Однако я не согласен с ним в отрицании традиционного мнения, что свевы перешли Рейн

в 406 году, что они опустошили Галлию в 406–409 годах вместе с вандалами и аланами и что они вторглись в Испанию осенью 409 года. Рейнольдс, а вслед за ним Шефердик (*Schäferdiek*. 105), высказывает мнение, что свевы могли добраться до Галисии морем. *Hydatius*. 242, вряд ли мог ошибаться в этом вопросе, и мы не можем также отбросить однозначное утверждение испанца Орозия (см: *Orosius*. Hist. VII. 38. 3, 40. 3), который в 409 году был в Испании.

<sup>67</sup> *Dahn*. P. 546, n 1, ср. *Miltner F.* // P.-W. VIII. A I. 307. Фриман (Op. cit. P. 134) полагает, что некоторые из них перешли через горы 28 сентября, а другие — 13 октября, хотя, опять-таки, это не соответствует тому, что писал Гидаций.

<sup>68</sup> Так в книге: *Courtois*. Vandales. P. 50 f., ср.: *Tranoy*. I. P. 25.

<sup>69</sup> *Hieronymus*. Ep. 123. 15: «ipsae Hispaniae iam iamque periturae cotidie contremescunt recordantes inruptionis Cymbricaе» [лат. и сама Испания, которая вот-вот погибнет, ежедневно содрогается, вспоминая о нашествии кимвров], и т. д.

<sup>70</sup> Chron. Min. II. 3. Единственное свидетельство, если его можно так назвать — это утверждение Прокопия (*Procopius*. BG. III. 3. 2), что Гонорий позволил вождю асдингов Годегизелу поселиться в Испании. Прокопия нужно проверять в том, что касается V века, однако вспомним Олимпиодора (*Olympiodorus*. Frag. 16), где он говорит о федератах, которые, должно быть, были те самые *Honoriaci*, а не завоеватели 406 года.

<sup>71</sup> *Bury*. I. P. 204.

<sup>72</sup> *Stein*. I. P. 263; *Reinhart*. P. 65; *Schmidt*. Wandalen. S. 22; *Schäferdiek*. S. 105; ср. *Dahn* (S. 546, 563), который датирует предполагаемый *foedus* 417 годом.

<sup>73</sup> Верный вывод сделан: *Gibert*. P. 557; *Tranoy*. I. P. 35.

<sup>74</sup> *Hydatius*. 249. Согласно *Reinhart* (P. 52), они жили между Лузитанией и Асторгой, но мы можем назвать более точное место. В этом отрывке аунонцы явно противопоставляются Лузитании и галисийскому городу Асторге. Можно сделать вывод, что они жили не в Лузитании, а в Галисии, причем не в Асторге, а в другом месте (так как Карфагенская провинция здесь явно не подходит). Точка зрения Шмидта (*Schmidt*. Westgermanen. I. S. 212, Anm. 2), что Аунона находилась в Лузитании, противоречит словам Гидация. Также маловероятно предположение (*Gibert*. P. 566) о том, что Аунона могла быть владением везеготов, так как до 585 года везеготы нигде в Галисии не правили. Вопрос, как мне кажется, осложняется тем, что в *Parochiale* свевской Галисии мы находим *pagus* под названием *Aunone* в епархии Туй: см. издание этого документа: *David*. P. 43 или: *Corpus Christianorum*, series Latina. Vol. 175, p. 419. Вряд ли можно сомневаться в том, что Гидаций имеет в виду именно это место, так как в Галисии не могло быть двух мест с одинаковыми названиями. Что касается 460 года, когда Рехимунд опустошал район, где жили аурегенцы и район Луго (*Hydatius*. 202), то здесь можно однозначно утверждать, что аурегенцы жили в Галисии. Иное мнение см.: *Reinhart*. Op. cit. P. 50, n. 35; Шмидт (*Schmidt*. Op. cit. I. S. 211, Anm. 1), видимо, прав, считая, что *Auregenses* означает жителей Оренса.

<sup>75</sup> *Hydatius*. 49; *Orosius*. Hist. VII. 40. 10: «habita sorte et distributa usque ad nunc [417 г. н. э.] possessione» [лат. управление до сих пор [...] производилось и распределялось по жребью].

<sup>76</sup> Это неубедительное мнение см.: *Reinhart*. P. 35, 65. Автор Chron. Gall. a. DXI 557 (I. 665), чьим источником здесь был Гидаций, увидел в этом отрывке только ссылку на жеребьевку по разделу Испании и никакого упоминания о *hospites* [лат. чужеземцы]. Ни он, ни Гидаций даже не намекают на существование какого-либо *foedus* [лат. союз] или на *sortes* [лат. жребий], выделенные *hospites*. *Seeck* (Untergang VI, 61) разумно соглашается с ними.

<sup>77</sup> *Schmidt*. Westgermanen. I. S. 22.

<sup>78</sup> *Gibert* P. 558. Он также отмечает на с. 558, что слово *servituti* у Гидация описывает не отношения федератов с жителями провинции, среди которых они жили, а отношения угнетенных жителей провинции с их угнетателями-варварами.

<sup>79</sup> *Hydatius*. 74, где асдинги покидают Галисию и идут в Бетику.

<sup>80</sup> Из *Orosius*. Hist. VII. 43. 14. Штейн (*Stein*, I. P. 263) делает вывод, что все варвары в Испании пытались заставить императора Гонория заключить *foedus* и тем самым признать их законное право на те земли, которые они захватили силой. Я бы не стал делать этот или

какой-либо другой вывод относительно варваров из этого отрывка из Орозия. Также не со всем можно согласиться в работе *Straub J. // Historia. V. I. (1950) P. 75.*

<sup>81</sup> *Hydatius. 68.*

<sup>82</sup> *Idem. 71.*

<sup>83</sup> *Orosius. Hist. VII. 41. 2.*

<sup>84</sup> *Hydatius. 77.*

<sup>85</sup> *Idem. 71. 74.*

<sup>86</sup> *Idem. 86. 89.*

<sup>87</sup> *Thompson E. A. Christianity and the Northern Barbarians // Momigliano A. D. The Conflict Between Paganism and Christianity in the Fourth Century. Oxford, 1963. P. 69 ff.* Орозий (*Orosius. Hist. VII. 41. 8*) заходит слишком далеко, намекая на то, что обращение вандалов и свевов (не говоря уже о бургундах) произошло до 417 года, то есть до года написания его труда. Это может быть верно по отношению к вандалам, но не к свевам.

<sup>88</sup> *Hydatius. 71; Reinhart P. 38, и особенно Tranoy, ad loc.*

<sup>89</sup> См. ссылки в книге: *Courtois. Vandales. P. 55, n. 1.*

<sup>90</sup> *Hydatius 71, 74.* Каково бы ни было значение слов «aliquantis Bracara in exitu suo occisis» [*лат.* некоторое (их) количество было убито в Бракаре во время их исхода] в позднейшей записи (74), одного они не могут означать: они не могут означать, что в Браге были убиты некоторые вандалы. Но именно так эти слова понял Шмидт (*Schmidt. «Wandale».* S. 26). Даже Бари (*Bury I. P. 208*) не высказывает определенного мнения на этот счет, но обратите внимание на перевод Траноя (*Tranoy*), который кажется верным.

<sup>91</sup> *Isidore (Hist. Sueb. 92 (II. 303))* пишет, что королевство существовало 177 лет. Он считает с 409 года, когда свевы впервые вошли в Испанию, до 585 года, когда их подчинил себе везеготский король Леовигильд.

<sup>92</sup> *Ibid. 85 (II. 300): «Gallici autem in parte provinciae regno suo utebantur»* [*лат.* жители Галисии в части провинции имели свою царскую власть].

<sup>93</sup> *Hydatius. 74; однако см. прим. 91 выше.*

<sup>94</sup> *Idem. 186, 249.*

<sup>95</sup> *Idem. 199, 201.*

<sup>96</sup> *Idem. 199.*

<sup>97</sup> *Salvian. De Gub. Dei VII. 27 f.*

<sup>98</sup> С цифрой 25 000 согласен Лакарра (*Lacarra J. Settimane. VI. Spoleto, 1959. P. 324*), однако Рейнхарт (P. 32) считает, что свевов могло быть 30 000 или 35 000 человек, из них 8000 или 9000 воинов. С тем, что свевы были немногочисленны, согласен Рейнольдс (*Art. cit. P. 33*), который указывает на то, что «весь народ был осажден вандалами в северных горах»: *Hydatius. 71.* Уоллес-Хедрилл (*Barbarian West. P. 118*), считает, что «30 000 — это маловероятно». Большинство современных исследователей сходятся на том, что свевов в Испании было от 25 000 до 35 000 человек. Это значит, что воинов было не больше 8 000–10 000.

<sup>99</sup> *Notitia Dignitatum. Ос. XLII. 34 и 44; Année épigraphique. (1951). P. 267.* Фотография этой надписи приведена в книге: *Courtois. Vandales. Plate 7.* Относительно имени Эрменгон, обнаруженного на саркофаге в Понтеведре, датированном 624 годом, см.: *Vives. 188.*

<sup>100</sup> *Procopius. BG VII. 34. 42 sq.; Jerome. Chron. s. a. 373.*

<sup>101</sup> *Amm. Marc. XVI. 12. 19: «indicavit per triduum et trinoctium flumen transisse Germanos:»* [*лат.* сообщил, что германцы перешли реку за три дня и три ночи]; 26: «*armatorumque milia triginta et quinque»* [*лат.* тридцать пять тысяч воинов], цифра, в достоверности которой иногда (и совершенно напрасно) сомневаются.

<sup>102</sup> *Plinius. Nat. Hist. III. 28.*

<sup>103</sup> *Mateu F. y Llopis. Hallazgos monetarios (VI) // Ampurias. XIII (1951). P. 203–255, 231 f.* (который ошибочно приписывает *solidus* Константина III Константину Великому); *Lafaurie J. La chronologie des monnaies de Constantin III et de Constant II // Revue numismatique. Ser. 5. Vol. 15 (1953). P. 37–65.* Возможно, что ссылка на завоевание 409 года есть также в следующих строках Испанской антологии:

glorificat nostra pax quos contemserat hostis,  
 et onor est potior his quam concussio leti,  
 nos dedimus sedem istis cum laude perenni,  
 vos traite famulos in regni sorte futuri.

[лат. наш мир прославляет тех, кого презрел враг, и почет для них предпочтительнее, чем боязнь гибели; мы дали им почетное место с вечной похвалой, а вы — вытягивайте слуг в жребни будущего царства]

См.: *Fiebiger O., Schmidt L.* Inschriftensammlung zur Geschichte der Ostgermanen // Kais. Akademie d. Wissenschaften in Wien: phil.-hist. Klasse. Denkschriften. 60 Bd. 3 Abh. Vienna, 1917. N 32.

<sup>104</sup> *Hydatius.* 49.

## IX. КОРОЛЕВСТВО СВЕВОВ В ГАЛИСИИ

<sup>1</sup> *Hydatius.* 86. Другое мнение см.: *Lepper J. L. M. de.* De Rebus Gestis Bonifatii. Brada, 1941. P. 82 f.

<sup>2</sup> *Hydatius.* 119; ср. *Isidore.* Hist. Sueb. 85 fin. (II. 300). Я не думаю, что *Freeman E. A.* (Western Europe in the Fifth Century. London, 1904. P. 236) прав, когда говорит, что в результате захвата вандалами Севильи в 435 году (*Hydatius.* 86) «Севилья навсегда была потеряна для Рима». В 425–441 годах там еще должна была оставаться римская власть.

<sup>3</sup> *Hydatius.* 123.

<sup>4</sup> *Idem.* 86.

<sup>5</sup> Chron. Caesaraug. s. a. 460 (II. 222).

<sup>6</sup> *Hydatius.* 123 (ср. 139), 137.

<sup>7</sup> *Idem.* 123.

<sup>8</sup> *Jordanes.* Get. 229 f., хотя это может быть не более чем догадкой.

<sup>9</sup> *Hydatius.* 142.

<sup>10</sup> *Isidorus.* Hist. Sueb. 87 (II. 301), который упоминает только о первой атаке свевов на Тарраконскую провинцию и, видимо, ничего не знает о второй. Об условиях в Тарраконе см.: *Orosius.* VII. 22. 8.

<sup>11</sup> *Hydatius.* 170, 172; *Jordanes.* Loc. cit.

<sup>12</sup> *Jordanes.* Get. 231; ср. Гидаций (186, *variae nationis. Dahn* (s. 550)), как мне кажется, делает слишком смелый вывод, считая, что если бы Рехиарий захватил всю Испанию, он стал бы угрозой для Тулузы: поэтому Теодерих напал на него. Как часто войска из Испании вторгались во Францию? Слова *in campo Paramo* у Гидация отсутствуют. Они сохранены только в Chron. Caesaraug. s. a. 458 (II. 222).

<sup>13</sup> *Sidonius Apollinaris.* Ep. VIII. 12 и *Stevens C. E.* Sidonius Apollinaris and His Age. Oxford, 1933. P. 66 f.

<sup>14</sup> *Isidore.* Hist. Coth. 31 (II. 279).

<sup>15</sup> *Hydatius.* 173, 175; Chron. Caesaraug. Loc. cit.; Auct. Prosp. Haun. s. a. 457 (I. 305); но *Jordanes* (Get. 232) здесь, как всегда, ошибается (с. 168). Он рассказывает, что Рехиарий сел на корабль в «Тирренском море», но шторм вынудил его вернуться и так он попал в руки готов. Этой истории нельзя верить, так как Гидаций говорит, что король бежал в Опорто, а не к Средиземному морю, которое было для него недостижимо. Термин «Тирренское море» употребляется по отношению ко всей западной части Средиземного моря вплоть до Гибралтара: см.: *Orosius.* I. 2. 7, ср. 69.

<sup>16</sup> *Hydatius.* 174.

<sup>17</sup> Так считает *Dahn.* S. 548.

<sup>18</sup> *Hydatius.* 188, 193, 240, 249 соответственно.

<sup>19</sup> *Reinhart* (P. 135), который здесь меняет свое мнение о подлинности этих монет, в которой он сомневался в статье: El reino hispanico de los suevos y sus monedas // Archivo español de Arqueologia. XV (1942). P. 308–328, 326 f. Немногие согласятся с Солари (*Solari A.*

Intorno a Richiario capostipite della dinastia suebica // *Rivista di filologia*. N. S. XV (1937). P. 46–47), который считает, что монета относится к периоду до 409 года и что этот Рехиарий был доселе неизвестным отцом Гермериха.

<sup>20</sup> *Hydatius*. 74, 71. О Нервасийских горах см.: *Courtois*, *Vandales*. P. 55, п. 1.

<sup>21</sup> *Hydatius*. 91, 96, 100, ср. 114.

<sup>22</sup> *Idem*. 137.

<sup>23</sup> См. с. 36 и след. выше.

<sup>24</sup> *Dahn* (S. 547, ср. 561) выдвигает хитроумную версию о том, что Геремигарий мог быть королем одновременно с Гермерихом: в таком случае это был пример двойного правления, которое было распространено среди ранних германцев и встречалось также у славян. Однако у Гидация нет и намека на то, что Геремигарий был королем, также версия рукописи F. *Hydatius*. 90 не имеет никакой ценности.

<sup>25</sup> *Hydatius*. 90.

<sup>26</sup> *Idem*. 181: «Suevi <...> Maldras sibi regem constituunt» [*лат.* Свевы <...> назначают своим царем Малдраса]; ср.: *Dahn*. S. 568 f.

<sup>27</sup> *Hydatius*. Loc. cit.

<sup>28</sup> *Idem*. 188, «pars Framtano, pars Maldras regem appellant» [*лат.* часть называют царем Фрамтано, часть — Малдраса].

<sup>29</sup> *Idem*. 188: *Schmidt* (*Westgermanen*. I. S. 210) думает, что они слились, но это мнение ничем не подтверждается. Об *Isidore*. *Hist. Sueb.* 88 (II. 28) см.: *Hertzberg H.* *Die Historien und die Chroniken des Isidorus von Sevilla, Erster Teil: Die Historien. Inaugural-Dissertation.* Göttingen. 1874. S. 58. В дальнейшем эта работа цитируется как *Hertzberg. Historien*. Вторую часть ценной работы Герцберга см.: *Forschungen zur deutschen Geschichte*. XV (1875). S. 289–360.

<sup>30</sup> *Hydatius*. 193.

<sup>31</sup> *Jordanes*. *Get*. 277.

<sup>32</sup> *Hydatius*. 195, 198.

<sup>33</sup> *Idem*. 201, 207.

<sup>34</sup> *Idem*. 203.

<sup>35</sup> Как это ни удивительно, *Schmidt* (*Westgermanen* I. P. 210, п. 4) и *Schäferdieck* (109, Anm. 14) считают, что Рехимунд и Ремисмунд — это одно и то же лицо, однако см.: *Tranoy*. II. P. 119.

<sup>36</sup> *Hydatius*. 223, 226.

<sup>37</sup> *Bede*. *Hist.* IV. 12. Ср.: *Paulus Diac.* *Hist.* *Langob.* II. 32.

<sup>38</sup> *Hydatius*. 180, 187.

<sup>39</sup> *Jordanes*. *Get*. 233 sq.

<sup>40</sup> Однако см.: *Seeck* // *P.-W.* I. 1129 f. и *Untergang* VI. 343: он отождествляет Аноульфа с Агиульфом Гидация, 139, по приказу которого Цензорий был задушен в Севилье в 448 году. Это вполне вероятно. Версию Иордана также принимают: *Dahn*. Loc. cit.; *Reinhart*. P. 47 f.; *Stein*. I. P. 373 (который говорит, что Агиульф был разбит везеготской армией: ср. *Hydatius*. 187); *Schmidt*. *Westgermanen* I. S. 209, Anm. 6, который сомневается в тождестве Аноульфа и Агиульфа.

<sup>41</sup> *Thompson*. *EG*. P. 96.

<sup>42</sup> *Jo. Biclar*. s. a. 585 (II. 217), «*thesaurum*» [*лат.* сокровище].

<sup>43</sup> *Isidorus*. *Hist. Goth.* 45 (II. 285). В начале VII века король Сисебут использовал свой *thesaurus* для того, чтобы выкупать военнопленных: *ibid.* 61 (II. 291). О *thesaurus* Амалариха см.: *Greg. Tur.* *HF* III. 10. *Reinhart W.* (*Mitteilungen der bayerischen numismatischen Gesellschaft*. 1937. S. 151–189), считает, что некоторые *solidi*, имеющие штамп N или NR были отчеканены в Норба Карсарина. Это — современный город Касерес, находящийся далеко от Галисии, так что эти монеты вряд ли могут быть свевскими.

<sup>44</sup> Немного можно узнать о советниках и слугах короля из: *Martinus Bracaraensis*. *Formula Vitae Honestae*. 1 237. 15 / Ed. Barlow.

<sup>45</sup> *Hydatius*. 199; *Tranoy*. *Contra*. I. 46; II. 112 f.

<sup>46</sup> *Isidorus*. *Etym.* XIV. 5. 21.



<sup>47</sup> *Hydatius*. 102, 194 202.

<sup>48</sup> *Idem*. 179, 214. Ср.: CIL. II. 4215 *conventus Bracaraugustanus*.

<sup>49</sup> *Hydatius*. 201.

<sup>50</sup> *Idem*. 249 f. Ср. CIL II. 4072 *conventus Asturicensis*. Об этих *conventus*, или округах, см.: *Kornemann* // P.-W. IV. 1174–1179 и особенно *Albertini E.* Les divisions administratives de l'Espagne romaine. Paris, 1923. Новый вклад в изучение этого вопроса был сделан *Estefania D.* Notas para la delimitacion de los conventos juridicos en Hispania // *Zephyrus*. IX (1958). О более ранней римской истории см.: *Burton G. P.* // JRS. LXV (1975). P. 92–106.

<sup>51</sup> *Sidonius*. Carm. II. 361 f.; *Vives*. P. 502–503 о 624 г. н. э.: «Protheus fecit Thuresmude, uxori sue. obiit ipsa sub die VIII kl. Ianuar. era DCLXXII» [*лат.* Протей воздвиг памятник своей жене Турисмуде. Она умерла в восьмой день до январских календ в 672 г.], найденный в Могадоуро около реки Дуэро, к югу от Браганки.

<sup>52</sup> *Procopius*. BG. VII. 2. 3.

<sup>53</sup> См. его Plates II, III напротив с. 110, 116 соответственно.

<sup>54</sup> *Thompson*. GS. P. 64.

<sup>55</sup> *David*. P. 79 или Corpus Christianorum, series Latina. Vol. 175. P. 415.

<sup>56</sup> *Jordanes*. Get. 261.

<sup>57</sup> *Olympiodorus*. Frag. 30.

<sup>58</sup> *Hydatius*. 142: *per dolum* [*лат.* хитростью]. 186: *dolis et periuriis instructi* [*лат.* искусные в коварстве и клятвопреступлениях].

<sup>59</sup> *Idem*. 188.

<sup>60</sup> *Idem*. 229 *dolose*, ср. 241.

<sup>61</sup> *Idem*. 246. Я не понимаю, почему Дон (*Dahn*. S. 555) и Шмидт (*Schmidt*. Westgermanen. I. S. 212) полагают, что Лусидий руководил городом от имени готского короля. Обратите внимание на удивительное прочтение более короткого (P) текста Исидора (*Isidorus*. Hist. Sueb. 90 (II. 302): «cives vero qui illic praeerant custodiendos tradidit Lusidio» [*лат.* А гражданин, которые там главенствовали, передал Лусидию, чтобы он их охранял]: городской совет передал город Лусидию для защиты! В моей работе «Goths in Spain» (p. 333) мне следовало упомянуть о частичном разрушении стен Коимбры свевами.

<sup>62</sup> *Hydatius*. 201, 121.

<sup>63</sup> *Idem*. 142, 202, 249–250.

<sup>64</sup> *Idem*. 119, 123.

<sup>65</sup> *Idem*. 186, 206.

<sup>66</sup> Однако *de Lepper* (Op. cit. 81), считает, что Севилья была захвачена только один раз.

<sup>67</sup> *Hydatius*. 86, 89. Я не знаю, на чем основано мнение Лакарры (*Lacarra J. M.* Settmane di Spoleto VI (1959), P. 328), что римские города Велейя и Юлиобрига в этот период исчезли. Он говорит, что Леон уступил свое положение Асторге и не играл никакой роли в этой борьбе. Это не так: Асторга находилась в Галисии, а Леон в Тарраконской провинции, которую свевы редко беспокоили. По словам Лакарры (*Lacarra*), есть археологические данные о том, что некоторые крепости были стерты с лица земли во второй половине V века, хотя в первой половине века они процветали. Можно ли так легко интерпретировать свидетельства, относящиеся в V веку?

<sup>68</sup> *Hydatius*. 224. *Gregorius Turonensis*. De Virtutibus S. Martini I. 11 (144–146). Этот текст «Vita S. Fructuosi» был опубликован *Diaz y Diaz M.* A proposito de la «Vita Fructuosi» // Cuadernos de Estudios Callegeos. VIII (1953). P. 155–178, 178.

<sup>69</sup> *Hydatius*. 74. Однако Григорий Турский (*Gregorius Turonensis* HF. II. 2) рассказывает о том, как свевы предложили вандалам разрешить спор поединком: вандалы согласились и, после того как в поединке победил свев, отошли. По этой маловероятной версии, римляне здесь никакой роли не играли. О римском гарнизоне в Испании см. *Jones*. I. P. 197.

<sup>70</sup> *Hydatius*. 77. Chron. Gall. a. CCCCLII. 107. s. a. 431 (I. 658), который дает цифру «около 20 000»; *Prosper*. 1208 (I. 469). О звании Кастина см.: *Bury*. I. P. 209, п. 1. Но *de Lepper* (Op. cit. P. 83) делает интересное предположение, что в Chron. Gall. Loc. cit. имеется в виду вторая битва, состоявшаяся перед уходом вандалов в 429 году. Согласно этой точке

зрения, римское правительство сражалось так отчаянно потому, что его целью было удержать порты средиземноморского побережья Испании и не отдать их в руки варваров.

<sup>71</sup> *Hydatius*. 114; *Isidorus*. *Hist. Sueb.* 85 (II. 300): «*Andevotum Romanae militiae ducem*» [лат. Андевота, командующего римским войском]. *Seeck* // P.-W. I. 2124 описывает его странным образом как просто «богатого главаря банды в Бетике».

<sup>72</sup> *Hydatius*. 125, 128, 134.

<sup>73</sup> *Idem*. 134.

<sup>74</sup> *Idem*. 155.

<sup>75</sup> *Zosimus*. VI. 5. 1.

<sup>76</sup> *Hydatius*. 200; *Priscus Panites*. *Frag.* 27. и т. д.

<sup>77</sup> Так у *Vassili L.* (*La strategia di Maggoriano nella spedizione gallico-vandalica* // *Rivista di filologia*. N. S. XIV (1936). P. 296–299), который предполагает, что вандалы, везеготы и свевы сформировали «блок» в 458 году: ср. *Hydatius*. 192, который, к сожалению, не объясняет, какие цели были у тех посольств, которые он упоминает — возможно, он этого не знал. Предположение Вассили (*Vassili*) не выдерживает критики, так как готские войска сопровождали Непотиана и нападали на свевов: везеготы не входили ни в какие блоки с другими варварами.

<sup>78</sup> *Hydatius*. 201. Фраза *habitantes Dictyni* не поддается расшифровке: где находилось это место? См.: *Tranoy*. *Loc. cit.* Говорится здесь о свевах или об испано-римлянах? Я склонен считать, что о свевах.

<sup>79</sup> *Hydatius*. 213, ср. 230.

<sup>80</sup> *Hilarus*. *Ep.* 14. § 1 (P. 157. Thiel): «*dux provinciae nostrae*» [лат. дукс нашей провинции].

<sup>81</sup> *Chron. Gall.* a. DXI. 652 (l. 665), *dux Hispaniarum* [лат. дукс Испании]: *ibid.* 653 (l. 665). «*Vincentius <...> quasi magister militum*» [лат. Винцентий <...> как бы магистр армии].

<sup>82</sup> *Hydatius*. 199.

<sup>83</sup> *Idem*. 113.

<sup>84</sup> *Idem*. 239, 249.

<sup>85</sup> *Idem*. 96, 100.

<sup>86</sup> *Hilarus*. *Ep.* 16 init. (P. 165 f., Thiel).

<sup>87</sup> О Варе см. *Schulten A.* // P.-W. VIII A. 373.

<sup>88</sup> О Тритии см.: *Idem* // P.-W. VII A. 1, 244.

<sup>89</sup> *Hilarus*. *Ep.* 13 § 2: «*episcopus Calaguriae in ultima parte nostrae provinciae constitutus*». [лат. назначенный епископом Калагуры, в самой дальней части нашей провинции]

<sup>90</sup> *Orosius*. VII. 40. 5: «*adversus tyranum et barbaros*» [лат. против тирана и варваров].

<sup>91</sup> *Ibid.* 5–10; ср. *Zosimus*. V. 43. 2, VI. 1. 1, 5; *Sozomen*. IX. 11. 4. Об этом инциденте см.: *Courtois*. *Vandales*. P. 52, n. 3; *Stroheker K. F.* *Germanentum und Spätantike*. Zürich, 1965. S. 73. Также см.: *Freeman*. *Op. cit.* P. 70–78.

<sup>92</sup> Почему Паленсия? Единственный ответ, который я нашел, содержится в статье: *Stevens C. E.* // *Athenaeum*. XXXV (1957). P. 327 ff., «в награду за успешные действия против (родственников Гонория) им было разрешено грабить их владения», а там же в прим. 83 он утверждает, что Каука, место рождения Феодосия I, находится достаточно близко от *campi Palentini* Орозия (*Orosius*. VII. 40. 8), для того, чтобы сделать подобный вывод. На самом деле Каука находится на расстоянии около 100 км по дороге от Паленсии, но у меня нет лучшего объяснения. *Hydatius* (2) делает неожиданную ошибку, описывая Кауку как галисийскую *civitas*: на самом деле она находилась в Картагенской провинции.

<sup>93</sup> *Hydatius*. 91, 171, 186. Обратите внимание на статью Ф. Миллера (*Miller F.* // *JRS*. Vol. LXI (1969). P. 28 f.), который, впрочем не обсуждает свидетельство Гидация. Рейнхарт (P. 48) утверждает, что *Coviasense castrum* — это крепость Коянца на реке Элса, нынешняя Валенсия Дона Гуана в трех милях от Паленсии. И этого мнения придерживались еще в XVIII веке. Хюбнер (*Hübner*. P.-W. IV. 1679) резонно замечает, что это место совершенно неизвестно и что оно упомянуто только в этом фрагменте Гидация, который ничего не сообщает даже о приблизительном его расположении. Эту точку зрения не разделяет Энсслин (*Ensslin W.* // P.-W. XIV 1. 858 f., s. v. «Maldres»).

<sup>94</sup> *Hydatius*, 100. Мне иногда кажется, что в своей фразе *sub interventu episopale* Гидаций неявно говорит о самом себе. Если это так, то по крайней мере в одном случае он сыграл ту же положительную роль, которую играл Северин.

<sup>95</sup> *Hydatius*. 101.

<sup>96</sup> *Orosius*. III. 20; *Avitus*. Migne. PL. XLI. P. 805 sqq.

<sup>97</sup> *Possidius*. Vita S. Augustini. XXX. 5 = *Augustine*. Ep. 228 § 5 (CSEL. 57. 488). *Severus Maioricensis*. Epistola de Iudaeis. (Migne. PL. XX. 739): «duo quidam primarii Iudaeorum, Meletius Theodori frater et Innocentius, qui Hispaniarum cladem nuper effugiens» [*лат.* двое неких влиятельных лиц из числа иудеев, Мелеций, брат Теодора, и Иннокентий, который, недавно спасаясь бегством из побежденных Испаний...], и т. д.

<sup>98</sup> *Hydatius*. 131. *Reinhart*. P. 43 приводит мнение о том, что это место находилось недалеко от Туя: Это верно. В *Parochiale* в списке приходов Туя упоминается место под названием *Turonium: David*, 43 или *Corpus Christianorum*, series Latina, vol. 175, p. 419. Посольство вандалов добралось до свевов в 438 году и затем вернулось в Африку (*Hydatius*. 192), но в этом случае нам не известно, каким путем они добирались.

<sup>99</sup> *Procopius*. BG. VI. 15. 27 sqq.

<sup>100</sup> *Hydatius*. 171; *Schulten A.* // P.-W. VIII A. I. 373.

<sup>101</sup> *Hydatius*. 194.

<sup>102</sup> *Orosius*. VII. 41. 7.

<sup>103</sup> *Salvian*. De Gub. Dei. V. 23.

<sup>104</sup> *Hydatius*. 200 sq. Cp. 207: «contra votum et ordinationem supra dictorum delatorum» [*лат.* против воли и распоряжения вышеуказанных доносчиков].

<sup>105</sup> *Idem*. 137.

<sup>106</sup> См.: *Studies in Ancient Society* / Ed. M. I. Finley. London, 1974. P. 304–320.

<sup>107</sup> *Hydatius*. 125, 128. Сведения о местонахождении Арацелли анализируются Хюбнером (*Hübner* // P.-W. II. 366). Точка зрения Джонса (*Jones*. Op. cit. (прим. 69 выше)), что все три магистра были *Comites Hispaniarum*, повышенными до должности магистра, на мой взгляд, без нужды увеличивает количество возможных версий.

<sup>108</sup> *Hydatius*. 134 «succeedentibus cum rege suo illic Suevis» [*лат.* свевы выступили туда со своим королем].

<sup>109</sup> *Idem*. 141.

<sup>110</sup> *Idem*. 142.

<sup>111</sup> *Idem*. 158: «per Fredericum Theuderici regis fratrem Vasaudaе Terraconenses caeduntur ex auctoritate Romana» [*лат.* тарраконские багауды убиваются Фредериком, братом короля Теодориха, по решению Рима]. Прилагательное *Terraconensis* здесь не означает, на мой взгляд, что в других частях Испании были другие багауды.

<sup>112</sup> *Jo. Biclari*. s. aa. 572. 577 (II. 213, 215).

<sup>113</sup> См.: *Finley*. Loc. cit.

<sup>114</sup> *Hydatius*. 179. Последняя литература о багаудах приведена на с. 198.

## Х. ГОТСКОЕ КОРОЛЕВСТВО И «ТЕМНЫЙ ВЕК» ИСПАНИИ

<sup>1</sup> *Isidorus*. Hist. Sueb. 87 (II. 301). Согласно тексту В, Гидаций пользуется самыми разнообразными именами или по крайней мере вариантами написания имен везеготских королей. Он называет Теодориха I тремя разными именами: *Theodoricus* (70), *Theodoris* (142), *Theodorus* (140, 150). Теодорих II появляется под именами *Theodericus*, *Theodoricus*, *Theudericus*, *Theudoricus*. Жаль, что Гидаций не выразился более ясно в § 97: «Vetto, qui de Gothis dolose ad Gallaeciam venerat, sine aliquo effectu redit ad Gothos» [*лат.* Ветто, который коварно пришел от готов в Галлецию, ничего не добившись, возвращается обратно к готам]. Что означает *dolose*? Кого он предлагал предать? Надеялся ли он стать королем свевов в 431 году?

<sup>2</sup> *Hydatius*. 77, 134.

<sup>3</sup> *Idem.* 140, 142.

<sup>4</sup> *Idem.* 192.

<sup>5</sup> *Bury.* I. P. 327.

<sup>6</sup> *Thompson.* GS. P. 291.

<sup>7</sup> *Hydatius.* 193.

<sup>8</sup> *Idem.* 201, 206, 212, 250.

<sup>9</sup> *Idem.* 186, 192 sq.

<sup>10</sup> *Idem.* 205, 208.

<sup>11</sup> *Idem.* 219 sq., 226, 230.

<sup>12</sup> *Idem.* 233, 237.

<sup>13</sup> Ср. *Hydatius.* 233 относительно 466 г. н. э.

<sup>14</sup> *Idem.* 245 sq., 250.

<sup>15</sup> *Vives.* 363; *Vives J.* Die Inschrift an der Brücke von Merida und der Bischof Zenon // Römische Quartalschrift für christliche Altertumskunde. XLVI (1938). S. 57–61, который изымает эту надпись из царствования короля Эрвига (680–687) и надежно переставляет ее в царствование короля Евриха (466–484). Другой текст можно найти в книге *Diehl E.* Inscriptiones Latinae Christianae Veteres (repr.). Berlin, 1961. S. 777.

<sup>16</sup> Так у *Vives.* Art. cit. S. 57, Anm. I.

<sup>17</sup> *Hydatius.* 237.

<sup>18</sup> *Idem.* 245.

<sup>19</sup> *Seeck* (Unterganag VI. S. 334) справедливо заметил, что с 456–457 года оккупация везеготами Южной Испании продолжалась вплоть до прихода арабов в 711 году. То же у *Reinhart.* P. 48.

<sup>20</sup> Я не знаю, почему *de Abadal R.* (Del reino de Tolosa al Reino de Toledo. Madrid, 1960. P. 43) считает, что около 462 года началось активное расселение готов в кастильской Месете и в других местах. В наших источниках ничего не сказано о таких ранних поселениях.

<sup>21</sup> *Hydatius.* 245, 246, 249 sq.

<sup>22</sup> *Isidorus.* Hist. Goth. 34 (II. 281).

<sup>23</sup> Chron. Gall. a DXI. 651 (I. 664): «Gauterit comes Gothorum Hispanias per Pampilonem, Caesaraugustam, et vicinas urbes obtinuit» [*лат.* Гаутерит, граф готов, занял Испанию в районе Памплоны, Цезарь Августы и соседних городов].

<sup>24</sup> *Ibid.* 652. *De Abadal* (Op. cit. P. 44) считает, что Исидор и «Хроника 511 года» рассказывают о двух разных кампаниях. Но вряд ли можно поверить, что Памплона и Сарагоса дважды были захвачены готами.

<sup>25</sup> Но эту ошибку Исидора повторяет даже *Stevens C. E.* Sidonius Apollinaris and his Age. Oxford, 1934. P. 152.

<sup>26</sup> *Jordanes.* Get. 244; *Bury.* I. 344. То же у *Stevens.* Op. cit. P. 139; *Stein.* I. P. 393. Но готы никогда не подчинили себе басков.

<sup>27</sup> ILS. 815: «b. f. s. dd. nn. Leonis et Antemi Augg». Хюбнер (*Hübner*), как утверждается здесь, предложил читать начало этой надписи как «bonum factum, salutis» [*лат.* благое дело, да здравствуют господа наши, Леон и Антемий Августы].

<sup>28</sup> Chron. Min. II. 222. «Gotthi in Hispanias ingressi sunt» [*лат.* Готы вторглись в Испанию]. *De Abadal* (Op. cit. P. 45) отмечает, что эти слова не могут означать приход готской армии и нескольких официальных лиц, так как они уже давно находились на полуострове. Эти слова должны относиться, по его справедливому мнению, к большой группе готского населения.

<sup>29</sup> Chron. Min. Loc. cit. s. a. 497: «Gotthi intra Hispanias sedes accerperunt» [*лат.* готы получили места в Испании]; ср. *de Abadal* (Op. cit. P. 46), который отмечает, что именно это выражение использует Гидаций, (гл. 69), говоря о расселении готов в Аквитании в 418 году: «Gotthi <...> sedes in Aquitania <...> accerperunt» [*лат.* готы <...> получили места в Аквитании].

<sup>30</sup> Chron. Caesaraug. s. a. 506 (II. 222): «his cons. Dertosa a Gotthis ingressa est» [*лат.* во время их консульства готы вторглись в Дертосу]. *De Abadal* (Op. cit. P. 60) спрашивает, означает ли это, что готы прибыли в Тортосу впервые в 506 году или они вновь отвоевали ее после восстания.

- <sup>31</sup> Chron. Caesaraug. s. aa. 496. 506 (II. 222). Я согласен со Шмидтом: *Schmidt*. Ostgermanen. S. 497, и *de Abadal*. P. 45, что Бурдунел был скорее римским, а не готским повстанцем.
- <sup>32</sup> *Vives*. P. 149 f.: «Hilduarens famula Dei vixit annos plus minus XXXVIII. recessit in pace d. idibus Mar. era DXLII» [*лат.* раба Божия Гильдуарен прожила приблизительно 38 лет. Отошла в мире в день мартовских ид, в год 542].
- <sup>33</sup> *Thompson*. GS. P. 291.
- <sup>34</sup> Таково мнение *de Abadal*. Op. cit. P. 64, ср. *Wallace-Hadrill*. Barbarian West. P. 117.
- <sup>35</sup> *Thompson*. GS. P. Index s.v «Cordoba».
- <sup>36</sup> *Courtois*. Byzantion. 42 ff.
- <sup>37</sup> *Hydatius*. 135; *Migne*. PL LIV. 677 sqq.
- <sup>38</sup> *Hydatius*. 133: «per episcopum Romae tunc praesidentem» [*лат.* епископом Рима, председательствующим тогда (в сенате)].
- <sup>39</sup> *Idem*. 102.
- <sup>40</sup> *Morin G.* Pastor et Syagrius: deux écrivains perdus du V<sup>e</sup> siècle // *Revue bénédictine*. X (1893). P. 385–394; XII (1895). P. 388; XIX (1902). P. 237–242. Особенно см.: *Chadwick H.* Priscillian of Avila. Oxford, 1976. P. 217 ff.
- <sup>41</sup> *Hydatius*. 124. 192a.
- <sup>42</sup> Отметим: *Morin G.* Le commentaire inédit de l'évêque latin Epiphanius sur les Evangiles // *Revue bénédictine*. XXIV (1907). P. 336–359. *Dahn*. (S. 563. ср.: *Schäferdiek*. S. 112 ff.), который считает, что, возможно, именно влияние свевов вызвало изгнание Сабина и замену его Эпифанием.
- <sup>43</sup> *Hydatius*. 130.
- <sup>44</sup> *Idem*. 133, 135.
- <sup>45</sup> *Idem*. 138.
- <sup>46</sup> *Hilarus*. Ep. 13. § 3 (*Thiel*. P. 156) fraternitate collecta; ср. Ep. 17. § 1 *concilii*. Об отношениях Аскания с папской властью см. бесплодное исследование *Custodio Vega A.* P. El primado romano y la iglesia española en los siete primeros siglos // *La Ciudad de Dios*. CLIV (1942). P. 237–284, 240–244.
- <sup>47</sup> *Hilarus*. Ep. 13 (*Thiel*. P. 155–157).
- <sup>48</sup> *Idem*. Ep. 13 (P. 157 f.). Отметим большое количество вариантов *Barcinonensium*, которые *Thiel* приводит на с. 157, прим. 4; 165, прим. 3; 167, прим. 12. Был ли Нундиарий действительно епископом Барселоны или какого-то другого прихода?
- <sup>49</sup> Ep. 16 (*Thiel*. P. 165–169).
- <sup>50</sup> *Ibid.* § 6.
- <sup>51</sup> *Ibid.* Ep. 17. Об эпизодах с Сильваном и Иренеом см.: *Custodio*. Op. cit. P. 240–244. Он предполагает, что основная причина, по которой Иларий отнесся так жестко к Иренею и так благожелательно к Сильвану, заключается в том, что на стороне последнего выступали землевладельцы из семи мест, перечисленных на с. 177. Вот что сказал Иларий (*Hilary* Ep. 16. § 1, P. 166 init., *Thiel*): «honoratorum et possessorum Turassonensium» [*лат.* известно, что нам были поднесены письма почетных лиц и владельцев г. Тарраконы] — затем следуют названия мест — «cum subscriptionibus diversorum litteras nobis constat ingestas, per quas id, quod de Silvano querela vestra derogasset, excusabant» [*лат.* с подписями приезжих жителей, в которых они просили прощения за то, что содержалось в вашей жалобе на Сильвана].
- <sup>52</sup> Самый лучший текст см.: *Vives J.* Concilios Visigoticos e Hispano-Romanos. Madrid-Barcelona. 1963. P. 331 (канон 8 Меридского Собора).
- <sup>53</sup> *Vives*. Op. cit. 343: «ego Sclua Igiditanae civitatis ecclesiae episcopus pertinens ad metropolim Emeretensem...» [*лат.* я, Склуа, епископ церкви города Идандь, относящейся к метрополии Эмериты (Мериды)...]
- <sup>54</sup> *Hydatius*. 188, 246.
- <sup>55</sup> *Idem*. 229, 241.
- <sup>56</sup> *Idem*. 229. *David* (p. 80) указывает, что приход под названием *Cantabriano* в епархии Ламега был основан на территории большого землевладения и принадлежал семье Кантабров. Он предполагает, что наш Кантабр был членом этой семьи.

<sup>57</sup> *Hydatius*. 190, 195.

<sup>58</sup> *Simplicius*. Ep. 21 (P. 213 f., Thiel). Тиль (Thiel) описывает адресата как Зенона из Севильи, но см. с. 9 его работы, а также работу Вивеса (*Vives*), цитируемую на с. 262, прим. 15.

<sup>59</sup> *Vives*. Inscriptio. 363.

<sup>60</sup> Ep. 21 (P. 214, Thiel): «cuius vigore munitus, apostolicae institutionis decreta vel sanctorum terminos patrum nullo modo transcendendi permittas» [лат. чьей силой укрепившись, ни в коем случае не позволяй нарушать принципы апостольского учения и выходить за границы, установленные святыми отцами]. Зенон также получил дошедшее до нас письмо от Папы Феликса II (Ep. 5. P. 242, Thiel), который занимал престол с 483 до 492 года.

<sup>61</sup> О других папских викариях в Испании см.: *Simplicius*. Ep. 16 (P. 728 sqq., Thiel). *Hormisdas*. Epp. 24. 142 (P. 787 sq., 979 sqq., Thiel).

<sup>62</sup> *Thompson*. GS. P. 62.

<sup>63</sup> *Isidorus*. Hist. Sueb. 90 (II. 302).

<sup>64</sup> *Dahn*. P. 556; *Schmidt*. Westgermanen. I. S. 213 и другие. Здесь я согласен с: *Schäferdiek*. S. 116, Anm. 39.

<sup>65</sup> В дополнение к исследованию Давида см.: *Ruiz S.* Dict. d'histoire et de géographie ecclésiastique. X. 767. s. v. «Britonia»; *Chadwick N. K.* The Colonization of Brittany from Celtic Britain // *Proceedings of the British Academy*. LI (1965) P. 235–299, 284; *Thompson E. A.* Britonia // *Barley M. W., Hanson R. P. C.* Christianity in Britain, 300–700. Leicester, 1968. P. 201–205; Однако ничего интересного нельзя найти в работе: *Orlandis J.* Las congregaciones monásticas en la tradición suevo-gótica // *Anuario de estudios medievales*. I. (1964). P. 97–119, 105 ff.

<sup>66</sup> Мнение, что те, кто колонизировали Британию, бежали скорее от ирландцев, чем от саксов, вновь приводится в работе: *Chadwick*. Art. cit., но оно было опровергнуто: *Jackson K.* Language and History in Early Britain. Edinburgh, 1953. P. 13 f., 25 ff.

<sup>67</sup> *Jackson*. Op. cit. P. 11 ff.

<sup>68</sup> Оно напечатано в удобной форме как Приложение 2 в издании: *Barlow C. W.* Martini episcopi Bracarenensis Opera Omnia. New Haven, 1950. P. 290–293.

<sup>69</sup> *Schmidt*. Westgermanen. S. 561.

<sup>70</sup> В § 3: «ilnaestimatione tuae fraternitatis aliorumque pontificum per suas dioceses» [лат. В признании твоего братского отношения и братства других священников в их диоцезах].

<sup>71</sup> *Barlow*. P. 105. 7 ff.

<sup>72</sup> *Thompson*. GS. P. 36, 328.

<sup>73</sup> *Leandrus Sevilians*. Regula 21 (*Migne*. PL. LXXII. 892).

## XI. ИСПАНИЯ И БРИТАНИЯ

<sup>1</sup> *Hydatius*. 101, 251. Не совсем понятно, в каком качестве Палогорий, знатный галисиец, поехал в Тулузу: как посланец Ремисмунда или как частное лицо: *Idem.*, 219.

<sup>2</sup> *Sidonius*. Ep. IV. 20.

<sup>3</sup> *Hydatius*. 131, 192; ср. *Clover F. M.* Geiseric and Attila // *Historia*. XXII (1973). P. 107, n. 13.

<sup>4</sup> *Hydatius*. 251.

<sup>5</sup> *Idem*. 140. Об обращении свевов в католицизм см. с. 254, прим. 62.

<sup>6</sup> *Barral i Altet X.* La circulation des monnaies suèves et visigothiques. München, 1976. P. 24 f., ср. 49, 51 f.

<sup>7</sup> *Gildas*. De Excidio. XX: «tum primum inimicis per multos annos praedas in terra agentibus strages dabant» [лат. Тогда они впервые стали громить противников, в течение многих лет грабивших их землю]; заметьте здесь несовершенный вид глагола, т. е. это было не единственное массовое убийство.

<sup>8</sup> *Chron*. Caesaraug. s. aa. 496, 497, 506; ср. *Britannia*. VIII. (1977). P. 316 f.

<sup>9</sup> *Hydatius*. 246: «cive suo, qui illic praeerat, <...> Lucidio» [лат. своим соотечественником <...> который там главенствовал, — Луцидием].

<sup>10</sup> Jackson K. *Language and History in Early Britain*. Edinburgh, 1953. Cap. VI. *Gelling M.* (Signposts to the Past. London, 1978. P. 88) отмечает, что «сохранение доанглийских топонимов <...> означает, что был период мирного сосуществования носителей валлийского и английского языков». Она не объясняет, кто, по ее мнению, сосуществовал с английской стороны. Как бы она описала «сосуществование» римлян и свевов в Галисии? Массовое рабовладение в раннем саксонском обществе невероятно.

<sup>11</sup> De Exidio. 25.

<sup>12</sup> Hist. Eccles. II. 20 (*Plummer*. P. 125).

<sup>13</sup> Любопытно, что в приходе Идалье есть место под названием *Francos*: см.: *David*. P. 75.

<sup>14</sup> Илерда: *Ausonius*. Epist. XXIX. 58; Тарракона: *Aur. Victor*. Caes. XXXIII. 3; *Orosius*. VII. 22. 8.

<sup>15</sup> См. с. 201, где я по недосмотру забыл упомянуть место под названием *Cantabriano*, которое в *Parochiale* названо одним из приходов Ламекума: см.: *David*. P. 80.

<sup>16</sup> Это знаменитые тезисы *Piganiol A.* *L'empire chrétien* (325–395). Paris, 1947. P. 422 и *Jones*. II. P. 1068 соответственно.

<sup>17</sup> Работа Герцберга (*Hertzberg*) цитируется на с. 258, прим. 29.

<sup>18</sup> *Hertzberg*. Historien. 55; *Isidorus*. Hist. Wand. 73 (II. 296).

<sup>19</sup> *Hydatius*. 216; *Isidorus*. Op. cit. 77 (II. 298). Анализ этого сложного вопроса см.: *Courtois*. Vandales. P. 396 f. *Hydatius* (162, *Valentiniani filiam*), кажется, не уверен в том, какая из дочерей Валентиниана была замужем за Палладием, сыном Петрония Максима. Имеет ли он в виду Пладию или Евдокию или он не знает, кому из них выпала эта сомнительная привилегия? Обсуждение этой проблемы см.: *Clover F. M.* *Flavius Merobaudes: A Translation and Historical Commentary* // *Transactions of the American Philosophical Society*, new series. LXI. Pt. I. (1971). P. 25 f.

<sup>20</sup> Hist. Suev. 85 (II. 300).

<sup>21</sup> Hist. Goth. 32 (II. 280); Hist. Sueb. 88 (II. 301).

<sup>22</sup> Ibid.

<sup>23</sup> См. критические замечания Моммзена на с. 280. 30. Вопрос в целом см.: *Hertzberg*. Historien, S. 36, который цитирует многочисленные ошибки Исидора. Конечно, нужно помнить, что Герцберг писал до того, как появилось моммзеновское издание хроник.

<sup>24</sup> Hist. Sueb. 88 (II. 301). Ср. *Hydatius*. 188.

<sup>25</sup> *Isidorus*. Hist. Goth. 33 (II. 280).

<sup>26</sup> Ibid.

<sup>27</sup> *Idem*. Hist. Sueb. 69 (II. 302).

<sup>28</sup> Hist. Vand. 76 f (II. 297 sq.).

<sup>29</sup> Hist. Sueb. 90 (II. 302): «cuius seductione Suevoi a fide Catholica recedentes in Arrianum dogma declinant» [лат. коим соблазненные, свевы, отступив от католической веры, принимают учение Ария].

<sup>30</sup> Ibid. 86 (II. 301): «Emerita sub cultu, ut ferunt, gentilitatis vitam finivit» [лат. Эмерита, как говорят, окончила жизнь в язычестве]. Все, что говорит *Hydatius*. 137, это: «Rechila <...> Emerita gentilis moritur» [лат. Рехила <...> Эмерита умирает язычницей].

<sup>31</sup> *Isidorus*. Hist. Goth. 33 (II. 280), и короткая версия Hist. Sueb. 89 (II. 302); *Schmidt*. Westgermanen. I. S. 210, Anm. 5; *Hertzberg*. Historien. S. 58.

<sup>32</sup> *Hydatius*. 114; *Isidorus*. Hist. Sueb. 85 (II. 300). Однако заметим, что, согласно короткой версии Исидора, Гермерих правил четырнадцать лет, а в рукописи MS P сказано *quattuordecim*. Это вполне может быть верно, хотя, если это так, цифра эта — просто удачная догадка.

<sup>33</sup> *Bury*. I. P. 203.

<sup>34</sup> *Hydatius*. 114. Вспомним латинский оригинал короткой версии *Isidorus*. Hist. Sueb. 85 (II. 300): «hic iubente patre ab eo missus» [лат. Он послан им туда по приказанию отца].

<sup>35</sup> *Isidorus*. Hist. Sueb. 87 (II. 30). Моммзен о *Hydatius*. 142 (II. 25), *cum Basilio* [лат. С Василием], пишет: «cum auxilio Gothorum», *Isidorus*, recte ut videtur» [лат. «с помощью готов»] (пишет) Исидор, как кажется, верно).

<sup>36</sup> *Thompson E. A.* VTU. 103 f.; *Isidorus*. Hist. Goth. 10 (II. 271 sq.).

<sup>37</sup> Ibid. 35.

<sup>38</sup> Chron. Min. II. 254. Ср. весьма не лестный отзыв Герцберга (*Herzberg*. Historien. S. 64, 75), чья работа поразила Моммзена (Loc. cit.) как «commentarium acutum et utilem hodie» [лат. проницательный и полезный в наши дни комментарий].

<sup>39</sup> *Mommsen*. Chron. Min. I. P. 305, 582; ср. Classical Review. LX (1946). P. 106.

<sup>40</sup> *Ioannes Antiochenus*. Frag. 209. 1; *Sidonius Apollinaris*. Carm. II. 484–486; Ep. I. 5. 10.

<sup>41</sup> *Procopius*. BV. LII. 6. 27; *Jordanes*. Rom. 338; *Theophanes*. a. m. 5963; *Cassiodorus*. Cron. s. a. 471 (II. 158); *Marcellinus Comes*. s. a. 471 (II. 90); *Victor Tonnennensis*. s. a. 471 (II. 188).

<sup>42</sup> *Iohannes Malalasus*. P. 371 f. *Bonn*. Chronicon Paschale. P. 596. Bonn.

<sup>43</sup> *Delehaye H.* Analecta Bollandiana. XXXII (1913). P. 121–229, 173 f.

<sup>44</sup> *Baynes N. H.* The Vita S. Danielis Stylitae // English Historical Review. XL (1925). P. 397–402.

<sup>45</sup> Так считает Бэйнс (*Baynes*. Art. cit. P. 399). Об отношениях Аспара и Льва см. также: *Brooks E. W.* The Emperor Zenon and the Isaurians // Ibid. VIII (1893). P. 209–238, 210–215.

<sup>46</sup> *Iohannes Malalasus* и Chronicon Paschale. Loc. cit.

<sup>47</sup> *Ioannes Antiochenus*. Frag. 206. 2.

<sup>48</sup> *Tranoy*, напротив, с. 88 публикует фотографию § 219–229 в рукописи В. Читатель не найдет на фотографии слов «Olymri CCCXI», которые *Tranoy* приписывает рукописи В на с. 170.

## ХИ. ВАРВАРЫ — ПОСОБНИКИ РИМА И ВАРВАРЫ-ХРИСТИАНЕ

<sup>1</sup> Текст в: Chron. Min. II. 211–220; ср. *Isidorus*. De vir. illustr. 62.

<sup>2</sup> *Sidonius*. Ep. V. 5; *Cassiodorus*. Var. V. 40. Автор маленького стихотворения, начинающегося словами «inter eils gothicum» [лат. слыша готское «eils» («здравствуй»)], также наверняка хотя бы немного знал готский язык: Anth. Lat. 285. Но многие готы говорили на латыни: см., например: *Procopius*. BG. VI. 1. 14 sq., 26. 3; 6. 14 sq.; о письменном готском языке: VI. 24. 3.

<sup>3</sup> Opus Imperfectum in Matthaëum. Homily XLI (*Migne*. PG. LVI. 824).

<sup>4</sup> *Velleius Paterculus*. II. 117. 3; ср. *Prudentius*. C. Symm. II. 816–819; *Jordanes*. Get. 122: «quasi hominum genus» [лат. род, только напоминающий людской] и т. д.

<sup>5</sup> *Amm Marc*. XVI. 12. 25.

<sup>6</sup> Ibid. XVII. 8. 5.

<sup>7</sup> См. *Thompson*. EG. P. 140.

<sup>8</sup> *Zosimus*. III. 6. 4; 7. 1–3; *Eunapius*. Frag. 11; ср. *Amm Marc*. XVII. 10. 5; XXVII. 1.

<sup>9</sup> *Libanius*. Or. XVIII. 45. 73; *Socrates*. Hist. Eccles. III. 1. 27; *Dio Cassius*. LXXII. 14. 1, приводят другие примеры этой неприятной практики.

<sup>10</sup> *Zosimus*. IV. 48. 2.

<sup>11</sup> *Zosimus*. III. 7. 3–7; *Eunapius*. Loc. cit.; *Petrus Patricius*. Frag. 18; ср. *Julian*. Ep. ad Athen. 280 B.

<sup>12</sup> *Amm Marc*. XXVII. 1. Относительно имени Харьетто см. также: *Greg. Tur*. HF. II. 9.

<sup>13</sup> *Procopius*. BP. I. 8. 3.

<sup>14</sup> *Idem*. BG. VII. 12. 12.

<sup>15</sup> *Malchus*. Frag. 18. P. 419. 5 (ed. Dindorf).

<sup>16</sup> Ibid. P. 411 sq.

<sup>17</sup> *Idem*. Frag. 18. P. 417. 11 f. О других варварах из разных мест, присоединившихся к римлянам, см.: *Hoffmann D.* Wadomar, Vacurius und Hariulf // Museum Helveticum. XXXV (1978). S. 307–315.

<sup>18</sup> *Malchus* // Ed. Dindorf. Frag 18. P. 418.; *Marcellinus*. s. a. 479 (II. 91 sq.).

<sup>19</sup> *Themistius*. Or. XVI. 206 D.

<sup>20</sup> *Zosimus*. IV. 25. 3, ср. *Amm Marc*. XXXI. 8. 1; *Claudian*. Cons. Stil. I. 94; Carmen de Providentia Dei. 57 f. (*Migne*. PL. LI. 618), автор которой вкладывает в уста воображаемого критика следующие строки: «tu quoque pulvereus plaustra inter et arma Getarum / carpebas



duram, non sine fasce, viam» [лат. и ты, в пыли, меж готских телег и готского оружия, шел трудной дорогой, не без фасций].

<sup>21</sup> *Malchus*. Frag. 18. P. 413. 10 (хотя, скорее всего, он не говорит прямо, что жители бежали от приближавшихся варваров); *Zosimus*. I. 35. 1 и т. д.

<sup>22</sup> *Claudian*. In *Rufin*. II. 127–129. Слово *carrago* см. в: *Thesaurus Ling. Lat.* s.v.

<sup>23</sup> *Ambrose*. Ep. XV. 7 (*Migne*. PL. XVI. 957); ср. *Amm. Marc.* XXXI. 8. 4. Этот вопрос обсуждается в: EG. 140 ff.

<sup>24</sup> *Zosimus*. I. 26. 2, а о Галии см. *idem*. I. 67. 1.

<sup>25</sup> *Ambrose*. *Exposit. in Lucam*. X. 10 (*Migne*. PL. XV. 1806 sq.), слова, написанные в 378 году: «quae omnium fames, lues pariter boum atque hominum ceterique pecoris, ut etiam qui bellum non pertulimus debellatis tamen nos pares fecerit pestilentia» [лат. чума, вызвавшая всеобщий голод, зараза, равным образом поражающая и коров, и людей, и прочий скот, — даже нас, которым не пришлось перенести войну, приравняла к побежденным в войне]. Среди везеготов в Аркадии в 397 году разразилась чума: *Claudian*. IV cons. Ноп. 467; *Ambrose*. Ep. XV. 5 и 7 (*Migne*. PL. XVI. 956 sq.); ср. *Orosius*. VII. 40. 10. О Британии см.: *Todd M.* «Famosa pestis» and Britain in the Fifth Century // *Britannia*. VIII (1977). P. 319–325.

<sup>26</sup> *Zosimus* (IV. 30–31, 33) часто называет этих людей «дезертирами», используя тот же термин, который Страбон (VII. 292) когда-то использовал по отношению к херуску Сегесту. О III веке см.: *Zosimus*. I. 45. 1, 46. 2.

<sup>27</sup> *Idem*. IV. 31. 2 ff., 33. 3; ср. 45. 3, 48. 1 sqq.

<sup>28</sup> *Idem*. IV. 31. 1; 40. 2 f.; 7. Египет: IV. 30 2 sqq.

<sup>29</sup> *Amm. Marc.* XIV. 10. 7 f.

<sup>30</sup> *Idem*. XXIX. 4. 7; ср. XXVII. 2. 9.

<sup>31</sup> *Idem*. XVI. 4. 1. Симпсон (*Simpson C. J.* Where Was *Senonae*? // *Latomus*. XXXIII (1974). P. 940–942) выдвигает неожиданную версию, что *Senones* у Аммиана — это не *Sens*, а деревня с современным названием *Senon* в департаменте Мез. Но мог ли Аммиан ожидать, что его читатели знают это место?

<sup>32</sup> *Amm. Marc.* XVI. 12. 2; *Libanius*. Or. XVIII. 54.

<sup>33</sup> *Amm. Marc.* XVII. 1. 8; XXIX. 4. 2.

<sup>34</sup> *Idem*. XVI. 12. 17.

<sup>35</sup> *Idem*. XXI. 3. 5; XXVI. 8. 2: «*Vadomario* <...> ex duce et rege Alamannorum» [лат. Вадомарий <...> бывший дукс и правитель аламаннов]; XXIX. I. 2. Есть невероятная оценка Вадомария у Гесслера: *Goessler P. P.-W.* (Zw. R.). 2071 fin.

<sup>36</sup> Некоторые интересные случаи см.: *Hoffmann*. Art. cit.

<sup>37</sup> *Procopius*. BP. II. 27. 23, ср. 35.

<sup>38</sup> *Idem*. *Anecd.* XXI. 26–28.

<sup>39</sup> *Priscus*. Frag. 5. См. также: *Amm. Marc.* XXXI. 6. 2; *Sozomen*. IX. 11. 4; *Zosimus*. V. 15. 5, VI. 4. 3; *Orosius*. XII. 40. 6 sqq.

<sup>40</sup> *Zosimus*. V. 6. 5.

<sup>41</sup> *Philostorgius*. II. 5.

<sup>42</sup> *Prosper*. 1307 (I. 473).

<sup>43</sup> Я высказал свои взгляды на этот вопрос в книге: *Momigliano A. D.* The Conflict Between Paganism and Christianity in the Fourth Century. Oxford, 1963. P. 56–78. Полную библиографию с анализом см.: *Schäferdiek K.* Reallexikon f. Antike und Christentum. X. 1977. S. 492–548. s. v. «Germanenmission».

<sup>44</sup> *Theodoret*. Hist. Eccles. V. 31, ср. V. 37. 4.

<sup>45</sup> Рустиций в *Priscus*. P. 294. 32; 318. 26, а также Бигилан и купец из Виминачиума, с которым Приск разговаривал в лагере Атилы. О языках, на которых говорили в лагере Аттилы, см.: *Scardigli P.* Die Goten: Sprache und Kultur. München, 1973. S. 87–94, с выводами которого я не вполне согласен, хотя и не отрицаю ценность этой работы.

<sup>46</sup> *Sozomen*. VII. 26. 6–8.

<sup>47</sup> *Pseudo-Prosper*. De Invoc. Omnium Gentium. II. 33 (*Migne*. PL. LI. 717 sq.).

- <sup>48</sup> *Cyrillus Skythopolisus*. Vita Euthymi. X, XV.
- <sup>49</sup> *Malchus Philadelphensis*. Frag 1.
- <sup>50</sup> *Procopius*. BG. V. 5. 9.
- <sup>51</sup> *Idem*. BP. I. 20. 9.
- <sup>52</sup> *Idem*. BG. VII. 34. 24. Об обращении цаннов в 526 году см.: *idem*. BP. I. 15. 25, и заметьте, что *Procopius*. BP. II. 29. 15, описывает абасгов как «христиан и давних друзей римлян».
- <sup>53</sup> *Malalas*. 427 f.; *Theophanes*. a. m. 6020 (P. 174 f., de Boor); *Procopius*. BG. VI. 14. 33 sq.
- <sup>54</sup> *Malalas*. 431 f.; *Theophanes*. a. m. 6020 (p. 175 f.). См. также: *Malalas*. P. 438.
- <sup>55</sup> *Ioannes Ephessus*. IV. 6., пер. Payne Smith.
- <sup>56</sup> *Idem*. I. 49.
- <sup>57</sup> *Idem*. IV. 8.
- <sup>58</sup> *Zacharias Mitylenes*. P. 329, 330. Он написал эту часть своей работы (XII. 7) в 555 году (ср. *Hamilton* и *Brooks*. Предисловие к переводу. С. 5) и датирует визит Кардудсата к гуннам временем «около двадцати лет назад или больше», т. е. 535 годом или немного раньше.
- <sup>59</sup> *Procopius*. BG. VIII. 19. 3.
- <sup>60</sup> *Tacitus*. G. XXIII, перевод *Anderson*; ср. *Seneca*. Ep. LXXXIII. 22. Cologne: *Tacitus*. H. IV. 79. Не будет тратой времени заглянуть в книгу: *Grenfell Price A*. *White Settlers and Native Peoples*. Melbourne, 1950. Index, s. v «Liquor».
- <sup>61</sup> *De Helia et icunio*. LIV.
- <sup>62</sup> *De Tobia*. XV. 51. Анализ торговли между завоевателями и римлянами, особенно работорговли, см.: *Florilegium*. II (1980). P. 71–88.
- <sup>63</sup> *Cod. Justin*. IV. 63. 2: «non solum aurum barbaris minime praebeatur, sed etiam si apud eos inventum fuerit, subtili auferatur ingenio» [*лат.* пусть золото не только доставляется варварам как можно меньше, но даже, если оно будет у них обнаружено, пусть будет изъято с помощью тонкой уловки].
- <sup>64</sup> *Hanson R. P. C*. The Date of St. Patrick // *Bulletin of the John Rylands Library*. LXI (1978). P. 60–77. Согласно Просперу (прим. 75), Палладий был первым епископом, посланным к шотландцам.
- <sup>65</sup> См.: *Ebbo*. Vita Ottonis ep. Babenbergensis. II. 2 (MGH Scriptores. XII).
- <sup>66</sup> *Patrick*. Conf. 51 sq.
- <sup>67</sup> *Ibid*. 53, где написано *indicabant*, а не *indicabant*.
- <sup>68</sup> Ep. ad Corot. Passim.
- <sup>69</sup> *Ibid*.
- <sup>70</sup> *Ibid*. 35, ср. 37.
- <sup>71</sup> *Ibid*. 48.
- <sup>72</sup> *Ibid*. 37 sq., 49–51.
- <sup>73</sup> *Ibid*., 42. Я почти уверен, что противодействие шло со стороны родителей-язычников: *Bury J. B*. The Life of St. Patrick. London, 1905. P. 172.

## ВЕЗЕГОТЫ В АКВИТАНИИ: ПОЧЕМУ?

- <sup>1</sup> The Merovingian Archaeology of South-West Gaul. BAR Supplementary Series 25 (I). 1977. P. 6.
- <sup>2</sup> *Salvian*. De Gub. Dei. IV. 67, 81; VII. 64.
- <sup>3</sup> *Greg. Tur*. HF. II. 18.
- <sup>4</sup> *Sidonius*. Ep. VIII. 6. 13 sqq. Я позаимствовал дату «478 год» у *Stroheker K*. Der senatorische Adel im Spätantiken Gallien. Tübingen, 1948. S. 194. N 253.
- <sup>5</sup> *Sidonius*. Ep. VIII. 9. 5, строка 21 и след.
- <sup>6</sup> *Wallace-Hadrill*. Kings. P. 29.
- <sup>7</sup> The Roman Forts of the Saxon Shore. London, 1976. Эта книга была подвергнута критике, см: *Bartholomew Ph*. // *Britannia*. X. 1979. P. 367–370. Но эта критика не относится к обсуждаемым здесь вопросам.

<sup>8</sup> *Johnson*. P. 92 f. О различных версиях относительно Гаронны см.: *White D. A. Litus Saxonicum*. Madison, Wisconsin, 1961. P. 59. В обоих этих отрывках излагается ничем не подтвержденная теория, что *Blabia* – это *Blaye* в устье Гаронны. Как указывает *White*, первое отождествление зависит от изменения *Carronensium* на *Garonensium* в Not. Dign. 37. 15 fin. Он также замечает, что *Blabia* может быть также *Blavet* в Бретани.

<sup>9</sup> *Wallace-Hadrill*. Loc. cit.

<sup>10</sup> Another Look at the Barbarian Settlement in Southern Gaul // *Traditio*. XXV (1969). P. 354–358.

# СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

## I. ДРЕВНИЕ АВТОРЫ

- AASS** — Acta Sanctorum  
**Agathias** — *Agathias*. Histories, ed. L. Dindorf; *Historici Graeci Minores*, vol. II. (Leipzig, 1871)  
**Amm. Marc.** — *Ammianus Marcellinus*, ed. C. U. Clark. 2 vols. (Berlin, 1910, 1915).  
**Anthol. Lat.** — Anthologia Latina / Ed. A. Riese. 2 vols. (Leipzig, 1894, 1926)  
**Augustine, Ep.** — *Augustine*. Epistulae // CSEL. Vols. 34, 44, 57  
**Caesar. BG** — *Julius Caesar*. Bellum Gallicum / Ed. R. du Pontet (Oxford, 1900)  
**Cassiodorus. Var.** — *Cassiodorus*. Variae MGH (AA), vol. XII  
**Chron. Min.** — Chronica Minora, ed. T. Mommsen, MGH (AA), vols. IX, X, XII (также часто обозначаются как I, II, III). Эта работа включает в себя the Chronica Caesaraugustana (Chron. Caesaraug.), а также Chronicle of A.D. 452 (Chron. Gall, a. CCCCLII), the Chronicle of 511 (Chron. a. DXI), as well as the Fasti Vindobonenses Priores и Хроники Гидация, Исидора и Мария Авентикского.  
**CIL** — Corpus Inscriptionum Latinarum, vols. I–XVI (Berlin, 1861 ff.)  
**Claudian** — *Claudian*, Poems, ed. with transl. M. Platnauer (London, 1922)  
**Cod. Euric.** — Codicis Euriciani Fragmenta, MGH (Leges), vol. I, 1, 3–32, том, который включает также законы везеготов  
**Cod. Justin.** — Law Code of the Emperor Justinian (527–565), ed. R. Schoell and W. Kroll. 3 vols. (Berlin, 1895), including the Digest in vol. I  
**Cod. Theodos.** — Law Code of the Emperor Theodosius II published in 438, ed. Mommsen and Meyer (Berlin, 1905)  
**Coll. Avell.** — Epistulae Imperatorum Pontificum aliorum Avellana quae dicitur collectio in CSEL, vol. XXXV  
**Cons. Italica** — Consularia Italica in Chron. Min., vol. I  
**CSEL** — Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum  
**Cyril of Scythopolis** — *Cyril of Scythopolis*, ed. E. Schwartz (Leipzig, 1939)  
**Dio Cassius** — *Dio Cassius* Historia Romana, ed. U. P. Boissevain (Berlin, 1895)  
**Ennodius** — *Ennodius*, ed. G. Hartel (Vienna, 1882)  
**Eugippius. Vita Sev.** — *Eugippius*. Vita S. Severini, ed. P. Knoell, CSEL, vol. IX (Vienna, 1886); и by H. Sauppe, MGH (AA), vol. I, 1–30 (Berlin, 1879), but the best edition is that of R. Noll (Berlin, 1963) with German translation and notes  
**Eunapius** — *Eunapius*. Historical fragments, ed. L. Dindorf, Historici Graeci Minores (Leipzig, 1870)  
**Expositio** — Expositio Totius Mundi et Gentium, ed. J. Rougé (Paris, 1966)  
**FIR** — Fontes Iuris Romanae Ante-Iustinianae, ed. S. Riccobono and others, 3 vols. (Florence, 1940–1943)

- Fredegarius** — *Fredegarius*, the relevant parts of his Chronicle are ed. with transl. J. M. Wallace-Hadrill, *The Fourth Book of the Chronicle of Fredegar* (London, 1960)
- Gildas. de Excidio Britanniae** — *Gildas*. MGH (AA), vol. XIII, 15–85; also ed. H. Williams, 2 parts (London, 1899)
- Greg. Tur. HF** — *Gregory of Tours. Historia Francorum*, ed. B. Krusch and W. Levison, MGH Scr. rer. Merov., vol. I, part I (Hannover, 1951)
- Herodian, Hist.** — *Herodian. Histories*, ed. L. Mendelssohn (Leipzig, 1883)
- Hilarus (Pope Hilary). Ep.** — *Hilarus. Epistles*, ed. A. Thiel, *Epistolae Romanorum Pontificum* (Braunsberg, 1867), 127–170
- Hydatius** — *Hydatius. Chronicle*, MGH (AA), vol. XI, 13–36, and ed. A. Tranoy, *Hydace: chronique, Sources chrétiennes*, vol. 218 (Paris, 1974)
- ILS** — *Inscriptiones Latinae Selectae*, ed. H. Dessau, 3 vols. (reprinted Berlin, 1954)
- Isidore. Etym.** — *Isidore. Etymologiae*, ed. W. Lindsay (Oxford, 1911)
- Isidore. Hist. Goth., Hist. Vand., Hist. Sueb.** — *Isidore. Histories of the Goths, Vandals, Sueves*, MGH (AA), vol. XI, 267ff
- Jerome, Epp.** — *Jerome*. CSEL, vols. LIV–VI
- Jo. Biclär.** — *John of Biclärum. Chronicle*, MGH (AA), vol. XI, 211–220
- John of Antioch** — *John of Antioch*, fragments of the Histories in C. Müller, *Fragmenta Historicorum Graecorum* (FHG), vol. IV, 538ff., vol. V, 27ff.
- John of Ephesus** — *John of Ephesus*, transl. R. Payne Smith (Oxford, 1860)
- Jordanes. Get. and Rom.** — *Jordanes. Gothic and Roman History*, MGH (AA), Vol. V
- Legg Burg.** — *Leges Burgundionum*, MGH (Leges), vol. I, 2, 36ff
- Legg Visig.** — *Leges Visigothorum*, MGH (Leges), vol. I
- Libanius** — *Libanius*, ed. R. Foerster (Leipzig, 1903–1922)
- Liber Pontificalis** — *Liber Pontificalis* MGH (Gest. Pont. Rom.)
- John Malalas** — *John Malalas. Chronographia*, ed. L. Dindorf (Bonn, 1831)
- Malchus** — *Malchus*, ed. L. Dindorf, *Historici Graeci Minores*, vol. I (Leipzig, 1870)
- Marcellinus and Marcellinus Auct.** — *Marcellinus Chronicle*, MGH (AA), vol. XI, 60–104
- Marius Aventic.** — *Marius of Aventicum* (Avenches in Switzerland), *Chronicle*, MGH (AA), vol. XI, 225–239
- Merobaudes** — *Merobaudes*, ed. F. M. Clover, *Transactions of the American Philological Society*, new series, vol. 61, part I (Philadelphia, 1971)
- Notitia Dignitatum** — *Notitia Dignitatum*, ed. O. Seeck (Berlin, 1876)
- Olympiodorus of Thebes** — *Olympiodorus of Thebes*, ed. L. Dindorf. See Malchus
- Orientius** — *Orienti Commonitorium*, ed. R. Ellis, *Poetae Christiani Minores* (Vienna, 1888), 205–243. The volume also contains Paulinus of Pella, *Eucharisticon*, 289–314
- Orosius. Hist.** — *Orosius. Historia adversus Paganos*, ed. G. Zangemeister (Leipzig, 1882)
- Panegyrici Latini** — *Panegyrici Latini* ed. E. Galletier (Paris, 1949ff.)
- Patrick, Saint** — *Patrick*, ed. L. Bieler, 2 vols. (Dublin, 1952)
- Paulinus, Euch.** — см. Orientius
- Paulus Diaconus.** — *Paulus Diaconus. Historia Langobardorum*, ed. G. Waitz (Hannover, 1876)
- Hist. Langob.** — *Peter the Patrician*, ed. L. Dindorf. See Malchus
- Peter the Patrician** — *Peter the Patrician*, ed. L. Dindorf. See Malchus
- Philostorgius** — *Philostorgius. Historia Ecclesiastica*, ed. J. Bidez (Berlin, 1913)
- Priscus** — *Priscus. Fragments*, ed. L. Dindorf. See Malchus
- Procopius, BG, BP, BV, Anecd.** — *Procopius. Bellum Gothicum, Bellum Persicum, Bellum Vandalicum, Anecdota*, ed. J. Haury (Leipzig, 1905ff.)

- Prosper* — *Prosper*. Chronicle with Addilamenta, MGH (AA), vol. IX, 385ff.
- Prudentius* — *Prudentius*, ed. M. Lavarenne (Paris, 1943ff.)
- RIB** — The Roman Inscriptions of Britain, ed. R. G. Collingwood and R. P. Wright (Oxford, 1965)
- Rutilius Namatianus* — *Rutilius Namatianus*, ed. J. Vessereau and F. Préchac (Paris, 1961)
- Salvian. De. Cub. Dei* — *Salvian. De Cubernatione Dei*, MGH (AA), vol. I
- Sidonius. Carm.* — *Sidonius Apollinaris. Carmina*, ed. W. B. Anderson, 2 vols. (London, 936, 1965)
- Simplicius. Pope, Ep.* — *Simplicius*, ed. A. Thiel, *Epistulae Romanorum Pontificum* (Braunsberg, 1867)
- Socrates. Hist. Eccles.* — *Socrates. Historia Ecclesiastica*, ed. R. Hussey, 3 vols. (Oxford, 1853)
- Sozomen* — *Sozomen. Historia Ecclesiastica*, ed. J. Bidez and G. C. Hansen (Berlin, 1960)
- Strabo* — *Strabo. Geographia* (Leipzig, 1884)
- Suidas (or Suda)* — *Suidas. Lexicon*, ed. A. Adler (Leipzig, 1928)
- Synesius* — *Synesius. Letters*, ed. Migne, *Patrologia Graeca* (= PG), IXVI, 1321 ff.; other works ed. N. Terzaghi (Rome, 1944)
- Tacitus. A, G, H** — *Tacitus. Annals*, ed. C. D. Fisher (Oxford, 1906); *Germania*, ed. R. M. Ogilvie and I. Richmond (Oxford, 1967), and R. Much (Heidelberg, 1967); *Histories*, ed. C. D. Fisher (Oxford, 1910)
- Themistius* — *Themistius. Orationes*, ed. H. Schenkl, G. Downey, and A. F. Norman (Leipzig, 1956)
- Theodoret* — *Theodoret. Historia Ecclesiastica*, ed. L. Parmentier (Berlin, 1911)
- Theophanes* — *Theophanes. Chronographia*. ed. C. de Boor (Leipzig, 1883)
- Theophylactus* — *Theophylactus Simocatta. Histories*, ed. C. de Boor (Leipzig, 1887)
- Simocatta*
- Velleius Paterculus* — *Velleius Paterculus*. The relevant parts of his «History» are ed. A. J. Woodman (Cambridge, England. 1977)
- Victor Tonnennensis* — *Victor*. Chronicle, MGH (AA), vol. XI, 184–206
- Victor Vitensis* — *Victor Vitensis. Historia Persecutionis*, CSEL vol. VII (Vienna, 1881), ed. M. Petschenig
- Vitas Patrum Emeretensium** — *Vitas Patrum Emeretensium*, ed. J. N. Carvin (Washington, D.C., 1946)
- Zachariah of Mitylene** — *Zachariah of Mitylene. Chronicle*, transl. F. J. Hamilton and E. W. Brooks. (London, 1899)
- Zonaras** — *Zonaras. Epitome Historiarum*, ed. L. Dindorf (Leipzig, 1868)
- Zosimus** — *Zosimus. Histories*, ed. L. Mendelssohn (Leipzig, 1887)

## II. СОВРЕМЕННЫЕ РАБОТЫ

- Bury** — *Bury J. B. History of the Later Roman Empire*, 2 vols. (London, 1923)
- Chron. Min.** — *Chronica Minora*, ed. T. Mommsen, MGH (AA), vols. IX, XI, XII, often referred to as *Chron. Min.*, vols. I, II, III respectively
- Courtois. Byzantion** — *Christian Courtois, «Auteurs et scribes: remarques sur la chronique d'Hydace,» Byzantion. XXI (1951). P. 23–54*
- Courtois. Vandales** — *Christian Courtois. Les Vandales et l'Afrique* (Paris, 1955)
- Dahn** — *Dahn F. Die Könige der Germanen*, vol. VI (Leipzig, 1885)
- David** — *David P. Études historiques sur la Galice et le Portugal du VI<sup>e</sup> au XII<sup>e</sup> siècle* (Lisbon and Paris, 1947)
- Gibert** — *Gibert R. El reino visigodo y el particularismo español // Settimane di studio del centro italiano a Spoleto. III (1956). P. 537–583*

- Jones** --- *Jones A. H. M.* The Later Roman Empire, 284–602: A Social, Economic, and Administrative Survey, 3 vols. (Oxford, 1964)
- JRS** --- Journal of Roman Studies
- Maenchen-Helfen** --- *Otto Maenchen-Helfen J.* The World of the Huns (Los Angeles, 1973)
- Mansi** --- *Mansi J. D.* Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio (Paris, 1759–1798)
- MGH** --- Monumenta Germaniae Historica; (AA): Auctores Antiquissimi, 15 vols. (Hannover and Leipzig, 1877–1919); Reprint 1961. MGH Leges, vol. I, ed. K. Zeumer. MGH Gest. Pont. Rom.: Gesta Pontificum Romanorum, 1 vol. MGH Scr. rer. Merov.: Scriptores rerum merovingicarum, 7 vols.
- Migne. PG** --- *Migne J. P.* Patrologia Graeca, 162 volumes (Paris, 1857–1912)
- Migne. PL** --- *Migne J. P.* Patrologia Latina, 221 volumes (Paris, 1844–1864)
- Mommsen. Ges. Schr. P.-W.** --- *Mommsen T.* Gesammelte Schriften, 8 vols. (Berlin, 1905–1913)
- *Pauly and Wissowa*, Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft (Stuttgart, 1893ff.)
- Reinhart** --- *Reinhart W.* Historia general del reino hispanico de los Suevos (Madrid, 1952)
- Schäferdiek** --- *Schäferdiek K.* Die Kirche in den Reichen der Westgoten und Suewen (Berlin, 1967)
- Schmidt. Ostgermanen** --- *Schmidt L.* Geschichte der deutschen Stämme; die Ostgermanen. (München, 1941)
- Schmidt. Wandalen** --- *Schmidt L.* Geschichte der Wandalen (Munich, 1942)
- Schmidt. Westgermanen** --- *Schmidt L.* Geschichte der deutschen Stämme: die Westgermanen (rept. München, 1970)
- Seeck. Untergang** --- *Seeck O.* Geschichte des Untergangs der antiken Welt, 6 vols. (Stuttgart, 1910ff.)
- Stein** --- *Stein E.* Histoire du Bas-Empire, 2 vols. (Paris, 1949, 1959)
- Thompson. EG** --- *Thompson E. A.* The Early Germans (Oxford, 1965)
- Thompson. GS** --- *Thompson E. A.* Goths in Spain (Oxford, 1969)
- Thompson. VTU** --- *Thompson E. A.* The Visigoths in the Time of Ulfila (Oxford, 1966)
- Tranoy** --- *Tranoy A.* Hydace: chronique. Sources chrétiennes, no. 218 (Paris, 1974)
- Vives** --- *Vives J.* Inscripciones cristianas de la España romana y visigoda (Barcelona, 1942)
- Wallace-Hadrill. Barbarian West** --- *Wallace-Hadrill J. M.* The Barbarian West, 400–1000 (London, 1967)
- Wallace-Hadrill. Kings** --- *Wallace-Hadrill J. M.* The Long-Haired Kings (London, 1962)

## КАРТЫ

Западные провинции Римской империи .....	8
Галлия .....	24
Европа около 526 года н. э. ....	56
Италия около 600 года н. э. ....	71
Норик .....	102
Испания .....	123

# АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

## А

- абасги 268  
Абидос 10  
авары 13, 15  
Август 11, 43, 92, 209  
Августин, св. 17, 122, 130, 162, 251  
Авит 146, 147, 168, 249  
Авит из Браги 24, 53, 126, 131, 133, 162, 168, 253  
Авит, имп. 126, 146, 147  
Авициан 110  
Аврелий Виктор 198  
Австрия 137, 153, 185  
Агамемнон 99, 214  
Агафий 230  
Агенарих 209  
Агерухия 137  
Агила 152, 184  
Агрестий 174, 175  
Агривульф 151, 152  
Агриппин Галл 205  
Адаманций 211  
Адрианополь 20, 36–38, 43, 46, 212, 244  
Адриатика 79  
Азем 215  
Аноульф 258  
Аква Флавия 125, 150, 153, 154, 164, 179  
Аквитания I 143  
Аквитания II 23, 25–31, 34, 36, 47–53, 58, 107, 138, 225, 226, 228, 229, 231, 237, 238, 262  
аламанны 29, 32, 33, 35, 114, 116–118, 120, 209, 211, 213, 214, 226, 228, 251, 254, 267  
аланы 7, 20, 25, 27, 30–32, 34, 35, 51, 52, 117, 131, 137, 140, 141, 143, 145, 147, 161, 168, 196, 228, 229, 232, 234, 254, 255  
Аларих 26, 41–45, 150  
Аларих II 172, 193, 198, 235, 236  
Албания 219  
Александр Логофет 90  
Александрия 124, 132, 218  
Алигерн 99  
Аликанте 157, 164  
Алипия 200  
алодеи 219  
Альпы 20, 24, 25, 34, 39, 234, 254  
Амаларих 258  
Амаласунта 68, 85, 86–88, 94, 211, 247  
Аманд 199  
Амвросий Аврелиан 57, 190, 215  
Амвросий, св. 221, 224  
Аммиан Марцеллин 25, 37, 38, 214, 232, 267  
Аморсес 217, 218  
Анаольс 51, 128, 149  
Анастасий 66–67, 70, 211  
Англия 163, 189–191  
англосаксы 216  
Андевот 156, 157, 164, 194, 196, 197, 260  
Анжер 227  
Анио 70, 241  
Анкона 79, 243  
Антемий 132, 158, 170, 171, 200  
Антиох 92  
Антиохия 124, 133, 253  
Антонин Меридский 174, 175  
Апеннинские горы 80, 135  
Апулия 94  
арабы 218, 262  
Аравия 132  
Арацелла 165  
Арборий 158, 192  
Арванд 188  
Ардавур 202, 203  
Ардарих 64  
Арзугис 17  
ариане 92, 113, 115, 174, 181–183, 208, 216, 218, 245, 251  
арианство 113–115, 174, 183, 187, 188, 192, 195, 198, 216, 218  
Аригерн 67  
Аримин 80  
Аркадий 204  
Аркадиополь 21  
Арль 26, 32, 51, 52, 128, 149, 170, 171



Арльсхайм 34  
Арминий 210  
Арморика 30, 31, 33, 35, 49, 51, 112, 182, 237  
арморики 30, 48, 199, 225, 234  
армянин 219  
Артаксат 17, 18  
асдинги, астиги 138, 140, 141, 143, 173, 229, 255  
Асканий 154, 164, 175, 176, 177, 188, 263  
Асклепиад 14  
Асклепиодот 92  
Аспар 199–203  
Аспебет 217  
Ассизи 211, 245  
Астерий 155  
Асторга 125, 126, 128, 142, 144, 147, 153,  
154, 161, 169, 174, 175, 179, 185, 192, 253,  
255, 259  
Астурий 155, 156, 165, 166  
Астурис 104–106, 116, 120, 121, 144, 249  
Астурия 237  
Аталарих 68, 85, 86, 93  
Атанагильд 181, 184  
Атанарих 9, 20, 26, 39, 44, 46, 47, 67  
Атаульф 26, 38, 39, 42–48, 50, 52, 53, 141,  
210, 211, 214, 236  
Атлантика 134  
Атгал 42  
Аттила 13, 18, 19, 21, 51, 55, 56, 82, 83, 102–  
104, 112, 128, 133, 135, 136, 168, 231, 238,  
248, 267  
атуатуки 11, 12  
Аугсбург 15  
Ауксима (Осимо) 89, 91, 95, 245  
Аунона 159, 255  
Афины 185  
Африка 10, 17, 21, 22, 26, 45, 59, 72, 92, 127,  
130, 131, 135, 139, 143, 145, 148, 149, 155,  
157, 163, 164, 187, 200, 208, 240, 246  
Ахеронтия 80  
Ахилл 99, 214  
Аэций 23, 24–29, 31, 33–36, 48–51, 53, 60,  
64, 107, 108, 112, 125, 127, 128, 136, 144,  
146, 148, 149, 161, 190, 232, 252, 253  
Аэций, военачальник 136  
Аякс 192, 195, 216

## **Б**

багауды 30, 31, 33–35, 50, 52, 53, 129, 135,  
165–168, 177, 189, 197–199, 228, 234,  
237, 261  
Базель 32  
Балеарские острова 131, 145  
Балконий 131

Барбария 58  
Барселона 26, 44, 176, 177, 263  
баски 128, 129, 135, 147, 160, 163, 171, 173,  
199, 262  
Бат 182  
Батавис 105, 109, 114, 116–118, 120, 249, 251  
батавы 10, 12, 236  
Беда 151, 191  
Безансон 32  
Беллинзон 32  
Беневент 76–78  
Бесса 211  
Бетика 30, 127, 140, 141, 145, 147, 156, 157,  
163, 165–170, 172, 173, 180, 184, 185, 193,  
196, 260  
Бигилан 267  
Бизие 21  
Бильбао 163  
Бискайский залив 129  
Богемия 16  
Бойотро 110, 114  
Болия 22, 57, 150  
Болонья 91  
Болсена 245  
Бонифаций 128  
Бонос 119  
Бордо 44, 227  
Боспор 218  
Бостра 17  
Босфор 15  
Бозий 96, 97  
Брага 124–126, 131, 140–144, 147, 151, 153,  
155, 162, 174, 175, 178, 179, 181, 183, 186,  
190, 252, 256  
Бракара Аугуста см. Брага  
Браулио 155, 252  
Брахила 64  
Бреннер 15  
Бретань 182, 269  
Бривиеска 159, 160  
Британия 10, 14, 20, 21, 48, 101, 108, 112,  
120, 122, 123, 137, 162, 163, 182, 189, 190,  
192, 193, 199, 215, 222, 227, 264  
британцы 182  
Бриттония 179, 182  
бриттоны 182, 190, 191, 193, 199, 221, 222  
Брут 64  
Бруттий 75, 94, 247  
буры 15  
Бургос 24, 159  
Бургундское королевство 128  
бургунды 24–26, 28, 29, 32, 33, 35, 48, 49,  
50, 82, 107, 128, 137, 138, 147, 187, 207,  
226, 232, 234, 238, 254, 256

Бурдунел 172, 263  
 Бусас 11  
 Буста Галлорум 80, 83, 91, 99, 244  
 буцинобанты 213, 214

## В

Вадомарий 214, 267  
 Валамер 22  
 Валанс 33–35  
 Валахия 25, 55  
 Валент 17, 19, 25, 37–39, 210, 214, 233  
 Валентин, еп. 97  
 Валентиниан I 24, 111, 213, 214  
 Валентиниан III 59, 129, 130, 146, 194, 197, 265  
 Валерий Флор 70  
 Валенсия 25, 232  
 Валериан 243  
 Валия, Гот 26, 30, 41, 45, 46, 50, 131, 139, 141, 145, 231  
 валлиец 191  
 вандалы 20, 21, 30, 50, 72, 82, 117, 130–132, 135, 137, 139, 142, 143, 146, 148, 154, 155, 161, 163, 165, 168, 177, 178, 181, 187, 194, 196, 200–203, 206, 207, 229, 245, 246, 251–256, 257, 259, 261  
 вандалы-асдинги 140, 145, 154, 156, 228, 229  
 вандалы-силинги 30, 140, 141, 143, 145, 147, 168, 228, 229  
 Вандея 228  
 Вардуллия 163  
 Вардулла 14, 163  
 Варега, Варейя 159  
 варны 151, 152  
 Василий 62, 66, 167, 177, 197, 198, 199, 237  
 Василиск 133, 201  
 Вахо Ломбард 137  
 везеготы 7, 16, 17, 20, 23, 24, 26, 29–31, 33–37, 40–48, 50–54, 107, 117, 122, 127, 128, 137–139, 141, 143, 145, 147–151, 153, 155, 158, 161, 167–169, 171, 178, 181, 184, 185, 191, 193, 197, 198, 212, 215, 216, 225, 226, 228, 229, 233–237, 260, 262, 267  
 Велейя 259  
 Велizarий 10, 68, 70–74, 77, 81, 82, 87, 89–94, 98, 99, 107, 215, 230, 241–243, 245–247, 255  
 Вена 101  
 Венецианская область 87  
 Веремунд 181, 182  
 Верона 42, 87, 90, 94  
 Веруламнум 192  
 Верцингеториг 81  
 Вигилий, папа 97, 183, 184  
 византийцы 71, 72, 75–78, 80, 82, 85, 86, 88–95, 97–99, 184, 218, 243, 244  
 Византия 77, 81, 83, 86, 88, 92, 97, 98, 132, 184, 248  
 Визеу 178  
 Виктор Тонноненский 201, 240, 249  
 Виминациум 267  
 Винделиция 34  
 Винцент Мученик, св. 194, 197, 251  
 Винцентий 134, 158, 171  
 Виргилий 53  
 Вировеска 159  
 Вит 156, 157, 165, 166, 168  
 Виттиг 68, 70, 74–77, 82, 86–88, 90, 93, 96–98, 242, 245  
 Вифлеем 124, 125  
 Вормс 27, 128  
 Вортигерн 185  
 Вьен 32

## Г

Гаата 235  
 Гайна 39, 40, 41, 235  
 галат 192  
 галисийцы 127, 161, 162, 192, 196, 252  
 Галисия 123–125, 127–129, 140–142, 147, 148, 150, 151, 153, 155, 157–160, 163, 164, 168, 169, 174–176, 178, 183–187, 189, 191–193, 197, 200, 255–259, 265  
 Галлия 11, 12, 20, 22–25, 27–30, 33, 44, 47, 49, 51–53, 58, 59, 107, 125, 127–130, 132, 133, 137, 139, 141, 151, 153, 155, 156, 158, 165–167, 169, 171, 174, 182, 184, 185, 187, 188, 199, 209, 210, 222, 227, 228, 231, 234, 238, 253, 255  
 галлы 8, 177, 186, 192, 230  
 Гаронна 23, 29, 30, 47, 48, 227, 228, 269  
 Гаутерит 170, 171, 262  
 Гвадалахара 24  
 Гвадалквивир 156  
 Гезон 246  
 Гейзерих 59, 65, 130, 143, 146, 149, 194, 195, 203  
 Гектор 99  
 Геласий 58  
 Гелимер 245, 246  
 Геллеспонт 15  
 Гельдефред 171  
 Генто 194, 197, 211  
 гепиды 21, 22, 218, 254  
 Геремитерий 258  
 Геркулесовые Столбы 145  
 Герман 132  
 Герман Оксерский, св. 32, 120, 162, 190

Германия 24, 27, 29, 30, 35, 209  
германцы 7–12, 16, 27, 58, 64, 82, 153, 154,  
191, 209, 216, 220, 221, 256, 258  
Гермерих 138, 148–152, 161, 162, 181, 186,  
196, 258  
Гермион 72  
гермундуры 15, 16  
герулы 58, 66, 116, 119, 120, 143, 161, 163,  
218, 239, 246, 254  
Гиббон 85  
Гибралтарский пролив 21, 163, 257  
Гибульд 114, 251  
Гидаций 122, 124–140, 145, 147–155, 161,  
162, 164, 165, 168–170, 173–175, 178,  
179, 181, 185–189, 192, 194–205, 236,  
251, 252, 254, 255, 257, 258, 261, 262  
Гизо 109, 111, 114  
Гильдас 101, 108, 189–191  
Гильдуарен 263  
Гинсо де Лимиа 124  
Гиппо Региус 143  
Гиспал 253  
Гоар 25, 31, 33, 34, 245  
Годидискл 211  
Гомер 125  
гомериты 218  
Гонорий 29, 138, 161, 204, 255  
Гордас *см.* Грод  
Гортарий 173, 179, 181, 187, 191, 198  
Готия 25, 41, 216  
готы 17, 53, 67, 68, 70, 71, 73, 76, 80–82, 84–  
100, 113, 147, 151, 152, 155, 158, 168, 170,  
179, 181, 187, 193, 201, 206, 211, 213, 215,  
216, 228–232, 238, 242–248, 252, 261,  
262, 266  
Гоцегизел 255  
Градо 144  
Гран 17  
Граннона 227  
греки 10, 124  
Грет 218  
Григорий Великий 207  
Григорий Турский 124, 125, 155, 184, 207, 259  
Грод 218  
Гуадиана 169  
Гундиок 147, 232  
Гундобад 25, 28, 60  
Гундомад 214  
Гунерих 194, 197  
гунны 7, 14, 18–22, 26–29, 33, 36, 39, 41, 50,  
51, 55, 57, 83, 84, 90, 113, 120, 128, 136,  
168, 199, 215–220, 227, 238, 248, 268  
Гуноульф 57  
Гунумунд 116, 251

## Д

даки 11  
Дакия 16, 21  
Далмация 57, 69, 78, 86, 89, 150, 242, 246  
Даниил Стилит, св. 202  
Дания 143, 163  
Дара 17  
Дерем 182  
Децебал 11  
Диктиний 206  
Диоклетян 17  
Диррахий 211  
Домициан 11  
Дон 27  
Дордонь 227  
Дромо 242  
Дунай 9, 13, 15–17, 19–22, 25, 31, 32, 36, 37,  
39, 41, 45, 55, 57, 101, 109, 111–113, 116–  
119, 136, 137, 143, 150, 154, 178, 185,  
214–217, 248  
Дуэро 147, 153, 178–181, 259

## Е

Евгений 37  
Евдоксия 130  
Евнапий 235  
евреи 92  
Еврих 36, 53, 65, 158–160, 169–172, 180, 181,  
188, 193, 198, 210, 234, 238  
Европа 19, 20, 40, 55, 57, 70, 107, 125, 144,  
175, 185  
Евтихий 129  
Евтропий 235  
Евфроний из Аутуна 126  
Египет 40, 125, 213, 218  
Екиджи 173  
Епифаний 174, 175  
Ефимий 217

## Ж

Женева 32, 34, 134  
Женевское озеро 24, 32, 48

## З

Захарий Метиленский 202, 220  
Зенон 134, 169, 180, 264  
Зинон 22, 59–63, 68, 96, 171, 239, 240  
Зосим 112, 157, 199, 215

## И

- Иберийский полуостров 21, 123, 128, 138, 141–148, 154, 157, 166, 173, 177  
 Игита 178  
 Идано 178, 179, 263, 265  
 Иероним, св. 124–126, 131, 137, 252  
 Иерусалим 124, 131, 132, 137, 185  
 Изер 33  
 Иларий, папа 158–160, 176, 177, 263  
 Иллирикум 57, 212, 215  
 Ильдибад 68, 241  
 Ингенуус 44  
 Ингомар 143  
 Индия 10, 13  
 Иннокентий 261  
 Иоанн Антиохийский 50, 65, 234, 239, 240  
 Иоанн Бикларский 198, 207  
 Иоанн Иерусалимский 131, 132  
 Иоанн Малала 201–203, 240  
 Иоанн Хризостом 216  
 Иовиако 116, 120  
 Иордан 146, 150–152, 154, 171, 201, 202, 207, 208, 231, 243, 251  
 Иотабе 217  
 Иринея 176, 177, 263  
 Ирия 179  
 Ирландия 134, 216, 222, 223  
 ирландцы 132, 191, 223, 264  
 Иродиан 246  
 исаврийцы 91  
 Исаврия 41, 124, 125  
 Исдегерд 217  
 Исидор Севильский, св. 105, 142, 153, 155, 156, 167, 170, 171, 178, 181, 182, 194–197, 198, 207, 238, 252, 265  
 Испания 14, 21–23, 26, 29, 30, 31, 36, 45, 48, 53, 62, 67, 122, 123, 128, 129, 131–148, 151, 154–158, 160–173, 179–182, 185–193, 195–198, 215, 216, 228, 229, 233, 236, 237, 253–255, 260, 261, 264  
 испанцы 128, 132, 164  
 италийцы 63, 66, 68, 84, 85, 95–97, 99, 186, 244, 245  
 Италия 22, 29, 32, 34, 36, 55, 57–58, 60–64, 66–68, 74, 77, 81–121, 127, 129, 130, 133, 135–137, 156, 160, 165, 171, 177, 179, 183, 185, 199, 200, 207, 208, 211, 233, 234, 237, 241, 242, 248

## Й

- Йоркширские пустоши 190

## К

- Кавказ 132  
 Калабрия 94  
 Калатура 260  
 Калахорра 159, 160, 176  
 Каллиника 17, 18  
 Кампания 58, 91, 243  
 Кампус Парамус 147, 148, 151, 168, 252  
 Кандид 201  
 Кандидиан 44  
 Кантабр 179, 192, 263  
 Кантабрия 153, 163  
 Каракалла 13, 14  
 Каратак 81  
 Кардугсат 219, 220, 268  
 Картагена 129, 135, 145, 155, 157, 158, 166, 184  
 Картагенская провинция 140, 145, 146, 156, 160, 165, 167, 173, 190, 193, 260  
 Карфаген 72, 130, 203, 246  
 Касерес *см.* Норба Карсарина  
 Каскантум 159  
 Кассиодор 67, 86, 201–203, 240  
 Кассий 64  
 Кастин 141, 156, 168, 259  
 Кастор-бай-Норвич 192  
 Каталаунские поля 51, 126, 168  
 Каталауд 33  
 Каука *см.* Кока  
 квады 16, 136, 137, 254  
 Квинтана 251  
 Квинтанис 116, 120  
 Кедвалла 151  
 Кельн 8, 16, 221  
 Кельтиберия 153  
 кельты 80  
 кембрийцы 191  
 Кенвал 151  
 Кесария 124  
 кимвры 11, 255  
 Кипр 124  
 Киприан 207  
 Кирилл Александрийский 126, 129, 132  
 Клавдиан 233, 235, 236  
 кланы шотландские 11  
 Клементий 247  
 Кловис 23, 188  
 Клузий 87  
 Коалла 144  
 Коимбра 153, 154, 178, 179, 189, 190, 192, 259  
 Кока (Каука) 91, 161, 260  
 Коммагенис 104, 106–108, 116, 119, 120, 249  
 Коммерциум 17

Коммод 15  
 Коннот 224  
 Константин III 144, 256  
 Константин VII 235, 239  
 Константин Великий 13, 92, 213, 216, 224, 256  
 Константинополь 9, 15, 18, 21, 39–41, 55, 60, 63, 71, 72, 82, 86, 87, 127, 131, 132, 134, 135, 202, 211, 214, 216, 218, 220, 239  
 Констанций *см.* Томи 23, 26–29, 30, 31, 36, 44, 45, 47–50, 107, 227–229, 231  
 Констанское озеро 32  
 Кордова 152, 173  
 корнуэльцы 191  
 Коротик 222, 223  
 Корсика 78, 80, 83  
 Корфу 78, 79  
 Кот-д'Ор 25  
 Красное море 15, 217  
 Кротон 80  
 Крым 14, 218  
 Кукуллис 115  
 Кумы 96, 100  
 Куэва де Чапипи 144

## Л

Ла-Манш 20  
 лазы 132, 135, 253  
 Лактарий 69, 99  
 Ламега 263  
 Ламекум 265  
 Лангр 32  
 Лауриакум 106, 116–120  
 Лев I Великий, папа 18, 125, 130, 135, 174, 175, 184, 253  
 Лев I, император 18, 129, 132, 133, 171, 200–202, 217, 218  
 Лев, еп. 166, 198  
 Леовигильд 152, 153, 155, 198, 237, 256  
 Леон 128, 159, 160, 259  
 Лерида 146, 154, 167, 168  
 Либурния 89  
 Ливий Север 53, 129  
 Ливила 65  
 Ливия 246  
 Лигурия 87  
 Лион 32, 144, 186, 226  
 Лиссабон 150, 154, 169, 178, 179, 186, 188, 190, 192  
 Литорий 23, 50, 51, 232  
 Лихнид 212  
 Логроньо 159

ломбарды 119, 137, 218, 236, 237  
 Ломега 178  
 Лонгин 219  
 Лондикум *см.* Лондон  
 Лондон 185  
 Луара 22, 23, 29, 31, 47, 53, 228, 229  
 Лугдунская II, провинция 24, 143  
 Луго 142, 144, 152, 153, 154, 158, 159, 161, 163, 174, 175, 179, 185, 192, 255  
 Лузитания 30, 140, 141, 146, 148–151, 164, 165, 167, 169, 170, 172, 174, 175, 178, 179, 180, 255  
 Лукания 75, 94, 95, 247  
 Лукреций 183  
 Лукулл 58  
 Лусидий 154, 164, 186, 188, 190, 259, 264

## М

Маас 12  
 Мавритания 145  
 мавры 72, 91, 168, 245  
 Мадрид 24  
 Майн 17, 213  
 Майнц 20  
 Майориан 103, 127, 135, 146, 156–158, 164, 195, 205, 250  
 Макриан 214  
 Максим 138, 183  
 Максим Великий 235  
 Максимиан 131  
 Малага 135, 166, 184  
 Малая Азия 40  
 Малдрас 149, 150, 154, 186, 194–196, 252, 258  
 Мамертин 104, 109  
 манихеи 125, 128, 162, 174, 175, 183, 188  
 манихейство 128, 175, 183, 253  
 Мансуэт 157  
 Маон 131  
 Мария, св. 177  
 Марк Аврелий 11, 16  
 Маркиан 14, 18, 21, 22, 132, 133, 136, 253  
 маркоманны 16  
 Марсель 170, 171, 227  
 Мартин из Браги, св. 129, 181  
 Марцеллин Комит 127, 130, 201, 202, 240  
 Масдрас *см.* Малдрас  
 Массилия 150, 195  
 Матасунта 88  
 Медерих 209  
 Мёзия 28, 37, 40, 215  
 Мелеций 261  
 Менорка 131, 162

Мерида 134, 145, 146, 148, 149, 154, 155,  
165, 169, 170, 173, 179, 180, 263  
Меробауд 127, 156, 165, 166, 237  
Мертола 154  
Месета 262  
Месопотамия 214  
Мессинский пролив 78, 86  
Милан 77, 82, 83, 94, 96, 97, 221  
мирмидоны 214  
Модарес 39  
Мозель 210  
Мондоньедо 182  
монофизиты 218  
Мугель 218  
Мундерих 39  
Мур 185  
мусульмане 53  
Муцелла 75

## Н

набатеи 219  
Наисс 55  
Наколейя 235  
Нарбонна 43, 44, 48, 53, 233  
Нарбоннская Галлия 26  
Нарбонна I 23, 26, 53  
Нарзес 81, 91, 243  
Нарний 94  
Нахера 159  
Неаполь 58, 77, 78, 86, 92, 93, 97, 243, 247  
Недао 103, 104, 120, 249  
Непотиап 158, 192  
Нервасийские горы 141, 148, 155–156, 258  
Несторий 131, 132  
Никея 87, 214  
Нисибис 15, 17, 18  
нобады 219  
Новемпопулана 23  
Норба Карсарина 258  
Норик 3, 21, 22, 34, 57, 101, 102, 105, 111–  
113, 116–119, 120, 128, 185, 215, 249, 251  
Норик Прибрежный 64, 101, 106, 107, 112,  
116, 119, 121, 161, 250  
Норик Средиземноморский 105, 112, 117,  
120  
Нортумберланд 14  
Нундинарий 176, 177, 263  
Нью-Форест 190

## О

Обриго 148  
Овьедо 144

Одоакр 22, 55, 57–69, 88, 96, 105, 110, 111,  
238, 240  
Оксерр 32, 120, 162  
Олд Сарум 182  
Оливе 238  
Олимпиодор 255  
Олисиппо 178  
Онегесий 13  
Опорто 147, 151, 179, 257  
Орбиго (Урбико) 147  
Оренсе 124, 154, 179, 255  
Орест 55–60, 63–65, 111, 239  
Ориентий 23, 162, 237  
Орлеан 25, 33, 51, 53, 238  
Орозий 131, 133, 139–141, 155, 162–164,  
236, 254–256, 260  
Оронций 178  
Оспинио 154, 164, 188  
Острис 22  
остроготы 7, 21, 22, 66, 69, 71, 75, 76, 78,  
82, 83, 88, 97–99, 105, 112, 114, 119, 120,  
137, 191, 211, 212, 214, 236, 239, 248, 249  
Отриколь 126  
Ош 162

## П

Павия 57, 87, 90  
Паленсия 23, 24, 30, 126, 154, 161, 260  
Палестина 124  
Палладий 216, 268  
Палладий Цезарь 128, 265  
Палогорий 264  
Пальмира 17  
Памплона 158, 170, 171, 262  
Паннония 16, 17, 22, 55, 57, 105, 112, 119,  
248–250  
Паннония I 106  
Париж 185  
Пассау 101, 121, 249  
Пастор 92, 174  
Пасцентий 128, 175, 253  
Патрик, св. 101, 132, 220–224  
Патриций Азций 146  
Паулин из Нолы 251  
Первинок 128, 134, 175  
Персия 11, 13, 15, 17, 68, 202, 203, 214, 217,  
218, 230  
персы 11, 13, 202, 214, 217, 230, 236, 243,  
245, 246  
Перуджа 76  
Перузия 91  
Петр см. Аспебет  
Петр, рим. тиран 172

Петр, св. 176  
 Петра, г. 76, 218  
 Петроний Максим 128, 146, 265  
 Пизаурум 77  
 Пиренеи 21, 23, 122, 128, 137, 145, 146, 156–158, 161, 162, 171, 186, 228, 254  
 Питца 89  
 Пицен 84, 95  
 Платон 86, 88  
 Плацентия 77  
 Пластидия 26, 44, 45, 236, 265  
 Плиний Старший 144  
 По 29, 74, 84  
 Порта 75, 97  
 Португалия 124, 142  
 Прайлий 131  
 Примений 64, 111  
 Приск Панийский 112, 201, 216, 253  
 Присциллиан 206  
 присциллиане 174, 175, 183  
 присциллианство 125, 129, 174, 175, 251  
 Прокл 131  
 Прокопий 10, 15, 64, 68–70, 72–74, 79–83, 88–90, 92–96, 98, 99, 119, 200, 201, 203, 214, 218, 219, 236, 240–243, 255  
 Прокула 120  
 Промот 112  
 Проспер Аквитанский 103, 129, 268  
 Профугур 183, 184  
 Пруденций 155, 160  
 Пульхерия 133

**Р**

Равенна 42, 56, 62, 64, 65, 70, 74, 80, 89, 93, 97, 98, 109, 128, 148, 185, 205, 242  
 Рагнар 245  
 Райхенштейн 34  
 Регенсбург 15  
 Регий 86, 94  
 Рейн 8–11, 16, 20, 22, 29, 32, 111, 117, 136, 143, 178, 209, 213, 214, 226, 229, 254  
 Рейнская область 185  
 Рекиmund 91  
 Рекополис 153  
 Рем 77  
 Ремисмунд 151, 153, 169, 188, 195, 196, 258, 264  
 Рехиарий 146–150, 153, 154, 161, 166–168, 175, 181, 186, 188, 189, 195, 197, 257, 258  
 Рехила 148, 154, 161, 164, 181, 185, 186, 195, 196  
 Рехимунд 150–152, 255, 258  
 Рецесвинт 178

Реция 15  
 Рикимер 60, 64, 153, 195, 200  
 Рим 10, 11, 13, 20, 21, 27, 36, 37, 41, 43, 45–47, 49–52, 54, 62, 65, 67, 69, 70–73, 75–80, 87, 89, 91, 93, 96–109, 127, 128, 130, 134, 139, 140, 144, 146, 157, 163, 168, 171, 172, 174, 176, 177, 180, 183, 188, 193, 195, 200, 205, 214, 215, 225, 227, 228, 234, 237, 238, 242, 253, 257  
 Римини 75, 94  
 Римисмунд *см.* Ремисмунд  
 роксоланы 16  
 Романия 44  
 Ромул 77  
 Ромул Августул 53, 55, 58, 60, 64, 65, 69, 105  
 Рона 24, 29, 32, 34, 50, 51, 53, 226  
 Россия 14  
 руги 7, 21, 22, 63, 66, 87, 104, 105, 108–110, 112–115, 118–120, 153, 161, 162, 216, 239, 251  
 Рустициан 75, 96, 267  
 Русциана, 75  
 Рутилий Наматян 227

**С**

Сабария 104  
 Сабин 174, 263  
 сабиры 219  
 Савва, св. 46  
 Савоя 24, 27–29, 32–35, 48, 49, 58, 107, 138, 226, 232, 237  
 саксонцы 254  
 саксы 7, 29, 137, 151, 182, 189–193, 227, 228, 264  
 Саламанк 178  
 Салла 169, 170  
 Салона 75, 79, 247  
 Сальвиан 23, 27, 29, 33, 34, 143, 164, 227, 232  
 Самбида 25, 33, 34  
 Самний 84, 89  
 Саон-э-Луар 25  
 Сар 34, 42  
 Сарагоса 146, 154, 158, 167, 170–172, 176, 197, 198, 262  
 сарацины 170, 217  
 Сардиния 72, 75, 78, 80, 83  
 сарматы 17, 254  
 свевы 7, 20–22, 30, 117, 125, 126, 129, 131–133, 135, 137–162, 164–169, 173–175, 177–182, 184, 186–188, 190, 192, 193, 195, 197, 216, 236, 252, 254, 256, 257, 259, 261  
 Себастьян 128, 130, 253

Север 205  
 Северин, св. 22, 57, 101–106, 108–111, 112, 114–116, 118, 119, 161, 162, 185, 215, 248, 250, 251  
 Северн 182  
 Севилья 132–135, 145, 146, 148, 154, 155, 165, 168, 173–175, 180, 194, 197, 251, 257, 264  
 Сегерих 42, 45, 46, 50, 52, 53  
 Сегест 40, 210, 267  
 Сеговия 23, 24, 161  
 Сена 227  
 Сена Галльская (Сеногаллия) 79, 80, 85  
 Сенс 213  
 Сент-Илер 238  
 Септимий Север 11  
 Серапио 209  
 Серапис 209  
 Серонат 188  
 Сеурила *см.* Сирила  
 Сиагр 207  
 Сиагрый 174  
 Сигисмер 186  
 Сидимунд 211, 214  
 Сидоний Аполлинарий 128, 147, 185–187, 207, 227, 250  
 силинги 30, 141, 143  
 Силчестер 192  
 Сильва Кандида 97  
 Сильван 176, 177, 263  
 Сильверий, папа 93, 247  
 Симмах 62  
 Симплиций, папа 134, 180  
 Симпосий 186, 206  
 Сингиллио 156  
 Сиракузы 72, 242  
 Сирила 168, 169, 195  
 Сирия 124, 125  
 Сирмий 13  
 Сисит 245  
 Сисифрид 211, 245  
 Сицилия 69, 72, 78–80, 86, 92, 98, 130, 243  
 Скаллабис 154, 169  
 скамары 109, 111  
 Скатпис 212  
 скиры 58, 201  
 скифы 7, 216, 230  
 Склуа 179  
 Словакия 137  
 Сория 24  
 Спарта 215, 216  
 Сполето 77, 91, 94, 246  
 Средиземное море 131, 160, 257  
 Средиземноморье 73, 92, 134, 135

Стефан 92  
 Стефан Протоmученик, св. 131  
 Стилихон 42, 239  
 Страбон 134, 267  
 Сумерих *см.* Сунниерих  
 Сунниерих 158, 169, 188, 195

## Т

Тадинум 80  
 Тамега 125  
 Тарвизий 89  
 Тарент 80, 245  
 Тарракона 129, 131, 134, 135, 146, 159, 166, 168, 171, 175, 177, 178, 198, 199, 257  
 Тарраконская провинция 53, 128, 129, 134, 135, 140, 146, 147, 157, 165–167, 170–173, 176–178, 189, 190, 193, 257, 259  
 Тахо 23, 178–180  
 Тацит 149, 214, 220, 221  
 Тевтобургский лес 11  
 тевтоны 11  
 Тейя 69, 91, 99  
 Тела 65, 240  
 Темза 190, 191  
 тенктеры 16  
 Теодат 68, 69, 86–88, 93, 94, 245  
 Теодемир 181  
 Теодерих Великий Равеннский 28, 33, 59, 63–65, 66–68, 70, 74, 79, 85–86, 88, 96, 97, 179, 185, 186, 211, 235, 240, 257  
 Теодорих I 50–53, 149, 162, 167, 168, 172, 188, 237, 238  
 Теодорих II Тулузский 52, 53, 126, 142, 146–148, 151, 152, 158, 159, 167–170, 172, 186, 187, 192, 193, 210, 216, 232, 261  
 Теофил 122  
 Теренциан 134  
 Тибатто 31, 34, 234  
 Тиберий 7, 58  
 Тиберий II 13, 245  
 Тибр 241  
 Тибур 77, 82, 83,  
 Тибурния 105, 116, 117, 120, 249  
 Тигр 17  
 Тириассо 237  
 Тицинери 242  
 Толедо 23, 24, 184  
 Толедское королевство 181  
 Томы 217  
 Торисмуд 51–53, 126, 168, 169  
 Торгоса 171, 172, 262  
 Тоскана 86  
 Тотила 69, 74, 75, 77–82, 89–91, 95–98, 210,



242–244, 246, 247  
Трансильвания 25  
Траян 11, 177, 178, 214  
Трент 190  
Трибигильд 40, 41, 235  
Тригетий 147  
Трир 210  
Трисно 159  
Тритиум 159  
Тудера 87, 159  
Туй 179  
Тулуза 23, 33, 42, 45, 47, 51, 53, 146–148, 158,  
160, 167, 169, 172, 185, 186, 193, 231, 257,  
264  
Тулузское королевство 122, 171, 225, 227  
Тулуин 67  
Тур 155  
туркиллини 58  
Турониум 163  
Туррибий 125, 128, 129, 174, 175  
Туфа 65  
Туя 261  
тюринги 116, 118, 120

## У

убии 8, 9  
Украина 20, 57  
Ульфила 26, 42, 207, 224, 216  
Урайя 97  
Урбс Вьето 245

## Ф

Фавенция 75, 96  
Фавианис 57, 104–106, 109, 111, 112, 115,  
118–120, 250  
Фанус 77  
Фева (Фелефей) 111, 113, 114, 117–119  
Феликс II 134, 264  
Фемистий 232  
Феодора 219  
Феодосий 28, 37–44, 46, 47, 161, 208, 213  
Феодосий, сын Атаульфа 44  
Феотим 217  
Феофан 201, 203  
Феофил 132  
Фердерух 110, 111, 114, 115, 119, 120  
Фивы 218  
Фиделий 93  
Финикия 214  
Флавиан 126, 129, 131  
Флавий Меробауд 165  
Флавий Фравитта 39

Флаккифей 112, 114  
Флоренция 75  
Фотий 201  
Фравитта 36, 39, 40, 41, 43, 46, 210, 213  
Фракия 41, 203, 215  
Фрамтан 150, 186, 195, 258  
франки 7, 23, 29, 53, 78, 100, 147, 207, 210,  
211, 218, 227, 228, 252  
Франция 225, 227, 257  
Фредерик 51–53, 250, 261  
Фритигерн 36–39, 43, 46, 51, 52, 198, 234  
Фронто 157  
Фруктуоз, св. 155, 252  
Фрумарий 150, 151, 154, 164, 188

## Х

Хай Рочестер (Бремениум) 14  
хамавы 210, 211  
Харьетто 210, 211, 215, 266  
Хенгист 185  
Хениль (Сингиллио) 156  
Херемигарий 149, 150  
Херсонес 14  
херуски 40, 267  
Хесбей 12  
Хилперик 147  
Хильдуаренс 173  
Хорса 185  
Хризостом 216  
Хунимунд 150

## Ц

цанны 268  
Цезарь Юлиан 210, 211, 213, 214  
Цезарь Юлий 7, 8, 10–12, 18, 83  
Цезена 76  
Цензорий 252, 258  
Центумцелла 78

## Ч

Черное море 19, 132, 214, 217

## Ш

Шампанж 34  
Шаранта 227  
Шаранта Морская 228  
Швейцария 32, 35

**Э**

Эбримут 86  
Эбро 23, 30, 128, 146, 166–168, 171  
Эвгиппий 57, 101–103, 105, 106, 109–111,  
115, 116, 118–120, 161, 185, 249–251  
Эгидий 126, 155  
Эдесса 15, 215  
Эдика 55–57, 238, 239  
Экзуперанций 31  
Элиан 199  
Эллада 216  
Эль Падрон 179  
Эльба 7, 11  
Эльзас 32, 35, 226  
Эмерита 265  
Эна 25  
Эннодий 119  
Эпидамн 211, 214  
Эпир 211  
Эпифаний 263  
Эрарих 87, 113, 210, 214, 245

Эрвиг 262  
Эриульф 39, 43, 44, 46, 47, 210  
Эрманарих 20  
Эрменгон 143, 256  
Эсла 147  
Этна 72  
эфиопы 218, 219

**Ю**

Ювенал 131  
Ювенал Иерусалимский 217  
Юлиан, свящ. 218, 219  
Юлий Непот 56, 57, 60–62, 69  
Юстин 67  
Юстиниан 9, 15, 21, 34, 67, 69, 72, 74, 80–  
82, 85, 87, 88, 91, 99, 143, 184, 215, 216,  
218, 219, 242, 245–247

**Я**

язиги 16

# ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора .....	5
Об авторе этой книги .....	5

## ВВЕДЕНИЕ

I. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВОЙНА .....	7
1. Представления варваров об Империи .....	7
2. Превосходство римской военной техники .....	10
3. Ограничения торговли между римлянами и варварами .....	14
4. Основные этапы завоевания Империи .....	19

## Часть первая

### ГАЛЛИЯ

II. РАССЕЛЕНИЕ ВАРВАРОВ В ЮЖНОЙ ГАЛИИ .....	23
III. ВЕЗЕГОТЫ ОТ ФРИТИГЕРНА ДО ЕВРИХА .....	36
1. Фритигерн и Фравитга .....	36
2. От Алариха до Валии .....	41
3. Соглашение 418 года .....	47
4. От Теодориха до Евриха .....	50

## Часть вторая

### ИТАЛИЯ

IV. 476 ГОД И ПОСЛЕ НЕГО .....	55
1. Hospites «гости» в Италии .....	58
2. Зиноп и Одоакр .....	59
3. Положение Одоакра в Империи .....	65
4. Теодерих <i>rex</i> .....	66
5. Вопрос о независимости Италии .....	69
V. ЗАВОЕВАНИЕ ИТАЛИИ ВИЗАНТИЕЙ: ВОЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ..	70
1. Анализ военной тактики готов, сделанный Велизарием .....	70
2. Военная тактика Велизария .....	73

3. Военные успехи Тотилы .....	73
4. Война с Виттигом .....	75
5. Разрушение остроготами городских укреплений .....	77
6. Битва на море .....	79
7. Успехи остроготов .....	80
8. Военные загадки .....	82
<b>VI. ЗАВОЕВАНИЕ ИТАЛИИ ВИЗАНТИЙЦАМИ:</b>	
ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ .....	83
1. Готские правители ведут переговоры .....	85
2. Готы — солдаты и поселенцы .....	88
3. Перебежчики-византийцы .....	89
4. На чьей стороне было население Италии? .....	92
5. Как готы обращались с италийцами .....	95

Часть третья

**НОРИК**

<b>VII. КОНЕЦ НОРИКА</b> .....	101
1. Северин: проблема датировок .....	103
2. Падение имперской власти в V веке .....	106
3. Руги .....	112
4. Военные действия варваров .....	116
5. Св. Северин .....	120

Часть четвертая

**ИСПАНИЯ**

<b>VIII. ГИДАЦИЙ И ЗАВОЕВАНИЕ ИСПАНИИ</b> .....	122
1. Гидаций .....	124
2. Расселение свевов в Испании .....	136
<b>IX. КОРОЛЕВСТВО СВЕВОВ В ГАЛИСИИ</b> .....	145
1. Власть свевов .....	145
2. Конец римского гарнизона .....	155
3. Позиция римлян .....	160
<b>X. ГОТСКОЕ КОРОЛЕВСТВО И «ТЕМНЫЙ ВЕК» ИСПАНИИ</b> .....	167
1. Везеготское завоевание .....	167
2. Католическая церковь .....	173
3. Темный век Галисии .....	178
<b>XI. ИСПАНИЯ И БРИТАНИЯ</b> .....	185
Приложение 1. Заметки об использовании св. Исидором «Хроники» Гидация .....	194
Приложение 2. Некоторые новые исследования истории багаудов ..	198

---

Приложение 3. Гидаций, 247, и падение Аспара .....	199
Приложение 4. Моммзеновское издание «Хроники» Гидация .....	203
<b>XII. ВАРВАРЫ — ПОСОБНИКИ РИМА</b>	
<b>И ВАРВАРЫ-ХРИСТИАНЕ</b> .....	206
1. Варвары перенимают римские обычаи .....	209
2. Варвары в императорской армии .....	212
3. Обращение варваров в христианство .....	216
4. Св. Патрик .....	221
<b>ДОПОЛНЕНИЕ</b>	
Везеготы в Аквитании: почему? .....	225
Примечания .....	230
Список сокращений .....	270
Карты .....	273
Алфавитный указатель .....	274

Эдуард Артур Томпсон  
**Римляне и варвары.  
Падение Западной империи**

Ответственный редактор *О. С. Капполь*  
Редактор *М. Е. Килуновская*  
Художественный редактор *С. В. Лебединский*  
Технический редактор *О. В. Колесниченко*  
Корректоры *О. Е. Юдина, М. К. Одинокова, Е. А. Одинокова*

Сдано в набор 12.05.2002. Подписано в печать 18.11.2002.

Формат 60×90 1/16. Гарнитура Times.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 18.

Лицензия ИД № 01542 от 14 марта 2000 г.

Издательский Дом «Ювента»

СПб., Бульвар Новаторов, 94